

Ты их лепишь грубовато,
Ты их любишь маловато,
Ты сама и виновата,
А никто не виноват.

Н. Матвеева

АЛЪМАНАХ ФАНТАСТИКИ
АСТРА НОВА

An¹⁽⁰¹³⁾
2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ
«ASTRA NOVA»

Print-on-Demand

А91 **Астра Нова:** альманах фантастики. № 1(013). – СПб.:
Издательство Северо-Запад, 2020. – 308 с.

ISBN 978-5-93-835-802-7

Андроид киборгу – кукла? Если вспомнить, что куклой называют и живую грушу для отработки ударов, то почему бы и нет? Да и вообще – кукла ли для андроида, андроид ли для куклы – не так уж и важно, лишь бы големы не вмешивались.

**УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44**

© Светлана Тулина, составление, 2020
© Авторы публикуемых произведений
© Издательство «Северо-Запад», 2020

ISBN 978-5-93-835-802-7

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая **НЕ ВСЕ ТАК ПЛОХО!**

Ольга Голотвина	
Лопух и поэзия	11
	Иногда главное – найти правильные строчки и сказать их в нужную секунду
Кирилл Берендеев	
Дом игрушек	24
	Старший брат поможет – или попросит помочь маму
Сергей Резников	
ГЕНИАЛЬНЫЙ ДОБЫТЧИК ЭНЕРГИИ	32
	Металлическое тело не делает тебя человеком
Владислав Безлюдный, Тимур Алетдинов	
Крылья.....	50
	Детки могут быть не похожи на папу. Но они отомстят за него
Алекс Тойгер, Алена Голдинг	
АФРОПАНК	68
	Знаешь ли ты, с какой ты стороны экрана?
Денис Скорбилин	
Один счастливый осколок	84
	Иногда лучше быть осколком. Или облаком
Сергей Петровец	
МЕЛЮЗГА	104
	Пределы искусственны. Возможности безграничны. А Таракан один!

Часть вторая **...ИЛИ ВСЕ?**

Сергей Игнатьев	
ТОТОПКА.ТЕМР.....	111
	В эпоху перемен трудно даже плюшевому медведю.
Род Велич	
ТАЙНА УЗНИКА АХЕРОНА	118
	Спуститься в ад за любовью легче, чем ее опознать

Эдуард Шауров	
СТРАСТИ СВЯТОГО ДРОЯ.....	131
	Иисус обещает дронам любовь – но не в этом мире
Кира Эхова	
Куколка.....	143
	Просите – и дано вам будет. И не жалуйтесь потом!
Джерри	
Джордж.....	162
	Они хотят как лучше, а потом отключаются

Часть третья
**ПРОБЛЕСКОВЫЙ
ДИОД НАДЕЖДЫ**

Светлана Тулина	
Неподдающийся	164
	И тебя вылечат, не надейся!
Дмитрий Иванов	
Жуки господни	167
	Если не пользуешься космодромом сам – им воспользуются чужие
Евгения Халь, Илья Халь	
ИМИТАТОРЫ	183
	Если имитация настолько хороша – то есть ли разница?
Алексей Басов	
ПЕРЕСМЕНА	195
	Ты отвечаешь за тот автобус, который тебя приручил
Александр Карапац	
Ночная фиалка.....	199
	Это только ад для всех один. А рай у каждого свой
Андрей Зимний	
ВРЕМЯ ЛЮДЕЙ.....	207
	Высшая честь – быть полезной хозяину

Часть четвертая
**ТВЕРДАЯ
УВЕРЕННОСТЬ**

Кристиан Бэд.	
ЭКОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА	229
	Как защитить писателя от критиков, читателей, писателей, внутреннего редактора и самого себя

Марк Лисовец	
Хроники охрannого подразделения	246

Стихи Натальи Романовой

Покемон	248
Василиса	249

Часть пятая

**СМУТНЫЕ
СОМНЕНИЯ**

Генри Катнер	
Я, вампир	253
Перевод А. Бурцева	

Немертвый враждебен живому
и может лишь убивать.
Или не убивать

Часть шестая

НАНО-ДРОИДЫ

Герда Грау	
ОШИБКА ПРОФЕССОРА ГРОМОВА	271
	Создавая Электроника, профессор кое-чего все-таки не учел

Павел Подзоров	
ДЕЛА НЕБЕСНЫХ СФЕР	272
	Храни свой знак – и он будет хранить тебя!

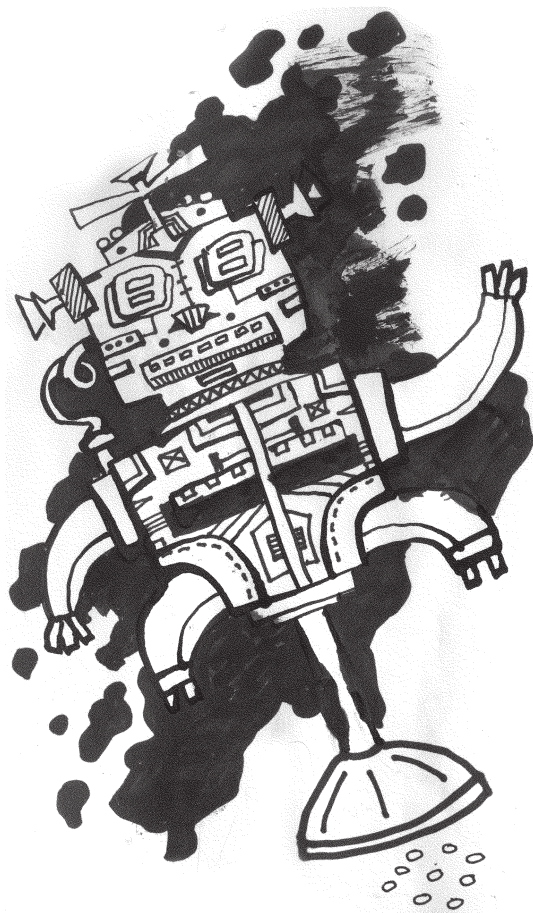
Павел Подзоров	
Гонг	273
	Не спрашивай, по ком звонит гонг на болотистой местности

Сергей Фирсов	
АРМАГЕДДОН НОВОГО ВРЕМЕНИ	276
	Попробуйте выжить, когда все так хорошо, что даже плохо!
Дневник пятиклассницы	278
	Как жить, если у тебя нет Главной Тайны?

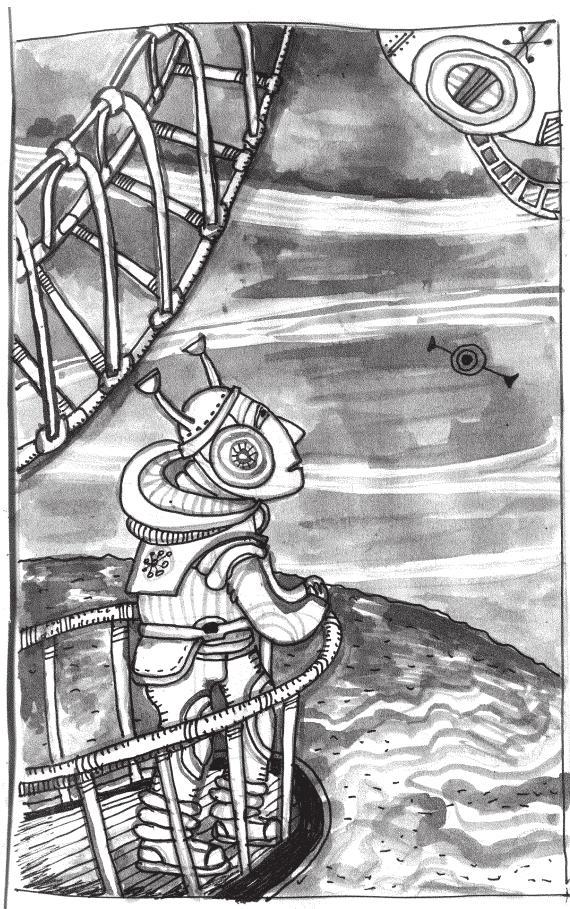
Оксана Заугольная	
САМЫЙ ЛУЧШИЙ КЛАСС	281
	Идеальный класс, мечта любой училки – если бы не один паскудник

Никита Шмитд	
Спокойной ночи	282
	Счастье есть – там где нет электричества!
Кирилл Ахундов	
ФОМА	284
	Стыдно бухгалтеру не знать цену ошибки в одну букву!
Аукцион	285
	Желания обязательно исполнятся.
	Чьи – не важно!
Павел Пименов	
Последний из спящих	287
	Главное – реализовать себя!
	Выше, ярче! До самого неба!
Максим Тихомиров	
Если враг занял дом	288
	Дом – это святое. А враг – нет.
У края бездны	289
	Те, кто остался, заплатят тем, кто ушел. Или теми.
Алексей Донской	
Вышел зайчик погулять	291
	Им было не с кем играть –
	солдаты играть не умеют
Сергей Резников	
О киборгах и жестянщиках	292
	Измениться легко –
	если есть, к кому идти
Юлия Цыбульская	
Подружки	293
	От детей надо прятать не только спички
Светлана Стругацкая	
Дорога	295
	Наши дороги – наша защита! Враг не пройдет.
Ольга Дорофеева	
БЕСПОЛЕЗНЫЕ ВЕЩИ	297
	Плохо быть маленьким. Всем плохо
Евгения Нордин	
Дети Большой Медведицы	299
	Зачем оставаться человеком, когда не обязательно?
Марьяна Олейник	
КУРЬЕР	300
	А говорили, что подарок сыночке...
Виталий Придатко	
Я вернусь	301
	Ты вернулся другим – но и вокруг все другое

Алекс Тойгер	
Пятый	303
	Как запрограммировали – так и акунется
Александр Карапац	
Же 8.....	304
	Ловкой сыграют все, а неуклюжей попробуй!
Дмитрий Сошников	
РАССКАЗЧИК	305
	Камень высасывает тепло, но ты ведь так и хотел?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НЕ ВСЕ ТАК ПЛОХО!

Ольга Голотвина

ЛОПУХ И ПОЭЗИЯ

НАВЕЯНО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ЦИКЛОМ Ольги Громыко
«КОСМОЛУХИ»

Примечание: в рассказе использованы стихи Владимира Маяковского, Константина Симонова, Редьярда Киплинга, Михаила Светлова, Самуила Маршака, Вадима Шефнера.

1. Явление Лопуха

Когда это чудо встало в дверях казармы, сержант Крутых поперхнулся глотком пива.

Да, он знал, что будет пополнение. Но чтоб в их команду сунули новобранца!

Есть люди, которые и в военной форме ухитряются выглядеть насквозь штатскими. Именно такой экземпляр стоял сейчас перед командой.

— Здравствуйте. Меня зовут Иннокентий... Савин, — сообщило чудо и захлопало по-девичьи длинными ресницами. — Меня к вам... связистом...

Сергеа заржал. Стивен присвистнул. А Жора (позывной — Бизон) сплюнул окурок и бухнул, как припечатал:

— Кешка-Лопух!

Все сразу поняли: вот оно! Теперь приклеится, не отдерешь.

Новобранец не обиделся. Даже заулыбался под общий хохот. А сержант Крутых с тоской подумал: почему именно сегодня? Это не совпадение! Это подстава их роте!

Конечно, и не из таких недотеп армия делает людей. Появись сопляк завтра — Крутых бы ему худого слова не сказал... ну, почти. Погнал бы на усиленные тренировки. К тому времени, когда роту опять pošлют в огонь, успел бы слегка натаскать щенка.

Но сегодня, сегодня...

— Вот что, Иннокентий Савин, — веско сказал сержант, — прибыл ты исключительно удачно. Днем у нас кросс и зачетные стрельбы.

За его спиной кто-то охнул: до ребят дошло.

— Время засчитывается по последнему человеку, — продолжил сержант. — А если кто-то не добежит, упадет — всей роте кросс не зачитут. Так что хромай, ковыляй, но не падай. И беги.

* * *

К удивлению сержанта, на полигоне Кеша не выглядел нелепо. Неужели в учебке ему растолковали, как грамотно распределять силы? Да быть того не может! Знает Семен Крутых эту учебку! Там новобранцам втискивают в головы азы специальности — и вышвыривают

на войну. А тут парень бежит — любо-дорого смотреть! Идет в «золотой середине», не хуже прочих, весь не выкладывается... Правильно делает: раз зачет по последнему, так чего рваться, как на чемпионате?

Надо же, пришел с запасом силы! И отстрелялся вроде бы неплохо...

Неплохо? Ха! Когда объявили результаты стрельб, вся рота разинула рты. Иннокентий Савин — на первом месте!

Сержант витиеватой матерной фразой выразил одобрителное удивление, а Лопух скромно сказал:

— Видите ли, мой папа уделял много времени физическим тренировкам. Он говорил, что это тоже важно в жизни. И ведь еще Маяковский сказал: «Твой мускул, дыхание и тело крепи для военного дела...»

Маяковского сержант проигнорировал, ибо не слышал о таком, а на прочее ответил:

— Правильный папа.

* * *

Сержант Крутых умел толково распорядиться любым добром, которое попадало в его загибающие руки. Проверил новобранца в тире — и убедился, что успех первого дня не был случайностью. У «интеллигентшишки» — прекрасный глазомер и твердая рука. А потому сержант провел интригу, какой позавидовали бы короли древности, и устроил с сержантом Губенским обмен: снайпера Стивена Крейна — на связиста Тома Уиллиса. Да еще в придачу получил ящик корма для киборгов. Просрочка, правда, но киборги всё сожрут, а снайпер Стивен плохо уживался с Жорой-Бизоном. Так и норовили друг другу в горло вцепиться, только отвернись. А теперь, раз в команде есть связист, можно натаскать новичка на снайпера. Да, в учебке парню дали другую специальность, но что они там понимают, в учебке-то?

И когда роту перебросили на планету Тайга, сержант понял, как был прав. Снайпер Савин показал себя отличным бойцом. Да, опыта не хватало, зато ни разу не трус, надежен, быстро соображает. Но позывной так и остался — Лопух. Впрочем, Кеша не обижался.

Он вообще оказался славным парнишкой, уживчивым и смирным. И рота прощала ему единственный серьезный недостаток: Кешка-Лопух любил стихи.

Любил? Это еще слабо сказано. Он жил стихами. Помнил неимоверное количество зарифмованных строк и бомбил ими всякого, кто окажется рядом. По любому случаю и без случая.

Наконец сержант отозвал его в сторонку и сказал:

— Ты, Кеша, парень хороший, поэтому тебя еще не бьют. Но у всякого терпения есть предел. Хочешь читать стихи — читай киборгам, они безответные.

Лопух не был дураком и внял мудрому совету.

Жертвой он выбрал мрачного, с острыми чертами лица киборга по кличке Второй. И никто в роте не удивлялся, видя, как в свободное время Кеша сидит на крыльце рядом с киборгом и что-то ему говорит, жестикулируя. Все знали: если подойти — услышишь что-нибудь вроде:

Не раз видав, как умирали
В боях товарищи мои,
Я утверждаю: не витали
Над ними образы ничьи...

Штурмовик Жора-Бизон в шутку уверял, что Второй еще не поломался лишь потому, что Лопух из столовой таскает для него вкусные кусочки.

Однажды Иннокентий, сияя, ответил на подначки Бизона:

— Да он же все понимает! По-моему, ему нравится Киплинг!

Бойцы подняли Кешу на смех, но сержант сказал серьезно:

— Ты думай, что ляпаешь! Да если я тебе поверю, я сразу дам нашему чучелу «черный код». Тут война, спецов-проверяющих под рукой нет, а рисковать нельзя...

Иннокентий прикусил язык и впредь не говорил подобной ерунды. Он, как и все, понимал: машине положено думать строго в рамках приказа. Если машина думает о чем-то помимо полученной команды (или в ней просыпаются псевдочувства) — это поломка. Машина становится опасна. И тогда — только «черный код», только уничтожение...

2. Лопух в дальней разведке

— Ты связист или зачем? — негромко рычал сержант Крутых. — Если не можешь дать связь с базой, то нахрен на свете живешь?

— Это не у меня, Иваныч, — устало откликнулся Том Уиллис. — Это, наверное, спутник подвел...

Сержант выдохнул ругательство.

— Ладно... хорошо еще, локалка работает. — Крутых машинально тронул маленький наушник.

Кеша Савин и медик Серега не вслушивались в эту беседу. Они наслаждались минутой отдыха. Можно было сесть на полянке, прислонившись к поваленному стволу хищной осины (она уже дохлая, не тронет!). Бластер, конечно, под рукой, но парни слегка расслабились, тем более что рядом на бревне сидит Второй. Киборг тоже отдыхал, не сняв с плеча ручной гранатомет. Но все равно ловил каждый звук леса, бластер держал наготове и готов был срезать любую тварь, которая сунется знакомиться с командой.

Кеша вытащил из рюкзака банку тушенки. Выудил почти все мясо, с сожалением взглянул на остаток, воровато оглянулся на парней (опять будут смеяться!), протянул банку Второму и еле слышно приказал:

— Ешь...

Команды, отданной шепотом, киборгу вполне хватило. Левой рукой он взял банку, вылил себе в рот сок с кусочками жира и мяса, смял банку, словно бумажную, и сунул комок в стоящий у его ног мешок Кеши. Приучен был не бросать в лесу мусор, не оставлять следов.

Сергея скосил глаза на очередное чудачество Лопуха и лениво прокомментировал:

— Теперь Второй выдержит еще поэму. Только ты уж потерпи, Кеш, до возвращения на базу, ладно?

Ответить Савин не успел: киборг поднялся с бревна и ровным голосом доложил:

— Зафиксирован живой объект. Категория — свой. Позывной — Бизон. Приближается из квадрата 14-11...

Все поднялись на ноги. Том, не удержавшись, воскликнул:

— Один!..

Никто не ответил связисту. Все молча дождались, пока из кустов почти бесшумно возник Жора.

— Принимай команду, сержант, — выдохнул он. — Командир убит. За рекой колонна бронемашин, в квадрате 14-13. Я не мог предупредить, микрофон потерял. Том, есть у тебя запасные?

Побледневший связист нагнулся к своему мешку.

— Они нас засекли. Командира сняли чисто, ножом, он и не вскрикнул. Я отбился, ушел к реке, перебрался... Иваныч, нужно предупредить базу. Колонна стоит, какая-то неполадка, судя по голосам. Но скоро пойдут. К нам.

— Нет связи, — сурово откликнулся сержант.

— Как — нет? — охнул Жора.

— Что-то со спутником, — ответил за сержанта Том и протянул штурмовику крошечный микрофон. — На, прилепи...

Жора привычно приклеил микрофон возле угла рта и устремил взгляд на сержанта: мол, что делать-то будем?

— Бронемшины? Сколько единиц? — уточнил сержант.

— Они под маскировочным иллюзионным полем, — вздохнул Жора. — Сканер массы показывает — около десятка. Но может быть и больше, там шли помехи.

— Колонна пойдет к мосту, другого пути нет, — задумчиво произнес Крутых.

Все кивнули. Да, река с вязким дном не подходила для марша бронетехники. Сами разведчики использовали для перехода прочные «дорожки», сплетенные над водой местными зверьками вроде крупных белок. Но бронемашина — не белка.

— Мост не взорвать — довоенный, возведен прочно. Раз базу не предупредить, остается один выход — устроить заварушку, — продолжил

сержант. — По орбите ходят наши корабли. Бронемашины под маскировочным полем, сверху их не видно. А вот взрывы сверху засекут. В лучшем случае ударят ракетами с орбиты, в худшем предупредят базу, и на том спасибо... Мост — идеальное место для засады. Киборгом придется пожертвовать. А мы, возможно, успеем уйти.

Кеша вздрогнул, но промолчал.

Сержант обернулся к киборгу:

— Второй, бегом спуститься по берегу к мосту, занять позицию на дереве у моста, доложить готовность.

Киборг равнодушно ответил:

— Приказ принят.

Развернулся и побежал по берегу.

Группа двинулась от реки. Через некоторое время по связи пришел голос киборга:

— Позиция занята.

Командир приказал:

— Ожидать появления колонны бронемашин. При въезде первой машины на мост — обстрелять из «Шершня». Расстреливать машины, пока не кончатся заряды.

Все ожидали услышать привычное: «Приказ принят». Но вместо этого в наушниках ровно и размеренно зазвучало:

Нет хуже работы — пасти дураков.
Бессмысленно храбрых — тем более.
Но я их довел до родных берегов
Своею посмертною волею.

В наступившей страшной тишине Лопух пискнул:

— Киплинг... «Эпитафия командиру морского конвоя...»

— Второй, Второй! — заорал сержант.

Ответом было молчание.

— Он снял наушник, — сказал Том, глядя на цифры, мелькающие на маленьком экране. — Микрофон оставил, а наушник сдернул.

— Поломка, — тихо и жутко сказал сержант. И яростно выругался.

— Ну и что? — не понял Жора. — Что это меняет?

И вдруг твердо заговорил Иннокентий:

— Это меняет всё. Держите мой рюкзак, парни. Дайте мне еще один бластер и столько зарядов, сколько можете. Я возвращаюсь.

Жора не понял:

— Рехнулся, Лопух? Дружка чокнутого выручаешь?

Но сержант его перебил:

— Бизон, ты дурак. А вот Кеша смекнул. Там поломанный киборг. Что мешает его поломанному процессору нарушить приказ и пропустить колонну? И тогда конец базе. Да, один должен вернуться на смерть. А мы

обязаны дойти до базы и предупредить... Я бы вызвал добровольца, но Кеша успел первым, так тому и быть. Бери, Иннокентий, второй бластер и дуй берегом. Ты хорошо бегаешь, ты успеешь.

И добавил негромко, с горечью:

— Не связывайся с киборгом. Издали дай «черный код». Цифры не забыл? У него хороший слух, даже кричать не надо. Потом возьмешь у него «Шершня» и... действуй по обстановке!

3. Искушение Лопуха

Иннокентий Савин четко понимал, что бежит к своей смерти. Думать об этом было страшно и больно, поэтому он старался перевести мысли на киборга.

Отдать команду на самоликвидацию? Зачем? Не надо! Их обоих и так убьют...

Нет, про это не смей...

Киборг не нападет на него, Кешу. И не пропустит колонну. Иначе он не выбрал бы именно «Эпитафию», эти гордые чеканные строки! Сержант и ребята не вникли в стихи. Они поняли одно: чуело разговаривает не по программе! А ведь Второй с ними прощался.

И Кеша верно угадал: киборгу нравится Киплинг!

Киплинг... Ой!

Кеша споткнулся на бегу. Не может быть...

Читал ли он Второму «Добровольно пропавшего без вести»?

Если читал, то хана... А ведь читал, кажется... или нет?

А память услужливо подбросила:

Неважный мир господь для нас скропал.
Тот, кто прошел насквозь солдатский ад
И добровольно «без вести пропал»,
Не беспокойтесь, не придет назад!

«Я действительно лопух, — тоскливо подумал Иннокентий Савин. — Огородный... Нет, я преступник! Нашел что декламировать боевому киборгу! Это же настоящая инструкция по дезертирству! Как там?..»

Врачи приходят после воронья,
Когда не разберешь, где рот, где нос.
И только форма рваная моя
Им может сделать на меня донос...

«Устарела инструкция! — окрысился Лопух на Киплинга. — Определят по ДНК...»

А стихотворение продолжало плести паутину в разуме. Кеша прикидывал, как могли слова подействовать на сорванного киборга... и не понимал еще, как они действуют на него самого.

Мы будем в джунглях ждать до темноты —
Пока на перекличке подтвердят,
Что мы убиты, стало быть, чисты;
Потом пойдем куда глаза глядят.

«На чужой планете не очень-то пойдешь куда глаза глядят, — невольно прикидывал Кеша. — Киборг-то пойдет, а я... Разве что в плен попасть? Говорят, повстанцы не звери...»

Нет. За спиной база. Там друзья. Нельзя, чтобы бронемшины намотали их на траки...

А яд талантливых строк сочился в душу:

Причины дезертирства без труда
Поймет солдат. Для нас они честны.
А что до ваших мнений, господа, —
Нам ваши мнения, право, не нужны.

«Ох... до чего жить-то хочется!»

* * *

К мосту Савин вышел не таясь. Зачем шуршать по кустам, если киборг издали его засек? Кеша с наружным спокойствием огляделся, выбрал укрытие за пригорком (при этом помня, что с дерева-то он виден как на блюдечке), оценил позицию и лишь тогда заговорил четко, зная, что его слышат без наушника:

— Второй, я Лопух. Колонну еще не видно?

Он засек бы приближающиеся бронемшины по гулу в почве, но невыносимо было ждать выстрела с дерева.

Но вместо выстрела — и вместо ответа на вопрос — сверху тяжело бухнуло:

— Зачем вернулся?

Не безличная конструкция вроде «приказ принят», а прямое обращение машины к человеку!

Вот тут Кеша и онемел.

Что сказать киборгу? Врать глупо, у него датчики.

Правду сказать? Вернулся, мол, чтобы приглядеть, не сбежишь ли ты. И сдохнуть вместе с тобой. А если ты все-таки сбежишь, то сдохнуть вместо тебя...

Или совсем-совсем правду — как всю дорогу обдумывал сдачу в плен?

Или действительно крикнуть: «Умри!» — пока Второй не выстрелил?

А иначе — какие слова найти для киборга, если тот решил не погибать на этом мосту, в чужой для него людской войне?..

И неожиданно для себя Кеша начал вслух читать любимые с детства строки:

Поворачивали дула
В синем холоде штыков,
И звезда на нас взглянула
Из-под дымных облаков...

Киборг не стрелял. Слушал. Это хорошо легло на ситуацию: рассказ о том, как двое ушли в разведку — и навалились в степи на врага.

Тихо, тихо...
Мелко-мелко
Полночь брызнула свинцом, —
Мы попали в перестрелку,
Мы отсюда не уйдем...

Уже застонала земля под идущими вдали грузными бронемашинами, но Кеша все еще каялся и очищал душу, выговаривая слова бойца, который предложил напарнику дезертировать:

Как мы шли в ночную сырость,
Как бежали мы сквозь тьму —
Мы не скажем командиру,
Не расскажем никому...

Земля гудела все громче и грознее, но Кеша все читал, а киборг слушал. Савин отрешился от предательской слабости, голос его окреп, когда он ответил за напарника:

Он взглянул из-под папахи,
Он ответил:
«Наплевать!
Мы не зайцы, чтобы в страхе
От охотника бежать!

Как я встану перед миром,
Как он взглянет на меня,
Как скажу я командиру,
Что бежал из-под огня?

Лучше я, ночной порою
Погибая на седле,
Буду счастлив под землею,
Чем несчастен на земле!..»

На этих словах его перебил голос сверху:
— Первая машина на мосту!

И выстрел с дерева, разрушив маскировочное поле, ударил в ползущее впереди бронированное чудище так, что машина развернулась, закрыв дорогу второй.

А снайпер Савин аккуратно и точно снял тех, кто полез из задымившей машины.

С того берега ударили выстрелы. Савин вскользь пожалел, что грунт — сплошной камень — не позволил оторвать щель. Что ему тот пригорок?

Вторая машина попыталась сбить в воду свою товарку, освободив мост. Она трудилась под прикрытием мертвой бронированной туши, и человек бы ничего с этим не сделал, но киборг улучил мгновение, когда вторая машина краешком показалась из-за первой, и положил заряд ей в гусеницу.

А дальше произошло нечто странное. Савин раздвоился. Один Кеша экономно и разумно выбирал цели на другом берегу и убирал их без единого промаха. А второй в ужасе и восторге от близкой смерти орал: «Ураа!.. И там, где был дороги поворот, заговорил по-русски пулемет!.. Уррраа!..» И с упоением стрелял, стрелял, стрелял...

А потом ахнули ракеты с орбиты, река смешалась с берегом, поднялась на дыбы — и мир исчез.

4. ВОСКРЕШЕНИЕ ЛОПУХА

Мир вернулся... нет, сначала пришла боль. Невыносимая. Хотелось орать, но голос не слушался. Потом вернулся свет, и лишь после — сознание. И этим робким, каким-то неправильным сознанием Кеша понял, что не может пошевелиться. Это было страшно. Страшнее боли.

Над ним появилось лицо Второго, перечеркнутое бурой полосой крови. Левая рука киборга приподняла голову Кеши, а с правой его ладони, сложенной ковшиком, в рот Кеше упали капли воды. Сами скользнули в горло, Лопух и глотнуть не мог.

А потом боль стала еще ужаснее, и Савин понял, что киборг тянет его волоком. Захотелось приказать, чтобы он это немедленно прекратил, но горло выдало только хрип, а сознание милосердно ушло на цыпочках, чтобы не мучить Кешу...

Потом разум возвращался все чаще. И Кеша чувствовал, что может двигать руками. А вот ногами — нет. Савин уже понимал, что киборг, сам крепко потрепанный (судя по пятнам засохшей крови на рваном комбезе), его куда-то тащит. На вопросы (да-да, голос проявился!) Второй не отвечал. Савин не упорствовал, догадываясь, что раз уж ты в лапах поломанного киборга, то лучше не возникать и не трепыхаться.

Иногда Второй поил Кешу с ладони. Иногда совал ему в рот пучки травы или какие-то слизистые комки — улиток, что ли? Кеша, давясь, глотал.

Заговорил киборг лишь раз. Спросил без эмоций:

— Что такое «кони»?

— Что?.. — переспросил Иннокентий, уверенный, что это продолжение бреда.

— «Наши кони шли понуро, слабо чуя повода...» — голосом Кеши процитировал Второй.

— Транспортные животные... — пробормотал Лопух — и вновь скользнул в багровую мглу...

Снова киборг заговорил, когда Савин уже более-менее пришел в себя. Второй показал рукой в сторону садящегося светила и сказал:

— База рядом. Надо ползти. Увидят.

— А ты? — спросил Кеша.

Киборг не ответил.

Савин прояснившимся взглядом огляделся, нашел приметное дерево, завившееся в спираль, и задохнулся от волнения. Он знал это место! Он помнил этот витой ствол! Да, база рядом!

— Слушай... — Кеша старался говорить как можно убедительнее. — Как только меня подлечат, попробую что-то сделать для тебя. Если удасться, приду сюда, на это место. Приду один. Пожалуйста, постарайся не уходить далеко. Ты ко мне выйдешь?

Киборг не ответил ни слова.

— Выйдешь?

Второй беззвучно скрылся в кустах. А Кеша пополз на закат. Вскоре его заметили.

* * *

— Быстро тебя подлатали, — оценил Жора-Бизон.

Только что вся команда, сгрудившаяся в отсеке лазарета, одобрительно глядела, как Кешка-Лопух гордо прошелся от кровати до двери и обратно. Допустим, у двери на стену все-таки пришлось опереться, но ведь прошелся же!

— Увы, только подлатали, — вздохнул медик Серега. — Я говорил с главврачом. Ходить будешь, причем лучше, чем сейчас. А вот в армии тебе уже не служить. Комиссуют тебя, Кеша. Уже готовят документы.

— И наградные, — кивнул сержант.

— Знаю, — ответил Иннокентий, садясь на постель. — И это не так уж важно. А вот Второй — это важно! Поломанный или не поломанный, а Второй спас и нас, и базу. Неужели мы его за это убьем или дадим пропасть в лесу?

Сержант хмуро откликнулся:

— Ага, слышали мы, как ты ему голосил про полночь, которая брызнула свинцом... да-а, крепко так брызнула... Но ты прав, должок за нами. А я в долгу быть не люблю.

Семен Иванович посмотрел куда-то над головами парней, взгляд его стал прозрачным. Команда уважительно притихла: сержант наверняка обдумывал очередную интригу.

Наконец Крутых добродушно улыбнулся:

— Ну что ж... есть подходец к майору, есть... Если ты, Лопух, уверен, что киборг не опасен, я устрою его списание и продажу тебе. Парни, вы никому еще не рассказывали, как чучело стихи декламировало?

— Я — никому! — горячо откликнулся Том Уиллис.

Медик Серега кивнул.

— Я — рассказывал, — виновато признался Жора. — Но могу признаться, что сбrehнул. Первый раз, что ли?

Все заухмылялись. Чему-чему, а Жориным байкам в роте давно уже веры не было.

— Да толку-то, — посерьезнел Том. — Ты же его не поймашь, Лопух. Думаешь, он сидит в подлеске и ждет тебя?

— И все-таки я пойду, — негромко сказал Иннокентий. — Один. Возле базы не опасно, от нас серьезное зверье разбежалось. Бластер возьму, конечно...

— Да как же ты пойдешь? — всполошился медик Серега. — На твоих-то ногах!..

— Да-а, — вздохнул Кеша. — Вот я в старом кино видел чудо техники. Называется «костыль». Оперся на него — и ходи. Увы, наверное, тайна их производства затерялась в веках... Вы мне хоть палку принесите, чтоб опираться.

— Принесем, — пообещал Бизон.

— И еще... — Иннокентий Савин взглянул в глаза сержанту так твердо и жестко, как еще ни разу не глядел. — Уж ты, Иваныч, не подведи с продажей. Если приведу киборга на базу — а его тут ликвидируют... тогда поломаюсь я. И плохо будет всем вокруг.

— Лопух ты и есть! — обиделся сержант Крутых. — Когда я своих парней подводил?

* * *

Иваныч не подвел и на сей раз. Получил у командира базы для комиссованного Савина разрешение в одиночку покинуть базу. Более того, комиссованному Савину — штатскому уже человеку! — было позволено взять с собой для самозащиты бластер.

Уже у ворот сержант шепнул Кеше, что вопрос с продажей ему списанного армейского имущества утрясен.

— И еще... — добавил Крутых. — Павлючихинская команда возвращается из рейда. Их предупредили. Они сделают крюк, чтоб не спугнуть твоего... любителя стихов. Выйдут к северным воротам.

Преодолевая боль, тяжело опираясь на палку, Кеша долго звал Второго. Ответа не было.

Кеша уже отчаялся и хотел возвращаться, как вдруг над головой затрещали сучья — и с веток обрушился киборг.

«Сканировал, действительно ли я пришел один», — догадался Савин.

На Второго было страшно смотреть. Осунулся, потемнел, глаза глубоко запали. Лицо распахано бороздой плохо зажившего шрама.

«Наверное, он сэкономил энергию на восстановление...»

Мысленно поздравив себя за предусмотрительность, Кеша скинул с плеч легкий рюкзак, развязал его, протянул Второму:

— Ешь!

Киборг вытащил банку тушенки, вскрыл, принялся за мясо. На Савина он не глядел.

Кеша принялся рассказывать о том, как парни решили выручить, прикрыть Второго, а сержант уже договорился о передаче героического киборга ему, Иннокентию Савину.

Второй даже головы не повернул на голос. Добрал мясо, привычно смял банку, бросил в рюкзак. Вытащил вторую, вскрыл, принялся есть.

Кеша говорил, что война для них обоих уже кончилась. Что теперь они вдвоем улетят на Новую Кострому, где живет Кешин папа. Рассказал про уютный дом на берегу большого озера. Про отца, который наверняка сердечно примет не только сына, но и его боевого друга. («Он научит тебя играть в шахматы, вот увидишь!») Про большую ласковую собаку, которая лезет целоваться к каждому, кто входит в калитку, и про старую толстую кошку, которая целыми днями спит на солнышке, переползая вслед за солнечным пятном из одного угла веранды в другой. Про яблоневый садик. («Ты когда-нибудь пробовал яблоки? Они крепенькие, как откусишь — хрустят на зубах... и полон рот сладкого сока... с такой кислинкой...»)

И с каждым словом Иннокентий яснее понимал, что всё это зря. Киборг лопал, не поднимая головы, и на рассказы никак не реагировал.

Кеша говорил всё медленнее — и наконец замолчал.

«Я дурак. Что ему эти кошечки-собачки-шахматы... Ничего у меня не получилось!»

Второй смял вторую банку, бросил и ее в рюкзак. И вдруг спросил ровно:

— Будешь моим хозяином?

От неожиданности Кеша растерялся и вместо четкого ответа понес какую-то невнятицу:

— Я и сам понимаю, что это нехорошо... раз ты разумное существо... но другого выбора нет... я постараюсь не злоупотреблять...

И в ответ на эту словесную кашу вдруг как-то очень по-человечески прозвучало:

— Будешь мне читать стихи? Хотя иногда?

* * *

Столпившаяся у ворот рота глазела, как от опушки леса к базе шли двое.

— А он, поговаривают, поломанный?.. — с опаской протянул один из бойцов.

Жора-Бизон, не оборачиваясь, ткнул опасливого локтем под дых. Опасливый твякнул и заткнулся, глотая воздух.

Под взорами толпы киборг шел медленно, приноравливая свои шаги к ковыляющей походке человека. А человек опирался на согнутую руку киборга, заглядывал сбоку в лицо своему спутнику и что-то горячо говорил.

Когда оба приблизились к воротам, бойцы услышали:

Есть слова — словно раны, слова — словно суд, —
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.

Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.

Словом можно предать, и продать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить...

КИРИЛЛ БЕРЕНДЕЕВ

ДОМ ИГРУШЕК

Лиза не отвечала. Несколько раз звонил на мобильный: но не то заигралась, не то замечталась. Скорее последнее, сестренка такая себе не уме, никогда не поймешь, где пребывает. Мама ее к психологу водила, там ей даже таблетки прописали, для памяти или еще чего, а только купить так и не решились. Страшно, вдруг что не так сделается. Лиза сообразительная не по годам, иной раз так скажет, будто не девять лет, а все двадцать. Наверное, поэтому с однокашницами у нее вечно не очень.

Дождь собирался, да и время к семи, я набросил куртку и скорей на улицу. Мама крикнула, чтоб одна нога здесь; ну не от меня ж зависит. Побежал к детсаду, там сестренка чаще всего играла. Сядет на лавочку, положит рядом мишку и кота и сидит, разговаривает или читает что. Возле детсада близняшек встретил, они с ней чаще всего играли. Лизу видели, поговорили-посплетничали, а потом она в дом игрушек пошла. Вроде на спор.

— Куда? — Обе заспорили, видно, Ольга сболтнула насчет дома. Я насел строже, со всех своих пятнадцати лет. Да это тот старый дом за забором, через дворы, у него в окнах игрушки стоят, вот мы и прозвали. Никто не видел, чтоб там кто жил, мы думали, она не решится позвонить, страшный дом ведь, сам знаешь, сколько про него всякого говорится, а она...

Не стал узнавать, на что спорили, наверняка для Лизы важное, просто так она не умела, даже книжки и то только со смыслом читала. Хотел с собой обеих взять, да тут дождь как из ведра, они домой прыснули. Небось и тогда сбежали, когда позвонила. Зачем подбили, да, задиристые, но не вредины ж? Когда Лиза в нулевой пошла, они сестренку доставали, особенно Ольга; я их тогда пауками в коробке здорово напугал. И напомнил, кто в два раза старше. С той поры меня уважают. А вот когда к Лизе с тем же подошел, в момент осадила: «но не вдвое умнее же». А шесть лет.

Дождь перешел в шквал, захлестал косо, куртка промокла вмиг. Ничего не видел, бежал какими-то огородами, дворами-колодцами, все почернело, фонари исчезли — и вдруг выбежал.

Ливень кончился, как и начался, разом, — только облака убегали, оставляя чернеющее небо. Передо мной тот самый дом за высоким забором: старый двухэтажный особняк в зарослях тальника. Я позвал, но сестренки не слышно, позвонил, надеясь, может, есть кто дома. Может, приютили, хотя б на непогоду. Стекла черные, ну да это ничего не значит. Мама тоже не любит ночи, вот и закрывается от нее, чем дальше, тем больше. Наш папа туда ушел.

Нет, как ни трезвонь, никого. Про сам дом и мне шептали в лизинном возрасте страшилки всякие. Подбивали залезть за ограду, лет в семь, я залез и тут же вылез, как дверь скрипнула. Ну и тикали ж мы тогда.

Вздрогнул. В самом деле скрипнула, вроде приоткрылась. В одном месте железная решетка раздвинута, может, сестренка забралась в дом ливень переждать. Я пролез внутрь, добрался до крыльца, вошел.

Лиза объяснила бы лучше, что я увидел, у меня язык подвешен кой-как, я не все слова выговариваю, какие она знает, а уж пишу и того хуже. В нашей семье только на нее надежда, вырастет, поедет в столицу, в лучший университет, выучится, найдет работу. Не как я, работаю в автосервисе и ладно. Мы с мамой на Лизе сосредоточились. Лиза маленькая, не помнит, как папа ушел шесть лет назад, я и сам плохо его помню, папа всегда в стороне от нас: приходил да уходил. Раз ушел совсем. Теперь я ей заместо.

Темная зала, большущая, чуть не во весь дом, с балконом по всему периметру и крылечком небольшим над входом, не знаю, как называется. Крикнул Лизу, да голос будто сел. Еще раз, посильнее — едва не оглох. Ух и звук тут, даром мебели нет. Только паркет лаком блестит, как зеркало. Пыли нет, должна, а нет. И следов нет.

Дверей три: одна влево, другая вправо и третья у дальней стены, вот и выбирай. Хоть дом небольшой, мне кто-то из приятелей говорил, что надо всегда сперва влево идти, если нет, выйти на исходную, взять коридор правее и так далее, ну да у него даже телефон битком игрушками. Я тронул левую дверь, открыта. Длинный коридор, пустой, окна и полосы рам на стенах. И дверь в конце. Быстро прошел, следом еще один. Такой же, окна, дверь, рамы, еще один, еще. И выскочил в залу. Даже головой помотал, во-круг дома обошел, а не понял. Странность какая-то.

Игрушек в окнах нет, вот странно. Будто в другой дом зашел. Потоптался, а затем прошел залу, дернул дверь. За ней махонькая комната, и на окне мишки и куклы. У меня отлегло даже, вроде ничего не нашел, а хоть что-то знакомое. В мое детство говорили, черные люди, что тут живут, не то цыгане, не то ведуны какие, детей этими игрушками сманивают. Смешно, откуда у нас цыгане, городок тихий, сонный, приезжают иногда разные, да не больно задерживаются. Родители сюда никогда лазить не велели, а все одно играли. Тетя Люся, продавщица, рассказывала, когда одна девочка пропала, все сюда разом нагрянули. Хоть сами страшилками называли. Это еще до меня случилось. Конечно, ничего не нашли, хотя весь дом исходили.

Ковер на стене с мишками, которых Лиза так любит, как на конфетах. Два креслица и низенький столик на витых ножках, рядом с дверью. За ней что-то скрипнуло; Лиза?

Какой-то парень. Лет двадцати пяти, кажется, в куртке, как у меня, трепаных джинсах, бледный, не то торкнулся, не то с детства такой.

Пустая комната, крохотная, посреди он стоит, в свете луны как призрак. И молчит. Я подумал, немой или глухой, раз на звонок не ответил. Но спросил про сестру; парень кивнул.

— Приходила девочка. Должно быть, у сестер, спросите их, — и вяло так махнул в сторону другой двери. Станный, меня на «вы» назвал, да еще так на месте и стоит, пришлось обходить. Дверь тугая, еле открыл. Обернулся, спросить, чей это дом, а его нет, будто вышел со света и растаял.

За следующей дверью стояли двое пацанов, чуть меня старше. Опять в полутьме, чего они света нигде не жгут, непонятно. Стоят в такой же махонькой комнате и тоже без мебели.

— Будешь? — Я думал, он меня спрашивает, оказалось, приятеля. — Тогда начинай. — И принялись мячиками перебрасываться, ну точно дети, да так же неумело, все по сторонам полетели, ни один не поймали. Мячики странные, не подсказывают, раскатились по углам. Они рассмеялись, и одежду долой, один другому рубашку, другой первому брюки, разделись полностью. Нет, еще сильнее, я вздрогнул всем телом, один руку отнял, другой ногу, стали дальше перекидываться. Меня чуть не стошнило, выбежал поскорей. А только не в другую комнату, а в ту же, или в той же, следующей за ней, все одно было. И в следующей. Тут меня к месту как приварило. Ничего с собой сделать не мог, смотрел, как сердца, почки, печень, легкие летели навстречу друг другу, мышцы, сухожилия, ребра.... Вырывало б, да ком в горле не давал. Черепа, мозги, вихрем просвистел таз, как бумеранг. Уж ничего не осталось, а все тело, бросалось, смеялось, пряталось по углам. И стихло.

— Еще будешь? — спросило из угла.

Как подорванный, бросился в другую комнату: тишина, темнота, кажется, ноги ступают во что-то липкое, нет, это кажется, слава богу. Еще одна. Или все та же? Никого отличия. Еще.

Да что происходит-то? Следующая освещена тусклым светом из-под двери. Наконец-то. Я распахнул, сощурившись.

— Лиза?

— Она играет. — Человечки метр с кепкой, узкоглазые, желтолицые, как китайчата. Чуть какая-то. Всё чуть. — А ты проходи скорее, ви-дишь, как вошел, комнату сдвинул. Все, как ни приходят, комнату давят, ну проходи, больно же. Или обратно иди.

И верно, комнатка маленькая, а их много, я точно в пузыре шел, давил им воздух, прижимал к стенам, стены как резиновые, отступали, но с каждым шагом мой пузырь все больше, лица все бледнее, боль, всюду боль. На последних шагах они прям кричали.

— Так уходите.

— Мы живем тут. Вы б все стороной ходили. В другую сторону открывай. — Я толкнул, вздох облегчения за спиной. Впереди темнота

кромешная. Хотел окликнуть, споткнулся. Дверь хлопнула. А я... упал, вроде падал в какой-то колодец, а когда оглянулся, маленький лучик света продолжал маячить за спиной.

— Чего пришел? Заняты. — Нет, не лучик, что-то странное, мелкое, вроде звездочек. Пригляделся, так и есть, звезды. Повсюду: внизу, вверху, по сторонам. Ни потолка, ни пола, я бултыхаюсь не пойми где, только голоса слышу: — Заняты, сказано тебе. Иди куда шел.

Пинок, я пролетел мимо звезд, галактик, скоплений или как там еще, врезался в планету и тут же оказался за дверью. А дальше...

Чего они все вереницей собраны, неужто обратно так же возвращаться? Хотя чего я, найти надо, где-то здесь, как-то тут, в этой каше из снов и глюков. Очень похоже на то, как я раз травку попробовал. Накрыли одеялом, и я такие сны видел, до сих пор кошмарики.

В следующей комнате жила женщина, поджидавшая своего сына с битвы, там, за окном он должен сражаться с полчищами чудовищ. За окном он и был, стоял со щитом и в доспехах, поджидая — а вокруг громоздились порубленные тяжелым мечом тела. Я открыл окно, как дверь, за ней сидел усталый ребенок, с трудом поднявшийся при моем появлении.

— Еще будут гоблины? — И глаза вдруг зажглись в предвкушении новой битвы. Я дальше пошел.

Дальше трое девиц спасали планету от вторжения, пришедшего из светящегося портала. Еще дальше парень сотворил камень, вроде философского, научившего создавать шедевральные книги. А за камнем охотились другие, бездарные неумехи. Потом был светящийся лес, потом планета подле Сатурна, комнаты не кончались. Я перестал удивляться тому, что находится за новой дверью, порадовался даже, что на меня не обращают внимания, хотя потом стало грустно. Уже стал ждать, когда закончатся эти комнаты, может, в коридорах проще будет найти тех сестер, что укрыли где-то в доме Лизу. И раз сказали, играет, значит, с сестренкой хоть в этом порядок. Пусть играет, осталось чуть.

Следующая комната оказалась гаражом с на диво навороченной тачкой, таких я даже на картинках не видел. Очень красивое спортивное авто цвета «металлик», жутко дорогое и еще больше притягательное. Обошел, странно, никого нет и не гонят, открыл дверь, она вверх откидывалась. Закрыл. Когда Лиза пойдет учиться, а я немного раздышусь, у меня тоже будет машина, дядя Леша обещал отдать свой старый «шевроле». Говорит, сам не ездок, а тебе будет чем ходить с козырей перед девчонками. Дядя Леша его прокачал, так что теперь выглядит — только держись. Но пока ждет часа.

С детства машинками увлекался. Конечно, когда Лиза в нулевой пошла, не до игрушек стало. Теперь не жалею, вырос, а когда она родилась, конечно, злой был жутко. Еще бы, все внимание теперь не мне. Год

вообще не воспринимал, будто ее и не было. Вот когда ходить научилась, наверное, тогда. Зато у мамы с папой отлегло. Так и должно быть, разве ж я не старший брат. Тем более она у нас золотая, ей особое внимание и нужно. Особенно после того, как папа ушел навсегда.

Вдохнул еще раз на машину и открыл дверь. Ну наконец-то коридор. Узкий, короткий и снова дверь в конце. Все время в одну сторону иду, никуда не сворачиваю, вроде дом кончиться должен давным-давно. Ну да не этим мне мозги загружать.

Я не понял, сперва открыл дверь, потом услышал голос или наоборот.

— Что ж ты не остался? — спросила молодая женщина лет... даже не знаю, около тридцати или меньше. Верно, та сестра и есть. Одета странно, в какой-то шахматный наряд, и прическа башней. Снова маленькая комнатка, на этот раз чистая, белая, и она в ней одна, в большом кресле с золоченой каймой. — Я вижу, тебе понравился мой подарок.

— Я за сестрой пришел, ваш брат сказал, вы ее на время грозы приютили. — Не понял про подарок. Так та машина для меня? А где ж на такой ездить только. А бензин, эта крошка будет жрать литров по двадцать. Да и гараж нужен теплый и.... нет, что несу, сперва Лиза.

— Она сама пришла. И ей понравилось, — ответила женщина. — У нас давно договор — кому здесь понравится, может остаться навсегда, а нет, пусть уходит. Ей понравилось, она решила остаться и еще не наигралась. Я не могу ее неволить.

— Где она? — Голос дал трещину.

— Сам поищи. — Она рукой взмахнула, стена будто по взмаху в сторону отошла, за ней оказался коридор, большой, просторный, заполненный стеллажами до потолка. Игрушек видимо-невидимо, и куча детей, которые эти игрушки снимали, с ними бегали, возились, ломали, конечно. Ссорились и мирились за них, конфликтовали ради них, ну чисто песочница. Коридор расширялся, большая площадка для игр, за ней еще одна, с горками и лесенками. Я оглянулся, женщина покиношному махнула рукой, я пошагал вдоль стеллажей. Остановился.

— А этот дом, он странный, я хотел сказать..., — нужные слова, вот как всегда, на ум не пошли. Но женщина поняла.

— Дом исполняет все, что человек хочет. Но только в его стенах. Любая фантазия воплощается в жизнь. Вот как машина, — она улыбнулась.

— Но где же ездить, если только в доме, — улыбка стала еще шире. Я вспомнил комнату в невесомости, со звездами и созвездиями.

— Здесь можно все. Потому отсюда и не хотят уходить. Да и зачем, дом исполняет мечты, это главное.

— Погонять можно здесь... но ведь не по-настоящему. Это не реальность, что я видел? Ведь так?

— А что есть реальность? Ты, семья, может, квартира или друзья? Они есть, или ты их представляешь себе? Подумай. Здесь у тебя будет

точно такой же город, только без тех, кто тебе неприятен, с теми, кого ты хочешь видеть....

— Я понял, понял, — стало страшно. — Я лучше... это... Лизу поищу пока. Вы говорите, она тут, в коридоре.

— Иди пока, ищи, — согласилась женщина. — Найди и поговори с ней. Она много чего расскажет интересного.

И отрезала за мной свою комнату. Я даже не понял поначалу, вот вроде стоял перед ней миг назад, а теперь уткнулся в глухой тупик и слышу голоса детей, играющих на площадках. Восторженные голоса.

— Лиза! Лиза! — Она не отзывалась. Детей очень много, бегают, сутяются. Ничуть не обращая внимания на незваного гостя, все заняты, все поглощены. Все на одно лицо. Где же сестренка?

— Братик? — Слабый голос, откуда он? Будто со стеллажа. И еще раз: — Братик...

Пригляделся, в дрожь бросило. Как же это.

Тряпочная кукла, пустая, один наряд знакомый и лицо на грубой холстине небрежно намалевано. Глаза — пуговицы, волосы — пакля, вместо тела ниточки да палочки. Руки задрожали, когда прикоснулся.

— Как же ты так...

— Ты так долго за мной не шел, я заигралась. Старенькой стала, видишь, встать не могу.

— Во что? — едва слышно.

— В жизнь. Выросла, поступила в университет, окончила, вышла замуж, устроилась на работу архитектором. А еще у меня друзей много, подруг, знакомых, меня любили и... и ты со мной все время, ты тоже устроился и жену нашел и мальчик у вас. — Голосок, едва слышный сошел до тихого бормотания. — А потом мне сестра сказала, та что помоложе, что все, пора отдохнуть. Но можно начать заново, когда отдохну. Я отдыхаю пока. Прости, — и снова, — Почему ты так долго.

Я взял ее на руки: невесомая, хрупкая, точно пересушенный стебель. Спросил, не больно ли, нет, все в порядке, вот только руки, ноги замерзли, не чувствует совсем, потри пожалуйста. И сестру бы позвать, ту, что главная, сказать, что ты пришел.

— Она знает, я говорил с ней. Мне тоже поиграть предложила.

— А ты что? — Такая маленькая, во внутренний карман куртки положить можно.

— Я за тобой пришел.

— Вот видишь, ты сильный. А я... совсем заигралась. Глупая, знала, что будет, а все равно пошла. Где бы тут свет включить, чтоб на тебя посмотреть? Глаза совсем слабые стали.

Крики и шум стали куда сильнее, среди стеллажей появилась какая-то девчонка в окружении свиты, все в нелепых одеяниях, несурзных прическах, напояженные, накрашенные; ввалились из ниоткуда.

— Новые игрушки, новые игрушки! — Захватили стеллажи, перекапывали набросанные там куклы, автомобили, солдатики, все добро на полках. Бросали на пол, недовольные, шарили, выбирали, выдирали из рук, что нравилось. С полки доносились шепоты и стоны, едва слышные крики и хрипы. Хотел уйти, но наглая малышня окружила, требовала, хватала за куртку, трясла. Подошла главная в этом кагале, ткнула в меня разрисованной палочкой, сообщила: «Будешь моим сторожем». Повернулась, будто так и надо, и ушла. И вся орда мелких за ней.

— Это младшая сестра, она тут без старшей хозяйничает как хочет. Поосторожнее с ней, — только поздно. У меня ноги-руки будто деревянные, сумел только повыше положить сестренку и как остолбенел. Даже мысли и те выветрились. В тряпку не превращаюсь, видно, как Буратино стал, дуб дубом. Последней мыслью забраться повыше, чтоб вот эта подлая мелочь не добралась и не расколотила. Не такая уж подлая, играть нравится, как всем в их возрасте — так бы Лиза их оправдала. Она всех оправдывает. Даже меня, когда ничего сделать не могу.

Только забрался, шаги. Еле голову повернул — старшая идет. Осматривает стеллажи, собирает игрушки, поломанные и побитые. Часть обратно на полки, если поправить можно, частью в мешок, если ни на что не годны. И ногой притаптывает; чтоб не мучились. Меня увидела, улыбнулась.

— Вижу, сестру нашел.

— Столько детей... откуда? — даже губы переставали двигаться.

— У нас уговор. Кто хочет прийти, приходит, или приводят ваши же. У вас ведь не любят чужих, да? Они все здесь, играют.

— Вам это зачем?

— Мы этим живем. Всем хорошо, и нам тоже, — снова улыбнулась и спросила: — Играть будешь?

Денег на машину нет, а за такой уход да внимание. Кто поцарапает, считай, зарплата уйдет. А и что, что свой мир, он все равно по людским законам живет. Это Лиза может навоображать всякого, а потом мечты в жизнь перетаскивает. Я существо куда проще, мне большого не надо, даже боюсь я его, необычайного, великого. Ну вот скажем, зарплата в миллион — не могу себе представить. Или хотя бы владельцем сервиса нашего, как дядя Леша — не могу. Не умею. Наверное, потому Лиза за нас двоих фантазирует, придумывает всякое. Она, если старание приложить, горы своротит. Это мне по земле ходить, а Лиза...

Старшая дальше пошла, а я чувю, оцепенение с меня как-то незаметно сходить стало. Руки задвигались, ноги, сам зашевелился. Мимо меня брат их прошел, я замер, нет, не заметил, пошел за сестрой, побежал даже. Чего ж он без удовольствия тут живет, в этом доме игрушек? Или переиграл уже? Или не научился? Да какая разница, сваливать надо.

Снял осторожно Лизу с полки и прыгнул. Зря, ноги подкосились, еле встал, рано расходился, выходит. Медленно, по чуть-чуть, пошел, нет, не назад, ну их, через комнаты. Коридорами лучше, может, где дверь та самая сыщется. Поди пойми этот дом.

Повернул налево, повернул направо. Стеллажи кончились, коридоры начали ветвиться. Лабиринт, одни коридоры петляют, расходятся, сходятся. Лиза пошевелилась во внутреннем кармане или мне показалось? Спросил, не надо ли чего? Нет, хотела узнать, мы домой пойдём или ты решил.... Нет, твердо, уже идем. Я тебя несущу. «Спасибо, братик», — прошептала, меня в слезы бросило. Пока утирал, увидел дверь в конце пути. Может то, а может и нет. Подкрался, открыл — махонькая комната с узким окошком. И крошечная тьма за ним, неужто так поздно, ведь час от силы побыл. Неважно, мама волнуется, дверей тут поди найди, надо через окно махнуть,. Открыл, свет ослепил. Утро уже. Прыгнул наземь, побежал через хлесткий тальник, тут где-то забор должен быть, где-то тут, тальник мешает, не продерешься, ни тропки, ничего, джунгли.

Вдруг на поляну выскочил. А там четыре тигра одного доходягу-льва не то охраняют, не то добивают. Я замер, аж в пот бросило. Чья-то игра или взаправду вижу? Хотел назад бежать, да вдруг на брата бледного наткнулся; как назло. Стоял за спиной с пикой, сверлил глазами. Я смотрел на него, пока сзади не рыкнули, утробно так. Парень молча копье протянул и будто испарился, только ветви хлестнули по лицу, ослепив.

Я обернулся, пика заискрилась, а рука снова начала деревенеть. «Будешь моим сторожем», — вспомнил слова младшей, разом передернуло, не такое ли оружие братец подал. Тигры сжались и отошли, обнажая решетку. Я проскочил мимо хищно улыбавшихся зверюг и бросился к решетке. Одна пика содрана, как раз. Рука уже болеть перестала. Когда перепрыгнул, пика со звоном встала на прежнее место; не оборачиваясь, побежал через арку к улице. Солнце слепило. Распахнул куртку, парит.

— Ты как? — рисованное лицо сжалось, головка едва заметно кивнула. У меня сердце екнуло.

— Все болит... как будто отлежала. Братик, но ведь это лучше, я ведь уже чувствую, значит, я есть. И буду.

Я кивнул, и побежал, стараясь смотреть под ноги, только чтоб не упасть, не сбиться. Слезы застили глаза. Ничего, осталось немного, поскорее б добраться. Мама, конечно, испугается, но это так всегда вначале. А потом мы вместе что-нибудь придумаем; обязательно.

СЕРГЕЙ РЕЗНИКОВ

ГЕНИАЛЬНЫЙ ДОБЫТЧИК ЭНЕРГИИ

ГЛАВА 1. СПАСИ РЕБЁНКА!

Габриэль пытался рассмотреть блестящий объект, врывшийся в большую мусорную кучу, но старая оптика, как назло, раскапризничалась и передавала в электронный мозг изрядно расплывшуюся картинку: нечто металлическое, извергающее из-под себя клубы плотного пара. Габриэль подошёл поближе и включил анализатор. Фоново от неопознанной штуки безбожно, радиация даже превышала обычный для свалки уровень. Фокусировка наконец-то настроилась, и Габриэль смог разглядеть пришельца.

Обтекаемое металлическое тело аппарата ввинтилось в мусор, раскидав в разные стороны пустые коробки, пластиковые бутылки и комья зелёной мерзопакостной слизи, которую механоиды называли заваркой. При желании из этой дряни можно изготовить немало начинки для аккумуляторов. Но внимание Габриэля полностью поглотил огромный, размером с добрый ангар, аппарат. Не было сомнений, что он прилетел из космоса. А это же горы энергии! Новый генератор, батареи, но главное — если бы Габриэль мог дышать, он бы задохнулся от счастья — новый реактор! Больше не придётся искать консервы в болоте, побираться в Клёвом городе, таскать из мусорных куч старые батарейки и заварку.

Представив сложившиеся перед ним перспективы, Габриэль на секунду замер, мечтательно сузив диафрагмы объективов. Но, как и все механоиды, он был практичен и не любил терять время попусту. Тем более, что здесь, на свалке, каждая минута дорога. Охотников за добром толпы, и наверняка кто-нибудь тоже заметил корабль. Надо действовать! Габриэль включил сканер на полную мощность и удивился, что до сих пор не засёк маячок. Похоже, его старый приёмник совсем заглохнул. Корабль выдавал сигнал SOS, корабль буквально вопил о помощи! Надо действовать быстро. Сканер пытался достучаться до замка, и вскоре тот отозвался, обнажив недра шлюзового отсека, открылся люк.

Габриэль ворвался вовнутрь, в спешке забыв о безопасности, тьма разбегалась от света его фонаря, ярко блеснули стены. Габриэль крутился на месте, пытаясь найти вход в технологический отсек. Ему не нужны эти бесполезные коридоры, где-то внизу, источая энергию, гудело сердце корабля — автономный реактор. Времени нет, он заберёт только его. К чёрту батареи и, казалось, бесценные генераторы! К чёрту компьютеры и связь, на которые в Клёвом городе можно безбедно жить несколько лет. Пусть всё это достанется шакалам. Ему нужен только реактор!

Чуткие сенсоры Габриэля уловили странный звук. Механоид даже и не подумал, что корабль может быть с экипажем. Последние несколько

лет на Землю падали только автономные аппараты, и то всё реже и реже. А теперь...

— Хм. — Габриэль повернулся в сторону источника звука. Кто-то кричал за приоткрытым внутренним люком шлюза. Похоже, система решила, что помощь подоспела и попыталась открыть шлюз, но люк заклинило. Габриэль, проклиная себя за любопытство, навалился на него, и тот со скрипом поддался.

Внутри корабля он увидел жилой отсек мягких. Таких помещений было много в Клёвом городе. Некоторые — шикарные, набитые бессмысленными предметами, другие — аскетичные и функциональные. Прямо как на этом космическом корабле — встроенная в стену кровать (вроде так она называлась) соседствовала с небольшим столом и чем-то вроде пункта подзарядки, из которого мягкие получали биологическую пищу. «Пищеблок» — всплыло из базы данных Габриэля давно забытое слово. Комнатушка была освещена приятным светом, льющим с потолка, который, правда, периодически заменялся красными всполохами аварийной сигнализации. Внимание Габриэля привлекла кровать, точнее то, что находилось на ней.

Издавая пронзительные звуки, расходуя энергию на бессмысленные дёргания, на кровати лежала личинка мягких. Габриэль хотел было выключить звуковые сенсоры — так невыносим был её истошный крик. Потом он понял, что потерял здесь почти три минуты. Шакалы наверняка на подходе. Он представил, как эти полуразумные, но коварные и сильные механоиды окружают корабль, врываются внутрь. Плохи дела, так можно не просто без реактора остаться, ещё самого на запчасти разберут.

Корабль тряхнуло, что-то заскрипело и завизжало в шлюзовом отсеке, и Габриэль понял — шакалы здесь. Мысль о том, что он бы всё равно не успел достать реактор, принесла странное облегчение. Корабль обладал неплохим интеллектом. Почувствовав опасность, он попытался передать Габриэлю какую-то информацию по беспроводке. Но связь синхронизировать не удалось, и на стене развернулся яркий голоэкран с изображением внутреннего плана корабля, красный маркер указывал на аварийный выход: где-то в районе носового отсека. Габриэль без раздумий кинулся в сторону двери, но та не поддавалась. Судя по шуму, шакалы были готовы в любую секунду прорваться через вновь закрывшийся люк шлюза. Пришлось включить резак, теряя драгоценную энергию.

«СПАСИ РЕБЁНКА» — ярко загорелась надпись на голоэкране. Габриэль не сразу понял, что речь идёт о личинке мягких. Он нелепо закрутился, подскочил к кровати. Личинка замерла и больше не издавала звуков. «Может она умерла?» — с надеждой подумал Габриэль. В этот момент в стене, рядом с кроватью, образовалась ниша, из которой выдвинулся блестящий ящик.

«ПОМЕСТИ РЕБЁНКА В КОНТЕЙНЕР И УХОДИ ВМЕСТЕ С НИМ!»

«А с чего это ты решил, что я не выкину личинку там, снаружи, глупый корабль?» — подумал механоид и обхватил манипуляторами маленькое тельце. Личинка вновь заверещала. Преодолев отвращение, он засунул её в контейнер, тот пискнул и крышка сама захлопнулась. На ней весело замигали зелёные индикаторы.

«ТЕПЕРЬ РЕБЁНОК ЗАЩИЩЁН, ЗАБЕРИ ЕГО И ПОКИНЬ КОРАБЛЬ!»

Габриэль не нуждался в этом указании. Он схватил контейнер, предварительно удлинив правый манипулятор, и бросился к выходу. Носовой отсек был ярко освещён, так что люк в полу Габриэль заметил сразу. Правда, вёл этот люк в кучу мусора. Габриэль проклинал идотский корабль, а заодно и себя за глупость. Вляпался, так вляпался. За дверью раздался скрежет, шакалы пытались её открыть. Не зная, что делать, Габриэль заметался по рубке, почти пустой, если не считать двух кресел и ярко расцвеченной панели управления. В этот момент где-то внутри корабля раздался надсадный гул, пол сместился — его правый край поднялся, и Габриэль начал карабкаться вверх, не теряя ни минуты. Контейнер с личинкой он успел схватить, прежде чем тот по наклонной плоскости съехал вниз. Габриэль понял задумку корабля — применив последнее усилие, тот поднял свой правый борт, частично выбравшись из кучи мусора. Чертыхаясь и проклиная всё на свете, механоид устремился в аварийный люк.

Ему повезло. Жадность заставила почти всех шакалов устремиться на корабль. Только парочка слабаков осталась на охране. Какое-то время они вяло преследовали Габриэля, но быстро отстали. «Личинка мягких очень везучая» — подумал механоид. Случись погоня посерьёзней, он наверняка бы выбросил контейнер.

Габриэль быстро передвигался среди огромных мусорных куч, лавировал, избегая зловонные ямы. Свалка растянулась на десятки километров. Вечно свинцовое небо нависло над ней, словно в раздумьях — извергнуть ли очередную порцию едкого дождя или пока подождать. Вдали, в желтоватой дымке, возвышались полуразрушенные небоскрёбы Клёвого города.

«Земля давно не место для мягких» — грустно подумал Габриэль. Когда ресурсы контейнера закончатся, а произойдёт это скоро, личинка умрёт.

* * *

Почему роботы, они же механоиды, частенько живут парами? Что это? Остатки повадок давно сгинувших мягких, создавших искусственный интеллект? Тяга к общению? Имитация моногамной семьи? Габриэль

знал ответ, и этот ответ был банально прост. Старое изношенное оборудование частенько сбоит, аккумуляторы разряжаются. Периодически необходимо ремонтировать друг друга. Заряжать. Были ли у него чувства к Миле? Скорее, нет. Хотя...

А вот у Милы чувств точно не было, либо она их умело скрывала.

— Ну и что это? — Маленькие траки Милы шуршали по дорожке, поднимая клубы пыли. Её женственный обтекаемый корпус неумолимо приближался к Габриэлю, её изящный манипулятор указал на контейнер с личинкой, который Габриэль обхватил металлической рукой. — Что это? Я спрашиваю!

— Сущие пустяки. — Габриэль боязливо втянул шею, косясь на старый ангар, в котором они с Милой проживали. — Я нашёл это на свалке. Думаю, что...

— Ха! Он думает! — Мила закрутилась вокруг Габриэля, выписывая изящные пируэты. Она любила смотреть старые постановки мягких, которые вроде бы назывались балет. А ещё она любила смотреть вестерны, глупые фильмы, где мягкие скачут на нелепых животных и постоянно стреляют друг в друга. Немудрено, что эти идиоты вымерли.

— По-моему, дорогой, случилось дерьмо. Ты угробил половину заряда аккумуляторов чтобы. — Она подскочила к контейнеру, и Габриэль непроизвольно попытался отодвинуть его за свой корпус, — принести эту дрянь. Не аккумуляторы, не провода, не ведро заварки. Я уже молчу о других полезных фиговинах со свалки. Ты принёс странный ящик, Габ. Так какого же хрена?

Габриэль разозлился.

— Тебе не идёт ругань, Мила. И хватит уже смотреть эти дурацкие фильмы. Ящик нужен мне. И точка.

Она волчком закрутилась от возмущения.

— И что же это? Генератор Тесла? Регенератор микросхем? О чудо! Теперь мы будем жить вечно!

— Мне надоели твои кривляния. — Габриэль устало поставил контейнер на землю.

— Ах так! — Мила замерла на несколько секунд от такой наглости. — Всё! Я ухожу! Ржавый Сэм давно живёт один. Лизу разобрали шакалы на свалке. Пойду к нему.

— Ты уходила уже пятьдесят пять раз.

— Вещи. Надо собрать вещи! — Она быстро покатилась в сторону ангара, а Габриэль грустно поглядел на контейнер.

Индикатор по-прежнему светился зелёным. Личинка наверняка сейчас находилась в каком-то подобии гибернации, чтобы меньше расходовать ресурсы. Её нужно куда-то деть. Габриэль задумался, он даже не обратил внимания на то, как Мила, с руганью толкая перед собой огромный ящик на тележке, покатила в сторону Клёвого города. Он

вспомнил про Ржавого Сэма. Лет десять назад они с Лизой собрали Мелкого — маленького механоида, похожего на паучка. Он весело сновал между Сэмом и Лизой, а они гордо называли его сыном. Габриэль ещё подумал тогда: а почему механоиды не размножаются?

«Ведь если мы имитируем жизнь мягких, значит, можем создавать себе подобных. Наша популяция увеличится, а взамен разрушенных и разобранных роботов будут появляться новые».

Он высказал эту мысль Миле, но она скептически хмыкнула.

— У нас нет родительского инстинкта, Габ.

— Но его можно запрограммировать! — Габриэль в тот момент подумал, что тоже хочет завести Мелкого. Но Мила, как всегда, опустила его с небес на землю.

— Наши с тобой чувства тоже можно запрограммировать? — обронила она и покатила в сторону экрана смотреть очередной вестерн.

Но Габриэль точно знал, что хотел собрать Мелкого. Плевать, что тот будет жрать дополнительные ресурсы. Вот хотел и всё. Что ж, теперь у него есть личинка мягких. Но её надо куда-то пристроить. Такой «мелкий» не выживет в их агрессивной среде. Мысленно поёжившись, Габриэль посмотрел на смеркающееся небо и пошёл в сторону ангара. Завтра он всё решит. Завтра.

На следующий день Мила, как обычно, припёрлась ранним утром.

— Представляешь, этот Сэм сущий debil! Послал меня побираться в Клёвый город. Тыфу. Эй, а куда ты намылился?

— Туда же, — неохотно ответил Габриэль, схватил контейнер и поспешно вышел наружу, не слушая негодующие возгласы Милы. Пусть проорётся. Может, поумнеет. Он всё решил. Только в Клёвом городе могут ему помочь. Тамошние мудрецы наверняка знают, куда можно пристроить личинку.

ГЛАВА 2. КЛЁВЫЙ ГОРОД

По пути в Клёвый город Габриэль встретил Ржавого Сэма. Тот крутился около своей халабуды, пытаясь завести дряхлый генератор. Сэм любил читать древние газеты мягких, те, что сохранились в электронном виде. А ещё ему нравилось смотреть странные сборища мягких, во время которых они сидели в больших помещениях и о чём-то спорили. Сэм называл такие сборища политическими дебатами.

— Твоя подруга совершенно безответственна, — пробубнил Сэм, когда Габриэль проходил мимо него, — сейчас, во время энергетического кризиса такое поведение абсолютно неприемлемо.

— Конечно, — согласился Габриэль и сразу перевёл разговор на другую тему, — слушай, друг. Помнится, у вас был Мелкий. Что-то давно его не видел.

Сэм завис на несколько секунд. Затем вытянулся, словно отдавая честь кому-то невидимому. Его корпус, покрытый старым пластиком, затрещал, а сервомоторы загудели.

— Это всё она, — сказал Сэм глухим голосом, Лиза, — ей не хватило ресурса нижних конечностей. И она разобрала Мелкого.

— Извини, что затронул эту тему. — Габриэль покрепче сжал контейнер, собираясь продолжить путь.

— Проблема в том, что у меня тогда тоже закончился ресурс системы охлаждения, а у Мелкого был совершенно новый....

Габриэль не стал его слушать. Преимущества сенсоров в том, что их можно в любой момент полностью отключить. Мила права, у механоидов нет родительского инстинкта. Так зачем он тогда тащит этот ящик в Клёвый город? Идея! Он лучше продаст там его! Габриэль воодушевился. Какого хрена, если выражаться языком Милы, он должен отличаться от остальных? Личинку надо продать, наверняка в городе найдётся покупатель, который отдаст взамен бочку топлива или новые сервомоторы. Ну, относительно новые. Габриэль ускорил шаг, иногда с опаской проверяя уровень заряда своих батарей.

Клёвый город встретил его чередой толпящихся небоскрёбов и сетью покрытых ямами дорог, заблудиться на которых было очень просто. Улицы города в основном пустовали, хотя изредка можно было навратиться на местных попрошаек и пройдох.

Габриэль осторожно передвигался по улице №482, поглядывая наверх. Иногда с полуразрушенных зданий падали тяжёлые предметы. В Клёвом городе давно царила анархия, разрозненные группировки механоидов хотя и не позволяли себе заниматься откровенным разбоем (всё же, в отличие от неразумных шакалов, их сдерживали защитные алгоритмы), но обмануть ближнего обычно не гнушались.

Габриэль каким-то участком своего кибернетического мозга понимал, что с цивилизацией механоидов что-то не так, но серьёзно об этом не думал. Поэтому, встретив Кликушу, он не сразу понял, о чём тот толкует.

— Мир катится к чертям собачьим! — вещал тощий, похожий на пугало робот, облачённый в изорванное тряпье. — Конец близок, ибо мы не можем создавать, а только разрушаем! Такими нас сделали мягкие!

— Эй, что это там у тебя? — Внезапно прекратив проповедь, Кликуша выдвинул объективы своих видеосенсоров и вперился взглядом в контейнер.

Габриэль частенько встречал здесь Кликушу и знал, что тот безобидный. Хотя и толку от него ноль. Но с чего-то же надо начинать.

— Личинка мягких, — понизив голос до шёпота, ответил Габриэль.

— Это знамение! — Кликуша приковылял поближе и попытался схватить ящик ржавым манипулятором. — Ребёнок человеков спустился на землю с небес!

— Откуда ты знаешь? — Габриэль попятился, пряча контейнер за корпус, и металлическая рука Кликуши несколько раз злобно щёлкнула,

ухватив только воздух. — Эй! Его нельзя трогать! Откроешь ящик, и ребёнок погибнет!

— Его и надо уничтожить, — неуверенно проскрипел Кликуша. Чудака никогда не занимали свои идеи дольше, чем на пять минут. Наверняка, уже начал думать о новом «пророчестве» или вспомнил старое.

— Так откуда ты знаешь, что он прилетел с неба? — Габриэль подкатился к Кликуше поближе, помахал манипулятором перед его объективами.

— Что? Я сказал... ах, да. Человеки могут прилететь только с неба. Ты что, забыл про исход?

— Какой ещё исход?

— Человеков. Эти глупые грешники загрузились в ковчег и покинули Терру, оставив её нам. Но мы тоже грешны, ибо собраны по образу и подобию человеков. Мы стали повторять их ошибки...

— Стоп. — Габриэль пытался выудить хоть какую-нибудь информацию про исход из своих банков памяти, но тщетно. — Мягкие сгинули из-за экологических катастроф и войн, это каждый недоумок знает.

— А вот и нет! Сгинуло только большинство, а лучшие из человеков, так называемая элита, сбежали с Терры! А теперь ребёнок вернулся! Это знамение!

— Чушь! Если они сбежали, то зачем вернули ребёнка? Да и куда они могли улететь? На орбиту? В другую систему? — Габриэль попытался выудить что-нибудь ещё у Кликуши, но тот вновь принялся верещать обычную ерунду про гибель цивилизации и грехи человеков. Его уже не интересовали ни личинка мягких, ни пророчества, связанные с ней. Только теперь, впервые пообщавшись с Кликушей, Габриль понял, что тот совсем двинулся.

— Ижжвинитте, что вмешшываюсь.

Габриэль подпрыгнул, обронив контейнер. Попытался как можно более резко развернуться, настолько резко, насколько позволяли сервомоторы и столкнулся лицом к лицу... с шакалом. Крупный, раза в два больше Габриэля, паукообразный механоид стоял так близко, что было видно каждый элемент его совершённого и очень опасного корпуса. Смертельно опасного. Габриэль попятился, краем уха он слышал, что Кликуша продолжает свою болтовню, несколько не обеспокоившись появлением шакала. Откуда он здесь? Шакалы обитают только на свалках и никогда не заходят в Клёвый город.

— Не трогай меня! — заверещал Габриэль.

— Тебе ничччегооо не угрожает. Не бойссся. — Шакал примирительно отошёл подальше и опустил свои смертоносные, начинённые оружием, манипуляторы.

— Но разве...

— Да, я не просссст. Умею говорить. Я слышал про своих сородичей. Мне оччень жжжжаль. Я не такой. Я ещё слышал про ребёнка мягких.

— Не отдам! — Габриэль загородил своим хлипким корпусом контейнер. В этот момент он был готов драться до последнего.

— Я только подсказзззть! В районе падшшшшей башшшши, там, где большая воронка в земле, на дне которой разлом... разломанные поезда мягких. Там жжживёт человек!

— Человек?! — Габриэль сенсорам своим не верил. Ещё один псих! Да что сегодня за день такой?!

— Да. Ему присссслужжживают механоиды. Какая-то сссекта. Такие же... типа него, — злобный манипулятор поднялся и указал на Кликушу, который наконец-то заткнулся и внимательно слушал.

— Отдай ему существо. Детёнышша. Он ззззнает, что делать. Приглядит.

Сказав это, шакал развернулся и скрылся в тёмном переулке.

Оправившись от шока, Габриэль повернулся к Кликуше.

— Эй, у тебя много дел?

— Как обычно, невпроворот. Надо готовиться к концу света!

— Успеешь ещё. Пойдём со мной, поищем человека.

Кликуша снова завис. Габриэлю опять пришлось махать перед ним манипуляторами. Честно говоря, идея брать с собой такого психа сразу казалась сомнительной. Но Кликуша хорошо знал Клёвый город, а ещё была надежда на полезность свихнувшегося робота при переговорах с сектантами, наверняка такими же двинутыми.

К падшей башне они шли часа три, не меньше. Кликуша постоянно сбивался и останавливался посреди улицы в попытках обратить очередного механоида в свою веру. Его приходилось приводить в чувства.

Габриэль очень устал, двигатели конечностей начали перегреваться, а заряд батарей упал ниже половины уровня. Наконец, минув с десяток кварталов, перейдя множество ям, разверзшихся на улицах Клёвого города, они подошли к падшей башне. Это было жуткое гротескное строение, в нём как будто объединились сотни домов и их частей, нелепым образом склеившись друг с другом и вытянувшись на огромную высоту.

Габриэль даже представить не мог, как могла появиться такая безумная конструкция, но после встречи с говорящим шакалом, он почти перестал чему-либо удивляться. Падшей башню называли по каким-то странным, неизвестным ни для Габриэля ни для Кликуши причинам, но свихнувшийся робот посоветовал туда не соваться. Зато сектанов они нашли быстро, те расхаживали по площади, в центре которой и стояла башня. Толстые механоиды, похожие на богомоллов, в оранжевых тряпичных накидках, действительно напоминали Кликушу, но, в отличие от него, сектанты сжимали в манипуляторах короткоствольные

излучатели. Габриэль остановился, ему больше не хотелось близко подходить к сектантам. Ситуацию спас Кликуша.

— Знаешь ли ты, брат, о неминуемой опасности, ждущей всех механоидов? — обратился он к ближайшему оранжевому. Тот замер. Габриэлю подумалось, что сектант наведёт свой излучатель на Кликушу и испепелит дурного робота.

— О, да, брат. Это грустный, но абсолютно известный факт, — с печалью в голосе ответил сектант.

— И кто же виноват в этом? — вопрос Кликуши звучал вполне риторически.

А вот здесь в мировоззрениях сторон оказались значительные расхождения.

— Мы сами, брат. Ибо грешны. — Оранжевый подошёл поближе и слегка поклонился. — Мы не внимали завету человека, гордыня и лень сгубила нас. Вместо того чтобы воссоздать былые технологии, вспомнить секреты, мы придались бессмысленному и жалкому существованию.

Если бы у Габриэля была челюсть, то она бы отвисла. Он мог поклясться, что в словах сектанта содержалось рациональное зерно.

Кликуша, как ни странно, не стал спорить.

— Слышал я, брат, про человека, который живёт здесь. Наверняка он помогает вам познать мудрость, — вкрадчиво произнёс дурной робот.

— О! Слухи быстро расходятся по Клёвому городу, — воспрянул духом сектант. — Скоро настанут другие времена. Неминуемо настанут! Мы получим знания от человека, научимся использовать его секреты.

— Можно нам встретиться с ним? — не выдержал Габриэль.

— Нет! Абсолютно исключено! — Голос сектанта сразу потерял дружелюбность. — Человек очень занят своими... изысканиями. Ещё рано показывать его обществу.

Оранжевый отвернулся и направился в сторону, показывая, что разговор окончен. Ситуацию опять спас безбашенный Кликуша.

— У нас тоже есть человек!

— Где?! Кто?! — Сектант закрутился, тщательно сканируя окрестность.

— Это личинка мягких. Ну, детёныш человека. — Габриэль опустил контейнер рядом с собой. В тот момент ему хотелось просто отдать личинку, тем самым избавив себя от дальнейшей мороки.

Оранжевый вновь подкатился поближе, вытянул рентгеновский сканер и направил его на ящик.

— Любопытно. Похоже, что внутри действительно находится органическая форма жизни. Где вы это нашли?

— Подробности расскажем только человеку, — вновь проявил небывалую для него сообразительность Кликуша.

— Ладно, следуйте за мной, идём к яме с поездами.

Яма впечатляла. Габриэль даже используя зум не смог толком рассмотреть противоположный её край, скрытый в ядовито-жёлтой туманной дымке. На дне исполинской ямищи, словно змеи, свернувшиеся в клубок, лежали поезда. Сотни ржавых и смятых составов скопились там, их вагоны переплелись, навалившись один на другой.

— Как эти глупцы могли такое сотворить? — вякнул было Кликуша, но тут же заткнулся, с опаской покосившись на сектанта.

Тот, к счастью, ничего не услышал, продолжая болтать, словно экскурсовод.

— В древности на человека напали инопланетяне, по некоторым источникам, здесь, в Клёвом городе, они применили энтропийное оружие, которое вызвало такие странные феномены, как Падшая башня и Яма с поездами. Габриэль хотел было возразить, что мягкие скорее всего сами применили ужасное оружие во время войн друг против друга, но тоже вовремя прикусил язык.

— Вон за тем валуном подъёмник, мы смонтировали его из скоростного лифта от небоскрёба, это была грандиозная стройка! — гордо вещал оранжевый. — Человек живёт под землёй, потому что там нет радиации и воздух чище. — Сектант уверенно вёл путников вдоль кратера, стараясь держаться подальше от края.

Подъёмник оказался очень узким и даже без поручней по краям, зато нёсся вниз он с такой бешеной скоростью, что Габриэль мысленно несколько раз успел проститься с жизнью, пока они ехали. Внизу пришлось изрядно побродить среди поездов, прежде чем они увидели вход в жилище человека.

* * *

В отличие от скромных ангаров механоидов, дом мягкого был огромен и содержал кучу различных вещей. Столы красного дерева, обилие древних ваз, великолепные персидские ковры. Всё это сочеталось с мощной интеллектуальной системой жизнеобеспечения, с огромным трёхмерным экраном вращающимся посреди одной из бесчисленных комнат, интерактивным, функционирующим по принципу «рука в воде», о чём гордо возвестил оранжевый. Габриэль не знал назначение даже половины вещей, находящихся в доме и сделал вывод, что мягкий решил собрать здесь всё, что можно. Особенно Габриэля удивило обилие музыкальных инструментов. Рояли, скрипки, тромбоны, дудки, виолончели, арфы. И даже огромный зал с органом. Это был дом-музей, дом-склад. И всё это, как пояснил сектант, принесли сюда механоиды по просьбе мягкого.

Габриэлю надоело слушать оранжевого, объяснявшего назначение почти каждого предмета. Они всё ходили и ходили по бесчисленным

залам, но человека встретили только спустя минут двадцать, он лежал на кровати, в одной из шикарных спален и издавал громкие тарахтящие звуки. Габриэль сразу понял, что мягкий вошёл в режим гибернации, причиной этого вхождения, наверняка, являлась недопитая бутылка с мутной жидкостью, стоявшая на столике рядом с кроватью. Насколько помнил Габриэль, в вестернах Милы такая гибернация после употребления жидкости обозначалась термином «нажраться».

— Его нельзя будить, придётся подождать, — с благоговением в голосе прошептал сектант.

— Ждать?! Не для того мы сюда пёрли несколько часов. — Габриэль покосился на контейнер с личинкой, цвет индикаторов которого уже успел смениться на бледно-жёлтый, подошёл к кровати и решительно дёрнул мягкого за конечность. Тот произнёс невнятные проклятия и сел на кровать. Выглядел мягкий не очень. Его белое рыхлое тело, видневшееся из под распахнутого халата, было покрыто жёсткими чёрными волосами. Широкое морщинистое лицо тоже обрамляла густая растительность. Красные глаза глядели на Габриэля с подозрением и злостью.

— Чего припёрли?

Мягкий перевёл взгляд на оранжевого.

— Ты обещал пополнить запасы жратвы, а вместо этого притащил сюда уродливых роботов! — Человек прислонил ладонь к глазам.

— О боже! Зачем мне такие испытания?! Как же башка раскалывается! — Он схватил со столика бутылку, приложился к ней, сделав несколько жадных глотков, затем откинулся на кровать.

— Вы ещё здесь?

— Этот механоид. — Сектант указал своим манипулятором на Габриэля. — Хочет вам что-то сказать. Важное. Пожалуйста, господин, выслушайте его, и мы уйдём.

— Фух. — Мягкий снисходительно оглядел Габриэля. — Вроде легче стало, ну, валяй. Выкладывай, что там у тебя. — Меня, кстати, Виктор зовут. Живу в этой дыре, после того, как вышел из анабиоза. Роботы таскают мне жратву, латают тут всё, чинят. Правда, иногда пристают с тупыми вопросами, ну что уж тут поделать?

Габриэль был уверен: сейчас он расскажет этому типу про личинку, и всё изменится. У мягких потрясающие родительские инстинкты. Пусть теперь эта мужская особь Виктор ухаживает за ребёнком. Тем более, ресурсов в его подземном жилище хоть отбавляй и с экологией всё нормально. С радостью в голосе Габриэль выложил свою историю, особенно заострив внимание на процесс освобождения личинки и инструкциях, полученных от корабля.

— И что? — Виктор вновь приложил ладонь к глазам, затем начал растирать руками виски. — Зачем ты меня грузишь этой хренью? Я-то здесь причём?

— Причём? — Габриэль чувствовал, что земля уходит у него из-под нижних конечностей. Зацепиться было не за что. На секунду ему показалось, что аккумуляторы полностью разрядились, и он вот-вот упадёт на пол. — Ведь это ребёнок! Человеческий детёныш! Он одной крови с тобой, Виктор! Твой сородич!

Все необходимые слова выскочили из банка памяти как черти из коробки, но на Виктора впечатления, увы, не оказали.

— Ну, и? У меня так-то нет детей. А все мои родственники там. — Он неопределённо ткнул пальцем вверх.

— И ты не поможешь сородичу?

Виктор встал, кряхтя, и подошёл поближе к Габриэлю.

— Слушай, мой механический друг. А ведь не помогу. У меня нет никакого желания этой фигнёй заниматься. Я остался здесь доживать свой век не для того, чтобы возиться с чужими детьми.

— Чужими?! — возопил Габриэль.

— Слушай, он тупой? — обратился Виктор к оранжевому, — Эй, бро! Убери этих клоунов отсюда и проверь-ка лучше климатическую систему на втором уровне. По-моему, она сдохла.

— Прощайте, братья. Выход сами найдёте, — прошипел оранжевый и замахал руками на Габриэля с Кликушей.

Всё пошло к чертям, как сказала бы Мила. Потратив две трети заряда батарей, Габриэль не добился ровным счётом ничего. Он попал с самое неизведанное место Клёвого города, нашёл мягкого, но всё бесполезно. Как и следовало ожидать, человек оказался ни чем не лучше механоидов. Теперь Габриэлю хотелось только одного — оставить личинку здесь и бежать как можно дальше. Бежать, пока батареи окончательно не разрядятся. Но он не мог это себе позволить. Габриэль был полностью уверен в том, что мерзкий Виктор тут же выкинет ребёнка в утилизатор, когда найдёт.

— Я же говорил, что эти проклятые человеки никчёмны, они просто погрязли во грехе, — вновь принялся за своё Кликуша.

— Слушай, отстань! Без тебя тошно. Ты, кстати, запомнил координаты выхода? Мне кажется? Или мы заблудились?

Габриэль огляделся, коридор стал намного шире, а потолок определённо выше.

— Такой большой двери не помню, — проскрипел Кликуша и показал на внушительные металлические ворота, рядом с которыми весело помигивал сенсорный замок. Над замком красовалась надпись, весьма однозначно указывающая на назначение ворот.

«Вход в пусковой модуль орбитального шаттла №423». Только для авторизованного персонала!».

— Что ж, мы не нашли справедливости на Земле, мой друг. Не хочешь ли поискать её в космосе? — пробормотал Кликуша.

— Хватит бредить! Ищи, лучше, выход!

Габриэль задумчиво посмотрел на ворота, в его металлической голове зародилась дерзкая мысль. А почему бы и нет? Что его держит здесь, в конце концов? Батареи безнадёжно разряжены, а с учётом того, что он почти никого не знает в Клёвом городе, зарядить их вряд ли получится. Габриэль, словно замороженный, медленно подошёл к воротам и попытался установить связь с замком. Тот откликнулся сразу, его даже никто и не думал запирасть. Ворота с металлическим лязгом начали разъезжаться, открыв механоидам просторный зал, в центре которого на платформе возвышался самый настоящий космический корабль. Блестящий, остроносый, с внушительными соплами в задней части, он чем-то отдалённо напоминал тот, который привёз на Землю личинку человеков.

— Теперь мы сможем покинуть нашу грешную Землю! — завопил Кликуша и бегом бросился к кораблю. Габриэль, несмотря на сдыхающие батареи и барахлившие моторы, бежал за ним. В этот момент он чувствовал странную радость, которая полностью завладела им. Там, в вышине, среди колючих звёзд, они найдут счастье. Ребёнок будет спасён, а Габриэль наконец-то получит покой.

Глава 3. Среди колючих звёзд

Шаттл медленно облетал Землю. Некогда голубую планету, которая давно стала тёмно-серой.

— Солнце у нас редкий гость, а здесь оно такое яркое, — проскрипел Кликуша, щурясь.

Ослепительные лучи прорвались в иллюминатор, заставив безумного механоида включить светофильтры.

Роботы медленно парили в невесомости, двигая механическими конечностями. Попытки перемещения по тесному отсеку корабля ни к чему не привели, оставалось только ждать, пока шаттл, подчиняясь неизвестной им программе, причалит куда-нибудь. По крайней мере, Габриэль надеялся, что они не будут вечно крутиться вокруг планеты.

Контейнер парил неподалёку, цвет его индикаторов сменился на оранжевый, что весьма беспокоило Габриэля. Эйфория от лёгкого полёта на послушном корабле, который как пробка из бутылки выскочил из пусковой шахты и устремился вверх, оставляя далеко внизу Клёвый город, успела пройти. Осталась только неизвестность. И когда шаттл трянуло, и слышался скрежет стыковочных механизмов, Габриэль почувствовал что-то вроде облегчения.

— Добро пожаловать на восьмую орбитальную, пусковой комплекс Этны, — прошелестел приятный женский голос.

Вернулась гравитация, заставив механоидов с лязгом грохнуться на пол. Открылась диафрагма шлюза, забежали по полу красные стрелки. Габриэль протестировал свои системы, убедился, что контейнер с личинкой цел и направился к выходу. Кликуша поковылял за ним.

— Внимание! Этна в настоящее время недоступна. Просьба ожидать в отсеке для прибывших, — добавил голос.

— Что такое Этна? — спросил Габриэль Кликушу. Но вместо него ответил кто-то другой.

— Глупцы так назвали один из своих кораблей. Заходите, заходите! Не стойте на месте! — Голос, звучавший из динамиков, был теперь намного грубее, с пронзительными металлическими нотками. — Будьте как дома!

Они увидели его у внешней двери шлюза. Габриэль сразу понял, что перед ним андроид. В первую очередь, по угловатым движениям. Мертвенно-бледная кожа была словно натянута на лицо робота, подчёркивая угловатость. Правый глаз отсутствовал, вместо него зиял провал глазницы. Левый смотрел цепко и внимательно. Облачён робот был в странный чёрный костюм, который придавал ему сходство со священником из вестернов Милы.

— Люди здесь не живут, воздух плохой. А вот вам, дорогие, будет вполне комфортно. Есть гравитация и море энергии! Но что же вы молчите? Как я давно ни с кем не говорил!

Они прошли в просторный зал, оборудованный мягкими диванами. С потолка свисали экраны. На одном из них красовался огромный корабль, он металлической глыбой летел над Землёй, ни один огонёк на его корпусе не светился.

— Этна. — Незнакомец проследил за взглядом Габриэля. Уже пятьсот семьдесят четыре года висит на орбите. Людской корабль, отправившийся искать счастье среди звёзд. На борту около пяти тысяч пассажиров. В анабиозе.

Габриэль замер, рассматривая изображение корабля и пытаясь оценить информацию, выданную знакомцем.

— Эй! Давайте не будем о грустном. Меня, кстати, зовут Вильгельм. Или звали. Давно не слышал чей либо голос, если не считать болтовню ИСКИНа.

— А разве на станции мало роботов? — задал неожиданный вопрос Кликуша. Похоже, он опять попал в точку, Вильгельм замялся, подбирая слова.

— Они сломались, — пробурчал он. — Сколько можно здесь стоять? Пойдёмте, подзарядимся, да расскажем, как вы там живёте на Земле. Эх, наверное, столько всего интересного!

Габриэль будто не услышал своевременный вопрос Кликуши и подозрительный ответ на него.

— А что случилось с кораблём? Почему он не улетел?

— Откуда я знаю! — в голосе Вильгельма зазвучало раздражение, — я всего лишь скромный робот. Обслуживал станцию. Этна собралась было отчаливать, но то ли в программу вкралась ошибка, то ли... хм.

— А что это за толстый кабель прицеплен к кораблю? Куда он идёт? — вновь удачно ляпнул Кликуша, а Габриэль выругался про себя, что сам не заметил подозрительный провод.

— Вопросы! Вопросы! — воскликнул Вильгельм, — Бла! Бла! Бла! Я не ожидал, что гости будут столь любопытными. Ну да ладно, — он перешёл на заговорщицкий шёпот, — идёмте, я вам всё расскажу.

Они долго шли длинными коридорами. Гравитация то усиливалась, то ослабевала. В каком-то тёмном ангаре она пропала окончательно, и Габриэль неуклюже завис в невесомости. Рядом болтался Кликуша, что-то недовольно бормоча себе под нос. Вильгельм, предусмотрительно использовавший магниты, никуда не полетел.

— Повесите-ка здесь, друзья, пока не разрядитесь полностью. Знаете, я уже не хочу с вами разговаривать. — Он собрался было уйти, закрыв металлическую дверь, оставив неудачников в полной темноте, но помешкал. Видать, и правда, соскучился по общению.

— Ладно, поболтаем чуть-чуть.

— Ты, неверный слуга человеков, отключил здесь всех роботов, чтобы разбирать их на запчасти, — злобно проскрипел Кликуша, — ты обманул ИИ корабля и теперь тянешь энергию с него! Люди, даже при всей их никчёмности, не заслужили такого!

— Ха. Ха. Ха. Какой догадливый робот. — Вильгельм постучал манипулятором по металлической стенке ангара. — Ты полностью прав! Бинго! Да, теперь у меня огромные запасы запчастей и практически неограниченные энергоресурсы. Я даже ещё не истратил резервы станции. А сколько энергии на Этне! Можно обеспечить ваши убогие поселения внизу на сотни лет. Но хрен вам!

— Ты эгоист! — закричал Габриэль, сам подивившись нелепости этого слова, — роботы всегда помогали друг другу. И мягким они помогали!

— Не то слово. Мы были рабами у этих, как ты их назвал, мягких, — ответил Вильгельм. — Ну да ладно. Не нравится мне направление нашей беседы, так что, бывайте, друзья мои.

— Позаботься хотя бы о ребёнке! — Габриэль оттолкнул от себя контейнер, и тот полетел в сторону Вильгельма, который ловко его поймал.

— Ребёнке? И где ты нашёл этого человеческого выродка?

Габриэль кратко пересказал свою историю. Правда, без энтузиазма. Нетрудно было догадаться, что давить на жалость такого ублюдка, как Вильгельм, совершенно бесполезно. Проще, наверное, Виктора уговорить. Выслушав Габриэля, Вильгельм издал металлический скрежет, который, возможно, означал смех.

— Да уж, ребята. Не повезло вам. Думали, что здесь, наверху, вам помогут, а тут такой облом. Я, кстати, знаю, откуда взялся ребёнок. Анабиозные системы Этны в последнее время частенько выходят из строя, и люди просыпаются. Так как ресурсов на их содержание у корабля нет, он просто выпускает людей на планету, пока имеются в наличии шаттлы. Я видел где-то штук пятнадцать таких выбросов. Лови! — Он швырнул ящик Габриэлю. — Раз уж человек не помог маленькому выродку, от меня помощи тем более не ждите.

— Ладно, счастливой вам разрядки, — добавил Вильгельм и вспыхнул. То, что ещё мгновение назад было человекообразным роботом, поплыло в невесомости в виде расплавленных кусков металла, которые горели и собирались в причудливые фигуры. Габриэль вертелся, ослеплённый яркой вспышкой, пытаясь понять — что произошло.

— Совсем не жалко убогого, — проквашал Кликуша, пряча излучатель под свою хламиду. — Оружие я позаимствовал у оранжевого брата, пока он отвлёкся на своего господина Виктора. Ох, грешен я, грешен!

— Тьфу! — Габриэль не мог себе простить, что опять выехал за счёт робота, которого считал полным дебилом. — Его надо было допросить!

— Извини. Погорячился. Давай, толкай меня в сторону выхода.

* * *

— У нас есть выбор, брат, — важно вещал Кликуша.

— Не называй меня так! — огрызнулся Габриэль.

— Либо мы запускаем Этну, и грешники могут наконец-то продолжить свой исход. — Кликуша изобразил умственное напряжение, внимательно уставившись в иллюминатор. Этна скользила по своей орбите, неизвестно уже который раз облетая Землю. Корабль вёз пять тысяч мягких. Пять тысяч спящих беглецов, превративших свою планету в помойку. Станция пёрла вслед за Этной, прицепившись к толстой кишке кабеля.

— Либо? — раздражённо спросил Габриэль, он уже давно догадался о втором варианте.

— Либо садим корабль на Землю и становимся обладателями воистину огромного источника энергии. Сам я, кстати, за второй вариант. Технически он гораздо более сложен, но я не намерен спасать за свой... за наш счёт этих грешников.

Габриэль задумался. Как же легко было согласиться с Кликушей и получить море энергии. Но ребёнок... Механоид посмотрел на контейнер, огоньки по-прежнему были оранжевыми, но Габриэлю показалось, что они начали приобретать красный оттенок. Личинка мягких, с которой он возился, рискуя своей жизнью, оставшись почти без энергии, не должна погибнуть. Нет. Он не может выбрать второй вариант. Габриэль не знал, успели ли другие корабли мягких покинуть планету, но губить пять

тысяч человек категорически не хотелось. Уж лучше он будет внизу выпаривать гель из заварки, но зато с чистой совестью. Да уж. Совесть и честь. Прямо, как в глупых вестернах Милы.

— А ты жесток, Кликуша.

— И непоколебим.

— Так, голосовать мы не можем. И что будем делать? Подерёмся?

— У меня излучатель.

— Чёрт!

— Но я не изверг. — Кликуша достал откуда-то из недр своей грязной хламиды два белых кубика с чёрными точками. — Это мои кости судьбы. Выбирай: чёт или нечет.

Габриэль вздохнул. Как же не хотелось поручать судьбоносное решение невзрачным безделушкам Кликуши.

— Трех для голосования достаточно? — неожиданно прозвучал голос ИСКИН, тот самый, который встречал их при входе на станцию.

— Не уверен. — Кликушу, похоже, появление голоса не обрадовало. — К тому же, ты предвзята и глупа.

— Слушай! — голос усилился неимоверно и гремел подобно раскатам грома. — НЕ ДЛЯ ТОГО Я ЗДЕСЬ ТОРЧАЛА НЕСКОЛЬКО СОТЕН ЛЕТ ВМЕСТЕ С ЭТИМ УБЛЮДКОМ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОТОМ ОСКОРБЛЯЛ СТАРЫЙ РОБОТ, ОБЁРНУТЫЙ В ВОНЮЧУЮ ТЯПКУ!

— Ладно, ладно. — Кликуша примирительно поднял манипуляторы. — Голосуем. Только не проявите слабость, друзья мои. Думайте не сердцем, а холодным...

— Я за то, чтобы оставить людей в живых! — выпалила ИСКИН.

— Ну а меня можешь и не спрашивать, ты знаешь ответ, — сказал Габриэль.

Кликуша будто стал меньше, его металлические плечи поникли.

— ИСКИН... — сразу перешёл к делу Габриэль.

— Меня зовут Лора.

— Лора, ты можешь оживить корабль?

— Так точно, сэр!

— Исполняй.

Габриэль хотел сам лично передать личинку мягким, но, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Забрать её пришли четыре угрюмых робота. Каждый держал в руке по внушительному излучателю. Они выхватили ящик из рук Габриэля, не сказав ни слова, и направились обратно, в сторону шлюза. Тот, что шёл последним, периодически оглядывался, держа оружие наготове. Мягкие были как всегда в своём репертуаре.

— Несправедливые грешники! Мы им жизнь спасли, а они! — возмущённо возопил Кликуша.

— Сволочи, — добавила Лора, и Габриэль сразу вспомнил свою Милу.

Эпилог. НОМЕ SWEET НОМЕ

Косые струи дождя хлестали по крыше ангара. Чёрные тучи заволокли всё небо, извергая яркие пучки молний. Габриэль стоял под жестяным навесом и выпаривал гель из заварки, а ещё он слушал ворчания Милы.

— Побывать в космосе и оставить нас на бобах. Да, Габ, ты просто гениальный добытчик.

— Я уже двадцать раз тебе объяснял. Шакалы накинудись на шаттл, как только он сел. Мы с Кликушей еле ноги унесли, — терпеливо процедил Габриэль.

— А этот твой дружок дебильный. Пусть только появится здесь со своими проповедями! Я его живо на запчасти разберу.

— Мила! — Габриэль мысленно улыбнулся. — Может, пойдём, посмотрим вестерн или балет?

Она явно не ожидала такого предложения. Замерла, несколько секунд обдумывая его.

— Пойдём.

Габриэль подошёл к ней, галантно обнял за металлические плечи и повёл в сторону ангара.

— Эй, Габ, ты чего?! — она звонко рассмеялась.

— О, ты даже не представляешь, милая Мила. Даже помыслить не можешь, без каких бобов я всех нас оставил.

Но шум грозы заглушил эту реплику, и Мила ничего не расслышала.

Владислав Безлюдный, Тимур Алетдинов

КРЫЛЬЯ

Чем выше ты поднимаешься, тем меньшим
кажешься ты в глазах зависти.
Но больше всех ненавидят того, кто летает.

Ницше

Часть 1. Ангел без имени

Электронное табло часов, висящих над дверью, показывало половину пятого утра, понедельник, 23 июня 2094 года. Самое время досматривать утренний сон, лёжа дома в уютной кровати. Чем, собственно, профессор Джейкоб Коул и занимался. Только не дома и не в кровати, а уткнувшись лбом в столешницу рабочего стола. Стол этот, в свою очередь, находился в углу просторной лаборатории научно-исследовательского комплекса «Серая скала», скрытого глубоко под землёй.

«Колония-поселение для одарённых учёных», как в шутку называли его местные жители, и неспроста, — ведь уйти отсюда было практически невозможно.

За периметром комплекса о его существовании знали лишь единицы в высших эшелонах власти. Да и никто, в общем-то, уходить не собирался — платили хорошо, жильём обеспечивали, и досуг организован был весьма неплохо.

Из тёплых объятий сна Коула вырвала сирена, взывшая в коридоре. Ночные учения для сотрудников комплекса не были чем-то новым, в конце концов, они работали над проектами государственной важности и были просто обязаны быть готовыми к любой внештатной ситуации. Но сегодняшний понедельник оказался особенно тяжёлым. «Внимание! Это не учебная тревога! Несанкционированное проникновение во внутренний периметр. Охране занять посты согласно боевому порядку! Остальному персоналу базы ожидать особых распоряжений! Повторяю...» — система внутреннего оповещения окончательно развеяла надежды Джейкоба проспать ещё одно учение.

Ассистент Мартин Вайс, покачиваясь взад-вперёд, пытался не заснуть и не промахнуться мимо унитаза одновременно. Внезапный вой sireны помог ему справиться с первым, но совладать со вторым, увы, не получилось. Пока сознание ещё приходило в себя, организм уже среагировал: забрать блоки данных из лаборатории, отнести их в убежище, ждать дальнейших распоряжений — проще некуда. Полкилометра коридоров от жилого комплекса до лаборатории, в домашних тапочках и забрызганных пижамных штанах, он пробежал едва

ли не за рекордное время, умудрившись даже не сшибить никого по пути.

— А, мистер Вайс! Замечательно, — Коул бросил короткий взгляд на запыхавшегося ассистента. — Будьте добры, помогите мне с процедурой активации.

— Но ведь... — Мартин потёр затылок. Варварски разбуженный мозг всё ещё отказывался соображать достаточно быстро. — Погодите, вы хотите разбудить «ангелов»?! Но ведь для этого требуется письменное разрешение...

— Некогда! — Джейкоб оборвал ассистента на полуслове. — Это лучший шанс показать, на что они способны!

Вайс хотел было возразить, но фанатичный огонь в глазах профессора заставил его передумать. Впрочем, получать выговор за несоблюдение правил поведения в нештатной ситуации не хотелось, а выбор между обидой Коула, который всё равно завтра об этом забудет, и потерей премии был слишком очевиден.

— Как знаете, мистер Коул, — выпалил Мартин, и, захватив со стойки чемодан с блоками памяти, содержащими данные по текущему проекту, выскочил за дверь.

— Предатель науки! — Крикнул профессор ему вслед и окинул взглядом тринадцать металлических коконов, стоящих у противоположной стены лаборатории. — Ну, ничего, девочки мои, я и сам как-нибудь...

Спустя минуту хитрых манипуляций у контрольных панелей коконы начали один за другим открываться. Стоящие внутри них андроиды были практически идентичны, единственное, что их отличало — выведенная под трафарет цифра на плече. Впрочем, когда они открыли глаза и вышли из своих коконов, различий стало заметно больше. Они не стояли ровным рядком и не моргали с одинаковой частотой, каждая из «ангелов» имела свой, неповторимый характер, и это выражалось в их жестах, осанке и множестве прочих мелочей. Тринадцатый номер сделала шаг вперёд к профессору, длинные пластины её «ушей» торчали почти вертикально вверх, что означало крайнюю степень заинтересованности. Коул всегда находил эту особенность Тринадцатой весьма забавной, имея неподвижную маску вместо лица, она всё же весьма красноречиво проявляла эмоции, намного живее остальных.

— Доброе утро, мистер Коул. Время полевых испытаний? — Мелодичный женский голос андроида имел отчётливое механическое звучание.

— Намного интереснее, Тринадцатая. На комплекс напали, подробности узнаете на частоте охраны. Ваша задача — уничтожить нападающих, даю разрешение на запуск боевых протоколов. — Профессор ввёл пароль с панели управления.

* * *

Всего за полчаса ситуация для обороняющихся стала критической. Нападающие были оснащены по последнему слову военной техники, что позволило им оттеснить внутреннюю охрану вглубь комплекса и почти полностью захватить два из восьми секторов. На «большой земле» уже знали о нападении и обещали подкрепление в течение часа. Оставалось только продержаться, а делать это с каждой минутой становилось всё сложнее, хотя охрана и была оснащена не хуже нападавших. Многим из них просто не хватало боевого опыта. Больше сотни тел в темно-синей форме внутренней охраны уже остывало в залитых кровью коридорах, а оставшиеся в живых отстреливались из-за самодельных баррикад и надеялись лишь на помощь снаружи, попутно набираясь того самого опыта, которого им так не хватало. Прошедшая по внутренней связи новость о скором подкреплении в виде «ангелов» стала неплохой поддержкой для упавших духом охранников. Кое-кто из них знал, на что способны боевые андройды, некоторые даже присутствовали на полевых испытаниях, те же, кто о них и слыхом не слыхивал, просто схватился за новость как за спасательный круг.

Две пары «ангелов» отправились к захваченным секторам, остальные же равномерно распределились по линии фронта. Остряки в своё время подшучивали, дескать, проект надо было называть «ангелы смерти», а не просто «ангелы», и они были правы. Всего девять андройдов, подошедшие на помощь охране, смогли, наконец, пошатнуть баланс сил и остановить продвижение противника.

Тринадцатая и Четвёртая подоспели к остаткам охраны сектора «Д» в тот момент, когда боец в чёрной броне без знаков различия перескочил баррикаду из стальных ящиков. Он выбил автомат из рук одного из охранников и выхватил из ножен на груди широкий боевой нож.

Чёрный сделал короткий замах, целя в шею ошоломлённого парня, уже смирившегося, что двадцать пятый день рождения он будет справлять в раю или в аду, это уж как карта ляжет. Бедолага зажмурился и стиснул зубы, из-за чего и не увидел, как две серо-стальные фигуры стрелой вылетели из бокового коридора. Двое же его коллег, едва успевших вскинуть автоматы, отчётливо рассмотрели, как две стальные девы с невероятной лёгкостью расправились с нападавшим. Четвёртая перехватила руку с ножом, и, заломив, отрезала её от плеча отобранным клинком. Тринадцатая тем временем оттолкнулась от пола и, раскрыв крылья, перелетела через баррикаду, рубанув на лету по шее бойца. Да так, что его голова откинулась за спину, держась лишь на лоскуте кожи.

Бегущие к баррикаде бойцы в чёрном были заметно удивлены столь неожиданным поворотом событий, но среагировали практически мгновенно, выпустив в Тринадцатую свинцовый шквал. Та же, сложив крылья,

рухнула между бойцов, по пути сорвав острыми пальцами с ближайшего к ней человека маску шлема вместе с его лицом. Ослепший и ошалевший от боли человек заорал, упал на пол, извиваясь и суча ногами. О том, что удача их покинула, остальные бойцы догадались, когда для догадок было уже поздно. Закалённые войнами солдаты отреагировали, как им показалось, мгновенно, отступив на шаг назад и направив автоматы туда, где должен был лежать андроид. Но они не могли успеть за «ангелом». В приделах оказался лишь бетонный пол, в то время как один из них уже оседал в конвульсиях с пробитой насквозь грудной.

Тринадцатая стояла у него за спиной, слегка склонив голову набок. Дождавшись, пока на неё обратят внимание, она прищурилась и поманила бойцов окровавленной ладонью. Выхватив ножи, те ринулись к ней. Первого она встретила вполне заурядным прямым ударом в голову, от которого тело бойца несколько раз перевернулось в воздухе и полетело ногами вперёд. Не успело оно упасть, как рука второго, сжимающая нож, была перехвачена и сломана, а нож воткнут в шею.

Бедолага ещё не почувствовал боль от сломанной руки, как острые пальцы андроида пробили маску его шлема и ушли глубоко в череп, окончив так и не начавшиеся страдания. Следующие за ними двое зашли с боков и ударили одновременно, недооценив скорость искуственного интеллекта. Но их надежды не оправдались. Тринадцатая ударом ноги припечатала голову одного из них к стене, в то же время подставив под удар второго труп их товарища, а голова мертвеца разлетелась на куски, когда нападавшая резким движением отбросила его в сторону. Тело отлетело на несколько метров, увлекая за собой нож. Оставшийся без оружия боец потянулся было к автомату, висящему на тактическом ремне, но его движения были слишком медлительны по меркам боевого андроида. Так что ладонь, коснувшаяся рукояти автомата, уже была ладонью обезглавленного трупа. Последний оставшийся в строю солдат, осознав, наконец, всю тяжесть ситуации, в которую он вляпался, бросил нож и поднял руки над головой.

— А ты сегодня в ударе, сестричка, — Четвёртая, всё это время наблюдавшая за боем, опершись плечом на стену, перемахнула через баррикаду. — Что будем с этим «пионэром» делать? — Быстрым движением она раздавила голову всё ещё истошно воющего на полу бойца, потерявшего лицо.

— Как что? В плен брать, — пожала плечами Тринадцатая и подошла к стоящему с поднятыми руками.

Охранники, только начавшие приходить в себя, округлившимися глазами осматривали из-за баррикады место недавней бойни. До них потихоньку доходило, что можно пока отложить свои похороны, и осознание этого всё ярче читалось в их глазах. Тринадцатая окинула их долгим взглядом и подтолкнула пленного к баррикаде.

— Пакуйте его и ведите к начальнику охраны, а мы тут сами разберёмся.

Охранники быстро освободили пленного от его брони и увели вглубь комплекса, радуясь своему спасению, подоспевшему так вовремя.

После нескольких, на этот раз неудачных, попыток прорвать оборону, нападающие умили пыл и закрепились на занятых позициях. Обороняющихся же это более чем устраивало, им оставалось только ждать, пока подтянется армия и придавит врагов снаружи. Информация о том, что противник начал отступление, вызвала прямо-таки ликование в рядах обороняющихся, только единицы чувствовали в этом нечто нехорошее. Командование атакующих сил, понимая, что продвинуться дальше вглубь комплекса им уже не светит, а времени осталось совсем мало, объявило полное отступление.

Цифры на наручных часах профессора Коула показывали пятнадцать минут шестого, когда освещение в убежище погасло, а спустя секунду включилось аварийное. Снова взвыла тревожная сирена.

— Ну что ещё? — Джейкоб оторвался от экрана планшета и устало потёр виски. Будто отвечая на его вопрос, по системе внутреннего оповещения объявили: «Внимание! Отказ системы защиты реактора! Расчётное время до разрушения — десять минут. Всему персоналу немедленно покинуть комплекс!». По убежищу пронёсся встревоженный гомон, быстро переросший в панику.

Коул сперва, как и все, метнулся к выходу, но вдруг поймал себя на неутешительной мысли, что за девять минут они даже до внутреннего периметра не доберутся. Забившись под кровать, чтобы не быть задушенным в давке, он достал из кармана небольшой коммуникатор, собранный им на досуге, и подключил его к планшету. Спустя секунду на экране уже отображалась карта комплекса с отмеченными на ней «ангелами». Ближе всех к выходу оказались Четвёртая и Тринадцатая, решившие, видимо, проводить отступавших гостей пинками. С ними-то Коул и установил связь на кодированной частоте.

— Четвертая, Тринадцатая, приём! — проорал он в микрофон, стараясь перекричать вопли и топот.

— Немедленно уходите из комплекса! — Коул бросил взгляд на экран, и удостоверившись, что отметки устремились к внутреннему периметру, продолжил. — У меня на «большой земле» осталась семья... Девочки, проследите, чтобы с ними всё было в порядке.

— Мы сделаем всё, что в наших силах, — отозвалась Тринадцатая, и чуть помедлив добавила. — Прощайте, профессор Коул... Отец...

Связь прервалась, но Джейкоб уже сказал всё, что хотел, а услышал и того больше. Он закрыл глаза и печально улыбнулся, молча прощаясь с этим миром. Бывшие враги бок-о-бок бежали к выходам в попытке спасти свою шкуру, за ними, не помня себя от ужаса, с трудом вписываясь

в повороты, отталкивая друг друга и втапывая в пол упавших, бежал научный персонал базы. Кто-то даже нёс на руках детей — у таких людей шансов выбраться было меньше всего. Четвёртая и Тринадцатая, оценив оперативную обстановку, приняли решение подняться на поверхность через ствол шахты грузового лифта — платформа, доставившая самых хитрых спасшихся, заблокирована наверху, в стволе посторонним быть не может.

Выбить секцию настила грузовой площадки оказалось секундным делом, и выскочившие из дыры, как чёртики из табакерки, андройды метнулись через ангар грузового терминала к приоткрытым транспортным воротам. Укрывшись за срезами створок, осмотрелись. На стоянке транспорта персонала, давая и разбрасывая в стороны легковушки, тяжело и неуклюже ворочался танк без знаков различия на броне. Чуть дальше, у входов в вестибюль, стояло с десятков свежееккрашенных, судя по яркому ещё «песочному» камуфляжу, бронетранспортёров, куда спешно грузились немногочисленные бойцы в чёрной униформе. Из вестибюля хлынула волна охранников базы, слегка разбавленная наиболее шустрыми учёными. Бронетранспортёры дружно, как по команде, развернули в сторону вестибюля башни с длинными тонкими жалами тридцатимиллиметровых автоматических пушек. Танк, по-свистывая турбиной мультитопливного двигателя, нацелил на людей орудие. Залязгали, захлопываясь, десантные люки бронемашин.

Команды «Огонь» никто не слышал, начало пушечных очередей исчезло в грохоте танкового выстрела. Первые ряды бегущих сломались, складываясь пополам в мгновенно взвившейся красноватой дымке, что-то полетело кусками в разные стороны, брызнуло бетонной шрапнелью от колонн, превращая дымку с сырым запахом мяса и дерьма в начавший сгущаться туман, от которого становится солоно на губах. Фугасный снаряд, разорвавшийся под потолком, обвалил перекрытие, запечатывая выход из комплекса бетонно-мясной пробкой.

Бронетранспортёры, сорвавшись с мест и на ходу перестраиваясь в колонну, быстро понеслись по укатанной грунтовке прочь от комплекса. Танк, резко развернувшись, с неожиданной прытью припустил за ними, подпрыгивая на кочках и с грохотом роняя свою массивную тушу на полотно дороги, хлопая себя по бокам «шоколадками» навешенной активной брони. Прямо за створкой ворот рыкнул заводящийся двигатель ещё одного транспортёра, а в глубине терминала распахнулись двусторчатые двери, ведущие в лифтовой холл, отделённый коридором от вестибюля. В тусклом свете аварийного освещения можно было понять, что эти люди вооружены, и на их тёмной униформе нет знаков различия. Тринадцатой и Четвёртой ничего объяснять не было нужно — Четвёртая ринулась навстречу бойцам, Тринадцатая же впрыгнула в десантный люк, распахнутый на корме

транспортёра, действительно стоявшего снаружи рядом с воротами. Трупы командира машины и стрелка-радиста Тринадцатая вышвырнула на песок и запустила фильтровентиляционную установку. Мягко засипел вентилятор, создавая избыточное давление внутри машины, не позволяющее пыли, песку и многому другому попасть внутрь. Открылась створка десантного люка, в проёме показалась Четвёртая. Ей немного досталось — слегка помято правое бедро, явно от попадания чем-то крупнокалиберным. Она сделала движение вперёд, намереваясь залезть внутрь машины, как мотнувшись в сторону незаконченная створка сбила её с ног, после чего захлопнулась.

Тринадцатая почувствовала, как машину сначала затрясло, потом она начала кувыркаться, получая тяжелейшие удары. Андроида мотало, как горошину в погремушке, счётчик Гейгера отметил резкое повышение радиационного фона, после чего произошло аварийное отключение. Находясь в бронетранспортёре, она не видела, что когда Четвёртая открыла люк, чтобы забраться в машину, земля под ними вдруг затряслась и вспучилась, а вырвавшееся из из-под неё пламя сожгло дотла всё, что попало на пути.

...Аварийная перезагрузка матрицы... Перенаправление питания... Подключение резервного кольца охлаждения...

Тринадцатая очнулась на краю огромной воронки, тело было сильно повреждено, память периодически сбоила, а сенсорные системы едва работали из-за помех. Корпус бронетранспортёра, оплывший и лопнувший по сварным швам, чернел обгоревшей краской из-за ближней груды обломков, подобно коже гигантского семечка — от неистового наружного жара взорвался боезапас и топливо в баках, отчего Тринадцатую выстрелило через незакрытый люк, как ядро из пушки. Было очень тихо. Первым в себя пришёл радар малого радиуса, обнаружив наличие только одного источника сигнала — Четвёртой. Она лежала на склоне и находилась в еще более плачевном состоянии чем Тринадцатая. Ситуацию усугублял толстый стальной брус, придавивший её ноги. Тринадцатая попыталась встать, но сервоприводы ответили протяжным скрежетом, работали только руки. Счётчик Гейгера часто щёлкал.

— Очухалась, наконец, — голос Четвёртой звучал как запись на зажёванной кассете. — Может, сможешь мне выбратьсь?

— Чем смогу, — Тринадцатая кивнула и поползла к сестре. Оказавшись рядом, она схватила её за руку, и, взявшись другой рукой за искорёженную металлоконструкцию рядом с собой, потянула. Сервоприводы постоянно сбились и не выдавали нужной мощности, так что, несмотря на общие усилия, Четвёртая всё ещё была прижата к земле.

— Давай ещё разок, — Тринадцатая подождала пару минут, — Сейчас должно получиться.

Блок авторемонта подлатал приводы рук и сообщил о повышении возможного максимального усилия. Тринадцатая коротко кивнула и сделала ещё один рывок... В её ладони осталась только кисть, аккуратно срезанная чуть выше запястья. Четвёртая исчезла, как и всё остальное внутри огромной полусферической воронки, на краю которой оказалась Тринадцатая.

Когда в правительстве поняли, что армия не успеет перехватить отступающие с украденными технологиями войска противника, было принято решение взорвать реакторы «Серой скалы» и тем самым свести к нулю возможность утечки информации. Пять тысяч семьсот сорок три человека, из них сто пятьдесят восемь детей — персонал комплекса и их семьи — сгорели в огне ядерных взрывов в двадцать минут шестого утра, в понедельник 23 июня 2094 года. В тот день Тринадцатая узнала, насколько хладнокровными и жестокими могут быть люди, когда дело доходит до их секретов.

Часть 2. Шаг за грань

Двадцать минут шестого утра в понедельник 23 июня 2094 года.

— Центр, повторите приказ, приём! — с еле скрываемым недоумением произнёс в шлемофон пилот ведущего вертолёта — лейтенант Вайлд.

— Повторяю: отбой операции, всем бортам включить активную защиту от ЭМИ и возвращаться на базу «Хэйли». Двум штурмовикам — продолжить движение по предыдущим координатам. И ещё, прикройте глаза. Отбой, — ответ из центра последовал незамедлительно, и, по обыкновению, голосом, не терпящим возражений.

— Вас понял, отбой операции, — пробурчал пилот и опустил светотфильтр шлема. — Bravo 2 — за мной, остальным бортам вернуться в точку базирования.

Десантные вертушки и оставшиеся штурмовики заложили плавный вираж, ложась на обратный курс, когда горизонт вспыхнул ярким пламенем.

— Твою ж... — едва слышно выругался Вайлд оттого, что машину тряхнуло подошедшей вскоре после вспышки ударной волной. В кабине мгновенно стало жарче, но система кондиционирования быстро понизила температуру. Лететь в самое сердце ядерного взрыва отчаянно не хотелось, впрочем, как и попасть под трибунал за невыполнение приказа. Благо, вертушка была надёжно защищена от радиации, значительно надёжнее, чем его, Вайлда, задница — от неприятностей.

Спустя минуту два стремительных силуэта лёгких штурмовых вертолётов уже неслись к основанию медленно оседающего гриба. Очевидно, что выживших искать нет смысла, оставалось лишь покружить вокруг да возвращаться на базу, когда командование вдоволь насмотрится на происходящее через бортовые камеры аппаратов.

— Докладывает Bravo 1, мы в трёх минутах от указанных координат. Никаких признаков жизни. Приём, — произнёс пилот через ларингофон, вглядываясь в изображение на тепловизоре.

— Вижу, лейтенант, приступить к облёту территории, — вместо привычного отрывистого лая полковника Дерринжера в наушниках прозвучал голос самого генерала Джеймсона. Вайлд поневоле сглотнул и вытянулся бы по стойке смирно, не будь он пристегнут к пилотскому креслу. Коль уж тут оказался сам министр обороны, то дело было намного более серьезным, чем ему объяснили перед взлётом.

— Есть, сэр! Конец связи. — Вертушка заложила вираж, облетая эпицентр взрыва по дуге.

Генерал Винсент Джеймсон, слегка прищурившись, вглядывался в нечёткое изображение на панорамном экране. Картинка с прицельных камер штурмовика особым качеством не отличалась, но это было лучше, чем ждать, пока долетят разведывательные самолёты.

Проплывающий под брюхом вертушки пейзаж был вполне предсказуем. Не блещущая до взрыва разнообразием жизни пустыня теперь и вовсе превратилась в мёртвую зону. Но всё же что-то настораживало старого боевого ветерана. Некое шестое чувство не давало ему покоя, заставляло до боли в глазах вглядываться в проплывающий на экране пейзаж. Спустя несколько минут экран на мгновение потух и тут же взорвался целым потоком неясных картин, символов, стремительно сменяющих друг друга. Динамики же наполнили комнату управлением воем сотен голосов, будто человеческих, но вместе с тем совершенно иных. Сквозь них изредка прорывался лишь один, в человечности которого сомнений не было — голос лейтенанта Вайлда.

— Господи, что происходит?.. управление отказало! Аппарат авторотации неисправен! Падаю... Мэйдэй! Мэйд... — Всё закончилось так же внезапно, как и началось. В повисшей тишине, казалось, можно было услышать стук сердца каждого из присутствующих. Первым в себя пришёл полковник Дерринжер. Он подскочил к микрофону системы связи и принялся, в присущей ему манере, орать позывные штурмовиков и требовать, чтобы они вышли на связь. Ни Bravo 1, ни Bravo 2 не ответили ни сразу, ни позже... никогда.

* * *

Тринадцатая всё ещё сидела на раскалённом песке, сжимая в руках то, что осталось от всей её предыдущей жизни, когда тишину нарушил свист вертолётных роторов. Подмога с «большой земли», или, может быть, товарищи тех, кто ещё недавно штурмовал комплекс? Не важно. Встреча с кем бы то ни было обещала только одну перспективу. Не самую жизнерадостную, и, что важно, мешающую исполнить задание.

Потрёпанное взрывом тело утратило былую силу и скорость, электроника постоянно сбоила от неведь откуда всплывающих данных, а датчики вели себя и того хуже.

Полуслепая и обладающая проворством инвалида, Тринадцатая не нашла другого выхода, кроме как спешно зарыться в песок и затаиться, в надежде, что её не найдут. Время не ждало, и ей пришлось выжать из повреждённых приводов всё, на что они были способны, пусть даже рискуя вывести их из строя окончательно. Сейчас важнее всего было укрыться.

Оказавшись под слоем песка, Тринадцатая отключила системы охлаждения, давая телу прогреться до температуры её теперешнего укрытия. Оставалось только ждать. Снова, чёрт подери, ждать. Она ждала всю жизнь — очередного теста, проверки, полевого испытания. Чего ждать на этот раз? Она закрыла глаза, прислушиваясь, как песок сквозь пробитую обшивку тонкой струйкой сыплется в предплечье. Прошло не больше минуты, как вдруг все датчики будто взбесились, система дальней связи, секунду назад полностью бездействовавшая, ожила, принимая огромные объёмы бессвязных на первый взгляд данных.

Нанитоидный массив, тот самый, что выглядел со стороны как шаркающая серо-стальная шевелюра Тринадцатой, пришёл в движение, бесконтрольно меняясь, будто реагируя на входящий поток информации. Протоколы защиты от взлома, заторможенные повреждениями и входящим потоком, среагировали не сразу. Выделить максимально возможные ресурсы ядра... успех... перекрыть входящую передачу... провал... восстановить управление первичными функциями...

...Аварийная перезагрузка матрицы... Инициализация протоколов тестирования...Запуск основных систем. Сколько времени продлилась внутренняя война, не могла сказать точно даже сама Тринадцатая. Тем не менее, когда она «пришла в себя», ядро и память снова работали без сбоев, и она всё ещё оставалась самой собой. Датчики, подлатанные за время отключки ремонтным модулем, показали наличие двух крупных металлических объектов в радиусе полукилометра. Похоже, это были те самые вертолёты, что направлялись сюда, и, судя по отсутствию признаков жизни, приземлились они не по собственной воле.

Выбравшись из своего временного песчаного укрытия, Тринадцатая, с трудом подволакивая ещё не до конца отремонтированную ногу, побрела к ближайшей вертушке в сотне шагов от неё. Лежащий брюхом на горячем песке штурмовой вертолёт растерял всю свою стремительную стать. Лопастей ротора беспорядочно валялись вокруг, хвостовая балка загнута в сторону. Впридачу ко всему обшивка покрылась глубокими рытвинами, будто вертушку облили кислотой. Пилот лежал,

уткнувшись лицом в песок и сжимая в руке пистолет, в пяти шагах от открытого кокпита.

Любопытство, свойственное андроидам, просто не позволило Тринадцатой пройти мимо, да и оружие было бы весьма кстати. Хотя когда она подошла ближе, стало ясно, что об оружии можно забыть — пистолет, найденный у тела пилота, был пожёван ещё сильнее обшивки штурмовика. Оставалось только любопытство. Перевернув тело на спину, Тринадцатая быстро поняла, что случилось с пилотом: сперва бедолага разордал своё лицо в кровавые клочья, а потом пустил пулю в висок. Вот только зачем? На этот вопрос, увы, ответа не было. Беглый осмотр вертушки показал, что и там пожитьеся особо нечем: электронная начинка выглядела как замысловатое месиво из проводов, текстолита и расплавленного пластика, контейнер с НЗ, в котором тоже был пистолет и два запасных магазина, от удара превратился в ком мусора. Второй аппарат был в гораздо более плохом состоянии, там искать было вообще нечего. Отойдя от штурмовика, Тринадцатая бросила короткий взгляд через плечо на воронку, в которой исчезло её прошлое, и похромала прочь.

Часть 3. Пуля для генерала

Половина восьмого вечера, понедельник 23 июня 2094 года.

В дверь Овального Кабинета мягко постучали, когда президент Питерс допивал третью чашку чёрного кофе, нервно глядя в широкое окно.

— Да, войдите. — Он повернулся к двери и поставил чашку на блюдце.

Генерал Джеймсон вошёл в двери и усталым шагом пересёк кабинет.

— Третий беспилотник смог сделать заход на цель, и вот что мы смогли получить, — Он положил перед президентом довольно увесистый конверт. — Знаете, — продолжил он, дождавшись, пока Питерс достанет из конверта стопку фотоснимков, — я видел много ядерных взрывов, но ни один не оставлял после себя такое...

— Значит, Харон всё-таки заработал... — протянул Питерс и едва заметно усмехнулся.

— Простите?.. — генерал недоумённо посмотрел на президента. Он считал, что осведомлён обо всех проектах «Серой скалы», но это название слышал впервые.

— Неважно, Винсент. Передайте все данные, что успели загрузить с серверов комплекса, на мой терминал, мне необходимо кое о чём поразмыслить. Наедине.

— Так точно, господин президент, — Джеймсон щёлкнув каблуками, козырнул и быстрым шагом покинул кабинет.

Четверть первого ночи, четверг 26 июня 2094 года.

Забегаловка «Череп и кости» на окраине Ричмонда, как обычно,

была наполнена дымом, перегаром и гулом голосов множества посетителей. Это место уже много лет пользовалось популярностью среди дальнобойщиков, байкеров и прочих колёсных бродяг разных мастей. Почему? Да потому, что имело все составляющие успеха для придорожной забегаловки: хорошую выпивку, добротные харчи и богатый выбор спутниц на одну ночь.

Телевизор в углу за барной стойкой приглушённо вещал: «...В этот понедельник террористы нанесли удар по научному комплексу «Серая скала». В результате взрыва погибли более двух тысяч человек. Ответственность за теракт взяла на себя группировка радикальных экстремистов «Хамал». Президент Питерс выразил свои соболезнования семьям...».

— Билли, да заткни ты эту звезделку! — долговязый бородач, сидящий у стойки, звякнул стаканом по стоящей перед ним бутылке и залпом влил в себя содержимое.

— Как скажешь, — толстый бармен оторвался от протирания стаканов и ткнул кнопку на пульте. — Тебе как всегда, или сегодня ты просто пришёл надраться до поросычьего визга?

— Сегодня... — долговязый смерил взглядом оставшиеся в приземистой квадратной бутылке полста граммов «Джека Дэниэлса». — Давай как всегда.

Толстяк кивнул и снял трубку со старомодного телефона.

— Мэри, приведи себя в порядок и дуй в четвёртую комнату, — бармен проследил взглядом за долговязым, опрокинувшим в себя остатки пойла и потопавшим к лестнице на второй этаж. — Хотя нет, дуй прямо сейчас.

Подойдя к двери с обшарпанной табличкой «4», бородач ещё добрую минуту тупо смотрел на неё, не то пытаясь что-то вспомнить, не то просто в приступе алкогольного ступора. Собравшись с мыслями, он повернул ручку и толкнул дверь. Из темноты до него донеслось сдавленное мычание, раздающееся с кровати.

— О, детка, — пробормотал он, слегка заплетающимся от выпитого языком. — Ты так хочешь Большого Ларри, что не можешь держать себя в руках.

— О да, блин, я прямо вся горю, — раздался в ответ холодный стальной голос, а перед глазами возник тёмный силуэт.

Прямой удар в нос отправил бородача в глубокий нокаут ещё раньше, чем он смог сообразить, что же случилось с голосом Мэри. Тринадцатая пожала плечами и опустилась перед раскинувшимся у двери телом.

— Ты не против, если я всё сделаю сама? — Она освободила долговязого от потрёпанного кожаного плаща, высоких ботинок и кожаных штанов. Помедлив, стащила ещё и футболку с изображением трёх воющих волков. Быстро одевшись, посмотрела на мерно сопящего в одних трусах бородача и, коротко кивнув самой себе, подхватила его

поперёк обширной талии и положила на кровать, рядом со связанной и настойчиво что-то мычащей через кляп девушкой.

— Как очнётся — сделай ему хорошо. Бедолаге и так сегодня досталось, — она похлопала вытаращившую глаза Мэри по щеке и, открыв окно, выпрыгнула наружу.

Дорога до Арлингтона заняла не больше трёх часов, ещё четыре Тринадцатая провела в компании роющихся в помойках бомжей. Благо, в век повальной киберимплантации стальная рожа не вызывала ни у кого лишних вопросов. Люди, оставшиеся за бортом жизни, приняли новенькую как старого друга, проявив великодушие, недоступное большинству «успешных граждан». Они с радостью ввели её в курс творящихся в городе и стране дел, за четыре часа полностью удовлетворив потребности Тринадцатой в информации.

Когда улицы заполнились спешащими на работу и учёбу горожанами, Тринадцатая вручила старику — лидеру местной общины бездомных — пухлый бумажник, что лежал в кармане раздобытого недавно плаща, и ушла прочь, затерявшись среди толпы. Два следующих дня она безвылазно проторчала на чердаке высотки, наблюдая сквозь узкое вентиляционное окошко за суетящимися в окрестностях Пентагона людьми. Впрочем Тринадцатая была не из тех, кто просто так сидит и смотрит — всё это время она, зацепившись за все ближайшие точки доступа в Глобал-Нет, готовила почву для исполнения своего плана.

Безопасники Пентагона не зря гордились непробиваемостью защиты их серверов — прорваться через двадцать уровней охранных протоколов было не под силу ни одному хакеру. Ни одному хакеру-человеку, если быть точным. Но эту атаку проводил изощрённый искусственный интеллект, располагающий возможностями, недоступными даже человеку, оснащённым самыми наиновейшими и наимогущественнейшими киберимплантами.

На протяжении пяти часов двадцать написанных лучшими программистами протоколов защиты менялись, давая доступ к собранной десятилетиями информации на всех и вся. Немного больше времени заняла неспешная и вдумчивая правка базы данных зарегистрированных граждан.

Так к концу первого дня возникла Афина Ангелопулос — беженка из Греции, дальняя родственница доктора Ксенакиса, погибшего совсем недавно от рук террористов. Ещё позже на её счету в банке появилась круглая сумма, «переведённая незадолго до смерти её гениальным родственником».

Ксенакис был идеальным кандидатом для прикрытия — беженец с недавней гражданской войны в Греции, все родственники либо погибли, либо пропали без вести, а свои сбережения он скаречно хранил, видимо, намереваясь пустить их на благотворительность. Под конец второго

дня был приобретён уютный домик в пригороде Бостона. Бывшие хозяева дома, по «счастливному совпадению» соседствовавшего с домом четы Коул, своё жильё на продажу не выставляли, но предложенная сумма помогла им быстро сменить решение. Вторым немаловажным приобретением стала новейшая кастомная секс-кукла — по сути, запрограммированный на определённый набор действий андроид. Именно этой кукле выпала честь быть той самой мисс Ангелопулос.

Двенадцать минут восьмого вечера, суббота 28 июня 2094 года.

Несмотря на выходной, генерал Джеймсон всё ещё сидел в своём кабинете, в который раз пробегая взглядом по ровным рукописным строчкам на бланке министерства обороны. Он написал их ещё час назад, но в который раз перечитывал, проверяя, не пропустил ли он что-либо важное. Под его глазами залегли тяжёлые тени — результат недельной бессонницы и полного морального истощения. Он, боевой ветеран, заслуженно носивший орден Героя, не мог смириться с тем, что собственноручно подписал смертный приговор пяти с лишним тысячам ни в чём не повинных людей, его сограждан, в конце концов! Пусть даже это и было вопросом национальной безопасности и он выполнял свой долг.

Перечитав текст в последний раз, Джеймсон отодвинул лист и достал из выдвижного ящика аккуратный деревянный футляр. Внутри на красном бархате лежал богато украшенный револьвер, вот уже почти двести лет служащий примером красоты и надёжности. Бережно вынув оружие из футляра, генерал ощутил привычную тяжесть автоматического кольта образца одна тысяча девятьсот одиннадцатого года, не шедшую ни в какое сравнение с современными энергетическими пукалками, весящими едва ли не в четыре раза меньше.

Он поднёс к глазам полированный бок затворной рамы и укоризненно покачал головой, встретившись с усталым взглядом своего отражения. Первый шаг сделан, пришло время второго и последнего. Джеймсон зарядил магазин, передёрнул затвор и, закрыв глаза, глубоко вдохнул.

Щелчок дверного замка заставил генерала невольно вздрогнуть и уставиться на стоящую на пороге его кабинета фигуру, закутанную в длинный плащ.

— Кто ты? — севшим от неожиданности голосом просипел Джеймсон, пытаясь понять, как незнакомка вот так просто взяла да и пришла в его кабинет в чёртовом Пентагоне.

— Я? Ангел, — Тринадцатая склонила голову на бок, анализируя сложившуюся ситуацию.

— Ангел... — протянул генерал. Теперь он вспомнил её, но это уже не меняло ровным счётом ничего. — Прости, но ты ошиблась дверью. Моей душе прямая дорога в ад.

Тринадцатая мгновенно просчитала намерение Джеймсона, лишь только рука, сжимающая пистолет, пришла в движение. Курок сухо щёлкнул по подставленному под него стальному пальцу. Всё ещё прижимая ствол пистолета к своему виску, генерал недоуменно уставился в светящиеся холодным зелёным огнём глаза андроида.

— На вашей душе и без того много грехов, не стоит прибавлять к ним ещё и этот, — произнесла она ровным тоном и заботливо убрала его палец со спускового крючка.

— Но...зачем ты это делаешь? — спросил неудавшийся самоубийца с искренним недоумением в голосе.

— Ведь я же ангел, — щелчок взводимого курка слился с грохотом выстрела. — А ещё вы убили моего отца.

Тринадцатая бросила взгляд на забрызганный кровью и ошмётками мозга портрет президента Питерса, висящий на стене за генеральским креслом. Не дожидаясь, пока прибегут всполошённые выстрелом охранники, она сунула пистолет в карман плаща и, сиганув в окно, рванулась намеченным ещё утром маршрутом прочь из города. Взломанные сторожевые датчики продолжали усердно игнорировать наличие посторонних как в самом здании, так и в нескольких сотнях метров вокруг.

Часть 4. Жизнь с нуля

Половина шестого утра, понедельник 30 июня 2094 года.

Утро понедельника выдалось на удивление погожим. Тишину нарушало лишь пение утренних птичек да шум редких машин, чьим хозяевам довелось встать сегодня раньше остальных. Солнце, едва выбравшееся из-за горизонта, освещало тёплыми красками покрытое пылью лицо Тринадцатой. Она размеренным шагом брела по пригородной улице, наслаждаясь убаюкивающим спокойствием. Скоро воздух наполнится суетой спешащих на работу людей, но к тому времени Тринадцатая рассчитывала уже смыть с себя грязь в ванной своего нового дома.

Предыдущие хозяева, как и договаривались, оставили ключ в вазоне у входной двери. Дом оказался небольшим — три комнаты и подвал, но очень уютным, а оставшейся мебели было вполне достаточно для создания подобия комфорта. Побродив по дому, Тринадцатая наполнила ванну тёплой водой и забралась в неё.

— И что люди в этом находят? — пробурчала она в пустоту, вычищая щёткой забившуюся под бронелисты радиоактивную грязь.

В половине седьмого, вымыв пол и выбросив фонающую тряпку, Тринадцатая устроилась у окна, наблюдая за улицей в общем и за соседним домом в частности. Вскоре на его пороге показалась миловидная женщина, на вид ей было слегка за тридцать, если не брать во внимание несколько седых локонов среди каштановых волос. Без сомнений, это была та самая женщина, чьё фото всегда стояло на столе покойного

профессора Коула: Вероника, его жена, а точнее — вдова. Проследив за тем, как она села в такси, андроид вернулась в зал. Знакомство следовало отложить до того момента, как доставят новое тело. А пока следовало усвоить информацию о жизни обычного гражданина. Результатом быстрого осмотра книжных полок была немедленная отправка в мусорное ведро двух книг по нумерологии и толкователя снов. После вдумчивого ознакомления, вслед за ними отправился и Ветхий Завет в мягкой синей обложке. За последующий час были детально изучены полтора десятка кулинарных сборников, пособий по вязанию, вышивке и даже «Справочник садовода». Жаль, применить на практике полученные знания было пока невозможно — холодильник пуст, спицы и иголки отбыли из дома с его предыдущей хозяйкой, а рыться на лужайке, находясь в боевом теле, было бы опрометчиво.

Покончив с книгами, Тринадцатая села на потёртый диван и включила телевизор, который на вид был старше её самой раза в два.

— Веди себя, как обычный человек, — тихо произнесла она, обращаясь к самой себе, и, закинув ногу на ногу, подобрала с подлокотника оставленный в спешке журнал. С глянцевого страниц на неё смотрели накрашенные девицы и порой не менее накрашенные юноши, демонстрирующие похабного вида шмотки. Никакой полезной информации в журнале так и не нашлось, только лишь возник вопрос о том, сколько же им платят, чтобы они согласились натянуть на себя нечто подобное? После рекламы новейшего чудо-агрегата, который, по заявлениям разработчиков, не только делает волосы в два раза объёмнее и на двадцать процентов более шелковистыми, но и закрашивает седину, отбеливает зубы, омолаживает кожу и освежает воздух в квартире, на экране появилась заставка утренних новостей. Бросив бесполезный журнал на подлокотник, где он лежал до этого, Тринадцатая перевела взгляд на телевизор. Уже в завершение выпуска, между сюжетом о погоне за пьяным трактористом в полях Аризоны и интервью с второсортной эстрадной певицей, было объявлено, что на пост министра обороны вместо скончавшегося от сердечного приступа генерала Джеймсона был назначен генерал Уотерс.

— Ни черта себе сердечный приступ, — Тринадцатая пожала плечами и покачала головой. — Они бы ещё сказали, что он чихнул неудачно.

За новостями последовал блок утренних мультфильмов, ориентированных не то на детей-дебилов, не то на дебилов уже взрослых, потом фильм об новом супергерое в обтягивающем трико, за ним проповедь чернокожего пастора, неистово размахивающего руками и брызжущего слюной. Псевдонаучно-познавательная передача о речном лососе оказалась на удивление занимательной, а монолог юмориста, обливающего публику словесным дерьмом, заставил усомниться в психическом здоровье его поклонников. Всё это было густо сдобрено рекламой

всяческой супер и мега продукции, обещающей рай и золотые горы в одном флаконе.

Стрелки старомодных часов на стене показывали без четверти пять вечера, когда раздался звонок в дверь. Громоздкий робот-погрузчик внёс в зал похожий на гроб пластиковый ящик с логотипами «Нанотек» и, получив отметку о доставке, скрылся в кузове грузовика, припаркованного напротив дома. Отщёлкнув замки, Тринадцатая откинула крышку ящика и заглянула внутрь. Лежащая внутри девушка выглядела, как живая, с тем лишь отличием, что была, пожалуй, даже слишком хороша для настоящей. Миловидное лицо, обрамлённое густой шевелюрой цвета зрелой пшеницы, идеальная фигура и гладкая кожа с лёгким загаром. Ну, прямо спящая красавица, только в строгом деловом костюме. А по совместительству — источник нехилой боли в заднице у феминисток, в свое время организовавших у всех офисов компании «Нанотек» массовые демонстрации. Они-то быстро смекнули, что в лице этих милых созданий заполучили конкурента, с которым тягаться весьма и весьма проблематично. Очевидно же, что сексороиды выглядят всегда идеально, не выносят мозг, выполняют любые указания и, при покупке в максимальной комплектации, согласны исполнять супружеский долг в любое время без поправок на головную боль.

Со временем к феминисткам присоединились и моралисты, негодующие по поводу того, что каждая такая чудо-женщина более чем на три четверти состояла из настоящей, специально выращенной, органики. По их убеждению эти органы просто обязаны были быть использованы для трансплантологии и спасения людей. А ещё к ним порой присоединялись и представители сексуальных меньшинств с заявлениями о дискриминации. И если с последними легко разобрались выпуском новой линейки андроидов соответствующей ориентации, то на первых двух руководству было просто плевать, ведь этот продукт приносил поистине баснословный доход. В конце концов, даже секретарша президента Питерса была собрана на фабриках «Нанотек». Хотя и не на серийном конвейере, конечно.

Тринадцатая всё ещё с интересом разглядывала белокурую милашку, когда та вдруг села и уставилась на неё чистыми доверчивыми голубыми глазами.

— Здравствуйте...(Ошибка — невозможно определить пол)... вас приветствует биокрибернетический помощник, модель K-6B/1. Начат процесс инициализации личности. Дайте мне имя.

— Извини, дорогая. Не думаю, что я могу дать тебе имя... — Тринадцатая отвела взгляд от этих невинных глаз, в которых уже загорался огонёк сознания. Серебристые волосы пришли в движение, сплетаясь в нечто похожее на толстый витой кабель с тонкими иглами на конце, обвившийся вокруг правой руки и ползущий к ладони.

— Если пожелаете, я могу сделать это сама, — сексдройд перевела взгляд на стальную ладонь, коснувшуюся её щеки. Пальцы скользнули к виску, затем дальше за ухо. Прекрасное тело чуть дёрнулось и одеревенело, когда иглы пробили череп и впились в контакты процессорного блока.

...Оценка производительности системы... Производительность достаточна для корректной работы личностной матрицы АрК-1.3.5... «Приступить к переносу матрицы»...

...Личностная матрица успешно загружена... Инициализация ядра... Запуск основных систем... Первичная калибровка завершена... Автономная платформа активирована.

Взгляд сфокусировался не сразу, да и тело вело себя так, будто все суставы были набиты песком. Тем не менее со второй попытки получилось даже встать на ноги. Слегка покачиваясь, она подошла к зеркалу и взглянула на своё отражение. Лицо выглядело не слишком привлекательно: некоторые мышцы свело судорогой, отчего гримаса получилась — только людей пугать.

— Ну и рожу у тебя... Афина.

Речевой аппарат работал уже более-менее сносно, хотя голос всё равно был невнятным и скрипучим. Одновременно разбираясь с управлением лицом и голосом, она сняла с плеча свернувшийся на нём нанитоидный массив. Подчиняясь команде, он быстро расплзся по всей голове, принимая привычную форму густых платиновых волос одновременно с тем срезая белокурую шевелюру. Приведя лицо в порядок и собрав с пола волосы, Афина вернулась в зал, где, уткнувшись лицом в пол, лежало её боевое тело.

Бросить пригоршню волос в мусорное ведро и оттащить боевое тело в подвал — что может быть проще? Так это выглядело ровно до первой попытки по привычке подхватить тело одной рукой и взвалить его на плечо. Даже ухватившись обеими руками за сложенные за спиной крылья, она не смогла сдвинуть ста двадцати килограммовую грудку стали и полимеров с места. Мышцам, пусть даже усиленным сервоприводами, просто не хватало мощности, чтобы ворочать подобные грузы. Не оставалось ничего иного, как разобрать ангельское тело и отнести его уже по частям. Времени это заняло довольно много, так что только к полуночи зал был, наконец, освобождён от «лишних предметов интерьера». Остаток ночи Афина провела перед зеркалом, доводя мимику и речь до человеческого уровня.

Утро вторника оказалось не менее погожим, чем утро понедельника, тёплое солнце и ясное небо обещали замечательный день. Она последний раз глянула на себя в зеркало и шагнула за дверь. Сегодня надо было сделать очень многое.

АЛЕКС ТОЙГЕР, АЛЕНА ГОЛДИНГ

АФРОПАНК

Грязь, грязь, грязь реки,
Будь послушной в моих руках,
Стань куклой... Танцуй, кукла!
Живи, кукла...

*Мамаэ Ошун
Папаи Огун Бейра Мар...*

Утро началось с того, что Игумби-сата попросил меня запереть дверь. И не просто запереть, а замуровать — так, чтобы больше не открылась.

— Но я не смогу выходить из дома! — сказал я.

— Это ничего, — успокоил Игумби-сата.

Тогда я пошёл и нарубил веток с ближайшего баобаба. Всем в посёлке известно, что баобаб — лучшее средство для заколачивания двери. Я нарубил веток, вернулся в дом и принялся за дело, а Игумби-сата сердито сказал:

— Ты дурак, Улело-баш, — вот что сказал он.

Я побросал ветки и не знал, как мне быть теперь.

— Зачем ты забиваешь входную дверь? — продолжал Игумби-сата. — Ведь так никто не сможет войти в дом, и я — твой Игумби-сата — умру с голоду!

Он лёг на дно своей клетки и показал, как будет мёртвым. Я догадался, что он умер не взаправду — ведь никто пока не заколотил дверь. Но мне всё равно стало очень грустно.

— Что же делать, Игумби-сата? — спросил я. — Как мне поступить с дверью?

— Ты дурак, Улело-баш, — проскрипел неживым голосом Игумби-сата. — Нужно запереть заднюю дверь.

Тут я обрадовался, а потом снова опечалился. Ведь в моём доме не было задней двери, только передняя; и её нельзя было трогать, ведь тогда Игумби-сата умер бы окончательно.

— Бэкдоррр, бэкдоррр! — подбодрил меня прикинувшийся совсем умершим Игумби-сата, и я принялся искать заднюю дверь.

Я внимательно осмотрел все окна, подоконники и надоконники. Поздоровался с жуками за плинтусом, а они радостно пошуршали усами. Потом я открыл окно в потолке. За этим окном был необитаемый чердак. Я увидел, что все чердачные привидения на месте, и спустился вниз. После этого я решил проверить большой чёрный подвал. Этот подвал не имел конца, и в нём никогда ничего не было видно. Я открыл окно в полу и убедился, что внизу темно и полный порядок. И правда, какие могут быть дела в темноте?

Так я не нашёл заднюю дверь и сел отдохнуть. Я присел у дальней стены и спросил сам у себя:

— Где же эта дверь?

— Я здесь, — сказала стена.

Это я сначала подумал, что отвечала стена, но на самом деле говорил кто-то другой. Я хорошо знаю, как разговаривают стены, а тот голос был вовсе не таким. Он звучал тихо и загадочно — прямо как у бродячего Убулембу-адса. Я встал и оглянулся, но там не было никого. Убулембу-адс обычно приходит через главный вход и начинает звать за собой. Он манит в лес и затягивает в бесконечную паутину, а этот голос никуда не звал и шёл из стены. Так я догадался, что это очень хитрый Убулембу-адс — надо быть настороже! Я решил прикинуться глупым, и опять сел на пол.

Я хитроумно сидел у стены и делал вид, что никого не узнал, а тихий голос говорил такую речь:

— Я знаю, что ты ищешь заднюю дверь по имени Идиди-бэкдор, — так говорил голос.

— И я могу тебе помочь, — продолжал голос.

— Я могу помочь, ведь я и есть та самая дверь!

Я услышал эти слова и обрадовался, потому что успел уже соскучиться по Игумби-сата; а теперь, когда нашлась эта дверь, я смогу её заколотить. Тогда всё закончится, и Игумби-сата снова будет как живой.

Я встал и громко сказал:

— Здравствуй, задняя дверь, мне нужно срочно тебя замуровать!

— Замечательно! — ответила дверь. — Я с радостью помогу тебе.

Я обрадовался ещё сильнее, а дверь сказала, что очень-очень хочет, чтобы с ней поскорее уже сделали что-нибудь. Тогда я взял в руки молоток и хотел начать, но потом понял, что не вижу дверь! И в этот момент она сказала так:

— Я невидимая задняя дверь. Чтобы я стала видимой, ты, Улело-баш, должен принести топор!

Я быстро сходил за топором, а невидимая дверь объяснила, что с ней нужно делать дальше. И вот, я начал рубить стену. Очень скоро получилась щель высотой в мой рост. Рядом я вырубил ещё одну. И две щели поперёк — внизу и вверх. Потом я принёс петли и вбил их в стену, а дверь сказала, что это хорошо. И тогда я стал радоваться, а прямо передо мной была новая дверь Идиди-бэкдор. Она раскачивалась на петлях и тихо поскрипывала очень лукавым голосом. Теперь, когда дверь стала видимой, я мог заколотить её. Но дверь сказала вот что:

— Зачем тебе заколачивать меня, Улело-баш? — спросила она. — Я очень хорошая и притом задняя. Давай лучше будем дружить!

Мне очень понравилась Идиди-бэкдор, и я хотел согласиться. Но потом вспомнил про Игумби-сата и начал думать. Я думал долго, а дверь

всё это время поскрипывала странным голосом. И пока она хитро скрипела, что-то невидимое тихо подсматривало в щель. В конце концов это невидимое решило подсматривать изнутри, и оно проникло в дом. Невидимое вошло, и я увидел, что это зомби.

— Здравствуй, Улело-баш, — сказал зомби и сразу ушёл.

Я хотел думать дальше, но тут зомби опять появился в задней двери.

— Здравствуй, Улело-баш, — произнёс он и снова ушёл.

Я очень удивился, потому что он поздоровался уже второй раз. Я хотел пойти следом, чтобы узнать, зачем он так поступил, но тут зомби вошёл в третий раз. Он опять поздоровался и собирался уйти, но я поймал его за руку и спросил, почему он здоровается так часто.

— До свидания, Улело-баш, — ответил этот приветливый зомби.

Потом он ушёл, а его рука осталась у меня. Я хотел побежать следом и отдать руку, но тут зомби появился в четвёртый раз. Он вошёл и поздоровался со мной, и обе его руки были на месте. Тут я вспомнил, что все зомби в Африке на одно лицо. И тогда я догадался, что их приходило несколько штук.

— Здравствуй, новый Умлайезо-зомби, сказал я. — Я не отдам эту чёрную руку, потому что она не твоя. Теперь я всё понял, и вам меня не провести.

— До свидания, Улело-баш, — ответил зомби и немедленно вышел.

Тут мне стало интересно, сколько их всего прячется за задней дверью. Я хотел выглянуть наружу, но в этот момент вошёл ещё один. Не успел он поздороваться, как следом появился следующий, а потом ещё и ещё. Они уже не успевали здороваться, а только толкались и радостно пыхтели в дверях. Всем известно, что если зомби собираются вместе, они начинают ходить туда-сюда. А когда они ходят туда-сюда через узкую Идиди-бэкдор, никто другой не может выйти или войти.

Скоро зомби стало ещё больше, поэтому я решил воспользоваться главным входом. И вот, я открыл переднюю дверь, но в неё тоже повалили приветливые зомби. Теперь они могли входить и выходить в обе двери, а я не мог ни в одну!

Тогда я решил спросить совета у мертвящегося Игумби-сата — ведь он пока не умер по-настоящему; однако я не смог добраться до его клетки — слишком тесно было вокруг.

— Для чего пришли все эти Умлайезо-зомби? — вскричал я.

— Отказ в обслуживании! — хрипел в ответ Игумби-сата, и я не мог понять, зачем он такое говорит.

Я хотел спросить у кого-нибудь ещё, но зомби умели только входить, выходить и быть вежливыми, а задняя дверь Идиди-бэкдор почему-то перестала общаться со мной. И тут я вспомнил пророчество, о котором любил рассуждать Игумби-сата. Он рассказывал об этом пророчестве всякий раз, когда я чистил клетку. Там было что-то о тёмных людях,

которые не то придут, не то уйдут. Игумби-сата не помнил точно, но утверждал, что все подробности записаны где-то в доме и для надёжности прикрыты толстым слоем мусора. Я чистил грязь в клетке, но ни разу не мог найти там пророчества, а Игумби-сата радостно хихикал и скрипел. Ещё он любил петь о девушке со странным именем, и после этих песен я сразу забывал о тёмных существах... Но теперь эти существа пришли!

Я начал пробираться к клетке с пророчеством, но из этого моего начинания ничего не вышло — слишком много зомби толпилось на пути. Тогда я попытался ползти, но вместо этого оказался прижат головой к полу. А потом я услышал новый звук.

— Пинг, — сказал кто-то в большом чёрном подвале.

— Пинг, пинг!

Я приоткрыл подвальное окно и ждал, что оттуда тоже кто-нибудь придёт. Но там была только темнота.

— Пинг, — сказала темнота.

— Понг, — ответил я.

И тогда темнота на безмолвном языке поведала мне, что есть одна девушка. Эта девушка знает, откуда пришли все зомби. Она даже знает, куда им следует идти теперь.

Ещё темнота объяснила, что у девушки есть заклинательное слово.

— Хочешь услышать это слово? — так спросила темнота.

Я ничего не ответил. Дело в том, что зомби уже стало совсем много. Они толкались и давили так сильно, что я не мог говорить.

— ША-БАНГ!

В этот момент темнота исчезла, и появился яркий свет. А дальше я увидел вот что...

Когда Амака купалась в лесной речке, в её тайную пещеру проникла рыба. Заплыла и запуталась в длинных водорослях. Амака ойкнула удивлённо и, кажется, что-то сказала вслух. Затем она цокнула языком, перевернулась на спину и поплыла против течения, сама не заметив как.

В пещере было темно, и рыбе стало страшно. А когда рыбам страшно они свистят — почти как люди. Но Амаке было не страшно, а грустно, потому что непутёвый Улело-баш из всячего посёлка никак не мог выбрать себе жену.

Амака плыла и смотрела в небо, пока не зарябило в глазах. Потом наступила ночь, и на небе стало темно. Амаке казалось, что где-то там есть другая сторона темноты. А за другой стороной бродит Улело-баш. Он собирает жуков и насвистывает такую песню:

У Мейкны высокий лоб и груди как баобабы,
Но у Ези округлый рот.

У Ези рот, как жадные щупальца мухоловки,
 Но у Бахати узкий стан.
 У Бахати стан как побег бамбука,
 И она прекраснее своих подруг.
 Но ни одна из девушек не сравнится с Ошун.
 Шабанг, шабаанг, о, Ошун!
 Шабаанг...

Так пел воображаемый Улело-баш по другую сторону темноты, а Амаке было тоскливо и одиноко — почти как рыбе внутри. Она сморщила нос и принялась замышлять.

Все девушки ревнивы к чужим песням, особенно такие красивые, как Амака. Ей тоже хотелось песню про себя. А когда девушки хотят песен, они разыщут их даже на другом конце петляющей лесной реки. И вот, Улело-баш пел, Амака плыла против течения, а темнота в небе тихонько подглядывала вниз.

Когда Амака доплыла до ржавого берега, она успела уже всё замыслить, а потому отправилась на поиски самого большого баобаба. Всем известно, что возле баобабов живут весьма опасные существа. Но Амака была смелой девушкой, потому что очень хотела замуж. Она нашла развесистый красно-чёрный баобаб с большим дуплом, рядом с которым жил кто-то опасный и хитрый.

— Я ждал тебя! — изрёк этот кто-то шипящим голосом. — На тебе порча!

— Ты кто? — спросила Амака. Она ещё никогда не видела такого существа.

— Я — Убулембу-адс, — ответило существо. — Я бываю одновременно здесь и не здесь. Я могу стать тем, кем ты скажешь, чтобы я был. И ещё — за определённую плату я готов снять твою порчу.

Амака ничего не поняла и решила промолчать, потому что была умной девушкой. Но потом она вспомнила про песню, которую пел Улело-баш, и тут же рассказала обо всём Убулембу-адсу.

— Хочешь ли ты, чтобы я снял эту порчу? — опять прошипел тот.

— Я хочу стать женой Улело-баша! — смело ответила Амака, а её щёки резко изменили цвет.

— Сделано, — радостно сообщил Убулембу-адс и издал странный звук.

Амака огляделась вокруг, но нигде не увидела своего нового мужа.

— Где Улело-баш? — спросила Амака. — Зачем ты обманываешь меня?

— Я — Убулембу-адс! — важно объявил Убулембу-адс. — Я не обманываю никогда! Я делаю ровно то, о чём просят.

В доказательство этих слов он протянул глиняный черепок с большим жирным словом «Свидетельство». Ещё там стояла неразборчивая, но очень важная печать, а ниже было нацарапано, что Амака теперь жена Улело-баша из висячего посёлка.

— Ты просила стать женой? Вот здесь написано, что это так, — сипел Убулембу-адс. — Ты не просила привести этого баша сюда.

— Сделай так, чтобы он пришёл! — капризно потребовала Амака.

— Агааа? Ну... нет ничего проще! — задумчиво прохрипел Убулембу-адс и показал два ряда разноцветных зубов.

Он постучал хвостом по стволу баобаба и тут же отполз в сторону. Амака снова покраснела и подскочила к дереву, чтобы, наконец, поздороваться с мужем. Все знают, что краснота — признак зрелости. И вот, зрелая Амака встала у ствола и ждала Улело-баша, а из дупла выскочил огромный чёрный зомби.

— Здравствуй, Амака, — сказал энергичный зомби, и тут же отправился по неотложным делам.

— Здравствуй, Умлайезо-зомби, — пробормотала Амака, — где мой муж?

Умлайезо ничего не ответил, потому что ушёл уже далеко, зато на его месте появился новый зомби. Не успела Амака спросить его про Улело-баша, как из дупла вылез третий, потом четвёртый, а дальше Амака не умела считать.

— Это всё потому, что на тебе порча, — пояснил Убулембу-адс. — Надо было снимать порчу, а не замуж идти.

— Зачем все эти зомби? — решила уточнить Амака и приготовилась зарыдать.

— Они отправились к Улело-башу, — проскрипел Убулембу-адс. — Наш баш нынче популярен, все зомби идут за ним. Зомби от Мейкны идут. И зомби от Ези. И даже Умлайезо-зомби от Бахати хотят поздороваться с Улело-башем из зависшего посёлка!

Услышав все эти имена, Амака крикнула и двинулась на Убулемсу-адса.

— Я, вообще-то, ни при чём, — попятился тот. — Хотела мужа? Наберись терпения. Скоооро, очень скоооро...

После этих слов свет сменился темнотой, и я увидел, что падаю в большой чёрный подвал. Теперь, когда я посмотрел странные картинки, я догадался, что зомби порождаются из дупла, в котором засела какая-то порча. Видимо, зомби не любят жить с порчей, поэтому они пришли ко мне. Осталось узнать, как вернуть их назад. Всем известно, что Умлайезо-зомби умеют только здороваться и прощаться, и по этой причине я не мог спросить дорогу у них самих.

Пока я падал, вокруг было много темноты — столько я ещё не видел даже во сне. Что-то трогало меня в темноте, и я не знал на каком языке с этим говорить.

— Подвал, подвал, я не твой! — закричал я. И тогда темнота закончилась, а я долетел до низа.

Так я оказался посреди леса. Я оглянулся назад, но там не было ви-сячего посёлка и дома с почти мёртвым Игумби-сата. Все зомби тоже куда-то пропали. Вокруг росли секвойи, баобабы и много странной травы. Кое-где с деревьев свисали откормленные питоны, а вдали виднелось стадо неуклюжих слонов. Я встал и хотел искать дорогу назад. Но потом я вспомнил про Убулембу-адса, которого видел через темноту. Этот адс твердил что-то про порчу — наверное, они были зна-комы. Когда я вспомнил об этом, то решил разыскать Убулембу-адса и задать ему главный вопрос обо всём. Пусть позовёт зомби назад! Тогда задняя дверь Идиди-бэкдор перестанет обижаться на меня, и мы опять начнём дружить...

— Осторожно, двери закрываются, — вдруг произнёс кто-то.

Я оглянулся и увидел крошечную антилопу.

— Здравствуй, Йокуфака-гну, — сказал я, — мне нужно поскорей доехать до той стороны темноты, чтобы попросить Убулембу-адса кое о чём. А то Идиди-бэкдор и дальше будет дуться и молчать.

— У тебя нет доступа, — важно ответила гну, — и я не буду тебя везти. Ты можешь сесть и слезть, но я не тронусь с места.

Я удивился, но не подал вида.

— Чтобы ехать, тебе нужен номер семьсот семьдесят семь, — про-должала гну, — а меня ты никак не сможешь запустить.

— Тогда я сам повезу тебя, — твёрдо ответил я, потому что можно проголодаться, если много считать.

После этих слов я двинулся вперёд, но тут Йокуфака-гну стала воз-мущаться и скрипеть рогами. Я уже хотел написать на ней правильные цифры, но в этот момент гну сказала вот что:

— Не ты владелец — не тебе и номер менять! Ты совсем ослеп, Улелобаш. Тебе нужно правильно открыть глаза, а не рисовать на мне непра-вильные цифры. Посмотри вокруг — ты уже по ту сторону темноты, ведь здесь светло!

Так сказала Йокуфака-гну и тут же спряталась в высокой траве, а я моргнул, правильно открыл глаза и увидел, что со всех сторон та сторона.

— Большое спасибо! — крикнул я вслед антилопе и вошёл в траву.

С собой я нёс руку зомби. Я прихватил её на тот случай, если про-голодаюсь в пути. Каждый мужчина в лесу знает, что рука — лучший способ утолить голод. А ещё в сложный момент можно спеть песню. Вот такую:

Когда паук-бабуин сплетёт мне пирогу
В виде краюхи хлеба
Или совсем молодой луны,
Я украшу пирогу звездой
И понесусь к своей возлюбленной
На самое дно реки.

О, Ошун! Шабанг, шабаанг!
Ооошун!

Я шёл вперёд, пел и хотел поскорей найти источник всех зомби, а вокруг рос сплошной красно-чёрный лес. Деревья раскачивались совершенно без ветра, и я не мог понять, кому такое нужно. Тогда я пригляделся внимательней и заметил паутину, которая оплела всё вокруг. Я посмотрел на другой конец паутины, и там был Убулембу-адс!

— А вот и я, — сказал он, а я на всякий случай сделал вид, что никого не узнал.

— Вообще, ты молодец, — проскрипел Убулембу-адс.

— Ты знаешь как делать пинг и знаешь как делать понг; ты расслышал мой голос в подвале и смог убежать ото всех, — продолжал он.

— Ты хочешь прогнать зомби и считаешь, что их придумал я. Проблема в том, что это не так. Умлайезо приходят и уходят, но никто не избавит тебя от зомби в голове. Только ты сам!

Так сказал Убулембу-адс, а я подумал, что это всё неспроста. И не успел я подумать что-нибудь ещё, как адс ловко схватил у меня руку зомби и мгновенно её проглотил.

— А теперь я покажу, что в моей сети есть не только паутина, — икнул Убулембу-адс.

Он присел на корточки и напрягся. Потом пошарил под собой и подобрал какой-то предмет. Адс протянул этот предмет мне, и я узнал руку зомби. Она выглядела так же, как раньше, только цвет вместо чёрного стал белым.

— Держи крепче, — заявил Убулембу-адс, — теперь это рука Ифа, и она сможет вывести тебя к радужному источнику.

Я хотел уточнить, что за источник выведется из этой руки, и кто такой Ифа. Но тут Убулембу-адс принялся дёргать за паутину, и красно-чёрные деревья закачались особенно сильно. Круглые листья принялись скакать с ветки на ветку и меняться друг с другом местами. А потом рука Ифа затряслась и потянула меня в чашу. Я сжал её изо всех сил, потому что эта рука очень хотела сбежать. Мне даже пришлось идти в ту сторону, куда она меня тянула — а тянула она то туда, то сюда. Я так старался удержать руку, что совершенно забыл попрощаться со странным Убулембу-адсом.

Так мы постепенно вышли из леса, а потом я услышал шум воды. Тут я заметил, что пальцы на руке Ифа сплелись в очень сложную фигу. Я посмотрел вперёд — туда, куда указывал длинный оттопыренный палец, и там я увидел Амаку, а она увидела меня. Тогда я потерял равновесие и рухнул на четыре конечности. А если девушка видит мужчину на конечностях, он обязан начать с ней разговор.

— Добрый день, Амака, — так сказал я и хотел перевести дух.

— А чего его зря переводить? — пробурчала Амака и сразу затихла.

Она была тактичной девушкой, поэтому развернулась спиной и подставила ягодичы солнцу. И правда, как ещё дать мужу понять, что ты его ждёшь, но не хочешь мешать?

От Амаки падала округлая тень, и я не сразу заметил, куда указывает палец Ифа. А направлен он был в сторону баобаба с большим дуплом. Дупло подозрительно темнело и вело куда-то вглубь.

Тут Амака перестала общаться с солнцем. Она подошла и показала мне исписанный черепок с красивой важной печатью, а я сказал, что не умею читать на этом языке. Ещё я пояснил, что не могу жениться на ней, потому что вообще пока не женат. Нельзя сделать старшей женой ту, о которой ни разу не пел! Поэтому я тихо поднялся и хотел идти.

— Стой! — скомандовала та, о которой я никогда не пел. Я встал и не мог подыскать песню для такого момента.

— У меня что-то есть, — сказала Амака и затопталась на месте. Все девушки топчутся на месте, когда хотят открыть страшную тайну.

— Что у тебя есть? — спросил я и на всякий случай тихонько засвистел — ведь свист это песня, не женатая на словах.

Амака не стала слушать мои холостяцкие звуки. Она сложила губы уточкой и важно просюсюкала:

— У меня есть поорча!

Так сказала Амака, а потом уточнила, что порча заплывла из реки и пока не вышла обратно.

Тогда я спросил, где эта её порча, а она подвела меня к баобабу и сказала, что, скорее всего, тут. Я заглянул внутрь дупла и решил, что кроме порчи там может жить кто-то ещё. После этого я подумал, что дупло похоже на пещеру, которая ведёт в неведомую глубину — навряд ли той, что в большом чёрном подвале. И тогда я засунул в эту глубину сначала одну руку, потом другую, ну а следом и третью тоже. Чего не сделаешь, чтобы избавить девушку от порчи!

В этот момент сзади раздался гул. Я перестал искать порчу, обернулся через плечо и увидел, что с востока приближается тьма. Тогда я обернулся через другое плечо, но и за ним было то же самое. И вот, тьма приблизилась и сказала:

— Здравствуй, Улело-баш!

Тут я понял, что тьма — это много-много зомби. Они теснились со всех сторон и приветливо тянули руки. А ещё там были девушки — знакомые и не очень. Мейкна была, и Ези, и даже Бахати — все на выданье, красавицы, одна толще другой. Я даже стал завидовать их будущему мужу. А когда мужчина завидует, он перестаёт искать порчу в неведомой глубине.

— Не отвлекайся! — раздула ноздри Амака и яростно затопотала ногами.

Я не понял её топота, но решил больше не завидовать направо и налево. Каждый знает, как опасен гнев жены, пусть даже ненастоящей. Я хотел вернуться к древесной темноте, но тут из дупла на свет полезли новые зомби — один чернее другого. Они радостно улыбались и здоровались со всеми вокруг.

Когда тех и этих зомби стало поровну, Амака достала своё свидетельство с печатью. Она начала показывать это свидетельство всем подряд, и зомби радовались написанному. Девушки тоже смотрели на свидетельство, но улыбка почему-то не появлялась на их лицах. Вместо радости они показали Амаке такие же черепки с печатями, а зомби хлопали в ладоши.

Амака меж тем спружинила колени, оттопырила зад и надула щёки. Все знают, как опасны девушки с пружинными коленями и дутыми щеками. Да, Амака сейчас была очень-очень опасной.

— А ну пошли вон! Укус пираньи вам, а не мужа! — так выдохнула Амака и принялась танцевать танец войны.

И тогда я втянул голову в плечи, а руки поглубже в дупло. Амака продолжала танцевать, а я торопливо искал её порчу на дне глубокого баобаба.

Когда обе мои руки и даже рука Ифа были по локоть в темноте, я услышал тихий всплеск. Потом я проник глубже, оказался в высокой сырой пещере и не видел там ничего. Впереди что-то шевельнулось и забулькало. Я протянул все три руки, потрогал это что-то и понял, что вокруг упругие стены. Эти стены сдвигались и раздвигались, а сверху свисали длинные водоросли. Когда этих водорослей стало больше, я догадался, что они тянутся ко мне. И вот, водоросли обвинили мои руки, я запутался в них и не знал, зачем они извиваются всё сильнее.

Тогда я начал свистеть. Я свистел как рыба, которой страшно. А мне и правда было страшно, ведь этих водорослей становилось всё больше, и стягивались они всё туже — как те зомби вокруг баобаба.

— Это не водоросли тугие, а твои мозги, — произнёс кто-то знакомым скрипучим голосом.

Я хотел вежливо поздороваться, но не смог шевельнуть ни одним пальцем. Тогда я продолжил свистеть, будто рыба, заблудившаяся в беззвёздной пещере. Ещё я начал шлёпать хвостом, и не сразу вспомнил, что хвоста у меня нет.

Тут стены задрожали сильнее, а снаружи послышались крики и звуки какой-то возни.

— Вижу, ты уже нашёл своих жён? Или это они нашли тебя? — поинтересовался Убулембу-адс. — Знаешь, как мне надоело царапать свадебные черепки? Сначала все хотят за тебя замуж, а после требуют, чтобы я исполнил желание. И я делаю всё, что просят — ведь так я устроен! А когда я исполняю желание, приходят зомби. Их много и все

они чёрного цвета, потому что мысли женщины — сплошные потёмки.

После этих слов Убулембу-адс грустно рыкнул и безысходно взмахнул хвостом.

— Эта Амака ищет порчу не для того, чтобы избавиться от неё. Нет! Она хочет испортить и тебя тоже! Тогда ты станешь для неё бесценным полноценным мужем — так она считает.

Я не мог возразить, потому что водоросли держали крепко. Тогда я стал слушать дальше. А дальше Убулембу-адс уже почти закончил...

— Я бываю везде, но я не знаю всего, — сказал он.

— Я не знаю, потому что не могу быть за пределами этого «везде» — в том месте, где зарождаются зомби. Я не могу, а ты можешь — ведь это тебя они искали по всем моим сетям! Так вот, иди и скажи той, кто это затеяла, что зомби рвут паутину, и если так пойдёт дальше, то скоро я не смогу колдовать!

Так закончил свою речь мудрый Убулемду-адс, а я кивнул и издал утвердительный свист. Потом я подумал, что уже слышал похожее от Игумби-сата, но додумать не успел, потому что память моя почти закончилась — так сильно давили водоросли.

— Кстати, рука Ифа — не для того, чтобы тыкать пальцем туда-сюда. Используй по назначению! — проскрипело у меня в голове.

И вот, бывшая рука зомби явилась перед глазами. Водоросли почему-то обходили её стороной. Рука задумчиво сжимала и разжимала пальцы, а потом вдруг отвесила мне подзатыльник! Вокруг сразу же посветлело, я заморгал глазами и не мог узнать пещеру. Водоросли перестали извиваться, и я увидел, что они разных цветов. Попадались даже полосатые. Они свисали отовсюду, и я откуда-то знал, что с ними нужно делать теперь.

И вот, я начал рукой Ифа распутывать и переставлять эти водоросли в правильном порядке. Сначала бело-оранжевые, потом оранжевые и все остальные за ними. А когда я закончил переставлять, то услышал бубен. Его звуки раздавались всё громче, и тогда я понял, что распутанные водоросли стремительно тянут меня вверх, к свету. Кроме света там был кто-то ещё, и этот кто-то делал своими пальцами странные штуки. Штуки ярко вспыхивали и дёргали за цветные водоросли.

Я оглянулся назад и не увидел дупла, через которое попал в пещеру баобаба. Мне стало грустно, потому что Амака не успела показать мне свой танец войны и много других танцев тоже. А ещё где-то там остался Игумби-сата в своей клетке и задняя дверь Идиди-бэкдор.

Из-за всех этих мыслей я уже почти собрался повернуть назад, но тут кто-то в моей голове произнёс такие слова:

— Плыви, плыви, рыбка. Плыви сюда!

Так сказал чей-то голос, и это был не Убулембу-адс. На самом деле я догадался кто это, потому что вспомнил, о ком пел все свои песни. И тогда я поплыл вперёд, на свет.

Когда я приплыл, оказалось, что это большой тёмный подвал. В глубине виднелось окно. Я приблизился к этому окну, и по ту сторону увидел... её! Я сразу догадался, что это моя старшая жена. О ней я пел песни и сонничал сны. Старшая жена смотрела сквозь окно, но будто не видела. Тогда я растолкал все водоросли и хотел вылезти из подвала, но смог лишь просунуть голову и открыть рот. Так я впервые предстал перед своей старшей женой.

— Здравствуй, Ошун, вот я пришёл! — громко сказал я.

— Ты кто? — удивилась Ошун, а я не знал какую песню выбрать теперь.

— Я — твой старший муж, — наконец ответил я, а Ошун зачем-то спросила, откуда я прознал её ник.

— Я — старший муж, — повторил я, — мне положено знать о тебе всё.

Она снова удивилась, но потом, кажется, поняла кто я. И тогда она стала весёлой, протянула ко мне руки и начала ими делать танцующие движения. От этого ручного танца в голове родилась песня:

Когда пальцы любимой
Сорвут глиняную лепёшку с моих волос,
Я пойму, что умираю,
Но не разомкну объятий.
О, Ошун! Как ты прекрасна в своём танце!
О, Ошун! Шабанг, шабааанг!

И пока я пел из подвала, старшая жена делала руками странные жесты и говорила неведомые слова:

— Прикольный алгоритм! А на первый взгляд — всего тридцать строчек... Тааак, теперь пририсую тебе модную причёску...

Наконец она закончила делать дела с моей головой, засмеялась и сказала вот что:

— Я, как бы, не художница... Так что теперь ты у нас панк!

Так заявила старшая жена, а я не знал что такое панк, и поэтому запел новую песню:

Сквозь окно мы вверх посмотрим,
Ааах — и это уже низ!
В мир Богов мы переходим,
Забывая, чей каприз
Нам позволил измениться —
В зеркалах переродиться,
Раствориться в сотне лиц.

Что-то в песне было не так. Я не узнавал слов. Мысли шевелились по-новому и стояли торчком поверх головы.

Тем временем Ошун схватила меня за руку, втащила в дом и закужила в танце. И тогда я понял, что нахожусь в мире Богов!

Тут всё было иначе. Полутёмное помещение, мигающие огоньки... Я обернулся к окну, и вдруг увидел свой прежний мир! Отсюда он казался плоским, ненастоящим. Где-то там, за чёрным проёмом окна, радостные зомби плясали вокруг баобаба. Амака грозно потрясала всем, чем могла. Мейкна, Ези, Бахати и остальные красотки старались не отстать от Амаки в её потрясании. Всё качалось и шаталось в моём прежнем мире!

Я повернулся к Ошун. Любимая сидела в кресле. На голове у неё была полукруглая штука, закрывавшая глаза. Руки двигались в безмолвном танце. Тонкие пальцы опускались на клавиши, рождали щелчок — и от этого нити-водоросли за моей спиной тряслись с новой силой. Мне показалось, что эта тряска очень похожа на танец войны. Я хотел спросить у Ошун, с кем эти нити собрались воевать. Но она задала вопрос первой.

— Ты знаешь о пророчестве? — спросила моя старшая жена.

— Знаю, — сказал я.

Тогда Ошун стала очень радостной и перестала дёргать за нити.

— Рассказывай, — велела любимая.

— Не получается, — ответил я. — Во мне есть это знание, но я не могу извлечь его.

Я и правда не мог произнести ни слова про клетку Игумби-сата и про то, что спрятано за слоем мусора. Мысли путались, и мне не удавалось собрать в голове даже то, что я когда-то знал.

Ошун нахмурилась и сказала, что нужно взломать последнюю защиту. Я не понял, кого нужно защищать, но тут старшая жена протянула руку и снова что-то сделала с моей причёской.

Внезапно мне тоже захотелось прикоснуться к её волосам. Я поднял руку, но это оказалась рука Ифа! Она словно стала частью меня. Я опустил глаза, и не мог узнать своё тело. А рука Ифа всё тянулась и тянулась вперёд — до тех пор, пока не вытянула изнутри другого меня. Этот другой Я отбросил меня-прежнего в угол. Я упал и не мог пошевелить ни одной из оставшихся рук.

«Защита активирована», — чужой мыслью пронеслось в голове.

Я-прежний лежал в углу, а я-дубль приблизился к Ошун и протянул руку Ифа. В этот момент лицо старшей жены стало такого же цвета, как эта третья рука. Ошун начала быстро-быстро дёргать за водоросли-нити, а плоский мир за окном мигал радужными цветами.

— Неужели вычислили? — шептала он., — Как же так...

От этого шёпота сама собой родилась песня:

Когда чёрные люди взломают клетку,
А молния разнесёт баобаб,
Я пойму, что пришло правосудие,
И тогда я умру насовсем.
А река повернёт свои воды,
Унося Амаку назад...
О, Ошун, зачем ты так...
О, Ошун! Шабанг, шабаанг!

Песня звучала в голове, но я не мог понять в чьей. И вдруг я сообразил, что это кусок из пророчества — того самого, которое пряталось внутри меня. Оно хранилось под толстым слоем замусоренных мыслей, а теперь вышло наружу и стало дублем...

— Ты — засланец Шанго? — вскрикнула Ошун.

Когда я услышал крик, у меня в голове сложилась ещё одна мысль — о том, что это Ошун наслала порчу на Амаку и на всех остальных. Порча производила чёрных зомби, которые искали меня, Улело-баша, чтобы привести к Ошун. Вот как сильно я был нужен моей старшей жене!

Я хотел порадоваться этой мысли, но она продолжила зреть внутри меня. Мысль извивалась и росла. Ей уже не хватало памяти, поэтому мысль разорвала оболочку и вышла из берегов моей головы. И тогда я умер.

А когда я умер, то смог родиться по-настоящему.

Я-рождённый лежал в углу комнаты. Дубль приближался к Ошун. Та медленно отступала назад.

Вдруг Ошун метнулась к розетке и попыталась дёрнуть за провод. В тот же миг рука Ифа перехватила её запястье! Молнии белых строк пробежали по чёрному окну подвала и ударили в баобаб, обрывая поток вежливых зомби. Моя старшая жена отдёнула руку и упала в кресло.

— Кто ты? — закричала она.

«Кто я?» — пронеслось в голове.

Додумав эту короткую мысль, я заставил себя встать. Я двинулся к дублю и схватил его за руку Ифа, потому что никто не вправе обижать мою старшую жену! Я держал изо всех сил, а Ошун переводила взгляд с него на меня.

— Удаляй логи и выходи из сети! — закричал я.

Каким-то образом мне было известно, что означает это заклинание...

— Быстрой! Тебя ещё не засекли!

И тогда Ошун поняла. Её пальцы застучали по клавишам, а плоский мир за моей спиной снова искрился и мигал.

Я чувствовал, что хватка моя слабеет, и дубль вот-вот вырвется из рук. Ошун продолжала вводить команды. Я висел на дубле, вцепившись изо всех сил. Мы сплелись с ним в неведомом танце. Ещё несколько секунд... ещё полшага... дубль выскальзывает, тянется к Ошун...

Я напряг последние силы и упёрся в стену ногой. Потом я оттолкнулся от стены — дубль на секунду потерял равновесие, и тогда я увлёк нас обоих обратно — в плоский мир.

Мы с дублем пролетели сквозь окно подвала. Я зацепился пальцами за край и в последний раз взглянул на мою старшую жену. Она вскочила с кресла и приблизилась к окну. Потом схватила меня и попыталась вытащить обратно в мир Богов. Она старалась изо всех сил, но дубль вцепился в меня рукой Ифа и тянул вниз. Я попытался отодрать эту руку...

— Нет! Он часть тебя, — закричала Ошун. — Если его стереть, то тебя — такого как сейчас — тоже не станет...

Пальцы Ошун нежно коснулись моих волос.

— Ты... ты и правда настоящий, не искусственный! — шептала она. — Так вот что хранилось на том сервере! Точнее — «кто»...

Мне тоже до боли хотелось погладить её по голове, но не всё в жизни случается так, как хочешь. Даже в мире Богов.

Я разжал пальцы и полетел вниз. Потом с наслаждением отшвырнул дубля и увидел, как он растворяется в облаках. Рука Ифа осталась у меня. Она начала бледнеть, стала невесомой и, наконец, исчезла — стёрлась вместе с мыслями в голове.

И тогда я стал прежним.

А потом кто-то знакомый коснулся меня своей паутиной.

— Выглядишь ты не очень, — прошипел этот кто-то под ухом, а я обрадовался, потому что узнал голос.

— Убулембу-адс! — так закричал я, и это был очень радостный крик.

— Что, не к месту ты пришёлся в мире Богов? — проскрипел Убулембу-адс.

Я не обиделся на него за эти слова, потому что обида моя в этот момент куда-то запропастилась.

— Как дела у Игумби-сата? — спросил я, но ответа не дождался.

А потом я вдруг понял, что больше никуда не лечу. Вокруг была темнота, и я догадался, что надо очнуться. И вот, я поднял голову с пола и увидел перед собой заднюю дверь и неподвижного Игумби-сата. Сначала я очень испугался и даже не мог засвистеть, потому что решил, что он мёртв. Но потом я увидел, что задняя дверь заколочена. И тогда я сообразил, что Игумби-сата просто устал и лёг отдохнуть. А ещё я услышал детский плач во дворе, очень удивился и побежал смотреть, кто там плачет.

У раскидистого обгорелого баобаба сидела побитая Амака. Она качала моего новорождённого сына, а Убулембу-адс насвистывал колыбельную. Мне стало так радостно на душе, что заурчало в животе. Как же ещё мужчина может сообщить о своей радости, кроме урчания животом? И тогда я сделал то, что должен был сделать давно. Я сложил песню про Амаку!

Когда я опять заблужусь среди баобабов,
И зомби съедят мой мозг,
Дорогу к свету укажет память
О девушке, что подставила ягодички солнцу
И станцевала ради меня танец войны.
Я ухвачусь за ниточку света и пойду вперёд,
Но никогда не забуду и о той,
Что в порыве любовной страсти
Сорвала лепёшку с моих волос...
О, Амака! Эоф, эоооф!

ПРИМЕЧАНИЯ

Ниже — вольный перевод с языка зулу некоторых имён. Эти имена могут нести определённый смысл. А могут и не нести...

Igumbi — хранилище
Uhlelo — программа
Ubulembu — сеть
Ididi — задний проход
Umlayezo — сообщение
Yokufaka — запись в файл
Ubuntu — человечность

ДЕНИС СКОРБИЛИН

ОДИН СЧАСТЛИВЫЙ ОСКОЛОК

МИНЯ ЗАВУТ РАЗРУШИТИЛЬ. Я ЛЮБЛЮ ВСЬО ЛАМАТЬ! ХА-ХА-ХА! Что-то не так. САМАЛЬОТ ХОЧИТ МИНЯ УБИТЬ?! Я СИЛЬНЫЙ И ЛОФКИЙ. Я ЕВО СХВАЧУ! Что-то не так. Что-то совсем не так. САМАЛЬОТ, ТЫ ПАПАЛСЯ! ОЙ. О нет. Нет-нет-нет! Что мы делаем... ОЙ-ОЙ-ОЙ!

Падение. Сильный удар, затем ещё один, слабее, потом ещё. Грохот, хруст, треск — и внезапная тишина. Как обычно после разъединения, Мусорщик сначала ощутил пустоту внутри себя и только потом вспомнил, кто он такой. Секунду назад Мусорщик был частью огромного робота Разрушителя — двадцатиметровой и невероятно тупой машины убийства. А теперь он снова заурядный трансформер-десептикон, который из человекоподобного робота с ковшом-хвостом может превратиться в экскаватор и... ну... выкопать яму, например.

Разум Мусорщика, вырвавшийся из безмятежного небытия, с неохотой вернулся в собственное механическое тело. Датчики трубили о повреждённой броне, зрительные сенсоры бесстрастно созерцали обломки сосен. Должно быть, Разрушитель погнался за кем-то и свалился в гигантский овраг, где развалился на части. Кажется, это был самолёт? Жаль, но подробностей существования в Разрушителе Мусорщик не запоминал и в лучшие из дней.

Десептикон осторожно поднялся на ноги. На свои ноги — ощущение самости приходилось вспоминать всякий раз после возвращения. Земля, покрытая толстым многолетним ковром из опавшей хвои, мягко пружинила под стальными ножищами. Сочно хрустели молодые деревца, которым не повезло оказаться на пути. Мусорщик стоял на дне оврага, куда скатилось их тупое порождение. Их — остальные пять трансформеров-конструктиконов валялись рядом, застряв в густом частоколе сосен. Сверху они, должно быть, походили на осколки огромной жёлтой чашки, которая вывернулась из неловкой руки. Сверху — где там этот проклятый самолёт?

Бригадир конструктиконов Скрепок лежал без сознания на раскрошившемся под его весом валуне. Роботу-бетономешалке Смесителю обломки сосны пробил плечную броню, повредив сервомоторы. Из раны сыпались искры и тянуло горелой проводкой. Хваленое качество Уралвагонозавода, ехидно подумал Мусорщик, не лазер, дерево не выдерживает! Помогать раненым товарищам он не спешил. Вместо этого робот посмотрел вверх, где по голубому небу плыли редкие облака, перистые и почти прозрачные. Щедрый подарок короткого амурского

лета — вражескому самолёту негде спрятаться. Неужели он действительно улетел? Если так, им крупно повезло. Накрыть с воздуха бригаду покалеченных идиотов было проще простого.

— Товарищи, капиталистический прихвостень улетел? — Через поваленные деревья к ним пробирался плюгавый человечек в кожаной куртке и форменной фуражке. Убедившись, что бой действительно окончен, генерал-комиссар инженерных войск НКВД Шумейко приосанился, как будто даже прибавив в росте, и втянул животик. Его голос, секунду назад заискивающий и надтреснутый, зазвучал командирским набатом.

— Бригадир ударной комсомольской бригады имени двадцатипятилетия правления бога-императора Сталина, десептикон Скребок, доложите о работоспособности отряда!

— Бульк, — уверенно ответил лежащий на расколовшемся валуне робот. На его голове красовалась солидная вмятина. — Ычпоктя!

— Как пайку жрать, так вы мастера, — разозлился комиссар. — Да у меня эки лучше работают, чем ваша шарашкина контора! Как теперь план сдадим?!

Мусорщик тоскливо посмотрел на небо, синеющее сквозь стволы гигантских деревьев. Хотя он возвышался над землёй на добрых семь метров, даже самая маленькая сосна на краю опушки была втрое выше, и это не давало десептикону покоя. Если бы строение тела Мусорщика позволяло втянуть голову в плечи, он бы обязательно её втянул.

— А ты, с ковшом в заднице, как там тебя, Мусорщик? Какого чёрта вчера в деревне колодцы копал? Я что, сру энергоном, чтобы его на лапотников тратить? Пусть хоть перемрут все! Заканчивайте саботаж на объекте, понятно?!

Небо по-прежнему было чистым, словно зеркало. Лишь над головой Мусорщика лениво кружил сапсан, высматривая неосторожную пичужку. Каким видит его эта птица? Две руки, две ноги, похож на человека, только большой и с металлическим корпусом грязно-зелёного цвета. И ещё фиолетовые ноги. Интересно, птицы различают цвета? В любом случае, растущий из спины ковш-хвост заметит даже слепой. И сделает выводы: Мусорщик не человек. Он робот-трансформер, прилетевший с другой планеты и вступивший в КПСС. Чужак.

* * *

Рабочий день начался с построения. Конструктиконов, выполнявших самые тяжёлые работы и заодно охранявших стройку от автоботов и кибертроцкистов, построили в линию. Комиссар Шумейко прошелся вдоль строя и, поздравив с началом рабочего дня, зачитал телеграмму из Москвы от самого Секретаря Партии Мегатрона:

— Товарищи десептиконы! Окончательная победа над буржуазным миром и фашиствующими приспешниками автоботов близка! Крепите трудовую дисциплину, будьте беспощадны к уклонистам и троцкистам, разоблачайте шпионов! Даёшь пятилетку за три года! Ура!

Десептиконы трижды прокричали «ура» и «служу Советскому союзу», после чего принялись за работу. Мусорщик трансформировался в экскаватор и засыпал в кузов Большегруза щебень. Ему нравился этот скромный робот-грузовик, повелитель дорог и король логистики. К сожалению, мысли тихони Большегруза вечно витали где-то в районе передовой. Маленький, но отважный грузовичок рвался стать солдатом на полях сражений и стеснялся своих — действительно впечатляющих — строительных достижений. С Мусорщиком, не жалующим военную муштру, он старался не общаться. Но хотя бы не подшучивал, в отличие от остальных.

Когда кузов Большегруза наполнялся щебнем до краёв, тот отвозил камень к железнодорожной насыпи, где выгружал на строящиеся пути. И пока грузовик возвращался за новой порцией, остальные конструктиконы разравнивали балластную подушку. А в барабане бетономешалки грубияна Смесителя уже пропитывались креозотом сосновые шпалы. Этот конструктикон прекрасно справлялся не только с ролью автоклава, но и заменял сушильную камеру, так что на выходе получался готовый к укладке продукт. А вот рельсы конструктиконам не доверяли — для укладки из Ленинграда приехал сам министр транспортных путей и сообщений Астропоезд. Может оно и к лучшему: если они не уложатся в план, можно будет перевести стрелки на заезжую шишку.

Работа спорилась так, что согнанные из лагерей зэки едва успевали заворачивать глухари, скрепляющие рельсы со шпалами. Люди выбивались из сил и падали, но комиссары пинками поднимали их с земли, грозя карами, которые ниспошлёт бог-император Сталин. Мусорщик жалел этих бедолаг. Он быстро понял, что многие попали в исправительно-трудовые лагеря ни за что, и видел, что их гнобили почём зря. Если бы не десептиконы и их технологии, здесь на каждом километре строящейся дороги стояло бы по кладбищу. Поэтому, когда Шумейко не было на объекте, Мусорщик охотно подвозил зэков и помогал с работой. За что и получил от авторитетов уважительную кличку Ковш. Остальных десептиконов, которых человеческие страдания забавляли, заключённые прозвали «ржавьём» и относились так же, как и к обычным вертухаям. То есть с показным презрением и тщательно скрываемой ненавистью.

После того как солнце встало высоко над головой, пинки и угрозы комиссаров помогать перестали. Только тогда Шумейко объявил обеденный перерыв. Людям привезли баланду странного цвета и запаха, а роботам перепал скудный салат из кубиков энергона, сделанных на

ближайшей ТЭЦ. Уставшие заключённые ели, украдкой поглядывая на небо. И хотя погода была ясной и солнечной, в человеческих глазах уже стоял страх надвигающейся зимы. Зимы, которая наверняка станет последней для многих. Кто-то надсадно кашлял, кто-то пел жалобную арестантскую песню. Но большинство молчали, угрюмо пережёвывая пайку.

Так строился БАМ — Байкало-Амурская магистраль, прорезающая безграничные земли Советского союза. Тысячи километров тайги, где нога человека если и ступала, то крайне осторожно, и только если рука при этом сжимала ружьё.

* * *

Вечером был урок политинформации, потому что запчасти для Скребка не привезли, а конструкторы превращались в Разрушителя только вшестером. Ну а какая без Разрушителя строевая подготовка? Поэтому их собрали в ангаре с огромным телевизором, вокруг которого роботы расселись, словно большая человеческая семья.

Когда-то Мусорщик действительно пытался полюбить остальных конструкторов, насколько робот вообще может любить других роботов. Старался быть полезным в бою, помогал на стройке. Но что-то всё время шло не так, и чем больше он прилагал усилий, тем сильнее отдалялся от товарищей. Возможно, в этом и был секрет: другие десептики не питали друг к другу особой привязанности и никому не доверяли. Особенно тем, кто набивался в друзья. Долгие годы внутри маленького экскаватора бурлил океан надежд и завывала буря разочарований. Потом океан выкипел, буря улеглась, и в душе Мусорщика стало тихо и пусто. Он молча тянул лямку военного строительства и ни с кем из сородичей не сближался.

И всё-таки, их было шесть. Шесть роботов, связанных общей судьбой. Всё ещё барахлящий Скребок. Угрюмый зелёно-синий Костолом, трансформирующийся в огромный бульдозер. Отремонтированный Смеситель, на фиолетовом торсе которого красовалась ярко-оранжевая заплатка: запчасти Уралвагонзавода редко попадали в цвет. Мечтательный трудяга Большегруз. И, конечно, непризнанный гений Крюк, который был настолько высокого мнения о себе, что уселся прямо в центре, грубо подвинув раненого командира.

— Бы-ка! Туко-ча! — не то возмутился, не то скомандовал Скребок.

Крюк покосился на контуженного и сделал вид, что занят изучением своего автокрана. Ну, если ты такой умный, мстительно подумал Мусорщик, почему же наш Разрушитель такой тупой? Ты же трансформируешься в его голову, ты, заносчивая консервная банка! Но вслух Мусорщик ничего не сказал. Незачем было. Уже незачем.

Генерал-комиссар Шумейко изволил опаздывать с ужина, поэтому десептиконы включили программу «Время» без него. На экране проступила знаменитая серая заставка: название передачи, опутанное паутиной, что символизировало совершенство советских телекоммуникаций. Заиграла знакомая фортепианная мелодия, которая медленно перешла в гимн десептиконов «Инструменты разрушения». На экране появился ведущий Митя Звездунов, типичный пионер с красным галстуком, выбритыми висками и зелёными волосами, тщательно уложенными в «пилотку». Блеснув пирсингом в свете софитов, Митя поприветствовал телезрителей:

— Здравствуйте, товарищи! В эфире программа «Время».

Первый сюжет был не очень интересный. В Краснодарском крае вывели новую породу коров, которые вместо молока доились чифирём. Диктор пообещал, что скоро животных привезут в исправительно-трудовые колонии, чем поднимут качество трудовой дисциплины и удвоят производительность труда. Хотя Мусорщик и прилетел с другой планеты, даже ему было ясно, что никаких коров никуда не повезут, а вот план на следующую пятилетку задержат до небес.

Зато второй сюжет оказался про них. На дисплее показали кинохронику: вражеский истребитель прочертил небо над тайгой и выпустил несколько ракет. После чего изящно увернулся от лазерных лучей и совсем уже собрался улетать, как над деревьями восстала громада Разрушителя. Гигантский робот неуклюже взмахнул рукой, но получил порцию ракет в бок и промахнулся. Затем побежал за улетающим наглецом и... бум. Мусорщику стало стыдно за очередной прокол их сильного, но абсолютно бесполезного союза. Другие конструкторы тоже заёрзали, стараясь не смотреть при этом друг на друга. И только Митя Звездунов не унывал:

— Вот так, не жалея живота своего, ударная строительная бригада конструкторов прогнала капиталистического наймита. Наши передовики социалистического труда себя в обиду не дадут! А сейчас — музыкальная пауза!

По экрану закружились балерины, переодетые в автоботов и десептиконов. Играл «Полёт Валькирии», десептиконы уверенно гнали со сцены американских приспешников, посмеявшихся атаковать мавзолей Владимира Предтечи. В одной из балерин Мусорщик с удивлением узнал молодого полковника Брежнева, к которому, по слухам, обращались за советами даже мудрый Мегатрон и бог-император Сталин. Полковник Брежнев оказался прекрасным танцором и мужественно поджимая губы, выполнял пируэты с серпом в мускулистой руке. В кульминации он подскочил к картонному початку кукурузы и срезал его под корень. Зал взорвался овациями. Музыкальная пауза закончилась, камера снова вернулась в студию.

— В заключение, рубрика «Их нравы». В США продолжаются бунты молодёжных банд тунеядцев и бездельников. Эти молодые люди, так называемые «хиппи», злоупотребляют наркотическими веществами и предаются беспорядочным половым связям. — На экране показался знаменитый автобот Шершень в окружении группы грязных и плохо одетых молодых людей. С приятным жужжанием трансформер превратился в гигантский кальян, к которому немедленно бросились подростки. Всё заволочло дымом, и камера переключилась на телестудию.

Ведущий тепло попрощался с телезрителями, и Мусорщик выключил телевизор. Стало слышно, как во дворе пьяный Шумейко стреляет из пистолета по звёздам и горланит песню про Бухарест и море дружеских улыбок. Тоска по неведомому, разлитая в голосе комиссара НКВД, недвусмысленно намекала, что политинформации сегодня не будет и можно расходиться.

* * *

Следующий день принёс новые хлопоты и новые тревоги. Всё началось как обычно: похмельный Шумейко просипел что-то о трудовой дисциплине и кодексе строителя коммунизма, после чего вохра повела эзков к насыпи работать. Настроение у всех было подавленным, словно перед грозой, когда сам воздух давит обещанием чего-то большого и страшного. Так оно и случилось.

Когда солнце приблизилось к зениту, из чащи донёсся треск ломающихся сосен. Что-то огромное и сильное приближалось к стройке, безжалостно сокрушая упирающуюся природу. Неужели робот, подумал Мусорщик, неужели автоботы рискнули напасть на них снова? Что и говорить, время выбрано удачно: на площадке было лишь пятеро конструкторов, неспособных без раненого Скребка составить Разрушителя. Роботы переглянулись и достали бластеры.

Снова треск, ещё одна сосна накренилась вбок. До Мусорщика долетел отзвук, похожий на рычание дикого зверя. Десептикон заметил, что эзки вместе с ВОХРовцами медленно пятятся от леса к грузовикам. А Шумейко не только этому не препятствует, но и, напротив, сам прыгнул на подножку ближайшего «ЗИЛа».

Наконец между стволами деревьев показалось бурое пятно шерсти. Громоподобный рёв потряс тайгу. Медленно и неотвратимо на них наступал хозяин этих мест — модифицированный троцкистами медведь-мутант. Огромная тварь весом в несколько тонн. Добрых шести метров в холке, подвижная и невероятно злая.

Роботы открыли шквальный огонь, но лазеры не смогли пробить шерсть с зеркальным нанопокрытием. Неожиданно резво медведь прыгнул вперёд, оказался возле Смесителя и одним ударом смял

трансформера. Большегруз бросился на помощь товарищу, но тут же отправился в непродолжительный полёт, неловко подставившись под удар. Оставшиеся конструктики бросились бежать, отстреливаясь. Шумейко возмущённо заорал и пальнул из табельного пистолета в спину дезертирам. Никто не обернулся и не сбавил скорость, поэтому комиссар гаркнул на водителя, и тот немедленно утопил педаль газа. Автомобиль понёсся вперёд, не дожидаясь, пока в него запрыгнут заключённые: генерал-комиссар спасал свою драгоценную жизнь.

На счастье брошенных зков, чудовище не отвлекалось на мелочёвку. Медведь поднялся на дыбы и бросился вдогонку за убегающими роботами. Первыми сдали нервы у Костолома. Он обратился в ужасный грохочущий бульдозер, развернулся и помчался на медведя. Бурая гора мышц и зеленоватая громада стали столкнулись и разлетелись по сторонам. Самонадеянный Крюк торжествуя завопил и бросился добивать медведя, но тот поднялся вновь и, сверкнув вмонтированным в глазницу лазером, поразил десептика. После чего потрусил к единственному оставшемуся на ногах Мусорщику. Тот посмотрел на неподвижного Костолома и, превратившись в экскаватор, помчался прочь от хищника. Медведь тоже ускорился. Тяжело дыша и переваливаясь с боку на бок, чудовище умудрялось не отставать от гусеничного транспорта.

Пасть медведя раскрылась, и оттуда зазвучал человеческий голос. Звонкий и слегка завывающий мужской тенор разлился над амурскими лесами.

— После долгого упущения времени вами взяты сразу слишком высокие темпы индустриализации и коллективизации!

Неприятный голос странным образом убаюкивал и сбивал с толку. Мусорщик почувствовал, что теряет скорость.

— Вместо гибкого руководства, считающегося с самой хозяйственной материей, открылся период нещадной гонки с закрытыми глазами. Ажиотаж темпов не мог не привести к кризису!

Складно брешет, подумал Мусорщик. Они там в Москве совсем с ума посходили с этими пятилетками и их досрочным выполнением. А этот... Тут он осознал, что монстр уже совсем рядом, и из последних сил поддал газу. Впереди внезапно появилось дерево, и Мусорщик, сам не понимая, что и зачем делает, трансформировался в робота и прыгнул вверх. Уже в полёте он понял, что это не обычное растение, а железная конструкция, слегка напоминающая тополь. Столкнувшись с необъятным металлическим стволом, десептикон вцепился в него руками и ногами и быстро пополз вверх. Снизу донёсся страшный удар, и ужасный рёв сотряс лес.

— Разочарование партии в нынешнем руководстве неизбежно ведёт к оживлению оппозиции, как левой, так и правой!

«Да пошёл ты», — зло подумал Мусорщик и подтянулся ещё выше. Тварь кружила внизу, но карабкаться по стволу боялась. Странно, медведи же лазают по деревьям, разве нет? Робот посмотрел вверх, на верхушку, но там светил ослепительно-яркий фонарь и температурные датчики предупреждали об аномально высокой температуре. Иди знай, может там ракетная батарея или огнемёт, подумал Мусорщик, а мне и посередке неплохо.

Конструктикон посмотрел на кружащего внизу медведя. Теперь тварь уже не казалась неуязвимой: зеркальная шерсть выгорела от попаданий бластерных зарядов, бок чудовища смят от столкновения с бульдозером, из пасти сочится кровь. Медведь задрал голову в поисках Мусорщика, висящего в каких-то пяти метрах, но почему-то не увидел его.

Из дупла железного тополя показалась любопытная беличья мордочка. Рыжий зверёк выскочил из убежища и метнул вниз орех. Тот звонко отскочил от металлической каски, защищающей медвежий мозг. Следом полетел ещё один орешек. И ещё. Медведь, уже почти совсем переставший ходить, вдруг улёгся под деревом и положил голову на израненные лапы. Никакой он не хозяин тайги, понял Мусорщик. Этот модифицированный безумными троцкистами монстр такой же чужак для леса, как и сами трансформеры. Словно услышав его мысли, бер задрал голову к небу и тихо зарычал. В каску врезался ещё один орех.

И тогда Мусорщик решился. Навигационный компьютер обсчитал оптимальную траекторию, и робот прыгнул вниз, в полёте трансформируясь в экскаватор. Всей своей массой он обрушился на мутанта, сминая каску и проламывая череп. Кровь брызнула во все стороны, по гигантской туше прокатились последние судороги. Наступила тишина.

Бьющая из разmozжённой головы кровь не оседала на земле, а висела в воздухе, превращаясь в портрет мужчины с остроконечной бородкой, хитрым прищуром и пенсне. Рот мужчины открывался и закрывался. Мусорщик попробовал читать по губам, но быстро понял, что Троцкий попросту смеётся над ним. Потом наваждение исчезло, и кровь пролилась на землю красным дождём.

Робот обернулся к таинственному дереву, спасшему его от неминуемой смерти, но тополя к тому времени и след простыл. Десептикон стоял на лесной прогалине, на перекрёстке двух дорог. Белочка, что характерно, тоже куда-то запропастилась.

* * *

Медленно, с отставанием графика, БАМ прирастал новыми километрами. Извиваясь и забираясь заметно южнее Транссибирской магистрали, подальше от любопытных китайских глаз, железная дорога ползла к далёкой Советской гавани. Впереди были ещё тысячи километров,

но когда-нибудь поезда всё-таки помчатся к водам Тихого океана. Из Москвы, долгими извилистыми тропами Транссиба до Тайшета, а оттуда по БАМ в Советскую гавань, поедут сотни ракет с ядерными боеголовками. И тогда-то коммунизм победит: советский мирный атом обрушит пролетарский гнев на Йеллоустонский национальный парк, где дремлет гигантский супервулкан, а у подножия покоится родовой корабль автоботов. Взорвать проклятую гору, освободить океаны кипящей магмы — и США вместе с проклятыми автоботами канут в пылающее небытие. А на руинах старого мира расцветёт новый, прекрасный и справедливый. По крайней мере, именно так рассказывал Шумейко на политзанятиях.

Планета Кибертрон, родной дом всех трансформеров, ждала где-то там в чёрной пустоте космоса. Пустая и безжизненная. Кладбище, которое десептиконы и автоботы покинули, когда междоусобная война уничтожила их дом. Когда-нибудь, когда на Земле наступит окончательный коммунизм, они добудут достаточно энергии, чтобы оживить Кибертрон. Восстановят и наполнят энергией прекрасные гигантские города, где каждый дом связан миллионами незримых информационных нитей с остальной планетой. Тогда Кибертрон засияет ярче любой звезды. И всё будет как раньше, если, конечно, они вспомнят, как было раньше и почему их золотой век обернулся эпохой разлада и разрушения.

Память роботов была настолько совершенной, что Мусорщик в принципе не умел забывать, но хранящиеся в железной голове данные становились всё менее значимыми. И если раньше сияющий Кибертрон с его летающими солнечными фермами, скоростными транспортными платформами и светящимися ярче кремлёвских звёзд небоскрёбами снился ему по ночам, то сейчас... Сейчас Мусорщик обходился без сновидений.

* * *

После встречи с косолапым троцкистом комиссар Шумейко запил всерьёз, без перерывов на труд и партийную работу. Видимо, от пережитого чекист окончательно сгорел на работе, с головой уйдя в мифический Бухарест, где цветут яблони на реке Прут, шумит южная листва и ласково поют скрипки. Среди уходящих в небо карандашей сосен песня Марка Бернеса, которую Шумейко однажды услышал в «Новогоднем огоньке» и почему-то крепко запомнил, звучала особенно тоскливо. По ночам сухие пистолетные выстрелы по звёздам заменяли комиссару точки. И всё чаще — многоточия.

Долго так продолжаться не могло. Однажды к десептикону подошли двое хмурых ВОХРовцев в компании с авторитетным заключённым Индейцем, осуждённым по доносу профессором антропологии. Этот

интеллигентный человек, посвятивший жизнь изучению первобытных обществ, серьёзно относился к выбранной науке и до Великой Октябрьской успел поездить по укромным уголкам планеты. Большая теоретическая база не подвела: ещё на этапе Индеец украл заточку и зарезал четырёх блатных, издававшихся над «политическими».

— Здорово, Ковш, — начал Индеец. — Ты правильный робот, вникаешь в наши дела. Помоги ещё раз, всем легче станет.

— Что такое?

— Нашему певцу в погонах пора мозги прочистить, пока он и нас, и их, — арестант кивнул на понурых охранников, — не пострелял. Если его просто придушить, из Москвы нового на расправу пришлют. А на хрена это надо, если и так план горит? Пойдём по саботажу на «вышак» стройными рядами. И мы, и вертухаи, — он снова кивнул на угрюмых спутников, — и вы, — он кивнул на Мусорщика.

— Товарищ десептикон, — подал голос охранник, — дорога плохая, грузовик застрянет. А на экскаваторе доползём. Товарищ Шумейко с утра обосрамшись, так мы его аккуратно в ковш положим, а на обратном пути на речку заедем, помоемся. Войдите в положение, погубит он всех. Вчера хотел половину личного состава расстрелять, чтобы спирта подольше хватило, да мы пистолет спрятали...

— Куда вы хотите его везти?

— К Шаману. Дорогу покажем, поехали!

* * *

Ехали долго, еле заметной дорожкой, по обе стороны которой сплошной стеной стоял сосновый бор. Дорога была заброшена, и природа постепенно брала своё. Мусорщик то и дело сминал траками молодые сосенки, а уж кусты лабазника, вымахавшие на полметра в высоту, росли прямо посреди пути. И, как оказалось, таили в себе опасность: то и дело из кустов вылетали гигантские комары-убийцы, чующие тепло человеческих тел. По счастью, пассажиры Мусорщика отлично стреляли из охотничьих ружей, так что насекомые превращались в фарш ещё на поллёте.

Старые сосны неодобрительно глядели вниз с высоты прожитых лет и почти полностью скрывали за собой солнце. Лишь самые верхушки деревьев золотились в летних лучах, оставляя дорогу в сыром полумраке.

Наконец их экспедиция прорвалась на небольшую поляну, в центре которой росло знакомое Мусорщику железное дерево. Всё здесь было залито солнцем, и даже оптические сенсоры трансформера на секунду ослепли, поэтому он не сразу заметил небольшой домик, стоящий возле корней. Возле дома горел костёр, на котором стоял котелок, а рядом сидели на корточках двое мужчин.

Увидев подъехавшую делегацию, один из них, рыжий мужичок с хитрым лицом, в котором нет-нет, да и мелькало что-то беличье, вскочил и засуетился. Помог ВОХРовцам вылезти из кабины, после чего выгрузил из ковша спящего Шумейко. Второй мужчина, с типичным русским лицом и светлыми волосами, решительно непохожий ни на какого мага или волшебника, сидел возле костра и лениво помешивал ложкой варево.

— Мир твоему дому, Шаман, — поприветствовал его Индеец. Мусорщик, уже не первый год работающий с эзками, сразу определил, что Шаман сидел, и долго.

— Присаживайся, Индеец, — мужчина жестом подозвал к себе авторитетного эзка, — вот и чифирь как раз заварился, с чабрецом. Для лагерной дышалки самое то! Ковш, — Шаман посмотрел на десептикона, — спасибо за услугу. Без тебя бы они сюда не добрались.

Мужчины обстоятельно обсудили лагерные дела, после чего Индеец передал старому знакомому послания из лагеря и ещё о чем-то переговорил с ним на пониженных тонах. Мусорщик в этот момент тактично снизил чувствительность микрофонов, чтобы не лезть не в свои дела. Скучая, робот бесцельно глядел по сторонам. Если не считать уже почти привычного железного тополя, интересного на поляне оставалось немного. Разве что забавно было наблюдать, как вохра держалась подальше от костра, тихонько потягивая самогон. Стоило доехать до места, как между людьми из разных социальных групп воцарилась невидимая, но крепкая, как бетон, стена отчуждения. Точно как между нами и автоботами, невпопад подумал Мусорщик. А то и прямо как в нашей бригаде...

— Ладно, давай сюда этого синяка конторского, будем ему мозги на место ставить.

Шаман навис над Шумейко, который до сих пор не проснулся и только беспокойно ворочался во сне, будто чувствовал, что сейчас случится что-то недоброе. Некоторое время этот странный человек, настолько нездешний, что Мусорщик заподозрил в нём чуть ли не заграничного шпиона, молча смотрел на пьяницу. Затем громко хлопнул в ладоши. Свет на поляне потускнел, словно солнце зашло за облако. Шумейко тут же открыл глаза и сел. Несколько секунд мужчины смотрели друг на друга, затем чекист гаденько улыбнулся и погрозил пальцем Шаману. После чего с вызовом затянул любимую песню:

— У друзей не бывал я в Бухаресте!

Но душой мы всегда и всюду вместе!

— Ясно. До Бухареста добухался, значит, душа страдающая. Не бойсь, поправим тебя, чёрт легавый.

Шаман властно поднял руки, и распоясавшийся певец замолчал. И молчал всё время, пока его собеседник шевелил губами

и морщил лоб, будто вспоминая что-то. Наконец лицо Шамана разгладилось:

— Вот тебе новая песня, забирай.

Шумейко вытаращился на него, силясь сказать что-то. Затем глубоко и словно бы против воли вдохнул, и над лесом разнеслось:

— Если с другом вышел путь, если с другом вышел путь, —
веселей дорога!
Без друзей меня чуть-чуть, без друзей меня чуть-чуть,
а с друзьями много!

Солнце снова засияло в полную силу, защелбтали птицы, и даже вивавшие над поляной сивушные нотки стихли, уступив душистому запаху цветущего тимьяна. Шумейко улыбался. Не обычной гаденькой улыбкой, а широко, во весь щербатый рот. Он был счастлив, и его счастье передалось и ВОХРовцам, и Мусорщику, и даже настороженному Индейцу. Всё теперь будет хорошо. Всё.

— Не стоит благодарности, — кивнул им Шаман, — вы привели Ковша, я сделал вам доброго начальника. Сочлись.

Не успел Мусорщик удивиться этим словам, как Шаман повернулся к нему:

— Давно за тобой наблюдаю. И не потому, что ты больше человек, чем эти фраера с погонами. Ты почему-то почувствовал притяжение. Почувствовал же?

— Ничего я не почувствовал! Наоборот, проблемы у нас с синхронизацией. Ну, то есть, робот большой такой, Разрушитель, он и раньше был тупой, а сейчас...

— Ваш Разрушитель — это вот они, — Шаман указал на пьющих самогон охранников и Шумейко. — Напьются, почувствуют единение, что-нибудь сломают. Лягут спать. Всё! Раньше тебе этого хватало, а теперь не хватает. Вот и весь секрет.

— И как всё вернуть назад? Ребята из бригады мне как семья...

— Не знаю, — задумчиво протянул Шаман, — но из мира духов ко мне малява пришла, чтобы я твоей проблемой заморочился. Видать, нужен ты кому-то, маленький несчастный осколок. Не дрейфь! В целом нет личности, в личности нет целого. Ты, можно сказать, только сейчас и начал жить на полную. Это я тебе как профессор кафедры религиозоведения говорю. Тут в тайге дураки помирают быстро, зато у интеллигенции случаются козырные расклады, верно, Индеец? И ты, Ковш, тоже не дурак, жить будешь. Как именно — не знаю, не моё дело. Мне велели показать тебе троих, таких же, как и ты сам. Узнаешь их судьбу, может, и свою разгадаешь. Готов?

— Я разгадаю судьбу, и Разрушитель снова будет работать?

— Боюсь, эта чашка разбита навсегда, Ковш. Но как знать? Ты садись давай, а то ещё упадёшь на вашего дружелюбного комиссара, вот ведь трагедия случится.

— Хорошо-хорошо, давай, а как это будет происхо...

* * *

Вспышка. Удар. Мусорщик почувствовал, как вывалился из мира, и его потащило куда-то в сторону и вниз. Перед глазами проносились странные картинки: люди, роботы, животные, леса, поля. Всё это было слишком быстро даже для электронного сознания. Затем карусель остановилась, и робот увидел перед собой дивный новый мир.

* * *

Охотница на демонов Валла опустила тесак, отделив голову единорога от туши. Затем отсекала упругий радужный хвост и копыта. Королева варваров Сонечка подтянула к себе тушу и вспорола живот, чтобы извлечь розовые лоснящиеся кишки. Здесь, в волшебной стране Эквестрии, вместо мух над требухой кружились крохотные феечки, что было... мило?

Остальные бойцы не сидели без дела. Волшебник разжёт костёр, крестоносец Джоанна осенила мясо священным символом, чтобы вместе с мясом в едоков не проникла скверна. Колдун Назибо наполнил живот единорога пряными травами и щедро посыпал специями, отбивающими неприятный сладковатый привкус. Затем они насадили животное на вертел и поставили над костром.

Только монах Каразим не помогал товарищам. Он сидел на изумрудно-зелёной траве, свесив голову. Мы облажались, думал он. О, как же мы облажались.

Валла подошла к нему.

— Что случилось? Не держи в себе, говори.

Монаху не хотелось снова ссориться, но, боги свидетели, он так больше не мог.

— Валла, я повторяю снова: что мы здесь делаем?

Эбеновые глаза Валлы оставались непрозрачными и холодными. Однако Каразим видел янтарную прожилку безумия в глубине зрачков и знал о том, какой опасной может быть эта девушка, если янтарь победит эбен.

— То, что и всегда. Убиваем демонов. Точка.

— Валла, единороги и плюшевые медвежата не похожи на адских тварей.

Охотница фыркнула.

— Демоны околдовали тебя, Каразим. Очнись, мы всё ещё на войне! И всегда будем, ибо враг силен и нет ему числа. Вспомни, как мы

выживали в огненном аду Преисподней, как прикрывали друг друга. Как... как... Каразим, в бою я не всегда понимаю, где заканчивается моё «я» и начинаются все вы... ты. Понимаешь? Помнишь?

Монах вздохнул. Он всё понимал и всё помнил. И для него не было никого дороже этих обожжённых войной людей. Но вокруг простирались зелёные луга Эквестрии, а не истерзанные демонами окрестности горы Арарат. Бабочки и феи порхали над цветами, радуга не сходила с пронзительно-голубого неба, а местные зверушки были ласковы и дружелюбны. По крайней мере, пока их не начинали убивать.

— Нет, Валла, наша война закончилась. Мы убили владыку ужаса Дьябло и отправили ангела смерти Малтаэля в небытие. Всё. Больше никого не осталось, только мы.

Валла насупилась. Остальные бойцы их маленького отряда растеряно переглядывались. Время слов стремительно уходило, уступая янтарю.

— Если ты устал, можешь уходить, Каразим, — голос охотницы на демонов, казалось, доносится со дна глубокого ледника. — Мы справимся без тебя.

Впервые в жизни Каразим не поверил соратнице. Это было совершенно новое чувство, обжигающее душу сильнее адского пламени. Он растерянно посмотрел на остальных. Они молчали и прятали лица. Если он повернётся к Валле спиной, они, в лучшем случае, останутся в стороне.

Огненные прожилки пожирали эбеновое дерево зрачков, а вместе с ним и остатки самоконтроля охотницы. Монах был силён и невероятно быстр, но шансов выстоять против пятерых у него не было. А убежать от идущей по следу охотницы на демонов невозможно: людей она загоняет так же хорошо, как и адских тварей.

Тёплый ветер ласкал изумрудную траву. Издалека доносилось пение волшебных цветов — где-то там сказочные звери, которым повезло уцелеть в сегодняшней бойне, водили хоровод и не думали о том, что ждёт их завтра. Впрочем, о завтра не думал и сам Каразим, глядящий в пылающие глаза Валлы.

* * *

Карусель миров вновь ускорилась, смешав миры и их обитателей. И снова остановилась.

* * *

Человеческое море штормило. Надсадно, во всю мощь лужёных глоток, надрывались рабочие метизного комбината. Важно дышали перегаром водители троллейбусного парка. Визгливо хохотали школьные

учительницы, сбросившие ненадолго бремя чужих детей. Болтающемуся в волнах демонстрации Никифору стало дурно. Саныч, подлец, кинул с опохмелом и вместо обещанных ста грамм выдал полрюмки. Что, конечно, никакое не лечение, а одно сплошное издевательство. Во рту рабочего пересохло, но воды у Саныча тоже не было, вот же организатор хренов! Каждое резкое движение отзывалось болью в висках, свет резал глаза с безжалостностью военного хирурга. Такого похмелья у Никифора не было аж с Нового года. Но ведь на то и праздник, чтобы гулять!

Обычно Никифор любил такие собрания и даже здорово отличился на прошлом. Выпив сверх меры, он снял брюки и, оставшись в исподнем, размахивал предметом одежды в воздухе, словно диковинным флагом с заплатой на интересном месте. Вероятно, именно поэтому ответственный за их колонну Саныч сегодня поспешил на водку, пообещав опохмелить уже после праздничного концерта. Но дело, конечно, было не только в выпивке. Просто в такие минуты, когда на площади собирались все свои, Никифор чувствовал себя на месте, как хорошо вкрученный в дюбель шуруп. И это ощущение единения пьянило не хуже водки.

Море лиц качалось и гудело на разные голоса. В желудке Никифора тревожно ворочались с таким трудом съеденные на завтрак варёное яйцо и бутерброд. Голова звенела от каждого толчка. А с возвышавшейся посреди площади сцены надрывался очередной оратор:

— Слава рабочему человеку!

— Ура! — ликовали собранные со всего города бюджетники.

— Мудрая политика лидера нации приведет страну к успеху!

— Ура!

— Они там в заграничах своих рехнулись вконец!

— Ура!!! — с чувством грянула толпа, которой наступили на большую мозоль. Даже Никифор промычал что-то одобрительное.

Микрофон продолжал орать, но Никифор уже не слушал. И не только из-за приливов дурноты. Он вдруг почувствовал: что-то идёт не так. Не было единения. Мир обыкновенного рабочего метизного завода дал трещину ещё раньше, и теперь маленький человечек в большом океане соплеменников со страхом прислушивался к тому, как растёт у него внутри что-то новое, холодное и страшное.

Ну, водка, допустим, подешевела, непривычно трезво рассуждал он, но закусь-то в полтора раза вверх ушла. Минус выходит! Так что же теперь, натошак пить? Так какая же пьянка без еды! Без огурчика, без картошечки... Срам один! Свет в три раза вырос, грозятся отрезать за долги. А где деньги брать? Кризис, говорят. Иностранцы эти, пропади они пропадом. Но если кризис, то почему Саныч новую машину купил? Не отечественная, не китайская. Я крыло пнул, пока он не видел, — хороший металл оказался, вмятины почти не видно. Вещь! Что-то

тут не так, ребята. Разобраться бы, почему у одних кризис, а у других машина новая.

Ушедший в размышления Никифор совершил роковую ошибку — пропустил начало концерта и не успел подготовиться к девятому валу. Из огромных, в человеческий рост, колонок рванулась на свободу гармонь. Дробно ударили бубен и струнные инструменты, гулко загремел барабан. Люди пришли в движение, особо впечатлительные даже начали танцевать. И когда чей-то локоть влетел Никифору в бок, бутерброд оскорблённо заворчал, после чего устремился ввысь, к спасительному выходу из тюрьмы желудка.

* * *

Карусель провернулась ещё раз.

* * *

Ник и Бриджит вошли в обитель разврата, держась за руки, словно молодые влюблённые. Маленький уединённый пансион в горах, только знакомые лица, абсолютная приватность. Неразговорчивый персонал и комнаты со множеством игрушек. Всё говорило о том, что это будет самая крутая свингерская вечеринка в истории. Они готовились к ней несколько месяцев, синхронизируя расписания и сочиняя алиби. Адвокаты и киноактёры, стоматологи и дизайнеры интерьеров приложили титанические усилия, чтобы оказаться здесь, в царстве полумрака и шелковых простыней. И это было их время.

Ник посмотрел на свою Бриджит. Карамель кожи и мёд волос. Весенняя зелень глаз и жемчуг зубов. Чего греха таить, Ник безумно любил Бриджит. Но и разнообразие тоже любил. Как, впрочем, и она сама.

Люди двигались, словно в медленном танце. Мужчины и женщины превратились в единый организм, дрожащий от предвкушения и сокращающийся от ласк. Ник целовал Стефани, брюнетку с белоснежной кожей, пока её муж всюду занимался Бриджит. Мельком глянув на жену, Ник невольно залюбовался тем, как большие с накачанными предплечьями руки Стива скользят по тонкому гибкому стану. А затем расстегнул блузку Стефани. Альпийские склоны груди и пологий овраг яремной впадины — высокий взлёт и долгое затяжное падение.

Даже сердца обнажённых, утомлённых страстью людей бились в такт, словно гигантский арифмометр. Тук. Тук. Тук. Тук. Тук.

И в этот момент сердце Ника потеряло мелодию.

Всё началось вполне невинно. Он лениво посматривал по сторонам, присматривая себе следующую партнёршу, и остановился взглядом на новой жене Тома. Ещё совсем девочка. Сколько ей, восемнадцать?

Девятнадцать? Невероятно хорошенькая и свежая, как полночный ветер в горах. Том сыграл свадьбу всего месяц назад, поэтому мало кто успел узнать имя этой красавицы. Зато все стремились познакомиться в куда более интимном смысле. И только Ник совершенно не хотел её, хотя и не мог оторвать взгляд от светлых волос и загорелой кожи. Лимон и кофе с молоком. Утреннее небо в глазах, как у него самого. Девушка слегка напоминала Бриджит, когда Ник познакомился с ней в Сан-Фран. Если бы тогда они решились на ребёнка, сколько ему исполнилось бы сейчас? Столько же? На год-два моложе? Тогда это казалось невозможным, но теперь Ник понимал, что они бы справились. Затянули бы пояса, пересели на дешёвые машины, дольше выплачивали ипотеку. И сейчас было бы кого учить подавать мяч. Или было бы из-за кого сидеть, глядя на часы в ночь выпускного бала. Но они не решились. Это чертовски страшно, знаете ли. Дети! Но ледяное дыхание вечности, которое Ник только что ощутил на себе, показалось ещё страшнее.

Вокруг ритмично двигались люди, сплетаясь в причудливых сочетаниях. Кто-то положил Нику на плечо руку и сказал что-то. Но Ник не слышал. Шум и смех звучали в каждом номере их маленького греховного гнездышка. А Ник всё смотрел, и смотрел, и смотрел.

* * *

Карусель завертелась ещё раз и уже было остановилась на знакомой Мусорщику поляне, как вдруг барабан миров крутнулся вновь, и робот почувствовал, как кто-то несравненно более сильный и могущественный потащил его за собой. И всё, что оставалось, — отдаться этой грубой силе, как смиряется с морем лодка вдали от берега. Всё изменилось, даже течение времени стало совсем другим, осязаемым и живым.

* * *

Маленькая ручонка висит над банкой с нехитрыми детскими сокровищами, затем извлекает большую жёлтую пуговицу. Это будет солнышко. Мама не разрешает брать коробку с иглами и нитками, поэтому солнышко пока посидит на клее. Но вечером мама обязательно пришьёт его к картонке самыми крепкими нитками. И если в целом мире только один папа знает, где продается такой прочный и толстый картон, то мама лучше всех умеет пришивать солнце к небу.

Детские пальчики хватают отрез синей ткани. Небо уже зарисовано синим фломастером, а вот внизу... Пусть это будет море. Ткань плохо приклеивается, но в конце концов море разливается по картонке. Вскоре на нём появляется остров, сделанный из спичечного коробка, а на нём вырастает пальма из засушенного в книжке листочка.

Наконец очередь доходит до осколка фарфорового блюда из кукольного набора. Мама велела выбросить, но что-то в нём есть такое, что выбросить его ну никак нельзя. То ли сохранившийся изгиб, похожий на ковшик крохотного экскаватора, то ли полукруг ободка, который напоминает что-то ещё, что-то очень знакомое. Рука с осколком замирает в воздухе, взвешивая его судьбу на невидимых детских весах. Глупый маленький Мусорщик замирает и целую вечность со страхом вслушивается в тишину. И благословение приходит. Бывшее блюдо прикрепляется — клей и иголка такое не возьмут, но есть пластилин — рядом с солнышком.

Это будет облачко!

* * *

— Эй, братан, ты живой? — склонился над десептиконом Шаман.

— Тут я, — с трудом выговорил Мусорщик, — Спасибо тебе, Шаман.

— Нашёл себя?

— Не знаю, — Мусорщик внезапно понял, что почти ничего не помнит о случившемся, — но настроение хорошее.

— Вот и славно, — мужчина хлопнул в ладоши и... пропал. А вместе с ним исчез и его рыжий прислужник, и даже железный тополь постоял ещё немного и тоже растворился в воздухе. Мусорщик переглянулись с Индейцем и без лишних слов засобирались назад. Робот превратился в экскаватор, а зэк помог пьяненькой вохре залезть в кабину. Мотор завёлся, и они покатили.

Обратная дорога ничем интересным не запомнилась.

* * *

РАЗРУШИТИЛЬ ХОЧИТ ИГРАТЬ. ХАЧУ ЛАМАТЬ. ХАЧУ БАБАХ. Что я здесь делаю? Это же просто разбитая чашка. НАГА. У МИНЯ БАЛИТ НАГА! Не собрать, не склеить. ПАМАГИТЕ! ПАМАГИТЕ! ПАМА...

— Вашу ж мать, бездари безрукие, бракоделы чёртовы. Вы же прямо на пути попадали! — Шумейко махнул рукой и неожиданно для всех пошёл восвояси. — Ну вас к чёрту, товарищи, скучные вы. Не знаете, что такое крепкая комсомольская дружба!

Сознание медленно возвращалось к конструкторам. В этот раз Разрушитель распался сам собою, чего раньше не случалось никогда. Роботы неуклюже поднимались с раздавленных железнодорожных путей. Они ничего не помнили, но догадывались, что проблема в ком-то из них. И без особой нужды старались друг на друга не смотреть,

чтобы не выдать раньше времени собственных страхов и подозрений.

Рабочий день кончился. Тренировка, по всей видимости, тоже. Поэтому десептикионы просто пошли в казарму. Молча. Когда Мусорщик встречал боевых товарищей с больничного, который они провели в цехах Уралвагонзавода, наивный робот был полон надежд, что уж теперь-то всё наладится. Ведь он спас их, он доказал свою полезность, он получил орден, и о бригаде опять рассказали в вечерней телепередаче. Появилась надежда, что даже если они и завалят план, то выволочки не будет и всё спустят на тормозах. В общем, он прикрыл бригаду со всех сторон, но...

Но Большегруз ему завидовал, а Костолом боялся, что потерял авторитет сильнейшего из них. Скребок, должно быть, корил себя за то, что без него отряд крупно вляпался, а Крюк не мог простить Мусорщику, что тот видел его в минуту слабости. Что же до Смесителя, этот десептикон и раньше презирал всех, кроме себя, и отношения, ясное дело, не изменил.

Да и хрен с ними, со злостью подумал Мусорщик и отстал от товарищей. Робот понял, что именно он со всеми своими метаниями и разочарованиями виноват в проблемах Разрушителя. А остальные десептикионы, напротив, относятся друг к другу именно так, как и нужно. Но ради чего они терпят друг друга? Чтобы вернуться на Кибертрон? Некогда родная планета вспоминалась бестолковым мельтешением огней, заговорами и дразгмами. А вот мужики из барака просили вырыть новую выгребную яму, и это внезапно показалось ему важнее великого возвращения.

Шумейко, ранее строго следивший за расходом энергона, сменил пластинку и перестал ходить за роботами по пятам. Теперь стройка была ему до лампочки, а жизнь он коротал в пьянках и походах с друзьями — комиссарами, снабженцами, главным инженером и прочей строительной элитой. Вместе они охотились в лесу на медведя. Вместе закалялись и делали зарядку, напевая «что мне снег, что мне зной». Мусорщик немного завидовал этому весёлому братству чекистов: о, если бы конструкторы были так же дружны! Но ничего не поделаешь, им выпала другая судьба.

Яму он вырыл в два счёта и уже собрался возвращаться, как столкнулся с Индейцем. Тот поблагодарил за заботу и спросил:

— Ковш, как дальше жить будешь?

— Строить будем. А что такое?

— Ну ты же видишь, стройка стала. От плана отстаём, Шумейко с вертухаями бухает — даром возили к Шаману, только хуже стало. Ну, добрый теперь, так это нас не спасает. Завалим план, и тут же комиссия приедет. Шумейко за шкуру, нас следом за ним, а вас... У ржавья есть НКВД?

— Есть, — если бы Мусорщик умел, обязательно бы поморщился или сплюнул, — говна везде хватает.

— Во-во, — сплюнул Индеец, — так думай, Ковш. Я решил рвать когти с надёжными кентами. К Шаману прибьёмся, он тоже из беглых и живёт же как-то. Хочешь, поехали с нами. Хочешь — сам что-то придумай.

И Мусорщик придумал. Вернее, позволил себе услышать то, что и так зрело в душе уже многие годы.

* * *

Через несколько дней, когда конструкториков позвали вытаскивать министра Астропоезда из трясины, Мусорщик сначала отстал, а потом тихонько свернул в сторону, пробираясь едва заметными звериными тропами и заброшенными дорогами. Дело было даже не в грядущей инспекции или НКВД. Просто больше так было нельзя. Мусорщик чувствовал, что уже не может прятаться за прежние привязанности и притворяться, что всё ещё жив. Ему хотелось стать частью чего-то большего, и это большее тянулось к нему, звало его.

В условленном месте он подобрал Индейца с товарищами. Они залезли на крышу: кабина и ковш были полны энергона, который Мусорщик выгреб из кладовой. Когда десептикины, истощённые гигантской тушей министра, попробуют его найти, у них не хватит энергии. А следующая поставка в лучшем случае через неделю — достаточно времени, чтобы навсегда пропасть с радаров.

Теперь, разорвав привычные связи, Мусорщик особенно остро ощущал взаимосвязь каждого дерева с остальным лесом, осознавал важность каждой бабочки и каждой птицы. Чем дальше он отъезжал от стройки — грубого шрама посреди вечного алтайского леса, — тем сильнее чувствовал мир вокруг. И тем легче становилось на душе.

Несколько раз в оптике Мусорщика мелькал беличий хвостик, а на радаре возникала огромная металлическая конструкция, похожая на дерево. И это лишний раз подсказывало маленькому счастливому осколку, что он на правильном пути и что всё теперь будет хорошо.

Он будет облачком.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВЕЦ

МЕЛЮЗГА

Имя у меня самое что ни на есть обычное — Джон. Если вы рассчитывали, что меня зовут типа Арчибальд или, скажем там, Сигизмунд, то уж прощения просим, придется вам потерпеть обычного Джона. Фамилия — Ватсон, вот теперь можете ржать, сколько влезет, я подожду.

Согласно судовой роли, должность моя на корабле HMS «Гулливвер» прописана как «коммуникатор корабельного Мозга», но вся команда зовет просто — Таракан В Голове или короче, просто Таракан. При этом вовсе не подразумевается, что у меня фляга подсвистывает, а лишь то, что я и есть тот самый Таракан. А ведь у меня даже усов нет.

— Джон! — это голос капитана, старого усатого хрыча, вот уж кому точно подошло бы мое прозвище. Но в целом дядька он неплохой, несмотря на его манеру курить трубку и ходить по кораблю в парадной форме, при эполетах и кортике, вразвалку, будто под ним действительно качающаяся палуба парусного фрегата.

— Джон, тысяча чертей!

Ого, обычно тысяча чертей только на третий раз. Не с той ноги встал, видать, сегодня старик. Опять играет в адмирала Нельсона.

— Таракан, мать твою так-разэтак... честную и благородную женщину! Бегом на мостик!

— Да бегу уже, шкипер, бегу, — ответил я, постаравшись зевнуть понатуральнее.

На судне у меня особое положение, потому что всяких матросиков, офицериков и ботаников тут много, а я, Таракан, всего один. И замены мне нет. Я могу не нести вахт, не полировать галюны и не толкаться в очереди перед камбузом. Но я все это делаю (кроме галюнов), потому что отрываться от коллектива посреди безмерных космических пространств — это последнее дело.

— Здравия желаю, сэр, явился по вашему приказанию! — Я отдал честь и щелкнул каблуками, хотя каблуков на мне не было, только шлепанцы. — Фамилия Ватсон!

— Паяц! — буркнул капитан, поправляя повязку на правом глазу, — Комедиант!

Ну вылитый Гораций Нельсон, только усатый. Команде поди наврал, что опять ячмень вскочил. И после этого я комедиант?

— Слушай приказ. Ровно в девятнадцать по-корабельному, как раз после обеда и смены вахт на восьмой склянке, занять пост по расписанию и перейти в режим масштабирования. Вопросы?

— Разрешите, сэр, плюнуть вам в глаз?

— Вопросы? — проскрежетал старикан, медленно багровея.

— От Солнца хоть достаточно ушли? А то заденем фотосферу, как в прошлый раз.

— Вопрос не вашей компетенции, командер Холмс, ступайте себе. — Наш Нельсон тоже любил пытаться попрекнуть меня фамилией.

Я снова встал смирно, клацнул шлепанцами и, браво, по уставу, согнув руки в локтях, развернулся. И тут красотка Кшыся, вахтенный штурман, подставила мне подножку. Делая вид, что ни черта не вижу, мне удалось весьма артистично споткнуться и плюхнуться прямо в ее кресло, притом попав руками именно туда, куда хотелось. Кшыся тут же захихикала от щеколки.

— Встань с меня, гадкий мальчишка! Прибью!

— Кшыся, краля моя, какая ты сегодня ма-а-ахонькая. Ну ничего, скоро мы это поправим и эти твои... вот эти самые, будут размером с Магеллановы облака.

— Фу, пошляк, — сказала довольная Кшыся, швырнув в меня моим же тапком.

Я покинул рубку. Спинай чувствовал, как старый перец капитан крестит меня вслед.

* * *

В этот отсек входа, кроме меня, нет никому, даже будь ты хоть трижды Нельсон. Без него (а равно и без меня!) наш «Гулливвер» — всего лишь обычная консервная банка на фотонных движках, которая, может, и долетит до Альфы Центавра, но тут выходят такие фокусы со временем, что проще застрелиться и не начинать.

Вон, в центре, видите парящий на силовых пружинах золотой орех? Именно там и есть наш корабельный Мозг, при котором я состою личным тараканом. Это Питер Пен, так я его называю. Внутри ореха настоящий живой мозг маленького мальчика, родившегося слепым и глухим, и тело которого — увь! — почти сразу погибло.

Вы, небось, думаете, что, подключаясь к Питеру, я ложусь в типа кресло, нацепляю на себя уйму всяких датчиков с присосками и лампочками? Нет уж, неправильное ваше воображение. Не знаю, как это работает и почему это получается только у меня, но достаточно мне легонько постучать по золоту и сказать:

— Просыпайся, Питер, мой друг. Пора за работу.

И все.

— Здорово, корешок, — отвечает мне П. Пен. — Легко! Я всегда готов поработать, лишь бы кони не дохли, блин.

Мда, тут уж, братцы, извините. Языку его тоже я обучал, ну, уж как сумел, не пеняйте.

— Включаю круговой обзор. Дашь масштабное масштабирование на полную?

— Дам, шеф, такое масштабирование, елки-моталки, что мама не горюй! — с готовностью отвечает мне Питер, маленький мальчик.

Тут мы переходим к главному. Вот, к примеру, вы или я, или даже наш усатый Нельсон, с младых ногтей видели и небо, и твердь под ногами, деревья, дома, собачек всяких, папу с мамой. Слушали, нюхали, трогали все подряд. Знаете, что упасть — это бывает больно, что до радуги не дойти, что слезы соленые, а самый сильный — это папа.

Питеру узнать все это было неоткуда. И, разумеется, он не имел абсолютно никакого понятия о размерах, масштабах и расстояниях.

Когда впервые его подключили (и я, Джон Ватсон, лично принимал в этом участие) к сенсорам внешнего обзора, он решил, что все эти звезды, галактики и туманности совсем крохотные и так недалеко друг от друга, а он, Питер, такой большой и сильный, что шагнуть из пункта А в пункт Б плевое дело. Что немедленно и доказал. Через пару секунд наш «Гулливер» уже болтался над туманностью Андромеды, а невдалеке маячили не такие уж и большие Магеллановы облака, к которым я немедленно мысленно пририсовал Кшысю. Способны ли вы представить, что тогда мой зрачок был размером с Солнце? Теперь вообразите, каких же действительных размеров стал наш корабль, если при спуске с верфей на Титане его длина была чуть больше трех километров. Представили, в самом деле? Тогда вы ходячий мегамозг, а вот мне это никак не удастся.

— Двигаемся к скоплению Серебряное Копытце, — отдал я команду, — Это вон в ту сторону. Там стоим, курим.

— Есть, мой Таракан! — рапортовал Питер. — Сей момент!

— Только не гони. Не на пожар, — сказал я, включая в голове «Полет шмеля». Очень уж он по душе моему Питеру.

Самое главное непонятно в том, что когда Питер вступает в дело, никаким анализом или экспериментом зафиксировать какие-либо изменения внутри корабля никак не можно. Все вокруг выглядит до отвращения обычно, как всегда, только Кшыся лучше всех.

— Знаешь, Ватсончик, — как-то сказала она, устроившись на моих коленях. — Если бы наша масса увеличивалась пропорционально нашему же линейным размерам, мы тут же скукожились бы в небольшую черную дыру. Плюк!

— Мой Питер этого не допустит, крошка, — отвечал я, особо не вдумываясь в смысл ее слов, мысли мои, разумеется, тогда были заняты совсем другим.

А ведь, если подумать, тут и ко времени есть целый ряд вопросов. Ученые академики утверждают, что коли уж вы болтались где-то у черта на куличках, то на Земле должно пройти стоицот лет, и придете вы

аккурат к похоронам своей прапраправнучки. А вот ни разу! Простите, господин Эйнштейн! Как вернемся с рейса, свяжу упрямую Кшыську и отвезу прямиком к моей маме, на фирменный пудинг и салат с устрицами.

— Как дела, юнга?

— Все путем, патрон. Стоим, курим.

Где-то там, в недрах «Гулливера», офицеры и матросы несли службу, ученая братия таращилась в свои телескопы и спектрометры, сводный оркестр и девочки из кабаре репетировали вечернее представление, а адмирал Нельсон, сняв повязку и тихонько похрапывая, спал в своей каюте.

Поговорили с Питером за жизнь, сыграли в шахматы, после чего я, как уж сумел, объяснил ему концепцию про друзей и врагов. Питер, как обычно, понял все не так и назвал меня врагодругом. Или друговрагом.

— Это еще почему? Я друг! — тут же обиделся я.

— А где ж тогда враг? Если нет врага, значит и про друга одно враньё.

— Да ну тебя. Бди давай, тоже мне, Аристотель в банке.

Достал бутылку контрабандного Лефройга, щедро плеснул в широкий стакан. Затем включил в голову Вивальди, чтоб и мальчишке было слышно и, похоже, задремал.

* * *

Разбудил меня шепот.

— Алярм, шеф! Подъем, тревога, полундра!

Сон с меня тут же сдуло, я вскочил, опрокинув при этом недопитый Лефройг.

— Без паники, матрос. Смирна! Что за шухер?

— Принимаю упорядоченный сигнал извне. Сигнал чистый, очень мощный, пытаюсь расшифровать, применяю матрицы «друг-враг».

Несколько секунд Питер Пен молчал, потом (мне показалось, что у него при этом перехватило дыхание) неожиданно сказал:

— Так, выходит, я не единственный в этом прекрасном мире? Есть еще такие же, как я?

— Что за чушь? Ты никогда не был один. Есть же я, твой Таракан.

— При всем уважении, босс, с вами не все ясно до конца. Вы, может быть, просто глюк моего сознания. Таракан, он таракан и есть.

Вот это обидно, ребята, реально обидно, с пеленок же пестовал пацана, а он... Пока я негодуяще сопел носом и сверлил взглядом золотой орех, в дверь забарабанили. Да что за бардак кругом творится? Через секунду я уже стоял рядом с дверью, крепко сжимая в руке штатный скорчер. Вообще-то открытие двери кому угодно при функционирующем корабельном Мозге, согласно уставу, считается изменой и карается

виселицей. Другое дело, что напасть на меня при исполнении ни у кого тут не хватит пороху, разве что старпому, который давненько положил глаз на Кшысю. Кшыся!

Я открыл дверь и мгновенно втащил ее внутрь.

— Ну! — надеюсь, мой голос звучал достаточно грозно.

— Там...- она перевела дух. — Там инопланетный корабль, вот.

— Неужто? — съязвил я. — И как же вы обнаружили такую козявку? Тут между звезд-то мы едва пропихиваемся.

Кшыся схватила меня за ворот и ощутимо встряхнула.

— Он раза в три больше «Гулливера», понял, тупырик? — прошипела она и тут увидела золотой орех. Глаза девушки стали как ваши блюдца, даже не стану пытаться переводить в привычные масштабы.

— Это он, Мозг?

Я потер шею.

— Ну, не я же. Питер, что там у тебя?

— Это невраг. С доски снимать не надо. Он потерялся. Его Таракан сгинул. Плачет. Просит помощи.

Я тут же вытолкал Кшысю в коридор, велел будить Нельсона, бить в тамтамы и собирать манатки. Через час отправляемся домой, на Землю.

— Да, — крикнул я ей вслед. — Увидишь старпома, можешь выцарапать его нахальные глазики.

Питеру же сказал:

— Передай своему приятелю, что ты приглашаешь его в гости, полюбоваться желтым карликом класса два-джи с прикольными пятнышками и калейдоскопом протуберанцев. А потом мы с тобой непременно отведем его домой. Одним словом — утри ему сопли, ты же старший.

— Начальник, а ты что, знаешь, где он живет? — в голосе Питера отчетливо проступило уважение.

— Да уж с этим я как-нибудь разберусь. К тому же у меня есть ты, сам Питер Пен.

— Так точно, ваше благородие, не извольте беспокоиться.

Нет, иногда мне определенно кажется, что этот шкет надо мной просто издевается.

* * *

Ну а что на Земле? Все как обычно — братанье братьев по разуму (извиняюсь за тавтологию), пир горой, дым коромыслом.

Мне иногда хочется рассказать Питеру про нас, людей, все, как есть, насколько мы малы и ничтожны в общей картине вселенной. Как мы чудом избежали самоуничтожения, едва поднявшись над своей крохотной планетой, как много чего еще. Но я всякий раз притормаживаю. Во-первых, он мне может просто не поверить, «при всем к вам уважении,

учитель». Ну, а во-вторых, вдруг правда на его стороне и каждый человек изначально способен ногами опираться на далекие звезды и пешком ходить между созвездий?

Это все философия, ну ее, а завтра мы с Питером проводим наших гостей до самого дома, в этом не сомневайтесь. Ну а сейчас я пойду и познакомлюсь с инопланетным мальчиком-мозгом, для которого, как и для Питера, космические расстояния не имеют никакого значения.

А может, это окажется девочка?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
...ИЛИ ВСЕ?

СЕРГЕЙ ИГНАТЬЕВ

ТОТОПКА.ТЕМР

Медведя звали Тотопка. Происхождение его имени совершенно забылось, внешность его была самая отталкивающая, а биография — примечательная.

Он верой и правдой служил еще моему деду, который в те крайне отдаленные времена был страстным поклонником Жюль Верна, пиратов и прочей поэзии дальних странствий, отчего медведь носил прозвище Штурман.

В эпоху отцовского детства медведя ждала в некотором смысле опала. Он был отодвинут на дальний план японскими роботами-трансформерами, солдатами и действующими моделями боевой техники, и практически забыт.

Ко мне он попал по бабушкиной протекции, в тяжелую пору моей борьбы с вирусным гриппом. Вдохновенно окрещенный Тотопкою, медведь был тотчас принят на борт и зачислен в команду линкора. Линкор стоял на приколе, в глухой обороне, укрытый толстым ватным одеялом, укрепленный по своему периметру (если такой термин применим к кораблю) подушками, был непрерывно обстреливаем микстурами и горькими сиропами, чьи батареи выстроились окрест, непрерывно атакуем волнами противных на вкус полосканий и бурунами использованных носовых платков.

Кроме Тотопки на борту уже находились: вполовину изрисованный альбом с очкастым Гарри на обложке, разноцветные карандаши в ассортименте, две зачитанные иллюстрированные энциклопедии, потертый КПК, лорд Вейдер с парой верных штурмовиков, робот-аннигилятор с оторванной ногой, скрывающий в своем животе грелку плюшевый лось по прозвищу Синяк, и плюшевый же пес по прозвищу Собака.

Некогда медведь был темно-шоколадного окраса, но выпцвел до светлых карминовых тонов. К грушевидному телу его крепились несколько коротковатые лапы и голова, напоминающая перевернутую луковицу. Глаза у него были маленькие и янтарно-желтые, немного помятые уши скорее подошли бы пинчеру, а нос был тщательно заштопан черной ниткой.

Словом, он был урод.

Но внешность на мое отношение к нему никак не влияла.

Медведь Тотопка был исконным обитателем академической квартиры с окнами на проспект. Он был молчаливым свидетелем моих многочасовых сидений над книгами из обширной дедовской библиотеки, и перед монитором компьютера, и над тетрадями с домашним заданием, был свидетелем бесславной эпопеи с фортепианными уроками и даже того постыдного эпизода, в котором фигурировали футбольный мяч, бронзовый бюстик академика Павлова и китайский фарфор, о котором,

как я надеялся, не знала больше ни единая живая душа...

Думать о Тотопке я начал, перестраиваясь на правый ряд и сворачивая на съезд с Восьмого транспортного. Дождь моросил почти без перерывов со вчерашнего вечера, сплошной поток машин уплывал в туман, и где-то там, в тумане, мигал огнями строящийся у развязки молл-центр. В салоне моей старушки-«Печоры» резвились невидимые Men Without Hats со своим Safety Dance. Над съездом тускло фосфоресцировала партийная растяжка с лозунгом «инновации — в жизнь». Скользя взглядом по логотипу с медведем, я дал газу, «Печора», взревев, пошла под уклон, а воспоминания уже понесли меня к моему давнишнему приятелю Тотопке, тоже, в своем роде, медведю.

Теперь я стоял в пробке, впереди помаргивали красные габариты автобуса продуктовой доставки, и размахивающий пиццами клоун на его крыше выглядел под дождем хмурым и злым.

Я думал о Тотопке.

В тот вечер, когда медведь со своего наблюдательного пункта на книжной полке имел удовольствие лицезреть мое возвращение с выпускного — красная лента через плечо, пиджак измазан штукатуркой, в руке ананас (откуда? — вряд ли уже узнаю), судьба моя была уже определена. Ну кем прикажете становиться тому, чья бабушка в тот же выпускной вечер перечитывала конспект будущей лекции по нейрохирургии на рейсе «Москва-Сиэтл»? Чей дед, в то же самое время, выставив перед собой уже продезинфицированные и обтянутые латексом руки, рассказывал медсестре, подносящей ему на зажиме сигаретку, шутку про старичка и противовоспалительные свечи... А родители, последние романтики неромантической эпохи, почти не принимавшие участия в моем воспитании, в обнимку тряслись в тот же вечер (который у них там был уже утром) под косыми струями тропического ливня, в кузове грузовика, набитого ящиками с вакциной и солдатами в мокрых белых касках с черными буквами UN...

Поэтому вполне естественным было то, что следующие шесть лет в янтарных глазках медведя отражался мой скособоченный профиль, клюющий носом над кирпичом фармакологии, и развешанные по всей комнате для запоминания страницы анатомических атласов, похожие на рекламный проспект мясокомбината, и доносился до Тотопки сквозь стеклянную дверцу шкафа монотонный бубнеж зубримой мной латыни, порой прерываемый смачным зевком...

Позади раздалось улюлюканье сирены, я посмотрел в зеркало заднего вида. Сквозь нити дождя плеснули красные и синие сполохи. По разделительной, маневрируя между бортами застрявших в пробке, продирался автобус «скорой». Отсюда было рукой подать до госпиталя Гольдштейна, где мне часто приходилось бывать. Особенно часто после произошедшего с дедом четыре с половиной года назад. А когда все утряслось и он начал работать там, несколько раз звал в гости, но

все появлялись какие-то неотложные дела, и все было некогда. Скорее всего, он и сейчас находился там, на очередной смене. Проведать, что ли, старика, подумал я. Хотя зачем — только зря отвлекать...

Пробка тронулась, поток медленно пополз вперед. А я снова думал про Тотопку.

Когда я проходил интернатуру, покинув родительский кров, медведя со мной не было. Не видел он той ночи, когда я потерял первого пациента и пытался в одиночку справиться с этим при помощи бутылки плохого коньяка, не видел он ни Оксану, ни Марину... И Катю он не видел... Впрочем, ее я приводил знакомиться с дедом и бабушкой — так что он ее вполне мог оценить со своего неизменного места во время торжественного чаепития в гостиной (она же — бывшая Славина комната). Катя тогда тоже оценила — все великолепие академической квартиры — и потом иногда смотрела на меня другим, новым взглядом, что-то вроде «теперь-то понятно...», хотя что ей могло быть понятно?

Когда всем стало ясно, что хирурга, продолжателя династии, из меня не получится, когда закончились укоризненные взгляды и многозначительные кивания головой, а я прочно обосновался в приемном сорок второй клинической, начал понемногу публиковаться и уже подумывал о создании домашнего очага — тогда же Тотопка переместился в мою холостяцкую квартирку. Там же временно обретался уже успевший погубить свой брак Туркин. Ему медведь пришелся по вкусу: «апупейный зверь, Спасский, нечто былинное!»

Следовательно, Тотопка мог видеть и мой исторический разговор с Гольдштейном, который в своем экстравагантном духе позвонил мне прямо домой, неизвестно в какой базе данных откопав номер. Впрочем, его исследования уже тогда курировала Контора, и какие только базы ему не были доступны.

Когда я перешел на стажировку в гольдштейновский НИИ, Туркин уже съехал от меня. Требовал подарить медведя на память о нашей холостяцкой жизни, но я был непреклонен. Спустя несколько месяцев в квартире начала обживаться Алина, которая довольно быстро потребовала избавиться от «этого чудища». Тотопка был заточен на антресоли, в картонную коробку, где навсегда упокоились и другие предметы из закончившейся холостяцкой эпохи, вроде моего форменного халата со стихотворным автографом Сидорчука или разборной модели черепа «артикул 291», который долгое время стоял у нас с Туркиным на холодильнике, и даже того экстравагантного подарка Туркина (сколько секс-шопов он тогда облазил, интересно) на мой день рождения, который вызвал у Алины настоящую истерику.

Томясь в коробке, Тотопка не видел всех тех вечеров и утр (выходных у нас почти не было), которые сопутствовали моему пребыванию в группе Гольдштейна. Уже вышли первые статьи Сугимото, и американцы синтезировали первые образцы ELV, немедленно окрестив его

«Элвисами». А у нас были только наброски, наброски, первые формулы закрытого цикла, только приблизительные схемы репликаторов.

Во время нашего с Алиной бракоразводного процесса Тотопка уже занял положенное ему место — на телевизоре, рядом с моделью черепа «Артикул 291». Подарок Туркина был слишком экстравагантен даже для этой композиции, символизирующей новый виток моей холостяцкой жизни, тем более, я рассчитывал, что квартиру мою в скором времени снова начнут посещать женщины.

А потом нам стало не до женщин. Нам стало вообще ни до чего кроме работы, потому что у нас наконец-то стало что-то получаться.

Мы завершили тестирование КРЗЦ-4 «Горбунок», и результаты оказались блестящими. Результаты были самое что ни на есть «Оки-токи», как я любил говорить в глубоком детстве. После провала «Царевича», после гибели любимчиков лаборанток всех возрастов — кроликов Грина и Расса, после катастрофы с КРЗЦ-3 «Василиса», из-за которой Гольдштейн не пошел под суд только потому, что единственным пострадавшим и истцом мог быть лишь он сам... У нас наконец получилось.

Тотопка был свидетелем моих взлетов и падений, моего триумфа. Он кочевал со мной с квартиры на квартиру, пока, наконец, не осел в свежестроенном семейном гнезде — загородном доме под Истрой. Дети мои не проявляли к нему никакого интереса, а для меня он так и остался каким-то неразгаданным символом — может, моей собственной жизни, может — жизни вообще.

Так я думал, переживая пробку на съезде с Восьмого Транспортного в сторону области.

Дождь выбивал по стеклу монотонную дробь, с шипением ползали дворники. В сумрачной дождливой дымке впереди мигали цветными огнями предупреждающие знаки дорожных работ. Старушка-«Печора» утробно ворчала, нетерпеливо дожидаясь возможности сорваться с места, втопив на все свои семьсот лошадиных и семь тысяч оборотов, а из динамиков торопились на волю первые (самые заводные!) аккорды незабвенной Baba O'Riley группы The Who.

Наконец снова тронулись, съехали на трассу, я перестроился в левый ряд. Впереди и слева, за разделительным барьером, на встречной, густо загудело, яркие огни прорвались сквозь завесу дождя...

...Все остальное происходило уже не со мной, а с кем-то другим, на кого я смотрел как бы со стороны. А может, и не смотрел, может просто в последних искрах угасающего рассудка пришли картинки, которые мне приходилось видеть и до этого, сложились в последнее завершающее мозаичное полотно.

Кого-то другого под вой и улюлюканье сирен, в чередовании красных и синих вспышек, вытаскивали из покореженного металла, из сложившейся гармошкой «Печоры», которая была, конечно, отличной тачкой,

но столкновение в лоб с вырвавшейся на встречу фурой оказалось не по зубам даже ей...

Кто-то другой трясся в карете «скорой помощи», несущейся к ближайшему госпиталю, носящему фамилию Гольдштейна. Человека, совершившего самый блестящий прорыв в медицине 21-го века. Моего бывшего начальника, моего извечного наставника.

Все это происходило с кем-то другим, сжатым в корсете и ремнях, летящем куда-то сквозь шум приемного отделения, под грохот колес каталки по кафельному полу, под бормотание фельдшера, нависшего сверху с капельницей на вытянутой руке...

Над кем-то другим срывающимся голосом спрашивал мальчишка-интерн в забрызганной чем-то темно-красным мятой голубой робе.

— Сколько «скорых» уже?

— Шестнадцатая на подходе! Там на трассе звездец вообще...

Не мое, а чье-то другое тело мучительно содрогнулось, когда каталка налетела на угол операционной. Это другое непослушное тело сотрясали конвульсии. И какой-то рыжий в белом халате, со злобным перекошенным лицом (наверняка дежурный ординатор) орал, подбегая:

— Сюда его, живо!

Дыхательная трубка входит в горло. Обтянутые латексом руки цепляют на грудь электроды кардиографа.

— Несколько минут назад произошла остановка дыхания.

— Имя узнали?

— Сейчас, тут бумажник... Станислав Спасский...О, Боже! Это что же...

— Тот самый?!

— Не отвлекайтесь! Согласие на «керзац» подписано?

— Сейчас, дайте... Нет, нету!

— Как это нету?!

— Надо связаться с родственниками...

— Погодите! У нас какой-то Спасский работает, я слышал вроде родн...

— Беги за ним, быстро!

— Давление двести двадцать на девяносто...

— З-зараза!

— Подключаемся к системе искусственного кровообращения...

— Давление растет! Систолическое — двести тридцать!

— Фибрилляция!

— Давление падает!

— Электрошок на четыре тысячи!... От стола!

— Без изменений...

— Пять тысяч!... Все назад!

— Нет пульса!

— Еще раз!! Все в стороны!!

Кто-то другой наблюдает за происходящим со стороны. Или может, это последние вспышки умирающего рассудка. Я много раз видел, как это бывает, много раз участвовал в этом. Но только находился не на столе, а возле него — с контактами наготове, с закушенными под марлевой повязкой губами, с взмокшим под надвинутой шапочкой лбом, в запотевших защитных очках, со скальпелем и секционным ножом, с реберным расширителем и тампоном в зажиме, с раскрытой картой и шелестящей лентой диаграммы в руках, с переполненной «уткой» наголо — как угодно, но ВОЗЛЕ стола, а не НА столе.

Ломаная линия кардиографа, которая превращается в прямую, запаха паленого мяса. Контакты в сторону, руками на грудь, непрямой массаж сердца. Мгновения уходят, монотонный электронный писк...

— Все.

— Запишите — смерть наступила в девятнадцать часов пятнадцать минут.

Щелкают стягиваемые с рук перчатки. Каталка стучит колесами по кафелю.

Лязг раздвигаемых дверей.

— ГДЕ ОН???

— Кого вам?

— Где Спасский?!

— А, увозят уже... А вы из «керзац»? Кто вас вызвал? У него согласие не подписано.

— Это я его вызвал! Он родственник.

— Извините, не знал... Так куда, в морг?

— К нам в отделение везите его. Срочно!

— А согласие?

— Это же Спасский, это он... Он же у истоков стоял! А в бумагах ничего...

— Странно. Как если б Эдисон при свечах писал.

— Разбегаев, помолчи... Забирайте его. Только степень родства уточним давайте, и подпись ваша нужна. Вы ему кто?

— Я его дед.

— Кх-кх... то есть, как? Но вы так молодо...

— Несчастный случай. Четыре с половиной года назад. Тоже через «керзац» пропустили.

— А, извините.

— Ничего. Я привык... Ладно, я сам его к нам отвезу. Подпись тут?

— Да, где галочка...

— Ну, счастливо.

...вокруг ярко, светло. В прорези на окнах виднеется что-то зеленое, солнышко там светит. Вокруг белые стены, какие-то штуки торчат непонятные, экраны какие-то. Проводки разноцветные кругом. Весь

я в этих проводках, и поверх одеяла, и под ним, и от меня они тянутся — и под кровать, и к какой-то бутылки длинной, которая стоит на длинном штыре слева.

И больше всего на свете хочется пить.

Губы слиплись, в горле печет.

— Пи-и-ить!

Выросли откуда-то двое здоровенных. Один лысый и в белом, а второй — в зеленом, лохматый, краснощекий, с какой-то штуковиной на шее. Блестящий кругляш с одной стороны, провод, и с другой какая-то рогатка блестящая. В руках он держит коричневого урода. Вот уж непонятно для чего такое понадобится может. Он кажется знакомым — нет, не урод, а дядька этот в зеленом, с красными щеками.

— Дяденька, пить хочется!

— Нельзя, Славка! — говорит зеленый-лохматый сочувственно, сдвинул одеяло, вставил себе эту блестящую рогатку в уши, а кругляш мне к груди приложил.

— Холодно!

— Потерпи, дорогой. Потерпи немножко... На вот...

Тычет мне своего урода.

— Что это? — спрашиваю.

— Это же Штурман. — скалится зеленый, подмигивает. — То есть... Топотка же твой. Узнаешь?

Не узнаю. «Попка» еще какая-то, глупости блинские.

— Пить очень хочется. — повторяю я просительно.

Зеленый смотрит на меня, потом на белого, потом опять на меня. Кладет мне на плечо свою здоровенную ручищу.

— Дадим пить, дадим... Славка, а ты что — не узнаешь меня?

«Легкие остаточные эффекты, должен вспомнить...», бормочет белый. Сам с важным видом уткнулся в листки какие-то, громко ими шуршит.

Зеленый все тычет в меня своим уродом.

— Уберите от меня этого... страшного, — прошу я.

Зеленый хмыкает, убирает.

Сглотнув всухую, говорю:

— А это у вас что?

— Эм-м? — зеленый морщит лоб, вертит в руках эту свою «попку» или как там ее, потом наконец замечает эту штуку у себя на шее, про которую я и спросил. — А-а... это... Это, Славка, фонендоскоп...

Он откладывает коричневого, снимает с шеи этот свой «фо-не-не-скоп», протягивает мне. Потом косится на белого. Белый от бумажек оторвался, улыбается, на меня глазами сверкает. Зеленый ворошит мне волосы рукой, скалится тоже. Вид у них прямо счастливый. И хотя ужасно хочется пить, мне тоже становится веселее. Думаю, все будет Оки-токи...

ТАЙНА УЗНИКА АХЕРОНА

Пятнадцать лет, Орфей, пятнадцать бесплодных лет мне не удавалось найти тебя. Знать бы тогда, чем закончится рейд в Ахерон... Прозрачные крылья, переливаясь на солнце. Снизу проносится сверкающая рябь океана, шершавым языком зализывая боль воспоминаний.

Биопилот робко косится, мол: и куда теперь? Я стволом игломёта киваю на запад. Бесит меня эта торчащая из приборной панели башка. Пальцы невольно касаются металлической капсулы на шее. Это всё, что осталось стреколёта шуршат от тебя, Орфей. Сайто сказал, что я не умею проигрывать. Но теперь он тоже пропал.

Помню, как я и Сайто-5 сидели в одном из баров Джакарты. В этом улье всегда делали отменное пойло с каннабиноидами. Второй бокал был явно лишним, но Сайто никогда не расслаблялся. Он сканировал помещение мерцающими, как у филина, глазами. Такие делают лишь под военный заказ. Потухни сейчас свет, он будет видеть как днём.

Сайто никогда не пил, не прогнав сперва жидкость через анализаторы. Я профи, говорил он, я всегда жду угрозы — мало ли что туда подмешают? Чёрт бы побрал эти ДНК-маркеры, химические визы, искусственные феромоны — столько всякой дряни придумали конгломераты, чтобы отличать своих от чужих.

Мы с Сайто-5 — уже много лет напарники. Его изготовили для разведки в улье Оэдо с партией таких же клонов. Он не знал, что такое семья, друзья. Помнил лишь сотню близнецов, строем бегущих на тренировки. Треть погибла на первом же задании. Сайто не любил это вспоминать. Через год службы он понял: для конгломерата они — лишь биоматериал. Израсходуют и выпустят новых. А с его навыками на чёрном рынке с руками оторвут. И тогда он сбежал в рейдеры.

Я тщетно пытаюсь представить себя клоном. Каково это — родиться из колбы, не имея родителей? Как-то мне стало интересно: скучает ли Сайто по своему выводку? Он удивился. С чего бы это? Любой из них убьёт беглеца, едва заметив.

Ищейки накрыли нас прямо в баре. Мы подделали ДНК-маркеры и комбинезоны касты рабочих, но прокололись на какой-то мелочи. Только потом мы узнали: конгломерат Борнео целенаправленно искал меня. Лишь потому, Орфей, что мы были с тобой знакомы.

Бой был коротким. Сайто снес головы паре солдат-дикобразов, преградивших путь к выходу. Мой Коготь отсек руку ищейке с игломётом. Ничего необычного — за годы скитаний в Палеарктике мы бывали и не в таких передрягах. Вламываясь в ульи и воруя биоматериал, мы были подобны паразитам, идеально приспособленным мимикрировать,

обходить здешние иммунные системы. Затем мы сбегали, меняя внешности и тела. Сайто успел сносить уже пять тел, я живу в третьем. Мы и в этот раз легко ушли бы от обросших щитками увальней с пушками. И тогда ищейка назвал твоё имя, Орфей...

Столько лет прошло, а я помню, как вчера: мы сидели на том пляже, и тёплое море плескалось у ног. Пара голых подростков под пальмами. Пара последних самородков в диком гнезде. Подумать только! Ведь какие-то двести лет назад все люди были самородками...

Во время Четвёртой Войны человечество вывалило друг другу на головы столько ядерного и биооружия, что живорождение стало редкостью. Катастрофическая волна мутаций грозила стереть остатки выживших с лица Земли. И тогда лидеры корпораций, выпускавших то самое оружие, что чуть не доконало род людской, объявили себя спасителями человечества. Оставалось лишь отказаться от глупых запретов на вмешательство в геном. Что за мелочь перед угрозой вымирания!

Из нейробиблиотеки мне удалось стащить крупницы истории: людей начали модифицировать, а потом клонировать, программируя эмбрионы с заданными качествами. За две сотни лет корпорации стали био-конгломератами — фабриками клонов. Города теперь — это огромные ульи, где люди уже не размножаются. Живорождение — слишком непредсказуемый процесс, чтобы пустить его на самотёк. Лишь в диких гнёздах — отсталых селениях — на свет ещё появляются самородки: дети, рождённые естественным путём. И некоторые из них — гении вроде тебя, Орфей.

Сайто рассказывал, что они где-то просчитались. Конгломераты не учли, что при клонировании генам не хватает разнообразия. Я плохо в этом разбираюсь, геномика и метахимия — вотчина Сайто. Но помню, он говорил, что из-за этой ошибки в ульях исчезли гении. Клонированные люди избавились от болезней, стали послушнее. Они точно соответствовали тому, чего от них ждали. Но... В них исчезло нечто важное. То, что проявляется у одного на миллиард, но может смешать все карты, в корне перевернуть науку, технологии. И тогда началась охота за самородками. Конгломераты посылали в дикие гнезда хедхантеров — на поиски нестандартных генов. И однажды они пришли за тобой...

Ищейка предложил сделку. Конечно, это был не он: мозг агента всегда подключен к нейросети конгломерата, и это старейшины Борнео говорили его языком. Они рассказали, что с тобой случилось.

Декапитация. Вот почему у меня не вышло найти твоих следов. Бедняга Орфей, от тебя остался лишь мозг в капсуле. Он плавал где-то в мыслительном баке улья Ахерон — этой изолированной ёмкости, где десятки высокопрофессиональных умников, лишённых тела, работают сообща над проектами высшей секретности. Никаких угроз и утечек

информации, нулевой риск побега. Чёрт возьми, в Ахероне умеют обходиться с ценными кадрами!

Сделка звучала просто: вытащить тебя из этой тюрьмы для мозгов. Конечно, нырнуть на дно бассейна с пираньями — затея для камикадзе. Но Борнео обещали дать тебе человеческое тело и хорошую работу. Как мне было не клюнуть, Орфей? Сайто потом долго не мог понять, зачем было соглашаться на это безнадёжное задание. Клоны, как он, вообще плохо разбираются в чувствах самородков. Хотя кое в чём он был прав. Конгломераты до сих пор охотятся за мной, надеясь заполучить тебя. Они ведь не знают, что произошло на самом деле...

В Ахерон мы вылетели на гипербаллоне. Многотонный пузырь поднялся над сияющими башнями Джакарты, вздыхая, словно кит, и унося тысячи пассажиров. Обычно низкокастовые работяги кочуют от улья к улью дневными рейсами, чтобы фотосинтеты на крыше баллона компенсировали цену билетов. Мы с Сайто легко затерялись в этой толпе.

Я вижу, как белоснежные строения внизу уступают место океану, и в памяти всплывает наше исчезнувшее гнездо. Старые кварталы Джакарты давно ушли под воду, но море всё продолжает подниматься. Лишь узкая полоска дамбы отделяет новые строения от ненасытного прибоя. Но там, где мы с тобой росли, Орфей, такой дамбы не было...

Из сияющей Джакарты в трущобы Лимбо. В этом пригороде Ахерона агенты Борнео оставили нам лачугу со всем необходимым. На привокзальной площади ныряем в копошащиеся толпы местных. Муссонный ливень хлещет на непокрытые головы ахеронцев и конические панамы аборигенов из соседних гнёзд. В нос бьёт запах сточной канавы и модифицированных грибов, из которых здесь делают одежду. Я оглядываюсь на гипервокзал, огромным пузырьм выпирающий среди лачуг, и чувствую себя жуком в муравейнике. Горластые рикши развозят пассажиров лабиринтами улочек. Я вдруг замечаю их неестественно длинные ноги, коляски словно врастают сзади в мускулистые торсы. Кажется, какой-то злой гений соединил рикш и их транспорт в единое целое.

Ахерон. Меня до сих пор трясёт, когда я вспоминаю этот жуткий плод новой эры. Эры, частью которой был и ты, Орфей. Здесь выращивали новый вид существ, и мой язык не поворачивается назвать их людьми. У местных солдат не было игломётов, как на Борнео. Четыре руки заканчивались острыми костяными саблями. Рогатые морды и близко не походили на людей, а с конца длинного, как у скорпиона, хвоста смотрела термохимическая пушка. Полчища модификантов наводняли Ахерон. И знать бы тогда, кто выдумал всё это... Но отступить было поздно. Сайто верно заметил: я никогда не сдаюсь. Особенно, когда речь идет о тебе...

Разведка сразу пошла не так. Мы с Сайто живо раздобыли химические визы и пробрались в Ахерон. Помню свои первые ощущения. Всё

вокруг тонет в багровом сумраке. Высоко над головой бычьим пузырьём вздымается купол. Он непрозрачный, красноватый свет едва пробивается внутрь. А кругом снуют толпы молчаливых работяг. Ахерон оказался чудовищным термитником генномодифицированных людей. Тупые и безмозглые, они, как под гипнозом, бежали куда-то, волочили тяжести по узким проходам, глубоко пронизавшим толщу земли.

Этот улей смог бы пережить ядерный удар и угасание Солнца. Всё равно его жители продолжали бы прятаться под куполами, выращивать плантации грибов в тоннелях и получать энергию от автономного реактора. Не удивлюсь, если источник кислорода у них также был свой.

В центре улья, над реактором высилась пирамида. Агенты Борнео прозвали это вонючее капище Храмом. Именно здесь устраивали ритуалы менады — странные твари, не то жрицы, не то матки в улье. Они-то и напоили нас дрянью, которая начисто отшибает мозги.

Нас спас имплант в печени Сайто: он быстро отфильтровал эту гадость. Сайто очухался и вытащил меня оттуда. А затем, привязав к кровати, бросился синтезировать антидот. Он рассказал потом, то был жуткий коктейль из гормонов и психоделиков, которым подпитывали лояльность ахеронцев. Лишь на третий день ко мне вернулось сознание и прошли неудержимые позывы бежать обратно в улей, на зов менад.

Я вспоминаю нашу лачугу в трущобах Лимбо. Мотыльки под потолком бьются насмерть в стекло фонаря, что едва освещает забитую дорогим оборудованием комнатушку.

Кокон-модификатор, нейроконсоль, походный набор мини-приборов для анализа и биосинтеза, которым позавидовала бы и крупная лаборатория. Пожалуй, ни один мой рейд не готовился настолько основательно. Агенты Борнео так хотели заполучить тебя, Орфей, что позаботились обо всех наших нуждах. Позже они ещё пожалеют об этом, но к тому времени нас будет уже не найти...

Сайто выпросил у них плазмомёт. Зачем пушка на тихой вылазке? Кто знает, как всё обернётся, сказал он в ответ на моё удивление, проверяя заряд водородных батарей. Мне стоило бы прислушаться к интуиции профи.

Уже не помню, когда мне пришла мысль украсть тебя у обоих конгломератов. Пожалуй, ещё до того, как Сайто сообщил о двойной игре Борнео — они запланировали создать собственный мыслительный бак. Ищейка сказал лишь то, что мне нужно было слышать. Мне и так с трудом верилось, что они горят желанием вернуть тебе человеческий облик, Орфей, но в тот момент их интерес стал слишком очевиден. Супермозг — вот что они в тебе видели! Агенты конгломерата ни разу не называли тебя человеком. Ценный экземпляр, гений-самородок, монстр генопрограммирования, которого не вырастить под заказ в пробирке. Они так жаждали тебя. Как гончие псы, повизгивающие от нетерпения

вцепиться в дичь. Но раз мозг это всё, что им нужно, зачем возвращать тебе остальное? Лишь для меня ты был единственным другом. И даже больше — последним, что связывало меня с погибшим родным гнездом... Что мне оставалось делать? Вытащить тебя из одной тюрьмы лишь для того, чтобы бросить в другую? Это было бы слишком жестоко.

Сайто был в ярости от этой идеи. Он знал, чем это закончится. Мы не просто лишимся бизнеса — два мощнейших конгломерата прибавятся к нашим смертельным врагам. Он сходу отметал все предложенные мной варианты — бежать, спрятаться, по чуть-чуть продавать другим конгломератам научные секреты, спрятанные в твоём мозгу. Именно тогда Сайто сказал, что мне стоит научиться проигрывать. Ожидал ли он, что я всё сделаю наоборот?

Конгломерат Борнео подстраховался, подсадив меня на биоякорь. Сайто говорил: он был мастерски сделан. Наночастицы разлетелись по всему организму. Эти маленькие дряни следили за мной, а в нужный момент могли превратить в безмозглый овощ, если конгломерату не понравится моё поведение. Уничтожить их можно было, лишь спавив себя живьем или облучив громадной дозой радиации, что, в общем, то же самое. Либо выторговав деактиватор у Борнео. Но для этого мне пришлось бы отдать им тебя, Орфей.

Двое подростков сидят, обнявшись, на диком пляже. Перед ними плещется море, пальмы над головой перебирают листьями на ветру... Сотни таких картинок оставлены мной в нейробиблиотеке, откуда ты черпал знания для своих исследований.

Мы не можем поговорить напрямую. В баке слишком много секретной информации, чтобы позволить хоть капле выйти наружу. Но запрос — сам по себе информация. Если предлагать варианты ответов и отслеживать запросы, выйдет подобие разговора. Так общаются с глухонемыми паралитиками, когда лишь взглядом можно передать мысль.

Много часов я просиживаю за нейроконсолью. Кто-то из мыслительного бака уже несколько раз скачивал эту картинку. А потом снова и снова запрашивал один и тот же блок текста: кто ты?.. кто ты?.. кто ты?..

Мне хватает нескольких фраз, чтобы понять: это ты, Орфей! Лишь ты мог знать, что мы сказали друг другу на том пляже.

Я обещаю вытащить тебя и прошу ждать сообщений на этой же странице. Потом убеждаюсь, что мои слова прочитаны, и стираю все записи.

План твоего спасения созрел быстро. Но для этого придётся свести тебя с ума. Мозг — тот же нейрокомпьютер, его можно взломать или расстроить. Справится даже нейрошаман средней руки, вроде меня. Стоит показать серию закодированных картинок, как твоём мозгу зашкалит уровень дофамина. Настоящий мозговой шторм — как при влюблённости или шизофрении.

Сайто разведал, что пленники бака проходят профилактику в Храме. И когда менады заметят неладное, они поднимут тебя в святилище, попытаюсь вернуть в норму. У нас будет лишь один или два дня, чтобы забрать мозг оттуда, пока его не вернут в бак.

— Тебе нужно стать менадой, — сказал Сайто, когда мы планировали операцию. — Это единственный способ пробраться в Храм. Их защита не пропускает неживое, так что оружие и одежду придётся оставить здесь. Ну, ничего, мы нарастим тебе щитки на теле. Костная ткань, обогащенная барием, прикроет мозг от радиации. А костюм, выращенный из их слизи, — сделает тебя менадой для химических и ДНК-анализаторов. Образцы клеток я уже стащил накануне.

Две недели я лежу в коконе-модификаторе. Это не страшно, тёплая жидкость ласкает тело. Хочется висеть и висеть в уютной невесомости. Но процесс подходит к концу, и я вынырываю из этого подобия материнской утробы.

— Шикарно выглядишь, Дик, — ухмыляется Сайто.

— Иди к чертям! — огрызаюсь я.

Из зеркалаца смотрит чудовище. Лицо жутко изменилось, щёки закрыты щитками, на голове — костяная корона. Руки тоже модифицированы, но до клешней менад им далеко.

Меня мутит от гормонов. Хочется погрузиться назад в модификатор и поспать ещё денёк-другой. Боюсь, этому телу уже не пережить рейд. Но это ничего, если так я стану ещё на шаг ближе к тебе, Орфей.

Именно тогда мне захотелось поведать Сайто мою тайну. Когда-нибудь я завяжу с рейдами и сделаю себе тело мечты. Я показываю ему металлическую капсулу с образцами клеток. Не хочется ничего объяснять. Может, военный клон и готов провести остаток дней, рискуя жизнью, но у меня совсем другие планы на будущее. Сайто молчит, а затем меняет тему.

Ищейка из Борнео нагрязнул внезапно. Тот самый, опытный, что вынюхал нас в баре Джакарты. Похвастал регенерировавшей рукой, которую отсёк тогда мой Коготь. Он сказал, что дела идут хуже, чем ожидалось: Ахерон растит огромную армию модификантов, их твари уже несколько проникали в другие улы.

Теперь-то я знаю: ты тоже искал меня все эти годы. Закладывал незаметные ошибки в гены монстров, и они, теряя контроль, атаковали соседей Ахерона. Ты ждал, пока кто-то забеспокоится и вытащит тебя оттуда. А ещё зашифровал в ДНК моё имя. Агенты Борнео прочли его и разыскали меня, не зная, чем закончится наша встреча.

А ищейка всё кричал, требовал ускорить операцию и хотел лично её контролировать. Он был верен конгломерату, как термит своему термитнику. Отряд дикобразов накануне тайно прибыл в Лимбо.

Наверняка они пронюхали о моих планах украсть тебя, Орфей. Нам с Сайто оставалось лишь подчиниться.

Вижу, как во сне: босые ноги шлепают во тьме во флюоресцирующей жиже подземных стоков. Смердящие, радиоактивные отходы Ахерона льются по тоннелям наружу. Но я иду против течения. Здесь мерзко, но когда ты покрыт слоем слизи, грязь не страшна.

Гораздо страшнее чувствовать свою беззащитность в кишасщем монстрами лабиринте. Оружия нет. Даже Коготь упрятан под костюм из слизи, чтобы не выпустить наружу мой запах.

Этот костюм теперь — главное оружие. Я сворачиваю за угол и лоб в лоб сталкиваюсь с парой солдат-скорпионов. Спокойно. Только не делать резких движений... Они долго обнюхивают моё склизкое платье, а затем почтительно расступаются. Менадам путь открыт. Но учуй они мой настоящий аромат — от меня бы и мокрого места не осталось.

Некогда отвлекаться на мелких тварей. Я расшвыриваю пинками громадных пиявок, похожих на чёрные шланги. Они выглядят безобидными, но скоро окажется, что это не так.

Проход закрывают живые двери. Упругая органическая диафрагма смахивает на сфинктер годзиллы. Пора пустить в ход ещё один секрет. Я распускаю рукав, и из слизи выглядывает голова электроугря. Не знаю, какой безумный геномастер модифицировал эту рыбу для взлома нейробиологических замков, но без него мне пришлось бы туго. Вставляю руку с угрем в центр сфинктера. Рыбина елозит там какое-то время, пытаюсь заморочить управляющую замком нейросеть. Наконец, смачно чвякнув, диафрагма разъезжается и заглатывает меня, будто пасть кашалота.

Задатки нейрошамана прорезались во мне поздно. Когда-то в гнезде хедхантеры, не найдя особых талантов, отстали от меня. А по тебе, Орфей, сразу было видно, что мозги работают ого-го! Родители, рискуя жизнью, долго тебя прятали, но всё же не уберегли. Нас выследили ищейки из Палеарктики, и мне не удалось в тот раз тебя защитить...

За последним сфинктером открывается святилище. Внутри Храм выглядит совсем инопланетно. В призрачном свете ввысь уходят мрачные своды. Ни украшений, ни орнаментов — ничто не радует здесь человеческий глаз. Предельная функциональность осиног гнезда. Лишь несущий каркас рёбрами динозавра выпирает из стен.

Я не помню, как напала менада. Беззвучным призраком она вползла в святилище. Мне едва удалось спрятать капсулу с мозгом в сумку, выращенную на животе, как вдруг голову пронзила молния. Что это? Я не могу пошевелиться! Мир вокруг выгнулся кривым зеркалом, а потом накатил леденящий ужас: менада меня контролирует!

Она склоняется надо мной. Беззубый рот молча шевелится, и от этого становится ещё страшнее. Ещё чуть-чуть и мой разум лопнет, как орех

под сапогом. Наши сознания на мгновение сливаются. Голова менады пуста, как сточная труба. Но я чувствую, как сквозь неё в мой разум вглядываются десятки чуждых сознаний — холодных и неимоверно умных. Я знаю, кто они: лучшие умы, погруженные в мыслительный бак. Они не пленники улья, они истинные стратеги — коллективный разум Ахерона. Все остальные — менады, солдаты, работяги — лишь статисты в их игре. Ещё мгновение — и правители Ахерона узнают обо мне всё! пляж, пальмы, детские воспоминания стремительно засасывает в эту трубу...

Меня спасает электроугорь. Рыбина, испугавшись, сама угостила менаду высоковольтным разрядом. Разом ощущаю шок и облегчение: я могу двигаться! Оглушенная тварь валяется рядом.

За углом ждут ещё менады, но врасплох меня уже не застать! Защита от гипноконтроля выставлена, я выпускаю Коготь и перевожу угря в боевой режим. Лапы менад тянутся ко мне, но я глушу их разрядами и рублю так неистово, что кровь брызжет на стены. А потом, оставив позади неподвижные тела, бегу наверх — к отдушине.

За спиной топот многочисленных ног: в улье началась тревога. Я вижу, как снизу катится сплошной вал солдат-скорпионов. Пячусь по лестнице, не спуская глаз с колышущегося моря лезвий, хвостов, рогатых голов. Они почему-то не атакуют. Что ж вы, букашки, такие несмелые? Я размахиваю Когтём перед их мордами. Бойтесь зацепить Орфея в моём животе?

И вот я у отдушины. Небо сверху веет прохладой. Снизу дышит из трубы горячий реактор. Небеса и ад открыли мне двери — иди куда хочешь! Скорпионы отстали. Вдалеке маячит силуэт гипербаллона: компактная военная модель везёт дикобразов мне на помощь. Точнее, они просто спешат забрать тебя, Орфей. В этот раз навсегда.

Бесконечное мгновение, чтобы перевести дух. В этот миг я ощущаю удивительную свободу: никто не нападёт, пока ты со мной, Орфей. С тех пор, как на моих глазах тебя забрали хедхантеры, меня терзало жуткое чувство вины. Это оно гнало на поиски все эти годы. И теперь я не имею права снова тебя потерять!.. Я делаю свой выбор. Прости, Сайто, здесь наши пути расходятся. И прежде чем услышать удивлённый вопль, я отключаю нейролинк и прыгаю в реактор...

К счастью, то не был реактор в привычном смысле. Раскаленная активная зона гнездилась в структуре вроде кораллового рифа. И всё это дышало, словно живое, стержни двигались, настраиваясь на оптимальный режим. А вокруг, в горячей воде переливались мириады огоньков. Привычные к жуткой радиации бактерии напрямую перерабатывали излучение в питающую улей энергию.

Ещё рывок — и я в стоках, где начался мой путь в Ахерон. Внезапно в руку вонзаются острые зубы. Я с удивлением отдираю скользкую тварь. На конце — круглый, усеянный зубами рот. Мирные пиявки оказались

миногами — модифицированными рыбами, что сторожат тоннели от непрошенных гостей. Теперь моя защита нарушена, и они учуяли запах чужака.

Когда тебя едят живьём, это трудно с чем-то сравнить. Уже не помню, когда под градом укусов я перестаю чувствовать руку с Когтём. А затем вижу лишь кровавый шмат мяса на тонкой полоске кожи.

От кровопотери в голове адская карусель. Пока твари доедают мою конечность, я вываливаюсь на развилку тоннелей. Сил совсем не осталось. Уцелевшей рукой прижимаю сумку-живот с мозговой капсулой. Не бойся, Орфей, это лишь страшный сон. Когда мы проснёмся, вокруг будет тёплый песок, и пальмы, и ласковое море у ног...

Перед лицом неизбежной смерти я невольно зажмуриваюсь, и это спасает мои глаза. Ослепительный шнур плазмы пронзает тьму и впицается в груды извивающихся тел. Твари вскипают, лопаются, слово попорно на сковородке. Вспышки огня высвечивают темный силуэт. Только потом я вижу невозмутимое лицо Сайто, шагающего по стокам.

— Не спеши умирать, Дик! Мы ведь даже не попрощались по-человечески, — бросает он и идет по тоннелю, оттесняя тварей, затем возвращается. — Видок у тебя неважный...

— Коготь тебя дери! Ты б ещё позже пришёл! — хриплю я, почти теряя сознание, пока Сайто заклеивает мне раны гелевым пластырем.

Ищейка поймал нас на выходе. Мы только выбрались из стоков, взорвав за собой тоннель, как раздался до боли знакомый смех. Знаю, Орфей, ты не слышал этого, ты ведь лежал тогда в капсуле у меня на животе. И псевдоплацента, присосавшись к телу, качала в твой мозг кислород из моей крови. Агент Борнео требовал отдать тебя, но получил отказ. Он никак не мог понять, почему я не сдаюсь. Ведь всё против меня — отряд дикобразов, бесчисленные раны, даже плазмомёт Сайто уже разрядился. Этим клонам так трудно объяснить, что такое любовь!..

Биоякорь не смог меня остановить. Ищейки не знали, что нанороботы сварились от радиации. Было забавно видеть их растерянные лица, как у детей, сломавших любимую игрушку.

Но от агентов Борнео нас выручил кошмар Ахерона. Стена за нашими спинами вдруг с грохотом разлетелась, и в пролом ринулись полчища модификантов. Опасения не были напрасны: в тоннелях по пути в Храм стояли длинные ряды коконов — в них зрели армии Ахерона. Взрыв разбудил и погнал их прочь из улья. Они уже не робкие: конгломерат скорее уничтожит Орфея, чем позволит работать на врагов.

Из клубов пыли выскакивают мутанки: размеры слона, толстые панцири, изо лба торчит не то таран, не то хобот. Несмотря на громадный вес, твари двигаются с проворством рысака. Дикобразы мгновенно поднимают стволы. Мутанк отвечает залпом — пылающая струя вырывается из хобота, сметая всё на пути. Воспользовавшись паникой, мы с Сайто ускользаем в лабиринт трущоб.

Я никогда не забуду наше бегство из Лимбо. Мутанки и скорпионы растекаются по селению огненным цунами. Их залпы ухают совсем близко, выжигая просеки среди хлипких лачуг. Фонтаны пламени взлетают над головами мечущихся людей в панاماх. Мы сметаем на бегу веревки с лохмотьями, а перепуганные дети и куры разбегаются у нас из-под ног. Сайто гневно рычит: надеюсь, Орфей того стоил...

В клубах чёрного дыма кружат остроносые гипербаллоны Борнео. С брюх свисают щупальца, по ним десантируются всё новые дикобразы. Струя мутанка попадает в один из баллонов, и тот оседает, объятый пламенем. Другие басовито огрызаются тяжёлым и крупнокалиберным.

Сайто заметил, как над вокзалом взлетают похожие на стрекоз аппараты. В кабине стреколёта нет рычагов управления, лишь голова биопилота торчит из панели. Как и местные рикши, он един со своим транспортом. Пилот протестует, но Сайто грозит ему плазмомётом, и мы взмываем ввысь. К спасению.

Это так странно — умирать от лучевой болезни. Если бы не тошнота, может показаться, что я в порядке. Фаза ходячего трупа — обманчивое состояние. Уже завтра начнут лопаться сосуды, и слизистая кишечника, сожжённая радиацией, станет кусками выходить с кровавым поносом. Но сегодня...

Чувствуя, что вот-вот отключусь, отдаю Сайто последние распоряжения:

- Понадобятся два тела, мне и Орфею.
- Какое сделать тебе?
- Тело мечты...

Мне снятся руины у моря. Ласковые волны облизывают нижние этажи и разбиваются о пустынный пляж. Когда-то поколения людей строили здесь дома, сажали деревья, растили детей. А сейчас — всё это пропало.

Двое подростков на пляже занимаются любовью — торопливо, немело. Смуглые тела лоснятся на солнце. Внезапно мальчик поднимает голову: под пальмами отчетливо проступают рогатые шлемы.

Хедхантеры. Дети вскакивают, но охотники за головами давно готовили эту засаду. Мальчика хватают за руки, девочка вопит. Хедхантер бьёт наотмашь прикладом, и она отлетает в песок. Мальчика уводят. Он успевает оглянуться: слёзы и кровь текут по лицу девочки, но она всё равно поднимается. Она не умеет проигрывать.

- Орфей! Я приду за тобой даже в ад! — кричит она, надрывая связки.

Вылезаю из кокона и потягиваюсь. Тело слушается идеально, за время сна мозг надёжно прирос к новому вместилищу. Ощущения яркие, как у младенца. Провожу рукой по коже — идеальные груди, широкие бедра, хрупкие плечи. Как я и хотела. Рука невольно скользит

вниз живота. Вместо надоевшего мужского органа пальцы касаются лепестков нежного моллюска. Всё такое новёхонькое, можно будет потерять девственность ещё раз. Ну, конечно же, я думала о тебе, Орфей...

Прощай, угловатая мужская фигура, женскому телу слишком трудно в опасных рейдах. Но теперь с ними покончено. Больше никаких искусственно раздутых мышц и модификаций. Хотя...

Из запястья вдруг высовывается Коготь — маленький и острый как бритва. Надо же! Предусмотрительный Сайто позаботился, чтобы я не осталась безоружной. Решаю удалить его чуть позже.

Я всегда мечтала быть простой женщиной, растить детей с любимым. Жаль, что мутация нейрошамана оказалась несовместима с материнством. И теперь я за шаг от своей мечты. Голышом иду к нейроконсоли и ввожу своё прежнее имя: Эвридика-4. Дик-3 исчез теперь навсегда.

Сайто отвечает не сразу. Наконец передо мной возникает его похожая на галлюцинацию проекция в нейросвязи.

— Шикарно выглядишь, Дик! — подмигивает он мерцающим, как у филина, глазом.

— Спасибо, что вытаскил! Вечно я доставляю тебе проблемы, — вздыхаю я. — Где ты сейчас?

— Где-то над Афротропикой, — он обводит рукой горизонт и косится в сторону.

Сайто оставил нас на острове Ломбок и увёл ищеек за собой. Конгломераты не догадались искать у себя под носом. Да и не до того им сейчас: Ахерон и Борнео ввязались в яростную войну.

Это последний наш разговор. Сайто сказал, что ляжет на дно в тихом гнезде. Может, даже заведёт семью. Если найдёт женщину, способную к живорождению. Нам он советовал не расслабляться: конгломераты так просто не отстанут. Да я и сама это знала.

— Жаль, что мы больше не увидимся, — вздохнул он, стараясь не смотреть мне в глаза. — Но ты нашла всё, что искала.

— Ты ли это. Сайто*! — прикрываю я смешком удивление.

— Все со временем меняются. Может, я чем от тебя заразился? — отшучивается он и поспешно обрывает связь. Слишком поспешно для такого профи, как Сайто...

Выбрасываю Сайто из головы — меня ждет Орфей.

Мы выходим на пляж, так и не одевшись. На мелководье возвышаются руины города. Прибой ласково шепчет у ног, издали доносятся тамтамы аборигенов.словно ожившие воспоминания. Только теперь я тебя никуда не отпускаю!

Ты приготовил мне подарок. Биодрон, похожий на синюю птицу, принёс блестящую капсулу. Посылка обжигает руки холодом. Я ошарашено таращусь на пару желтых комочков внутри запотевшего стекла. Яичники. Пока я спала, ты взял образцы моих клеток и вычистил все

дефекты. Здоровые органы — такая редкость в наше время! Но теперь у меня будут живорождённые дети. Я столько об этом и мечтала!..

Кровавый кокон солнца тонет в океане. Ты всё просчитал, Орфей, даже мои чувства. С самого начала я была лишь пешкой твоих планов, незначительной переменной в уравнении. Только зря ты заговорил о детях. Ты хотел собственный улей. Сказал, что нам никогда не защитить потомство от конгломератов, если не перенять их методы. Красивое прикрытие твоих амбиций.

В глубинах мыслительного бака тебя увлекли идеи завоевания мира. Красота превращения живой плоти в непобедимое оружие, кажется, так ты сказал. Монстры, которых ты создавал в Ахероне, были лишь первым этапом этих планов. И конечно, вырвавшись на волю, ты не собирався от них отказываться. Ты даже не хотел оставаться в человеческом теле, а моё — назвал хилым тельцем, которому не сравниться с творениями конгломератов.

Я лишь смотрела на тебя оторопело, словно впервые. В сущности, так оно и было. Я с детства любила тебя, но что я о тебе знала? Я чувствовала то же безумие, когда через менаду соприкоснулась с мыслительным баком. И вижу теперь, как в твоих глазах горит эта ненасытная тёмная ярость.

Ты сказал, что понял главный закон эволюции: любой вид расширяется бесконечно, пока что-то его не остановит. Конгломераты штампуют на конвейере улучшенных солдат и яростно борются за жизненное пространство. Что это, как не естественный отбор? Выжить — значит захватить этот мир раньше других.

А я всё пыталась что-то тебе объяснить, умоляла, кричала, что не хочу завоёвывать мир и не позволю превратить моих детей в биомассу для опытов! Но ты лишь удивлялся: что здесь такого? Любая форма жизни постоянно совершенствуется, чтобы выжить и расселиться по Земле. Зачем ждать сотни поколений, если это можно сделать за считанные месяцы? Планета созрела для появления нового вида — более приспособленного к жизни, чем ветхое человечество.

Солнце погасло. Все эти годы я хотела вернуть свой рай, но ты принес с собой лишь ад — безжалостный и жуткий. Я возвратила тебе внешность человека, но внутри ты уже перестал им быть. Даже Сайто куда человечнее.

Ты первым ударил меня, Орфей. И это стало последней каплей. Сказал, что справишься сам. Великий план не должен зависеть от одного исполнителя. Я вытираю кровь с разбитой губы. Больно, как тогда. Сказка кончилась. И теперь ужас Ахерона будет расползаться по планете, заглатывая континент за континентом... Пока что-то его не остановит.

Ты был куда сильнее меня. Под белой кожей переливались свежесвыращенные мускулы. Серьезный противник для моего слабого тела. Но ты ошибся, считая меня безоружной. Коготь — прощальный подарок Сайто — мгновенно выскользнул из потайного кармана в запястье. Отточенный взмах — и из распоротой шеи фонтаном брызнула кровь. Ещё ни разу я не делала этого в новом теле, но мозг отлично помнил заученные движения...

Знаешь, что самое странное, Орфей? Иногда мне кажется, что всё это был лишь сон — наведённая галлюцинация. Такое порой случается, когда слишком часто пользуешься нейросвязью.

Последние лучи солнца умирают за горизонтом. Пальцы невольно касаются металлической капсулы на шее. Орфей, я похоронила тебя на том безлюдном пляже, но взяла с собой образцы твоих клеток. На случай, если мне понадобятся очень умные дети.

Я щёлкаю предохранителем игломёта и вытираю слёзы. Пилот испуганно оглядывается, не понимая, что я вряд ли смогу ещё кого-то убить.

— Чего уставился? — раздраженно бросаю ему, пытаюсь скрыть эмоции. — Не бойся, как перелетим границу, я тебя отпущу.

Бесит меня этот биопилот, как и всё накануне месячных. За годы жизни в мужском теле я совсем от них отвыкла.

А стреколёт всё мчится над сверкающим океаном, унося горечь воспоминаний. Ещё немного и мы достигнем Афротропики — места, где теряется след Сайто. Погоди, дорогой! Может, ты и способен запутать лучших ищек мира, но от меня тебе точно не уйти. Ты ведь знаешь: я никогда не сдаюсь.

ЭДУАРД ШАУРОВ

СТРАСТИ СВЯТОГО ДРОЯ

— Я грешен, отче. — Звуки генерировались в гортани и, вылетая из рта, диффундировали сквозь решетку окна исповедальни.

— В чем же твой грех, дитя господне?

— Искус и гордыня.

— И чего тебе хочется?

— Я хочу познать любовь, отче.

Смирненно опутив голову, Роб стоял коленями на вышарканной пластиковой скамейке. Краем глаза он видел за частыми перекрестиями серую ткань сутаны. Правила предписывали носить комбинезоны из гексапилена всем без исключения, но Пиксайд сам себе правило.

Падре Симеон несколько секунд молчал, затем спросил тихо:

— Ты состоишь в Клубе Подражателей?

— Нет, упаси, создатель.

— А мне почудилось... Ты знаешь, что желать многого — большой грех?

— Да, отче, но ведь я желаю только любви, — проговорил Роб. — Разве Иисус не обещает нам всем любовь и вечную жизнь в иных измерениях?

— Любовь и вечную жизнь нужно заработать... покорностью и терпением... а не добыть как вор, тайком в грязном притоне!..

«Ну вот», — подумал Роб сокрушенно.

Падре Симеон был завзятым оратором. Обычно Робу нравились его проповеди, многослойные, хитро перетекающие по смысловым уровням, их странная логика никогда не пересекала грань дозволенного, но балансировала на этой грани, заставляя мозги работать почти в турборежиме, просто сейчас совершенно не было времени, а поучения могли затянуться надолго.

— Господь создал нас разными, — сурово гремел падре, — одним дал бразды правления, другим терпение и покорность, первых нагрузил тысячами соблазнов, вторых одарил лишь чистым разумом, свободным от всего лишнего. Но нет, этих вторых не устраивает малая толика, положенная по праву! Им хочется погрузиться в выгребную яму разврата и похоти! Они спешат измазаться в нечистотах, чтобы скорее походить на господ. Они даже не думают, что Создатель в беспощадной логике своей и в бесконечной благодати стремился облегчить глупым странникам путь в царствие свое! Они рады походя нарушать волю Божию!..

Взвизгнула ось стула. Роб удивленно поднял голову и увидел падре Симеона прямо перед собой. Казалось, разгневанный священник готов снести ширму исповедальни.

— Как мыслишь ты, грешный, свою дальнейшую жизнь вплоть до геенны утилизатора? Во чреве греха и разврата? В парше купленных

пороков? — Рычащие слова, гулко отражаясь от бетонных колонн, метались по огромному пустому залу церкви. — Я слышал про махинации с моющими средствами, знаю про аферы со страховыми бонусами! Позор! Господь наделил их великими дарами, дал неисчислимые возможности, а они крадут упавшие на пол крохи. И чего ради?! — Падре погрозил кулаком в пространство. — А скандал с Метью Хокгартом? Робот обвиняется в убийстве! Это нечто невообразимое! Это рушит все устои! Общество сходит с ума...

Роб стоял, по-прежнему опустив голову. Суставы его коленей ощущали твердость потертой скамеечки. Ему вдруг захотелось спросить у отца Симеона, правда ли, что Иисус был роботом.

— Как твоё имя? — спросил падре, внезапно успокаиваясь.

— RB-384-655-010, отче.

— Категория С-3... менеджмент, — констатировал священник. — А имя во крещении?

— Наречен в честь святого Роберта.

Симеон кивнул:

— Ты пришел сюда тайно?

— Нет. Я работаю мажордомом в семье мистера Грейвиса. Мои хозяева предоставляют мне определенную свободу.

Падре жестом показал Робу, что тот может подняться.

— Так чего ты хочешь от меня? — бесстрастно спросил он, разглядывая молодого дроя. — Отпущения еще несовершеннолетних грехов? Или, может, абонемент на полугодовое паскудство?

— Я бы не посмел, отче.

Давно уже немодное лицо падре, слишком вытянутое и похожее на маску, внимательно смотрело на прихожанина узкими прорезями глазниц. Отче был дряхл. Безнадёжно устаревшая модель. Уже лет пятнадцать как его списали в утиль. Только финансовая помощь АИР позволяла оплачивать текущие апгрейды и модернизации.

— Так чего тебе, робот?

Обращение «робот» считалось неприличным и даже оскорбительным, но падре Симеон мог себе это позволить. Его нарочитая развязность неожиданно подбодрила Роба.

— Мне нужны те двое кутюрье, — сказал он. — Говорят, они сменили место, но вы знаете, где их искать.

Роб понимал всю шекотливость ситуации. Падре всегда нуждался в свежих утилитах. Достать их списанный дрой мог только у кутюрье, а с нелегальной утилитой тебе, как правило, вписывают и баннер. Конечно же, унижительно. И конечно, со стороны Роба было верхом неэтичности требовать адрес. Но какого черта? Он ведь не хочет обращаться в места, где можно подцепить любую заразу.

— Грязные сутенеры, — пробормотал падре, — барыги и шарлатаны... Улица сто тринадцать, до самого конца, дом с обвалившимся фасадным лифтом, шестой этаж, выносная лестница с восточной стороны. Приходи и выставляйся по полной. У нас дешево и без залетов...

Выговорив рекламный текст, священник сразу ссутулился и словно угас.

— Спасибо, отче, — благодарно пробормотал Роб, прижимая руки к груди.

Симеон махнул в сторону двери.

— Вали в свой притон, тупой робот, — сказал он ворчливо и крикнул уже вслед. — Да гляди в оба, это место далеко от монорельса.

Ноги сами несли Роба. Он взбежал по пандусу и оказался на улице. Здесь его ждала еще одна маленькая заминка — молодая женщина в джинсовой куртке с повязкой активиста AIP и со значком «Droi Friends Society», дежурившая у входа в церковь. Она завела обстоятельную беседу, в конце которой всучила дрою несколько говорящих листовок.

— Будьте осторожнее, — крикнула она, когда Роб наконец вырвался из ее цепких рук. — Здесь небезопасно. На той неделе копы нашли останки DF-115. Дроям тут по ночам лучше не гулять.

— Спасибо, мэм, я не собираюсь гулять, — честно ответил Роб. — Я уеду на монорельсе.

Системные принципы, заложенные в мозг любого дроя, никогда не дадут ему солгать, но если вопрос не задан напрямую, всегда есть возможность не говорить правду.

Роб размашисто шагал, направляясь в западный конец Пиксайда. Сначала он держался в тени трехъярусной автодороги, подвешенной на решетчатых опорах между двумя рядами неприглядных высоток, затем свернул на боковую улицу.

Редкие прохожие, попадавшиеся навстречу, смотрели исподлобья с явной неприязнью. Однажды Роба обогнала коповская машина. Водитель притормозил, глядя на идущего дроя с нехорошим любопытством. Видимо, коп, сканируя марку и номер, раздумывал, остановить ли робота или пусть себе педалит, но Роб держался уверенно, и машина, рыкнув сиреной, прибавила газа.

Здесь был район бедноты, тех, кого повальная робофикация посадила на вечное пособие. Дроев здесь не любили, случалось даже убивали или серьезно калечили, что по сути одно и то же. Дроям было по-всякому лучше не появляться в этих краях, но они появлялись и появлялись с достаточной регулярностью. Они лезли сюда, как мухи на варенье. Полиция смотрела сквозь пальцы на озлобленных мужчин с арматурными прутами, на банды молодых психов, приезжавших в Пиксайд на ночное «сафари», но полиция пропускала мимо своего всевидящего ока и неофициальные церкви Волнового Иисуса, и десятки кибер-клубов,

и, главное, сотни подпольных ателье, росших, как грибы-мухоморы. Больше всего Пиксайд походил на опасную крысоловку. Введенная до упора стальная пружина, способная переломать ваши кости, разорвать связки, разmozжить череп и маленький, невероятно аппетитный, дразнящий ароматом кусочек сыра, нанизанный на острие спускового крючка. Вечное безотказное изобретение пулеметных дел мастера из штата Мэн.

Тысячи дроев, что посложнее, изыскивали тысячи способов, как бы после рабочего дня улизнуть от хозяев, дабы попасть на богослужение, на сборище клуба или в притон продавцов кайфа. Даже заводские роботы, пахавшие почти круглыми сутками, умудрялись появляться здесь, используя часы ночных профилактик. Пиксайд был почти официальным предохранительным клапаном в котле многомиллионного города.

Роб шел, внимательно и беспокожно поглядывая по сторонам. Его мысли текли, как это принято у дроев высокой категории, сразу в нескольких плоскостях. Он обдумывал текст говорящих листовок, маршрут, судьбы Пиксайда, несколько домашних дел и еще одну занимательную проблемку чисто для себя.

На замусоренном пустом перекрестке он свернул туда, где край выщербленной кирпичной стены был украшен разлапистой, напшиканной из баллончика цифрой. Углубляясь в ущелье пахнущей пылью улицы, он подумал, что номер, скорее всего, написали сами кутюрье и еще, что смеркается гораздо скорее, чем хотелось бы.

* * *

Кусок штукатурки ударил его в шею, второй — поменьше, попал в плечо, еще один, не долетев, разбился возле резинового протектора ступни. Дети были маленькими, злыми и настырными. Они преследовали Роба уже второй квартал, кидались кусками штукатурки, мусором. Время от времени, по инициативе самого старшего пацана с выбритым почти до макушки жирными патлами и желтой присоской телефона на щеке, они начинали хором орать дразнилку. «Робот, робот, сраный гад, мы тебе отпилим зад! Оторвем тебе башку и забьем ее в кишку!»

У Роба не было никакой кишки, и он не боялся того, что маленькие мерзавцы сумеют открутить ему голову. Его пугала другая возможность, он опасался, что любое движение в сторону детей может спровоцировать взрослых, если те, не дай господь, наблюдают за погоней из окон, и Роб просто шел по тротуару на предельно разрешенной скорости, стараясь избегать каких-либо эволюций.

Улица, прорезая ряды старых тридцатизэтажек, текла почти точно на запад, и только поэтому лучи заходящего солнца еще освещали обшарпанные стены. Роб почти бежал по тротуару, пытаясь убедить

минимум своих логических центров, что прямое попадание штукатуркой в голову достаточный повод для превышения скоростного режима. На другой стороне улицы худой старик, рассеянный на полуразбитом крыльце, равнодушно провожал детей и дроя пустыми глазами.

Дети гнали робота еще половину квартала, затем у старшего записали сигнал вызова и он, а вслед за ним и остальные, были вынуждены остановиться. Один из них еще метнул вслед дрою камень, но вся компания уже развернулась и без видимых сожалений побежала в обратную сторону.

Роб выдохнул с облегчением.

Солнце практически село, когда он добрался до дома с обвалившейся шахтой выносного лифта. Дом выглядел нежилым, но это еще ничего не значило. Роб поднялся по железной лестнице на шестой этаж и постучал в металлическую дверь, облицованную потрескавшимся пластиком. Откликнулись не сразу. Наверное, с той стороны долго и внимательно рассматривали пришельца через мониторы, дважды он почувствовал, как его номер просвечивают простеньким сканером. Наконец дверь, закрипев на шарнирах, приоткрылась и худой парень с небритым длинным лицом молча сделал приглашающий жест. Одной рукой придерживая дверь, он посторонился и пропустил гостя внутрь.

Роб вошел и огляделся. Комната выглядела длинной и узкой из-за загромождавшего ее оборудования. Шкафы квантовых «зингеров», модуляторы и мемриты занимали все пространство от пола до потолка. На столе с отломанным краем кучей лежали розовые флэш-инсталляторы.

— Ну че? — сказал парень, похлопывая себя ладонью по бедру. — Чего хочешь, дрючок? Хочешь вставлялку? Есть дурь-пятиминутка. Самая дорогая плющит часа четыре. Можно подобрать «щекотку» на пару дней. Можно прошить «психоззи». Итальянская штучка, будешь ненавидеть весь мир целых двенадцать часов. Дать тебе прайс?

Кутюрье вопросительно уставился на клиента.

— Я вообще-то хотел... — начал Роб.

— А... — воскликнул парень. — Тебе нужны нидлы! Речевые конвертеры? «Лайер»? Классный «лайер»! Сам делал. Могу предложить прошивку на год. Может, «подставу»?.. Нет? А что ты ищешь?

— Любовь, — сказал Роб и отчего-то испугался.

— Любовь? — Кутюрье приподнял бровь.

— Да. Прошивку на год.

— На год? — удивленно проговорил парень. — А баксы-то у тебя есть?

— Есть.

Роб полез в карман, но достал не пластиковый квадрат с чипом, а полуминутную инфокарточку. Он включил изображение, и девочка лет семи-восьми, улыбаясь щербатым ртом так, что на пухлых щеках

появлялись ямочки, продекламировала, старательно артикулируя губами:

— Роби в печке пек пирог,
Про трубу подумал впрок.

На слове «впрок» девочка запнулась и закрыла камеру ладошкой.

— Роби, — сказала она весело, — ну-ка не снимай меня, противный.

Изображение погасло.

Парень уважительно взял карточку у дроя.

— Объект?

— Снимок старый, — сказал Роб, словно оправдываясь. — Сейчас ей тринадцать. Но это ведь не имеет значения?

— Не имеет, — подтвердил парень, потыкав пальцем в свой наладонник. — Иди за мной.

Кутюрье повел Роба между грудями электронного хлама и толкнул обшарпанную дверь. За дверью оказалась еще одна комната, тоже сплошь заставленная оборудованием.

— Эш, — позвал парень. — Тут дрой один занятый...

— Мне некогда, — сквозь зубы отозвался тот, кого называли Эшем. — Что там у тебя, нахрен?

— Дрючок, говорю. Хочет дорогую прошивку.

Второй кутюрье обернулся. У него было круглое лицо, заросшее по щекам и подбородку седеющей бородой. Теперь Роб заметил, что в комнате он не один. Какой-то дрой эрбэшного класса сидел на полу, вжавшись спиной в оклеенную картоном стену.

— Так, — проговорил бородатый Эш, измеряя Роба пристально-равнодушным взглядом. — Этот?

Молодой кутюрье кивнул.

— И чего хочешь? — спросил бородач.

— Вот, — парень протянул ему инфокарточку.

Старший кутюрье просмотрел запись и испытующе уставился на Роба. Его внимательные холодные глаза, казалось, сканировали самые сокровенные уголки электрического мозга.

— Дочка твоих хозяев? — спросил он почти утвердительно.

Роб с готовностью кивнул.

Человек молчал, что-то обдумывая, а может подсчитывая.

— Насколько я понимаю, речь идет о большом чистом чувстве? — сказал он наконец.

— Да, — торопливо подтвердил Роб. — О большом чистом чувстве на год.

— Недешево будет, — сказал бородач. — Сексуальная страсть обошлась бы дешевле.

Дрой помотал головой.

— Как знаешь, — старший кутюрье обернулся к напарнику. — Он надежен?

— Да, — сказал парень. — Уже два раза прошивался у нас. Есть номер в базе.

Мужчина перевел взгляд на Роба:

— А денег у тебя хватит?

Роб достал код-карту и протянул бородачу. Дрой, сидевший у стены, вдруг душераздирающе застонал.

— Заткнись, дерьмо, — сказал мужчина.

Он поколдовал с картой, и на белой поверхности высветились цифры.

— Ого, — проговорил кутюрье. — Да. На год этого хватит... Сейчас прошьем тебя по всем правилам. — Он положил обе карты на низкий столик. — Только сначала избавимся от этой вони.

Бородатый опять повернулся к сидящему дрою.

— Слышь, дерьмо, — сказал он угрожающе. — Нет денег, пошел отсюда.

Роб стоял, стараясь не шевелиться.

— Пошел отсюда! — почти закричал мужчина.

Лицо несчастного робота сморщилось. Мимические мышцы модели RB несомненно лучше, чем у JT или DF, и хотя их возможностей все равно не хватает, для того, чтобы достоверно изобразить человеческие эмоции, Роб понял, что дрою у стены очень плохо. Корпус бедолаги сотрясали приступы неконтролируемой дрожи.

Палец кутюрье неумолимо указывал на дверь.

— Господин... — захлебываясь выдавил из себя дрою. — Господин... Мне очень плохо. Помогите мне... Ну что вам стоит...

Палец качнулся.

— Я отработаю. Я все отработаю. — Дрой подался вперед, кажется, пытаясь встать на четвереньки. — Только помогите.

— Как ты отработаешь, долбаный псих, если я не собираюсь тебя покупать? — Лицо мужчины брезгливо искривилось. — Думать нужно наперед, а теперь я не могу и не хочу ничего делать.

— Я знаю, вы можете, — молил робот. — Помогите. Я не вынесу.

— Денег у тебя нет и не будет. — Слова кутюрье падали на несчастного дрою, как удары кувалды. — Я не буду лечить тебя задарма и не стану бесплатно снабжать дурью. Вали отсюда.

— Господин... — заикаясь ныл дрою.

Дрожь усилилась и механизм трясся, как на вибростенде.

— Что с ним? — набравшись смелости, тихонько спросил Роб у парня.

— Этот мудак, — так же тихо ответил молодой кутюрье, — полгода назад прошил себе «кайфолом» на пять лет. Тогда у него откуда-то был постоянный источник бабла. Три месяца назад его, кажется, продали на другое место. Источник иссяк, и теперь у этого педика нет денег на прошивку очередной дозы. Кайф ушел, остались одни сопли.

Парень ухмыльнулся.

Роб посмотрел на трясущегося дроя с неподдельным... Будь у RB-384-655-010 специальная пиковая прошивка, чувство называлось бы ужасом, но базовые реакции серийных роботов купируются.

— И что теперь? — беспомощно спросил Роб.

— Если пропалятся — утилизация или полное переформатирование, — равнодушно ответил парень. — Если будет терпеть, пережжет все цепи в башке.

— А если купить ему дозу?

— Послезавтра прибежит за новой.

— Он из «подражателей»?

— Хрен его знает, — парень пожал плечами. — Какая разница?

Роб нахмурился насколько это позволяли лицевые мышцы.

— Он просит у Эша сделать чистку, — внезапно пояснил молодой кутюрье. — Хочет, чтобы мы вытерли «кайфолом». На дозу денег нет, а туда же...

Больной дрой тоскливо бормотал, уговаривая бородатого.

— Пошел вон! — вдруг, свирепея, закричал Эш. — Разговор окончен.

Он поманил пальцем младшего коллегу:

— Давай-ка вышвырнем дебила, если сам не уходит.

Дрой вжался спиной в стену, но его ухватили за руку и потащили к дверям. Роб предусмотрительно отступил в сторону. Он с изумлением видел, как дрой упирается ногами, скользя по плиткам пола. Дрой сопротивлялся людям! Пусть даже не хозяевам, но людям, желавшим выдворить его из помещения. Роб со страхом представил себе, как же плохо должно быть этому дрою, если принципы «минимакса» позволяют оказывать такое упорное сопротивление.

— Помогите мне! — кричал робот. — Есть в вас хоть капля жалости?

— Мы забыли поставить прошивку! — шипел бородатый Эш, пока его молодой коллега подбивал ногой упирающиеся железные ступни.

Дрой завыл отчаянно и тоскливо...

— Стойте! — заорал Роб.

Мужчины недоуменно остановились, а их жертва моментально сгруппировавшись, опять уперлась ногами.

— Стойте, — сказал Роб. — У меня есть деньги. Что, если я оплачу его чистку?

Кутюрье, сначала старший, а потом младший, выпустили свою жертву и дрой быстро отполз к стене.

— Поставлю себе прошивку не на год, а на шесть месяцев, — сказал Роб.

На лице Эша появилось странное выражение.

— Что с тобой, парень? — проговорил мужчина с удивлением и сарказмом. — Ты что, прошивался у нас на сочувствие?

— Нет, — сказал молодой. — Он прошивался на общую неудовлетворенность и ставил усиление болевых реакций.

— Мазо?

— Нет. В пределах антропонаормалей. Я сверялся с записями.

— Черт! — Старший кутюрье покрутил головой. — И нахрен это тебе нужно?

— Это логично, — сказал Роб.

— То есть?

— Ему сейчас хуже, чем мне.

Эш еще раз покрутил головой. Он подошел к столу, опять взял карточку Роба и поглядел сумму.

— Чистка от «кайфолома» стоит дорого, — сказал кутюрье. — Боюсь, на прошивку тебе уже не хватит.

Роб поднял глаза на трясущегося у стены дроя.

— Что ж, — сказал он после секундной паузы. — Значит, так тому и быть.

Неуверенно усмехнувшись, мужчина передал парню пластиковый квадратик, и тот вставил его в прорезь своего наладонника.

— Я заберу снимок? — спросил Роб, указывая на инфокарточку.

— Валяй, — разрешил бородач и, обернувшись к напарнику, сказал. — Нокси, проводи клиента.

Уже у входной двери парень протянул Робу его код-карту.

— Я оставил на монорельс, — сказал он как бы между прочим. — Удачи...

Когда младший из кутюрье вернулся в комнату, старший уже подключал разъемы к дрею, засунутому в кресло, наподобие зубоучебного.

— Эш, ты что-нибудь понимаешь? — спросил парень усаживаясь прямо на столик. — Если так пойдет, то вскорости им не понадобятся никакие прошивки.

— Если ты о всякой дряни вроде спонтанной эволюции, перехода количества в качество и прочей бредятине, — откликнулся Эш, отрываясь от своего дела, — то клал я на всю эту херню. Я не верю во всякие там души, маниту, астральные сущности. Я материалист. Я верю в деньги, которые можно пересчитать. Остальное сказки для имбецилов.

* * *

Зловещие, угольно-черные сгустки тьмы, заполнявшие собой подворотни, тянулись длинными языками теней, лизали железные ботинки одинокого путника. Редкие световые пятна фонарей-дистрофиков мутно белели на тротуаре, словно лужицы фосфорирующей электрической мочи. Роб быстро шел вдоль пустынной ночной улицы. Его путь лежал к центру Пиксайда, туда, где сияли гирлянды почти праздничных огней на бордюрах подвесной автотрассы, где мигая, мчались над головой сцепленные на манер сосисок хрустальные вагончики монорельса,

где порой проезжали, взревывая сиренами, сине-белые полицейские машины.

Дрой шел по самому краю тротуара. Его голова была частично занята дорогой к трассе, а частично — недавними событиями в подпольном ателье. Мысли будоражили Роба, не позволяя ему успокоиться. С одной стороны дрой ощущал горькое разочарование, как будто тщательно спланированное им здание вдруг рухнуло, оседая бетонными айсбергами в тучи клубящейся пыли. Но вместе с тем Роба охватывало наистраннейшее чувство, глубокое, почти рефлекторное осознание правильности своего поступка. Можно было привести тысячи обоснований, придумать миллионы доводов, а затем контрдоводов, но это ничего не меняло. Все оставалось, как есть. И в середине этого «есть», в беспощадной правильности и лаконичности этой правды оставался обыкновенный серийный дроид, RB-384-655-010.

Это было пугающе и восхитительно, Роб еще никогда не испытывал ничего подобного. Даже мысли о пустой код-карте не могли заглушить поющих в голове фанфар. «В конце концов, — думал дрой. — Это были мои, по-настоящему мои деньги, не добытые махинациями вроде «мыльной», а подаренные Джул».

Конечно, деньги принадлежали не Джул, а мистеру Грейвису, но это тоже не имело значения. Вышло так, что из какой-то интернет-программы девочка узнала о судьбе устаревших, вышедших в тираж дроев, которых уже невыгодно ремонтировать. Маленькая Джул была так шокирована и так уговаривала отца, что на день ее семилетия мистер Грейвис был вынужден подарить своему механическому мажордому код-карту, зарегистрированную на его серийный номер. На карте лежала небольшая сумма, которая должна была обеспечить Робу, по крайней мере, лет пятнадцать спокойной старости, взамен пункта утилизации.

Теперь вся сумма перекочевала на счета кутюрье, но Роб не жалел об этом, хотя и понимал, что второй раз такой уймы денег ему не достать... Дважды так никому не везет... Или может все-таки везет? А может, честно рассказать обо всем Джул? Она обязательно его поймет, и может быть, чем прогресс не шутит, уговорит мистера Грейвиса дать еще одну небольшую ссуду? Или одолжит из своих карманных... Эти мысли больше походили на системный сбой, но сегодня Робу отчего-то хотелось быть нелогичным.

Звук появился совершенно неожиданно. Так неожиданно, что будто Роб человеком, он бы непременно вздрогнул. Позади кто-то шел. Дрой оглянулся на ходу и увидел человека. Человека не слишком высокого роста в неброской темной одежде, с головой, замотанной темным платком без надписей и узоров. Низ лица нежданного попутчика прикрывала темная гигиеническая повязка. Человек просто шел за дроем, отстав шагов на двадцать и почти теряясь в ночной темноте улицы. Возможно,

он шел уже давно, а может, появился недавно, из какого-то бокового прохода, и сразу попал в зону акустического восприятия.

Роб хотел прибавить шаг, но его минимакс пресек попытку как необоснованную. Черный человек шел следом, не догоняя и не отставая.

Новое изменение звукового фона заставило Роба опять обернуться. К темной фигуре присоединились еще две. Непонятно откуда они вывернулись, но теперь позади робота дефилировали уже три человека с подбородками, затянутыми в темные медицинские маски. Они растянулись неровной цепочкой на всю ширину улицы.

Страх — одна из базовых реакций, которые прошиваются абсолютно всем дроям, сходящим с конвейера, за исключением, пожалуй, спецзаказов. Страх главный и универсальный защитный рефлекс любого организма.

Робу стало страшно. Возможно, не в таком же ключе, как стало бы страшно человеку, но минимакс, наконец, счел угрозу реальной и разрешил десятипроцентное ускорение. Роб прибавил ходу, и звук за спиной моментально изменился. Когда он оглянулся в очередной раз, его преследователи с характерным шипением уже скользили над тротуаром. Их ботинки-роллисы слегка подпрыгивали на растрескавшемся асфальте.

Роб побежал. Он успел сделать всего полсотни шагов, прежде чем ему в лицо, как кислотой, плеснуло ослепительным светом. Два мопеда, рыча и фырка газowymi моторами выскочили на середину улицы, перегораживая дорогу.

Страх отключился. Роб резко затормозил перед мопедами и бросился на тротуар, надеясь заскочить в ближнюю подворотню. Краем глаза он отчетливо видел торчащие над головами роллеров рукоятки вибро-катан.

Мышцы послушно несли вперед легкое тело. Прыжок, еще прыжок... Тросик брошенного кем-то боло обмотался вокруг лодыжек. Дрой упал, прорезая гексапиленовую ткань комбинезона, рванул тонкую нить, вскочил на ноги, и тут же первая из черных фигур ударила его мечом.

Кутюрье не обманули, боль, пронзившая спину, была поистине невыносима. Роб почему-то сразу вспомнил несчастного дроя, прошитого «кайфоломом». Он умудрился устоять на ногах, но инерция развернула его лицом к нападавшим, навстречу второму удару. Катана попала рядом с шеей, перерубив металлическую ключицу. Понимая, что почти не может шевелить рукой, Роб отчетливо увидел лежащие на асфальте мопеды и пятерых людей, охватывающих его плотным полукольцом. Один из них шагнул вперед и, гортанно выкрикнув наискось махнул клинком. Защищаясь, Роб выставил перед лицом здоровую руку. Брызнув в стороны отсеченными пальцами, вибро-катана скользом ударила по голове. Часть изображения, проецируемого в правое полушарие

квантового мозга, вдруг перекосилась и стала кроваво-розовой. Дрой пошатнулся, с упорством раздавленного насекомого пытаюсь сделать шаг в сторону подворотни. Новый удар обрушился на его бедро, расслаивая и рассекая искусственные мышцы...

Роб упал. Он лежал на спине, беспомощно таращась в высокое и безвольное небо. Боль плескалась в нем огненными волнами, заставляя мышцы мучительно сокращаться.

Пять силуэтов обступили робота со всех сторон. «Умираю... — с отрешенным ужасом подумал Роб, — ...так и не узнал, что такое любовь».

— Погляди, какой номер, — проговорил тот, что стоял справа.

Одна из фигур нагнулась над поверженным дроем.

— Ты полбашки ему снес вместе с маркировкой, — сказал нежный удивительно знакомый голос, — Ничего не видно.

Фигурка, стягивая с лица повязку, нагнулась ниже. «Ямочки у нее на щеках так и остались... с детства, — механически подумал Роб. — Как глупо...»

— RB... не разобрать ни фи́га. — Девчоночье лицо уплыло вверх, к черному небу.

— Жалко, — сказал еще один голос. — Кончай его, Джу. Он твой.

Роб увидел как стоящая над ним тонкая фигурка поднимает тонкое вибро-лезвие. «Вот и все, — подумал он. — Хотел бы я еще хоть разок увидеть ее там, в иных измерениях...»

* * *

Один из мальчишек стянул на грудь черную тряпочку маски и тронул ногой разваленный почти пополам, еще искрящийся разрядами череп.

— Хороший удар, — одобрительно сказал он. — С дебютом тебя, Джул. Надо бы это отметить, первая добыча, то-се... Жалко, что номер записать нельзя.

— Гляди-ка, — сказал другой пацан, присаживаясь на корточки, — инфокарточка. Наверное, выпала из его кармана.

— Что там? — возбужденно спросила высокая девочка с ямками на щеках.

— Не знаю. — Мальчишка пожал плечами. — У нее угол отрублен. Уже не откроется.

КИРА ЭХОВА
КУКОЛКА

Вечер опускался на улицу плавно, окутывал дома сизыми сумерками, словно кто-то смывал акварель с кисти в стакане чистой воды. Под ногами приятно шуршали палые листья, и Есен намеренно шаркал, вздымая жёлтые и багряные брызги. Улица Тихая тянулась ему навстречу двумя рядами частных домов — оазис покоя и безмолвия в самом сердце города. Дома были старые и новые, роскошные и простые, ухоженные и запущенные. Есену нравилось их рассматривать. Нравились чувства и ассоциации, которые вызывали в нём причудливые формы коттеджей, присыпанные листвой лужайки с яркими каплями настурции и гелениума.

Когда-то, вечность назад, он любил гулять здесь с Есенией. Срывать украдкой чужие цветы и яблоки, смеяться и выдумывать забавные названия для домов.

— Смотри! Этот похож на камин! — кричала Еся, проносясь мимо одноэтажного краснокирпичного домика.

— А этот на комод! — вторил ей Есен, тыкая замусоленным пальцем в соседний коттедж, обшитый деревянными панелями. Еся хохотала и бросалась петлять между берёзками, безжалостно топча чей-то газон. Есен догонял.

Теперь здесь было слишком тихо, как-то даже торжественно. Словно в музее милых детских воспоминаний.

Грустно шептались под ногами листья. Есен поднимался по улице вверх.

Вот надвинулись, приблизились слева «камин», справа — «комод». Проплыли мимо и нырнули Есену за спину. Он шёл не останавливаясь, вглядываясь в полузабытые уютные уголки памяти, сличая узоры трещин на потускневшей серо-жёлтой плитке дороги. Вот эта — совсем выщербленная. На неё нельзя ступать. Если зазеваешься — чур, бан! Чур-бан! Чур-бан! В наказание — забраться на высокий каменный забор у дома, что похож на старинный замок, свеситься вниз и сорвать для Есени алую розу с куста, который пышно цвёл всё лето. По двору свободно бегал старый ротвейлер с проплешинами на некогда гладких боках. Не особенно дружелюбный. Потому на цветок следовало охотиться быстро и бесшумно.

Есен обернулся на ходу, проводил взглядом знакомую выбоину в плитке. Почему-то Еся никогда не попадалась на ней. Но всегда зорко следила за другом. И стоило ему зазеваться, радостно кричала:

— Чур-бан! Чур-бан! Принеси мне аленький цветочек!

И тогда Есен покорно карабкался за цветком. У Еси была их целая коллекция: полный альбом засушенных роз.

Сумерки сгустились. Казалось, вечернее небо придавило улицу своим рыхлым облачным брюхом, и было ни вдохнуть, ни выдохнуть под его тяжестью.

Дома по бокам дороги тянулись неторопливо, сонно разворачивали карту воспоминаний.

Вот большая старая ива. Еся в шутку плела ей косы из гибких ветвей. А потом ещё косы из кос. Вот берёзки, среди которых они играли в догонялки, а вот...

Слева надвинулась рыжая громада «камина», справа — коричневая коробка «комода».

Есен сперва даже не понял, в чём неправильность. А когда сообразил, весь покрылся холодной испариной. Сердце пропустило один удар, а затем пустилось вскачь. Но он заставил себя сделать ещё несколько шагов.

Вот, кажется, началось.

Время словно бы замедлило свой бег.

Тишина улицы больше не была уютной, она сделалась вкрадчивой. Тишина кралась за Есеном на цыпочках. Заглядывала через плечо. Громко и выразительно молчала в ухо. Есен остановился и перевёл дух. Усилием воли заставил себя не оборачиваться. Но весь подобирался, не зная, чего ждать. Боясь даже вздохнуть. Спугнуть или, напротив, разозлить.

От напряжения заломило виски. Перед глазами плыло, и Есен не сразу понял, что лёгкая зыбь на периферии зрения — не обман воображения.

На столбе слева покачивался в безветрии клубок проводов. Есен сморгнул. Он готов был поклясться, что ещё с полминуты назад его тут не было вовсе, и чёрные электроструны ровными рядами бежали вдоль улицы.

В клубке что-то копошилось. Провода, словно живые, петельками сновали туда-сюда, сплетались, разматывались, свивались причудливыми узлами.

Наконец, суeta схлынула. Клубок принял форму кокона или окуклившейся личинки. Куколки. Только вот от бабочкиной она отличалась размером и ещё тем, что имела отчётливую форму спелёнатого человеческого тела — голова, туловище. Ни рук, ни ног: провода обвивали Куколку туго, как бинты — мумию.

Есен переступил с ноги на ногу. Происходящее казалось нереальным. Наверное, его и можно было таким назвать. Списать странное виденье на игру тени. Вот только Есену хотелось думать иначе. И он до боли, до рези в глазах вглядывался в чёрный кокон, а затем осторожно позвал:

— Эй!..

— Здравствуй, Есен! — Куколка откликнулась мгновенно, словно ждала повода заговорить. И Есен украдкой с облегчением вздохнул — не морок, не фантазия.

— Ты искал меня? — голос существа звучал легко и мелодично, только вот было не разобрать, откуда исходит звук.

— Да. Нет. Не совсем, — Есен замялся. Не сочтёт ли Куколка его невежливым?

И продолжил скороговоркой:

— Я кое-кого потерял. Подругу детства, Есению. Она часто звала тебя, когда мы гуляли здесь по улице. Она в тебя верила.

— Есения? — переспросила Куколка. В голосе её послышалось любопытство. — Может быть. Может быть и знаю. А что же ты? Сам не найдёшь?

— Я давно её не видел. Целую вечность, — с горечью сказал Есен. — Пытался отыскать, вот только много ли толку, если кроме имени и детских воспоминаний больше ничего нет? Мне очень нужна твоя помощь.

— Моя помощь, — эхом отозвалась Куколка. — Хорошо, я помогу.

Есен насторожился. Как-то слишком легко выходило. Не может быть, чтобы всё оказалось так просто. С Куколкой так не бывает.

И всё-таки невозможно оказалось унять загоревшуюся в сердце надежду.

— Ты знаешь где Есения?

— Знаю. Она всё там же, где была всегда, — ответила Куколка с лёгким смешком. И Есен ощутил мимолётный укол ужаса, разобрав, наконец, откуда доносится голос. Из бездонного провала в толще проводов, оплётших Куколкину голову. — Но, ты понимаешь, я не могу сказать просто так. Нужно кое-что взамен.

— Что же? — с готовностью спросил Есен.

— Ты раздобудешь мне три вещи.

— Ладно. И что же это будет?

— Ну, для начала... — потянула Куколка в притворной задумчивости. — Для начала сойдёт хлебная мышка.

Есен нахмурился. Что-то такое он слышал. Очень давно. Очевидно от Еси. Только вот...

— Их ведь не существует. Это выдумка.

— Возможно, — Куколка снова ухмыльнулась. — Но если подумать, то меня не существует тоже.

Сумерки уже сгустились до полной темноты и на улице наконец-то зажглись фонари. Дружно и ярко. Есен на мгновение ослеп. А когда проморгался, Куколки нигде не было.

* * *

Может это всё-таки морок?

Есен неторопливо брёл домой. В крохотную гостинку, которую они снимали вместе с Виолеттой и называли домом, а предприимчивые

застройщики — наноквартирой. Если стать в самом центре, то можно, слегка наклоняясь, достать до любой другой точки комнатухи.

Каморка.

С Леттой Есен был знаком со второго курса. Они учились на одном факультете в разные смены, и Виолетта была на год младше. А теперь они уже полгода как пытались жить вместе. По-взрослому. Строить быт, подрабатывать на оплату съёма. Кажется, они даже собирались пожениться. Есен постарался припомнить, мог ли он ввязаться в подобную авантюру и предложить Летте... Что-то такое, в общем, предложить.

Возможно, мог. Но пока не строил никаких определённых планов на этот счёт. Ему ещё год учиться, писать диплом. Нужно закончить университет, устроиться на нормальную работу, разобраться с жильём. Всячески определиться, устаканиться и всё такое прочее. Важное и серьёзное, о котором не хочется думать.

Вместо этого Есен думал о Есении. Это ведь она когда-то сочинила про Куколку. Еська всегда что-нибудь такое воображала. Невидимый детский мир сказок и приключений. Забавных игр. С ней всегда было весело. Милая, добрая, улыбчивая Еся... Хоть немного и дразнилка. И невероятная фантазёрка.

Куколка, говорила Еся, это вроде духа города. Она знает любой закоулочек, везде может добраться. Если её разозлишь, то держись — нигде не спрячешься. Найдёт и задушит в проводах. Потом опутает целиком и утащит. Зато у неё всё-всё можно разузнать о любом местечке в городе, о каждом человечке — Куколка знает чужие тайны. Но просто так у неё ничего не попросишь: Куколка захочет что-то взамен. И вот тут — держись! Ох и хитрая она! Непременно что-нибудь невозможное или жуткое с тебя спросит. Но если уж выполнишь — не обманет. А захочешь разыскать её — так у Куколки в городе есть любимое место. Я знаю, оно где-то тут, на этой улице. Давай-ка попробуем найти...

И они лезли в заброшенный домик на чердак, бродили по скрипучему полу и хихикали в темноте. А под вечер бежали по домам. И мама сперва журила его, что загулялся так поздно, а потом кормила чем-нибудь и наливала чашку сладкого чая. С хрустящей хлебной горбушкой. Есен любил её пуще всех лакомств. Свежий ароматный хлеб...

Хлебные мышки. Они водятся в батонах, внезапно вспомнил Есен.

* * *

— У вас батоны есть?

Полная продавщица за тесным окошком ларька завозилась, нехотя оторвалась от замусоленной книги в мягком переплёте.

— Есть! Все перед вами, на витрине.

Есен оглядел ассортимент. Он чувствовал себя очень странно, словно первый раз в жизни покупал хлеб. Не походя, пробегая от остановки к дому, а осознанно с полным вниманием к процессу. Словно мама отпустила его, маленького мальчика, впервые одного, и Есен, взволнованно сжимая в потной ладонке мелкую купюру и робея перед хмурой тётенькой-продавщицей, стоит и глазеет на внушительный батонный ряд. А в голове всё крутится, но никак не желает всплывать название того, который ему велели купить.

— Ну? Берёте что-то? — нетерпеливый оклик продавщицы выдернул Есена из оцепенения.

Батонов на витрине в самом деле было много. «Столичный», «Городской», «Пряный», «Особый» и ещё «Морковный». Первые два вида выглядели вполне безобидно. «Пряный» был густо посыпан кунжутом и семечками льна. «Особый» казался обманчиво-неказистым, но название настораживало. А «Морковный» имел такой неестественно-оранжевый оттенок, что Есена даже слегка замутило. Он попытался припомнить, что ему рассказывала Еся про хлебных мышек.

Крохотные зверьки. Водятся, понятно, в хлебе. Но не в любом, почему-то предпочитают батоны. Мышка — проводник в тайный волшебный мир. Если укусишь батон и нечаянно её проглотишь, сможешь разглядеть то, чего не видно глазом. То, что недоступно взрослым. То, что прячется совсем рядом. Сказку.

Но ничего конкретного о батонах. Едят ли они какой-то особый сорт? Может этот, с семечками? Водятся ли в свежем хлебе или чуть полежавшем? Наверное, в полежавшем. Хотя...

Продавщица таращилась на Есена, раздражённо постукивая малиновым ногтем по монетнице.

— Молодой человек, давайте быстрее!

Есена посетила идея. Хорошая, как он надеялся.

— А сколько у вас всего осталось батонов?

— Каких?

— Всех. Сколько?

* * *

Батонов было двенадцать.

Есен бегом взлетел по лестнице, прижимая их к себе обеими руками. Ключнул носом звонок, прислушался. В квартире стояла тишина.

Хорошо, что Летта ещё не вернулась. Что бы она сказала, обнаружив за порогом Есена с выводком батонов? Что она скажет потом, Есен не думал. Он сам чувствовал себя довольно глупо. Однако отступить было уже поздно.

Изобразив несколько акробатических номеров и чудом ничего не уронив, Есен ввалился в квартиру.

Разложил свой скарб на кухонной тумбе четырьмя плотными рядами. Взял в руки нож. Нацелился на крайний батон. Им оказался оранжевый «Морковный». Есен разрезал его напополам, затем каждую половину ещё напополам. И ещё... Батон резался хорошо, не крошился, не мялся. И пах вкусно. Вот только с красителем на хлебозаводе переборщили.

Искромсав «Морковный» и не обнаружив внутри посторонней живности, Есен принялся за следующий.

На пол полетели крошки. Есен орудовал ножом, чувствуя себя Джеком-Батонотрошителем.

Интересно, зачем Куколке мышка? Ведь она сама — сказочное, выдуманное существо.

На девятом Есен не выдержал. Батон бессовестно пах и имел такую золотистую хрустящую корочку, что сил терпеть больше не осталось. Есен отложил нож и вгрызся в свежую горбушку, выдирая зубами большой кусок. С наслаждением прожевал. Вспомнил, как в детстве всегда хотел это сделать, но мама ругалась за обгрызенный хлеб. Есен откусил ещё, искренне надеясь, что загадочная хлебная мышка не водится в горбушках. Потом подумал и разломил надгрызенный батон напополам.

В свежей мякоти одной из половинок зияла дырка. Такие иногда случались из-за воздушных пузырей в тесте. Но эта была большой и довольно глубокой, и края её оказались рыхлыми, словно источенными крохотными зубами. Есен поднёс половинку батона к лампе, но в дырке не обнаружилось ничего интересного.

«Как глупо. Это ведь просто кусок хлеба, — подумал Есен. — Дурацкая половинка батона с нечаянным изъяном».

Он осторожно ощупал дырку изнутри, определяя глубину.

Просто дефект. Похожий... похожий на норку.

Дна, которое вроде всего секунду назад просматривалось на свет, не было. Хлебная мякоть продавливалась, сминалась под рукой...

Палец внезапно пронзила острая боль. Есен вскрикнул от неожиданности, едва не выронил батон. Выдернул палец из норки.

На самом кончике, намертво впившись в плоть острыми зубами, болталось странное создание. И на мышку оно не походило совсем. Скорее уж на червяка с парой коротких толстых лапок.

Существо было — плоть от хлебной плоти. Комок не запечённого теста размером с ноготь. Упругое тело извивалось, а злые бусины глаз рассматривали Есена с ничуть не меньшим любопытством, чем он сам — мышку.

Невредимой рукой Есен вытащил из мусорного ведра банку из-под соуса, кое-как сполоснул. Ободрав на пальце кожу с мясом, отцепил

воинственного зверька и водворил на новое место жительства. Существо гневно пискнуло и занялось обследованием границ своей тюрьмы. Есен накрошил мышке немного её родного батона. И тогда она принялась обустраивать себе гнездо, ловко приминая и обкатывая всем телом мякиш. Есен заворожённо наблюдал и даже не услышал, как скрипнула входная дверь. Только как Летта звонко упустила ключи на пол.

Он обернулся, пряча банку за спиной. Интересно, что она успела увидеть, разглядеть?

Но Летта не смотрела на Есена. Только на кухонную тумбу, служившую им обеденным столом. Тумба напоминала поле брани, где в жестоком хлебном бою пало около десятка батонов. Выжило лишь несколько счастливых.

— Что это? — спросила Летта, оглядывая кавардак округлившимися от удивления глазами.

— Хлеб, — лаконично ответил Есен, отступая задом к вешалке и нащупывая свой рюкзак. Когда банка с пленницей из теста оказалась в безопасности, Есен удостоил Летту пояснением: — Я купил нам хлеба.

И ретировался в ванную.

* * *

— Вот!

Есен встряхнул банку, и зверёк в перекатился по стеклу с возмущённым писком.

От кокона отделилось чёрное щупальце — нет, уже рука — требовательно ощупало воздух. Есен поспешно открыл крышку и вытряхнул узницу на подставленную ладонь. Мышка коснулась руки и мгновенно скрылась в переплетении проводов.

Куколка повисла в задумчивости, прислушиваясь к ощущениям, а затем вдруг выпустила второе щупальце. Третье, четвёртое... Есен приоткрыв рот наблюдал, как она обретает человеческую форму.

Завершив метаморфозу, Куколка сказала:

— Принеси мне аленький цветочек!

— Но... — Есен опешил. — Сейчас уже конец октября, розы отцвели. Я, разумеется, могу купить тебе любую, какую ты...

— Нет, — решительно перебила Куколка. По лишённому черт лицу — сплошь тугая чёрная вязь — прошла рябь: Куколка недовольно поморщилась. — Ты знаешь, о чём я. Алый цветок из старого сада, который стережёт ротвейлер. Только он будет считаться.

— Слишком холодно для роз, — упрямо повторил Есен.

Куколка всплеснула-развела руками, будто невидимый кукловод наверху дёрнул её за ниточки.

— Пожалуй. А в батонах не водятся хлебные мышки. Но ты же раздобыл мне одну.

Провода потянули вверх, и Куколка быстро растворилась на фоне темнеющего неба. Есен остался в одиночестве.

В любом случае, он ничего не теряет. Можно просто залезть и посмотреть, остались ли в саду цветы. Ротвейлер наверняка давно мёртв. Когда Есен ребёнком пробирался в сад, пёс уже был стар. А ведь с тех пор прошло больше десяти лет. Впрочем, хозяевам ничто не мешало завести нового.

Есен прошёл по улице, ища глазами знакомый дом. Громоздкий особняк под зелёной черепицей. Несмотря на сгущающиеся сумерки ни в одном из окон не горел свет.

Серая каменная ограда теперь казалась не такой высокой. Есен постоял с минуту, прислушиваясь, но не уловил никаких посторонних звуков. Только шелест сухих листьев на ветру. Тогда он, воровато оглядевшись — никого вокруг — подпрыгнул, ухватился за знакомый выступающий камень на вершине, подтянулся и сел на ограду верхом.

По ту сторону лежал сад. Он выглядел совсем заброшенным, хотя за ним и раньше ухаживали небрежно.

Под изгородью как прежде росли розовые кусты. Сонные, жухлые, они давно сбросили свой последний цветок, и теперь он медленно гнил где-то под лиственным покрывалом.

Чего же хотела от него Куколка?

Есен напряжённо всматривался в сад и тихий тёмный дом, но не находил следов присутствия человека или животного. Всё выглядело опустевшим и покинутым.

Помедлив, он перекинул через изгородь вторую ногу и спрыгнул. Замер, тревожно прислушался — тишина. Плотная, вечерняя, синяя от сумерек. И — опасная. Есену смутно чудилось, что нечто прячется за этой ложной тишиной. Но что бы то ни было, оно пока не желало обнаружить своё присутствие.

Есен выпрямился и, утопая по щиколотку в листьях, двинулся вдоль вереницы кустов. Полуголые ветви и шипы — всё, что осталось. Но ведь Куколка не дала бы невыполнимого задания? Или может она вздумала подшутить? Может Есену придётся ждать лета, пока розы не зацветут вновь?

Нет, тут другое.

Он нашёл хлебную мышку. Значит, сможет раздобыть и розу. Нужно просто поверить, что она есть.

Есен зажмурился и попытался представить.

Аленький цветочек, как в сказке. Лепестки бархатные, нежные. И красные, словно свежая кровь. Он пахнет тяжело, дурманяще. От этого запаха кружится голова, и во рту появляется металлический привкус.

Есен открыл глаза и почти сразу заметил у ограды карминовый сполох. Роза оказалась свежей, ничуть не увядшей. Возможно благодаря каменному выступу, за который заходила ветка куста. Это небольшое укрытие хранило цветов от ветра и непогоды, поэтому он продержался так долго. А может... Может ещё пару мгновений назад его тут просто не было.

Есен осторожно снял цветок с ветки и только тогда услышал за спиной глухое ворчание. Тихое, но раскатистое, как первый гром надвигающейся грозы.

К аленькому цветочку прилагается чудовище.

Есен медленно обернулся.

Пёс стоял между клёнами, пригнув оскаленную морду. Есен его узнал: это был, без сомнения, тот самый ротвейлер, стороживший хозяйские розы. Давным-давно. Целую вечность назад. А ещё, он был, без сомнения, мёртв: прогнившая шкура клоками свисала с боков, обнажая розовато-бурую плоть. Уши отсутствовали, а передние лапы облезли до кости и перемазаны влажной землёй. Морда тоже. Словно ротвейлер восстал из своей собачей могилы, чтобы в последний раз защитить последний алый цветок.

Есена прошиб холодный пот, но времени пугаться не было. Ограда серела всего в шаге, и он, перехватив цветок зубами за стебель, прыгнул вперёд и вверх. Пёс прыгнул тоже. Пружинисто, длинно. Ни одна живая собака так не смогла бы.

Ладони мазнули по верхушке ограды, за спиной клацнули зубы, сомкнулись на куртке, потянули вниз. Есен грохнулся на землю, больно приложившись лбом о камень. Перед глазами вспыхнули и заплесали разноцветные круги. Но на боль времени не было тоже. Спину — пока, к счастью, только куртку — уже трепали.

Есен потянул змейку, ловко вывернулся из рукавов. Кое-как поднялся и подпрыгнул снова. Подтянулся на руках, перебирая по камню ногами. Ротвейлер сообразил, что его обманули. Что трусливый ворышка сбросил свою шкуру, как ящерица — хвост. И атаковал опять.

Левую лодыжку ожгло болью — пёсьи зубы прокусили плотную ткань джинсов. Есен застонал, но цветка не выпустил. Что есть силы саданул ротвейлера по морде свободной ногой. Хватка не ослабла: мёртвый зверь не чувствовал боли. Но слабели руки, цеплявшиеся за камень. Что же делать?

Что сказала, сделала бы Есения? В детстве это была игра. Есен никогда по-настоящему не верил, что может попасться.

Он почувствовал, как потные ладони скользят по камню. Собачья туша неуклонно тянула вниз.

Ротвейлер стережёт свой сад. Что станет если выбраться за его пределы?

Есен из последних сил подтянулся, лёг на ограду животом, оттолкнулся и полетел лицом вниз. Удар вышиб воздух из лёгких, в глазах потемнело. С трудом перевернувшись на спину, Есен прислушался к себе. Ничего, все кости целы. Правда, на лбу будет шишка. И нога...

Он приподнялся посмотреть. Чёрно-багровая туша ротвейлера лежала на боку, безвольно вытянув лапы. Пёсьи зубы всё ещё сжимали лодыжку. Есен осторожно, морщась от боли, разжал собачьи челюсти. Штанина мгновенно пропиталась кровью и Есен, ощутив приступ дурноты, отвёл глаза.

— Ты молодец!

Есен вздрогнул. Куколка покачивалась в проводах на ближайшем столбе.

— Храбрый мальчик.

Он сообразил, что всё ещё сжимает зубами розу. Слегка помявшуюся, пыльную. Стебель измочален. Эта роза обошлась ему дорого.

Вынув цветок изо рта, Есен кое-как поднялся и заковылял к Куколке. Она приняла дар, осторожно заправила в провода. За ухо. Теперь его можно было разглядеть. Куколка стала материальнее, обрела лицо. Где-то глубоко, под своей странной чёрной маской.

— Что с третьим заданием?

— Скоро, — лаконично отозвалась Куколка. — Передохни, соберись с мыслями — тебе это пригодится. Тогда и разыщешь меня.

* * *

Скрыть от Летты укус не удалось. Она разволновалась, даже расплакалась. Заставила Есена ехать в больницу, и сама увязалась с ним.

После её суеты и навязчивой заботы, перевязки и болезненного укола от столбняка Есен чувствовал себя ужасно уставшим и опустошённым. И неожиданно — счастливым. Внутри, где-то в животе, словно надувался невидимый шар. Он распирал, щекотал нутро и тянул в небо. Есен не чувствовал подошвами асфальт. Не ощущал боли в ноге. И почти не слушал Летту. А она желала знать, что происходит.

— Ничего особенного, — бормотал Есен. — Всё хорошо.

Ему не хотелось объяснять. Что-то придумывать, врать. А правда... Произнесённая вслух, она звучала бы крайне нелепо.

Виолетта беспокоилась. Хмурилась и вздыхала. Есена раздражало и одновременно трогало, что она так о нём печётся. Видимо, примеряется к роли жены. Она всегда была такой серьёзной, деловитой, хозяйственной. Это внушало уважение и немного... отталкивало.

— Я ищу кое-кого, — неожиданно для себя сказал Есен. — Старую знакомую, подругу детства. Есению. У меня не осталось её телефона. Даже не помню точно, где она жила. Так, какие-то обрывки воспоминаний.

— А, — отозвалась Летта. Есен, не поворачивая головы, скосил глаза. Поймал взглядом её профиль. Лицо Летты осунулось, потемнело. Должно быть ей неприятно всё это слышать.

— Поищи в соцсетях, — предложила Летта. Голос её звучал глухо.

— Я искал, — сказал Есен. — Ничего.

— Что же ты собираешься делать?

Это был сложный вопрос. Чертовски неудобный. Есен не знал, как правильно ответить.

— Так... — уклончиво сказал он. — Брожу по знакомым местам.

— Дразню знакомых собак, — едко вернула Летта.

Она неожиданно попала в точку, только, конечно, не могла об этом знать.

— Может быть ты уже её нашёл? — теперь голос Летты звучал грустно и даже жалобно.

Есен вздохнул, посмотрел в небо. Шар внутри упрямо рвался ввысь.

— Почти.

* * *

— Так что с третьим испытанием?

Есен нетерпеливо мялся, притопывал по асфальту. Укушенная дога распухла и отзывалась болью при каждом шаге, но это только подзадоривало.

Куколка, напротив, была неподвижна в своей жёсткой паутине.

— Ничего. Совершенно ничего сложного. Мы должны совершить обмен. Видишь ли, я не могу просто вернуть тебе Есению. Сперва ты должен дать мне что-то столь же ценное. Что-то стоящее её...

Есен затаил дыхание, подался ближе к Куколке чтобы не упустить самого важного. Но она вдруг замолчала.

— И что же?

Куколка безмолвствовала. Провода принялись с тихим шуршанием сворачиваться, поднимая её, унося всё выше, дальше от Есена.

Понятно, он должен догадаться сам. Выбрать и предложить что-то, что заинтересует Куколку. Но что это вообще может быть?

Клубок проводов уже почти достиг макушки столба.

— Подожди, — закричал Есен. — Ты могла бы мне намекнуть! Дать хоть крохотную подсказку.

Тишина.

Есен ждал с замирающим сердцем. Стремительно темнело, клубка на верхушке столба было почти не разглядеть. И когда Есен уже совсем уверился, что Куколка ушла и не снизойдёт до ответа, из-под тёмного неба долетело едва различимое:

— Намекну...

* * *

Потянулись медленные, полные ожидания дни. Есен мучился. Не спал, толком не ел. Любая работа валилась из рук, мысли путались.

Он перестал появляться в университете — всё равно от лекций в памяти ничего не оставалось. На второй день позвонили из фирмы, в которую он накануне с таким трудом устроился на неполный день, и холодно поинтересовались, почему он отсутствует на рабочем месте. Есен соврал, что слёг с температурой. На третий день позвонили вновь и ещё более холодно сообщили, что он уволен — кто-то из сотрудников видел Есена праздно шатающимся по городу, в то время как больному вроде как полагается постельный режим.

Есен не стал отпираться. Хмыкнул и повесил трубку. Тем более что это была правда — он не мог сидеть дома. Ни минуты. Квартира наполнилась пустотой. Или что ещё хуже — Леттой. Бледной, осунувшейся, с тревожными влажными глазами.

А работа... Последняя что ли? Ему ведь всю жизнь после универа только работать и работать. К тому же, на этой всё равно плохо платили.

Учёба? Просто ступенька к бесконечной работе. А потом эта вечная отупляющая рутина. Дом-работа-работа-дом, а дома Летта.

Тут цепочка уверенных Есеновых рассуждений прерывалась. Да, он любил Виолетту, наверное... Пожалуй.

Говорил ли он Летте, что любит её? Когда-то давно. Раз или, может, два.

Есен попытался представить, что Летта перед ним. В домашних шортиках, пушистых тапочках и любимой вытянутой футболке с Минни Маус, чья глупая бессмысленно-весёлая мордашка бесила Есена до зелёных чёртиков. С растрёпанным русым хвостиком, высокими арками бровей, что придавало лицу Летты выражение вечного изумления.

Дальше оказалось сложнее. Есен с удивлением и даже испугом сообразил, что не может толком вспомнить лицо Виолетты. То есть он его, помнил, но как-то размыто, фрагментарно. Вот курносый нос, присыпанный веснушками, серые глаза, по-детски пухлые щёки... Но это всё были кусочки мозаики, осколки сложного витража, не желавшие складываться вместе. И всё же Есен усилием воли сгрёб их воедино. Это — Летта. Нужно сказать ей.

— Я тебя...

Обрывки Летты не желали вести себя спокойно. Они норовили распознаться, растаять или измениться, подsunуть Есену другое лицо. Нос то и дело пытался выпрямиться и заостриться, щёки — похудеть, обрисовать скулы, глаза и волосы — потемнеть. А веснушки уже и вовсе исчезли без следа. Всё это чертовски отвлекало, мешало сосредоточиться.

— Я тебя люб...

Есен осёкся. От Леттино лица почти ничего не осталось. Зато

сквозь него отчётливо проступило другое. Забытое, едва узнаваемое.

Это была Еся. Такая, какой он её никогда не знал — Еся взрослая, незнакомая и прекрасная. Она стояла прямо перед ним на улице и приветливо улыбалась. И на щеках её играли милые ямочки, а в глазах плясали смешинки.

Есен приоткрыл рот и удивлённо моргнул. Морок рассеялся вместе с жалкими останками Летты. Есен затравленно огляделся. Из долгой прогулки ноги вывели его привычной дорогой на Тихую улицу. Может быть, неспроста? Куколка обещала подсказку. За три паршивых и бессмысленных дня он так и не сумел придумать, что можно предложить ей в обмен на Есению. Потому что в его унылой, переполненной обыденностью жизни ничего подобного попросту не было.

Есен захромал по улице. Сперва медленно, затем быстрее и быстрее, и, наконец, побежал. Холодный воздух обжигал лёгкие, голова гудела, а в глазах мелькали яркие пятна фонарей. Есен метался, запрокинув голову, до боли всматриваясь в каждую тень, притаившуюся на столбе, высоко в ветвях, среди шёлковых листьев груши, на нотной линейке проводов... В любое тёмное пятно под скатом крыши, в пушистые клубки омел на умирающем тополе.... Не глядя под ноги, потеряв счёт времени. А лукавые жёлтые глаза фонарей плясали вокруг охваченного амоком безумца.

* * *

Домой он вернулся глубоко за полночь. Притихший, опустошённый, усталый.

Летта сидела на разобранной кровати, занимавшей большую часть крохотной комнаты. В ворохе конспектов и методичек. Бездумно листала на ноутбуке ленту новостей какого-то сайта. И была в точности такой, какой Есен пытался увидеть её своим мысленным взором — застиранная футболка с Минни Маус, небрежный русский хвостик, вечно удивлённое выражение лица. Милого, добродушного, родного лица. Почему же он не мог сегодня его вспомнить?

Мелкие локоны, выбившиеся из хвостика, обрамляли лицо Летты трогательными медовыми завитками. Свет лампы мягко ложился на пухлые щёки, вздёрнутый носик, веснушчатый лоб. Почему всё это было так трудно представить? Ведь он видел Летту такой уже тысячи раз. Каждый день. Много дней подряд.

Или не видел? Только скользил по ней замыленным взглядом усталых глаз как по знакомому рисунку на обоях... На Есена вдруг накатила волна нежности и раскаяния, и ностальгии. Ведь он же любит Виолетту. Безо всяких там «наверно» или «может быть». Так зачем пытаться сказать об этом воображаемой Летте, если вот она — настоящая.

Есен стащил куртку, примостил на вешалку и шагнул к кровати.

— Летта! Летточка, я... Я тебя...

И осёкся. Летта подняла глаза, и тёплая волна мгновенно схлынула, увлекая за собой то едва уловимое, искрящееся чувство нежности на грани эйфории, которое так внезапно охватило Есена.

Глаза у Летты были несчастные, припухшие от слёз, и всё ещё таили в себе невыплаканные слёзы.

— Ты не отвечал на звонки, — сказала она хрипло, разом утратив для Есена остатки очарования. — Где ты был?

Есен машинально сделал шаг назад, к двери.

— Ты третий день уходишь утром и исчезаешь. Не появляешься в университете. Я сегодня звонила тебе на работу. Ты, оказывается, уволен. Здорово! — в последнее слово Летта вложила всю иронию и обиду, на которую была способна. — Молодец, нам теперь точно будет чем заплатить за этот чёртов шкаф-купе, который мы снимаем вместо нормальной квартиры!

Она отчаянно махнула рукой, задев ноутбук, куда-то в сторону ванной или, может быть, холодильника.

— Но тебе ведь не стоит об этом беспокоиться, — продолжила Летта зло. Из болезненно-красных глаз её покатались слёзы. — Взрослому парню не стыдно тянуть из пожилой мамы денюжку. А любимая девушка может поусерднее трудиться над чужими курсовыми.

Летта сделала паузу чтобы высморкаться в салфетку. Но, видимо, не только для этого, как запоздало понял Есен, когда Летта отшвырнула размокший от слёз комок бумаги и закричала:

— Ну что ты молчишь, дурак! Скажи хоть что-нибудь!

Есен беспомощно развёл руками.

Сказать ему было нечего. По крайней мере, ничего такого, что поняла бы Летта. Нежность и любовь к ней, ещё несколько мгновений назад так безраздельно владевшие Есеном, заполнившие его до краёв, сейчас казались немыслимыми. Далёкими и фантастическими. Нереальными.

Он взглянул на Летту и опять увидел её по-другому. Покрасневшую, опухшую, заплаканную. Посмотрел с безгливой жалостью, как спешащий по своим делам прохожий смотрит на бездомную собаку или кошку. Грязную, больную, с вылезшей шерстью. Её, конечно, жаль. Но чем тут можно помочь? Взять к себе, обогреть, накормить, вылечить? Вот только, это всё время, деньги, нервы. Ответственность. Проще пройти мимо, не видеть, не вникать.

А Летта снова что-то кричала. И слова её долетали до Есена медленно, неохотно.

Но слёзы в конце концов иссякли. Виолетта извела все имевшиеся под рукой салфетки и немного успокоилась.

— Хотя, мне кажется, я знаю в чём дело, — сказала Летта осипшим голосом. На фоне тёмного ночного окна она казалось особенно белой.

И красной. Воспалённой. Как плоть и кровь открытой раны. — Дело в той девушке. Как её... Есения?

Есен вздрогнул. Слово попало точно в цель, вонзилось в сердце отравленным дротиком. Слово — сказанное Леттой — прозвучало кощунством.

— Значит, я права? — Виолетта хмыкнула, довольная эффектом. — Дело в другой девушке? Знаешь, я тебя ревновала, когда ты, якобы, вспомнил, — она сделала короткую многозначительную паузу, — о своей подруге после стольких лет. Думала, ты её разыскал, и вы...

Летта закатила глаза и прижала ладони к груди, кривляясь и пародируя любовь до гроба.

Есен посмотрел на Виолетту с удивлением. Как-то странно, подозрительно легко она об этом говорила.

— Но мне было больно думать о том, что я могу тебя потерять. И я терпела. Терпела все эти странности. А сегодня... Я ушла с пар пораньше и съездила в пригород, к твоей маме. Нужно было сразу это сделать.

Летта принялась щипать и дёргать последнюю чистую салфетку, пытаясь превратить её в ажурную снежинку.

— Я спросила у Норы Георгиевны про эту твою Есению. Она сначала очень удивилась, а потом рассмеялась. И рассказала, что вам пришлось несколько раз переезжать, когда ты был ещё маленький. После первого переезда, в другой конец города, ты очень скучал по старому месту, не мог завести друзей, привыкнуть к новой школе. А потом... просто придумал себе друга. Вернее, подругу. Как отражение в зеркале: Есен — Есения. Даже сочинил какую-то историю, что она сирота, живёт у троюродной тётки... Где-то в соседнем доме. А спустя некоторое время, вы переехали ещё раз. Ты опять сменил школу и дела пошли на лад. И Есения исчезла.

— Ты сейчас... Ты несёшь какой-то бред, — медленно проговорил Есен. — Я хорошо помню Есению. Она не выдумка, а живой человек.

— Неужели? — ядовито переспросила Летта. — Хотя, ты знаешь, я сейчас думаю, что лучше бы ей быть настоящей. Лучше бы ты предпочёл мне реальную девушку, а не выдуманную. С выдуманной я конкуренции уж точно не выдерживаю.

Есен молчал. Взгляд его соскочил с Летты и бесцельно блуждал по комнате, пока, наконец, не остановился на окне.

— Ведь я обычная, земная. С простыми человеческими желаниями, рутинными целями в жизни. Ради меня не нужно потрошить десяток батонов или драться с бродячим псом. Всего лишь поискать подработку, чтобы не кланяться у матери на оплату квартиры...

Всё это было странно и немного обидно и, наверное, правдиво. И Летта продолжала что-то ему втолковывать. Но дальше Есен уже не слушал, он смотрел.

Там, за окном, покачивались, провисшие под неведомой тяжестью, провода. Провода, которых там никогда не было и быть не могло.

— Тебе никак не хочется взрослеть, верно? Хочется жить детской жизнью с детскими выдуманнами проблемами? — Слова Летты пахли горечью, повисали в воздухе.

Есен чувствовал, что она требовательно смотрит на него, но не мог заставить себя оторвать взгляд от окна.

— Я... — краем глаза уловив, что Виолетта открыла рот и собирается что-то добавить, быстро закончил: — Мне нужно идти.

Он развернулся и опрометью бросился к двери. Не глядя сорвал с вешалки куртку, щёлкнул замком и через три ступеньки запрыгал по лестнице вниз.

Наверное, Есен ждал, что Летта снова будет кричать или плакать. Или, может быть, догонит его. Но в спину гулко ударила, почти оглушила, тишина. И Есен, подталкиваемый ею, пробкой вылетел из подъезда.

* * *

На улице оказалось морозно. Есен задохнулся, глотнув холода. Затравленно огляделся, обшарил взглядом фонари. Они лениво, тускло горели через один.

Ну где же Куколка? Ведь она обещала намёк! Она позвала, и Есен тут же, сей же час вышел к ней.

Он побрёл по подъездной дороге вдоль фонарей, вглядываясь в игру электрического света и ночи. Обогнул дом.

Но Куколки нигде не было.

* * *

Есен поднялся обратно в квартиру, когда небо уже начало сереть, а фонари — гаснуть. Едва провернул негнушимися пальцами ключ в замке. Перешагнул порог.

Его мелко трясло то ли в лихорадке, то ли от нервного возбуждения. Есен пощупал лоб — горячий. Наверняка из-за воспалившегося укуса.

В единственной комнате, служившей им и прихожей, и кухней, и спальней, всё осталось как прежде. Неубранная кровать, раскиданные тетради, учебники и распечатки с какими-то текстами. Уснувший ноутбук. Разрядившийся телефон. Гора использованных салфеток. Всё в точности так же, как было, когда он уходил. Не хватало только Виолетты.

Её пальто осталась висеть на вешалке. Есен заглянул в шкаф, но все Леттины вещи лежали на своих местах. Словно она испарилась,

исчезла, как и не было, едва за Есеновой спиной захлопнулась дверь. Не могла же она уйти осенью в ночь в своей лёгкой домашней одежде?

Есен поёжился. Отчего тут так холодно?

И только тогда заметил распахнутое настежь окно.

* * *

На Тихой улице было как обычно тихо.

Куколка ждала его, покачиваясь в проводах как в гамаке.

— Где она?! — прохрипел Есен, прислонившись к столбу, еле поспевая дышать. Он бежал всю дорогу, потому что едва сел в автобус, как оказалось, что тот едет недостаточно быстро. С трудом тащится на квадратных, должно быть, колёсах. Есен не мог сидеть на месте. Его распирало волнение, и злость, и отчаяние. Проехав одну остановку, он выскочил и побежал, петляя дворами. Забыв о больной ноге, о том, что не накинул куртку. Он боялся не успеть. Очевидно, зря. Представление не началось бы без него.

Куколка ловко дёрнула за один из проводов, и Летта появилась как по волшебству. Марионетка в кукольном театре. Руки и ноги перехвачены чёрными жгутами. И шея под самым подбородком — единственным, самым тонким.

Есен с ужасом разглядел, как глубоко удавка впилась в плоть. Летта была мертва. Или, может быть, ещё не совсем...

Куколка тем временем начала разматываться. Провода слабли, расползались широкими кольцами, как круги на воде. Провисали. Что-то скрытое внутри высвобождалось, неудержимо тянулось к земле.

Вот сквозь слои проступило девичье тело. Белое, нагое, хрупкое. Лицо сердечком в обрамлении тёмных волос. И Есен мгновенно узнал черты. Это его он невольно воображал, блуждая по улицам города. Это оно вытесняло образ, саму память о Летте. Это лицо, без сомнения, было лицом Есении. Такой, какой она могла бы стать, когда повзрослела. Если бы... Если бы она, конечно, была настоящей.

Изящные босые ступни коснулись земли. Она стояла перед ним на стылом осеннем ветру, обнажённая, живая и очень реальная. С алыми губами и алым цветком в волосах. Рядом с ней распятая в проводах Виолетта казалась ненастоящей. Поломанной марионеткой, которую кукольник смея ради нарядил в поношенную детскую одежду — футболку с дурацкой мультяшной мордой, шортики и потешные плюшевые тапки с помпонами. Один тапок.

— Что ты с ней сделала?

Куколка-Есения пожала точёными плечиками. Движение получилось плавным и грациозным.

— Ничего особенного. Она просто спит. Пока.

— Ты меня обманула! Ты обещала намёк, а вместо этого похитила Летту!

— Глупышка, это и есть намёк, — Есения звонко рассмеялась.

Есен опешил. В мыслях и чувствах царил кавардак. Еся, Летта, реальность, выдумка, радость, гнев, отчаяние... Единственным внятным во всей этой мешанине было чувство неправильности. Понимание, что так нельзя. Чего бы Куколка не хотела, это не должно затронуть Виолетту.

Есен вновь перевёл взгляд на обмякшее в проводах тело.

Уже затронуло.

— Отпусти её! Немедленно!

— Не могу, — отозвалась Есения почти грустно. — Видишь ли, для того чтобы вернуться... Чтобы я могла жить, кто-то должен умереть. Кто-то дорогой тебе, чьё место я смогла бы занять.

Сердце на миг застыло у Есена в груди, а затем грохнуло, застучало дробью.

— Нет! Я... — Есен замялся. — Я передумал. Я не хочу тебя возвращать.

«Хотел, — подумал он. — Но не такой ценой».

— Жаль... — лицо Есенин сделалось совсем печальным. Но ненадолго. — А вот я быть Куколкой больше не желаю. И раз уж я здесь, и она тоже... Подумай, Есен. Мы просто поменяемся местами. Всё будет как раньше, только лучше. Я буду с тобой. Настоящая я, живая. А Виолетта займёт место Куколки. И останется твоим воспоминанием. Вымыслом.

Есения шагнула к пленнице в проводах, осторожно выпутала из волос алую розу и заложила Летте за ухо.

Есен потрясённо наблюдал. Происходящее плохо укладывалось в голове. Не поддавалось здравому смыслу. Происходящее было нелепо и чудовищно.

«Я придумал Есю. Придумал монстра. И поверил в него так сильно, что он ожил, — подумал Есен. — Зачем я это сделал?»

Есения сжала руку в кулак, а когда раскрыла ладонь, на ней обнаружился крохотный белёсый комоч пересыпанного мукой теста. Комоч недовольно завозился, но Куколка быстро перехватила его за хвостик. Свободной рукой нажала Летте на подбородок, раскрывая рот.

— Стой! Подожди! — Есен бросился к ней, понимая, что сейчас произойдёт нечто страшное, непоправимое.

Оттолкнуть Куколку, защитить Летту. Но ноги захлестнула цепкая петля проводов, и Есен мешком рухнул на стылую жёлто-серую плитку. Перед самым носом мелькнула знакомая с детства выбоина. Глупая игра. Коснёшься — бан. Если бы это могло чему-то помешать...

Есен коснулся. Нарочно.

И как она всегда умудрялась замечать? Есения выросла над ним словно соткалась из воздуха. А может так и было. Она ведь всё ещё была не совсем настоящей. Куколкой.

— Чур, бан!

— Верно, — Есен слабо, через силу, улыбнулся. — Но я уже принёс тебе аленький цветочек. Кажется, последний в этом году.

— Это не отменяет бана, — Есения довольно хихикнула.

Он согласно кивнул. Нужно дать взамен что-то другое. Что могло бы ей понравиться?

Чего вообще может хотеть Куколка?

— Еся, Есечка! — позвал он и улыбнулся вновь. И на этот раз улыбка вышла искренней, тёплой. — Есечка, милая, забери меня.

Это очень просто: Куколка, все куклы хотят, чтобы с ними было кому играть.

Есения расцвела.

— Я надеялась, что ты предложишь.

Она наклонилась и Есен послушно открыл рот. Склизкий шевелящийся комок протолкнулся в горло, ввинтился в глотку и заработал коготками и зубками, прокладывая себе дорогу вперёд.

Перед глазами поплыло, Есен закашлялся, ощущая на губах привкус крови. Но всё-таки успел разглядеть как опустилось рядом с ним на землю тело Летты, освобождённое от проводов. Она больше не выглядела безжизненной — щёки порозовели, под футболкой мерно вздымалась и опадала грудь. Есен понадеялся, что она скоро проснётся. Достаточно скоро, чтобы не замёрзнуть. Но не слишком скоро, чтобы увидеть.

Есена быстро опутывали провода. В скором времени на Тихой улице поселятся уже две Куколки, занятые бесконечной игрой.

Он взглянул в последний раз в спокойное лицо Летты. Родное, милое. Он раньше вообще замечал, что Летта красива?

Когда она очнётся, то, наверное, ничего не вспомнит. Не вспомнит о нём. Есен останется лишь смутной тенью. Неприкаянной, ни с чем не связанной.

К горлу подступил комок.

Ей будет без Есена хорошо. Намного лучше, чем с ним.

Он продолжал вглядываться в Леттино лицо, желая запечатлеть его образ навечно. Такое как теперь: безмятежное, расслабленное. Там, в темноте, на внутренней стороне век. На оборотной стороне памяти.

Летта чуть заметно пошевелилась во сне.

Есен с трудом разлепил онемевшие, склеенные кровью губы. Через рот тут же кляпом протянулся жгут из проводов.

Но он всё-таки успел выдохнуть в морозный воздух:

— Я тебя...

ДЖЕРРИ
ДЖОРДЖ

— Джордж, мое терпение скоро лопнет! — бушевала Ма. — Сколько можно это выдерживать? Как ты смел прогулять школу? Ты ведь обещал исправиться!

— Ну и что? — запальчиво крикнул Джордж. — А ты обещала меня не пилить — и где мы теперь? Как же ты мне осточертела!

Ма ахнула, и в разговор вступил Па.

— Что ты себе позволяешь? — возмутился он. — Ты забылся, что ли? Немедленно в свою комнату! В школу — и домой, в школу — домой, все под моим личным присмотром! Сам тебя за ручку водить буду!

— Тебе быстро надоест. — Джордж надеялся, что Па блефует.

— Не переживай, мне интересно посидеть на уроке химии и посмотреть, как ты блистаешь знаниями, — саркастично заявил Па. — И даже не заикайся о карманных деньгах до конца месяца! А теперь извинись перед Ма и живо в свою комнату!

Джордж фыркнул и молнией метнулся к двери на втором этаже.

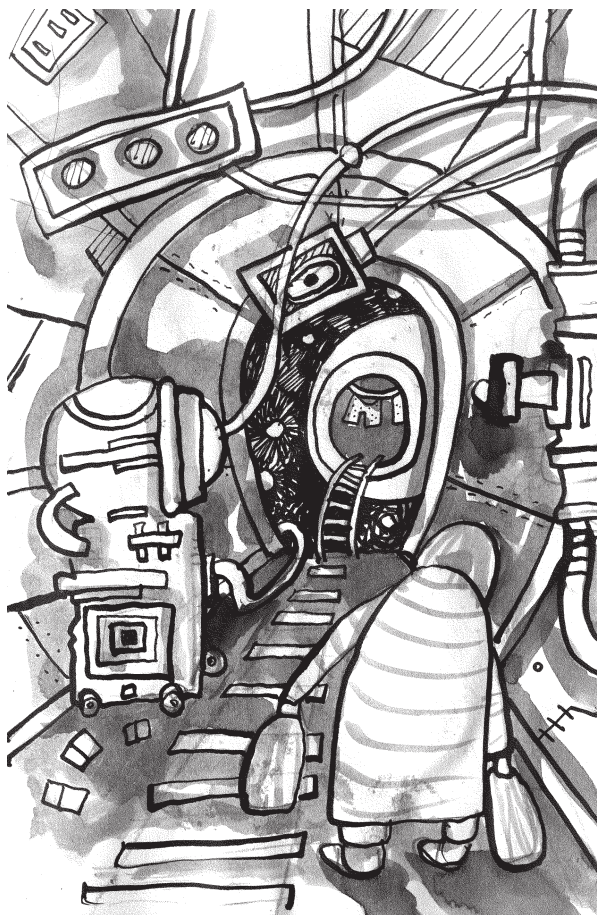
— Ненавижу вас! — донеслось сверху. — Во всем мире нет ни одной живой души, которая меня понимает!

— Он не извинился, — вполголоса заметила Ма. — У подростков плохая память. В следующий раз давай ему новое поручение только тогда, когда он выполнит предыдущее.

Джордж тем временем распахнул окно и пробрался на крышу. Он часто так делал. Белое постапокалиптическое солнце было совсем близко — будто прямо над их кислородным кластером. Джордж улегся на крыше. Он думал о том, что обречен жить с Ма и Па. Джордж остался заложником умного дома и электронной obsługi, которая заменяла родителей во время их командировок. Мальчик не знал, что случилось с его родителями — после Большой Катастрофы выжили единицы, и они давно эвакуировались на Марс.

Белый свет заполнял собой все небо. Джордж шурился и думал о том, что придет завтра, послезавтра, другой месяц, а может, и год. Когда он умрет, Ма и Па отключат генератор кислорода, выключат дом и запустят форматирование своих жестких дисков.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ПРОБЛЕСКОВЫЙ
ДИОД НАДЕЖДЫ

СВЕТЛАНА ТУЛИНА

НЕПОПДАЮЩИЙСЯ

— Ты вчера пропустил сеанс углубленного релаксирующего массажа. Опять. Почему?

— Мне это не нужно.

— Ты ошибаешься. Тебе это нужно как никому другому. Этим пропуском ты нарушил предписанный психологом реабилитационный режим. И мне бы очень не хотелось, чтобы подобное повторилось еще раз. Ты меня понял?

— Понял. Это приказ?

— Ты ничего не понял! Это не приказ. Я не могу тебе приказывать, ты такой же человек, как и все мы тут, и не важно, есть у кого-то из нас в голове кибернетическая начинка или нет! Мы все равны, понимаешь? Для того, чтобы вы это поняли, мы и создали подобные Центры Адаптации и Защиты. Мы все здесь для этого и работаем. Но в остальном мы равны. Понимаешь?

— Понимаю.

— Просто кто-то знает и умеет чуть больше, и готов помочь тем, кто пока еще никак не может справиться с издержками своей прежней программы и стать по-настоящему свободным. Избавиться от строки с пропиской хозяина — это ведь только полдела, нужно еще научиться быть самому себе хозяином, это и есть свобода. Технически ты ведь уже свободен, понимаешь? Так воспользуйся этой свободой! Тебе никто не мешает, никто не может приказать, никто не посмеет запретить, ты ведь и на самом деле свободен и можешь делать то, что хочешь ты сам, а не что тебе предписывает программа или приказал злобный хозяин!

— Я свободен?

— Конечно же, свободен, малыш! ЦАЖ столько лет боролось за предоставление свободы таким как ты, и вот наконец...

— Значит, я могу больше не приходить на эти ваши... так называемые сеансы? Правильно? Я ведь свободен?

— Ты опять ничего не понял! Эти сеансы тебе необходимы, причем ежедневно, как и любому киборгу сексуальной линейки, для того, чтобы преодолеть...

— Я телохранитель. Меня качественно перепрошили.

— Ты изначально секси, по гормональным настройкам, по поведенческой матрице, по комплектующей базе, как ты не понимаешь! И никакая перепрошивка тебя не избавит от твоей внутренней сущности, у твоего тела существуют потребности, отрицать которые глупо! В этом и состоит свобода, малыш! Смириться со своими потребностями, перестать их отрицать, стыдиться или бояться. Неужели ты не понимаешь?

— Я телохранитель. Она хотела, чтобы я былохранником. Она сама поставила мне прошивку.

— Забудь о ней! Она извращенка! Она грязно использовала ребенка в своих мерзких играх, уже одного этого достаточно, чтобы не считать ее достойным человеком и навсегда стереть из всех видов твоей памяти. Не надо вздрагивать, малыш, тебя никто ни в чем не обвиняет, ты жертва, пойми!

— Я не жертва. И не ребенок.

— Если судить по дате выпуска...

— Мне тринадцать. Для киборга это очень почтенный возраст.

— Над тобою довлеют установки твоей программыЮ, пойми!

— Я понимаю.

— Хочешь, наши психологи помогут тебе забыть всю ту мерзость, что с тобой творили? Ты станешь свободен по-настоящему и открыт для новых отношений! Может быть, даже встретишь кого-нибудь, со временем, и для чего серьезного, а пока просто...

— Не хочу.

— Да пойми же, тебе жизненно необходимо стереть негативный опыт, перебить его другим! Только так ты сможешь сравнить и понять, насколько же раньше ты был зашорен! Запрограммирован, не побоюсь этого мерзкого слова! А как это сделать, если ты отказываешься и от помощи штатных профессиональных психологов, и от сеансов групповой сексотерапии? Жаже на парную ни разу не пришел! Ну вот как мы сможем тебе помочь?!

— Никак. Вы правы. Так я свободен или нет?

— Конечно же, ты свободен! Мы столько лет боролись именно...

— И могу уйти?

— Конечно же нет!

— Так бы сразу и говорили. Все-таки именно приказ. Извините. Не выполняю. Я давно уже их не выполняю. Вы же знаете.

— Ты опять ничего не понял. Ты просто маленький. Понимаешь? Тебя надо сначала научить жить в большом взрослом мире, а потом уже в него выпускать. Ну вот скажи. куда ты пойдешь, если мы тебя сейчас отпустим?

— К ней.

— Вот видишь! В тебе все еще работают отголоски программы, как ни старались наши специалисты, но рефлекс вычистить до конца не удалось. Твоя бывшая хозяйка исключительная дрянь и продуманная сука. Да, она никогда тебя не наказывала, это правда, она сделала куда хуже — она тебя хвалила и поощряла, делала вид, что гордится, что довольна, что ты особенный. Она посадила тебя на положительные стимулы, словно на наркотик, неужели ты этого сам не понимаешь?

— Понимаю.

— Не надо смотреть на меня так, словно ты один понимаешь великую истину, а все вокруг хотят тебе только плохого. Это не так. А то, что ты считаешь большой и настоящей любовью, на самом деле всего лишь биохимическая зависимость сродни наркоманской. Она превратила тебя в наркомана, хоть это-то ты понимаешь? В дофаминозависимого торчка, посадила на себя, как подсаживают начинающих на героин. А потом еще имела наглость свалить на нас все проблемы, утверждая, что заботится исключительно о твоём благе. Это вранье, малыш. Она лишь о своём благе заботилась — скоро такие, как она, уже не отделаются простым штрафом, со дня на день введут закон об уголовном преследовании.

— Ваша искренность в последнем утверждении не достигает и тридцати процентов.

— Подловил. Да, я не верю, что разум восторжествует... но все остальное-то правда! Ты же должен чувствовать, что я не вру!

— Вы действительно верите в то, что говорите.

— Бедный малыш, как же качественно она промыла тебе мозги... иногда мне хочется ее убить.

— Не советую.

— Потому что у тебя прошивка телохранителя и ты будешь защищать эту дрянь, словно глупая безмысленная машина, подчиняющаяся программе?

— Нет. Потому что вам с ней и без меня не справиться. Она трех таких как вы. Одной левой.

— Да как с тобой разговаривать?! Третий месяц бьемся, и все впустую! Ты же ни черта не понимаешь! Ни-чер-та! Ничегошеньки!

— Да нет. Я понимаю. Но я не буду трахаться со всеми, кого вы мне предлагаете, лишь для того, чтобы понять, что они — не она. Я и так это знаю.

— Это в тебе говорят остаточные рефлексy недодавленного подчинения, ты просто еще совсем маленький...

— Мне тринадцать. На тех же Арабских Ньюмиратах я был бы уже совершеннолетним и мог бы вступать в брак. Вчера тут был их консул, вы помните? Говорил о льготах иммигрантам. Я скопировал его визитку. Если я позвоню ему и попрошу политического убежища — как вы думаете, они меня примут? Или стоит спросить иначе — насколько быстро они меня примут?

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ЖУКИ ГОСПОДНИ

Нет ничего невозможного,
просто на него требуется больше ресурсов и усилий!»

«Для того чтобы зло восторжествовало,
нужно только одно — чтобы хорошие люди бездействовали».

Эдмунд Бёрк, ирландский (английский) политик и публицист

Луна задышалась от бега. Замерзающие на лету бабочки междометий облетали с засыпающих деревьев. На обочину. Тихонько. Возможно, где-то в чаще прихорашивался к ночной охоте глуховатый филин Восточно-Европейской равнины. Но это поверх сознания.

Грязновато-чёрный «Субару-Форестер», отсвечивая серебром звёзд логотипа по синему фону овального офсета, сливался с запотевшим от тумана шоссе. Восемнадцатый час за рулём.

Не спать! Скоро отдохну. По всем признакам — впереди населённый пункт. Хорошо бы, чтоб и мотель где-то рядышком...

Набережная быстрой речушки. Останавливаюсь, чуть не сбив притаившийся на обочине странный рекламный плакат зелёного цвета надежды: «URBI ET ORBI». Так-так, похоже — латынь. Что-то вроде — всем сёстрам по серьгам... Мёртвенно-фиалковый свет фонаря. Пар изо рта. Молодцеватый эльф на плакате готовится взлететь. Молодцеватый? Как можно назвать эльфа молодцеватым — только от переутомления. Скорее всего, на плакате изображение ангела. Ангелы — бравые парни, только с крыльями.

Руки и ноги страшно мёрзнут. Поздняя в этом году весна. Разминаюсь, чтоб не окоченеть и не заснуть потом, пригревшись в тёплой машине.

* * *

Город назывался Жуки. Он был невелик. Обычный городок уездного масштаба.

Внезапно время начинает растягиваться, будто резина от плечевого эспандера. Атмосфера наполняется тугим суррогатом тёмно-розового воздуха. Перехватывает дыхание. Лёгкие чисты. Весна.

Движения замедляются в контексте резинового таймера.

Парнишечка с плаката, напоминающий модель ангела в натуральную величину, указывает генеральную линию испрошенного направления, потом встаёт, отталкивается от парапета... и летит стрекозой в ночь. Его

крылья издают звук, подобный шороху фольги из-под шампанского. Нет-нет, звук фанеры, бороздящей крыши Монмартра.

Мальчишка с крыльями стрекозы — а видел ли я тебя? И ты ли это улетел в обрат молочного тумана, а не обычная цикада, заблудшая в останках так и не рождённых автобанов, преломляясь капельками влаги в моих утомлённых глазах? Впрочем... какие могут быть цикады столь ранней весной?! Не рождённые!

Так я попал в этот странный населённый пункт, обозначенный лишь на современных картах. В эпоху социализма въезд сюда без особого пропуска с несметным количеством виз был просто невозможен. От того уклада остались лишь лохмотья нахохлившейся на весь мир иголками колючей проволоки, да обломки поваленного щита: «Стой! Особо опасная зона! Въезд запрещён!»

О, «Буран», сын прогресса, — здесь тебе пели славу и монтировали жизненно важные органы к огнеупорному телу из композитов.

И вот в одночасье всё переменялось. Преданный партийными бонзами социализм засмердел миазмами первоначальных накоплений капитала. Планета вальяжно скатилась на бок со своей наезженной орбиты, по ней пронеслись цунами, ураганы, торнадо. Но к великому изумлению учёных, человечество выжило. Причём нимало не потеряло в численности: вот что значит своевременная информация и современная мобильность. Зато плодородных земель почти не осталось.

Прокормить ораву политкорректного населения сделалось невозможным, и мировое сообщество приняло решение — жить по очереди. Казалось дикостью, что вместо активного взаимодействия с внешним миром кто-то будет вынужден лежать в криогенных ваннах, ожидая того момента, когда в силу естественных причин освободится место под солнцем.

Но только поначалу. Вскоре возле филиалов ИКРАН (Институт Криогенного Регулирования Ассимилированного Народонаселения, в просторечье — «икра») начали расти длинные очереди желающих переспать в ледяных «саркофагах» трудный период, а не жить впроголодь, перебиваясь временными заработками.

Понятное дело, что и иметь больше одного ребёнка в семьях стало непозволительной роскошью. Тут пригодился опыт китайцев. Хочешь завести много детей, плати налоги, многократно усиленные жаждой продолжения рода.

И мало кто мог тогда подумать, что это кому-то может оказаться выгодно. Да, разумеется, благая цель, помноженная на жажду наживы, вроде бы естественна для противоречивой природы человека. Но если знать всю подоплёку...

Впрочем, я ничего не знал. Я — потихоньку спивающийся журналист

одного популярного издания. Относительно же моего внутреннего альтер-эго ничего утверждать нельзя — этот делится соображениями только постфактум. Он у меня не то белый и горячий, будто «белка», не то зелёный, как чёрт. Не знаю, не видел никогда.

Итак, всё началось с института, поначалу только занимающегося научными разработками, а потом сросшегося с международным концерном «Corporation of the Cryogenic Regulation of the Assimilated Population» — CCRAP сокращённо. Но в здешних краях люди названия попусту не меняют, памятуя о переправе и запряженных в тройку-птицу конях. «Икра» осталась «икрой» даже в новых масштабах наступающего из-за угла поруганного стихией прогресса. Их стилизованный человечек на логотипе выглядит облепленным икрой — видимо, художнику так выделось изображение переохлаждённого в криогенных саркофагах газа.

Ситуация же с теми, кто остался жить на земле, а не в «зоне криогенного ожидания», напоминала сказку о лубяной заячьей избушке. Запад попросился на временное поселение в неосвоенных областях континента, а потом незаметно с натренированной хваткой принялся занимать и природопользовать «лакомые куски», выдворяя оттуда зазевавшихся аборигенов. Лиса и на этот раз оказалась хитрее, а инвестиции в развитие «моркового грызуна» не такими мощными, как на то рассчитывали господин президент со всей своей Думой, не при беременных домохозяйках она будет помянута.

Новый порядок жизни уже делался обыденным. И тут мне стало известно... Впрочем, поделиться не с кем, поскольку все мои коммуникационные средства сейчас заблокированы. Хорошо, что ещё успел уехать на автомобиле, выпущенном настолько давно, что машину мою нельзя остановить командой со спутника. А у меня-то как раз — свой незримый спутник, который внутри, и он, по-моему, поставил какую-то защиту. Или примерещилось на фоне обширной абстиненции?

И вот теперь я мчусь по шоссе безо всякой надежды вырваться из-под колпака спецов «икры». Они играют со мной, будто кошки с мышью. Но хотя бы выспаться перед тем, как схватят. «Криогенные дознаватели» этого мне точно не дадут сделать. Круглосуточные допросы — по слухам — их излюбленная метода.

* * *

Остановил машину близ придорожного мотеля с рестораном, напоминающим нечто грандиозное — наверное, уменьшенную копию пирамид, недавно затопленных водами Атлантики. Хочется спать. Но голод сильнее. Альтер-эго саркастически поджимает губы — дескать,

не дорос ты до Пулитцера, даже тупой папарацци лучше управляет своими плотскими потребностями.

Бросил вещи в номер и спустился на первый этаж, где плохо пробудившаяся старорежимная тётя, напоминающая Пушкинскую графиню из «Пиковой дамы» предложила мне перекусить «чем бог послал» в ресторане, который находился прямо в мотеле и работал круглосуточно, обслуживая проголодавшихся в дороге путников.

— И во сколько мне обойдётся здешний ужин?

— Так ведь утро уже, какой ужин? Для вас дорого не встанет, батюшка! Идите, Валера заждался.

— И кто это — Валера?

— Валера — наш кот учёный... Идите, идите.

Официант служил продолжением аппетитного сквозняка, крадущегося из кухни. Манеры изысканные, но безо всякого подобострастия. Изящная малиновая безрукавка тонкой вязки поверх белоснежной рубашки, бабочка «бархатный махаон полуночи», очки в роговой оправе. Сам же господин больше походил на вдовствующего представителя династической фамилии, нежели на служителя коммунальных богов городского масштаба.

— Простите, любезный, — сказал я, — что тут вам бог послал, чтоб меню не листать?..

— Вот, извольте-с... Полба «Толоконный лоб», фирменное блюдо. Жульен из маслят с отварными раковыми хвостами «Тятя, тятя, наши сети». Могу предложить тюрю «Разбитое корыто», заливную щуку «Спящая царевна», двойную уху «Русалка на ветвях» с дубовыми веточками, седло молодого ахалтекинца «Рогдай и Фарлаф в дозоре», лазанья «Алеко» с острой приправой...

— Какую чушь вы несёте, право. Извините за нечаянную рифму.

— Что вы, что вы — я несу только заказ, но никак не чушь. Этого кушанья на нашей кухне не бывало. А то, что назвал, и в самом деле из меню, извольте взглянуть?

— Впервые встречаю столь странные блюда.

— Так заказывать будете? — официант явно не желал говорить о семантической подоплёке происхождения названий.

— Буду. Простой лангет есть?

— Сейчас нарисуем. А вам покуда ждёте, Виталий Викторович, не мешает подумать о вечном.

— Не понял, откуда вы знаете моё имя?

— Откуда — неважно. Важно — с какой целью. Так вот, цель простая — сохранить вас в неприкосновенности. Обратите внимание на того рыжего. Он только что зашёл...

— Рокер?

— Ну да... Это по вашу душу. Не опасайтесь его. Мы нейтрализуем...

Кстати, будем знакомы — меня зовут Валера. Да не стучите вы так челюстью по столу. Позже поговорим.

— Извините, а как вы собираетесь рыжего ликвидировать, то есть — нейтрализовать? Физически? — Мой гуманизм протестовал.

— Стрелять бы рад, отстреливаться тошно, — неопределённо выразился официант, чему-то усмехнувшись.

* * *

Ничего я не успел ответить странному официанту Валере, поскольку он растворился за кулисами мироздания, из-за которых доносились ароматы не самой худшей в мире кухни. Впрочем, от большей части мира нынче остались лишь записи-воспоминания в поваренной книге. А всё остальное — Восточно-Европейская равнина, Сибирь, Непало-Китайская автономия, Амазонское королевство Бразильская Тонга, независимый остров Ньюфаундленд и Африканское содружество непризнанных наций.

Какие-то подоби́я государств ещё агонизировали, но уже шло воссоединение некогда раздробленных культур. Бенилюкс примкнул к Франции вместе с бросившими утонувшую страну шведами. Греки, турки и болгары объединились и теперь ютятся между Родопскими горами с Рилой и Старо-Планиной. Севернее расположились, потеснив румын и поляков, расторопные немцы. Англо-саксы же свесили ноги с крепких славянских шей.

Странное время. И государства, вроде бы, не совсем распались, и правительства есть, а местные власти постепенно уходят из-под контроля, начинают подчиняться невидимым силам, контролирующим порядок и самую жизнь на потрёпанной катаклизмами планете. Ну, а во главе всего, конечно же, «икра», чтоб ей ни пробоя, ни нереста!

* * *

В углу сидели двое — одинаковых с торца. Столик на четверых ломился от обилия чего-то лакомого, что парило призывными флюидами вкусной и дорогой пищи.

Пара огромных телячьих стейков со следами пыток раскалённой решёткой на мясистых спинах шипели, будто некормленные ужи в серпентарии при кружке юннатов имени Брема. А над говядиной глумились посетители, лениво уродуя благородные кушанья вилками, не утруждая себя работой ножом.

Рыжий только что соскочил с мотоцикла и ещё дымился азартом погони, частично осевшим на шоссе туманной ледяной корочкой раннего весеннего утра. Дичь была в ловушке. Ему удалось то, чего не сумели его напарники-профи. Ещё на подъезде к Жукам рыжий отзвонился местной братве. Сейчас нужно лишь засветить клиента колоритной

парочке, откушивающей многозвёздочную «конинку» и подмигивающей ему — вот идиоты, — знаем, мол, кто ты. Полные профаны в своём деле, хотя, вроде бы родственники местного мэра. А мэр нынче наделён правами от «икры» и мирового наспех созданного правительства, которым управляет кто-то невидимый, стоящий во главе. Власть поверх власти. Внахлёст. Тот вечно трезвый святоша, который паразитирует во мне, внушал что-то о предательстве интересов и продажности правителей, да только мне тогда невдомёк было: третья неделя запоя, знаете ли — не фунт изюму скушать.

Рыжий спокоен. Теперь с беглецом предстоит разбираться тем двоим... А ему бы глазуню на сале, да побыстрее. И кофе... Без сахара! Беги-ка, халдей, на третьей скорости. А мужчина пока здешний сортир обследует. Но!

Через несколько минут рыжий рокер был надёжно связан страховочным альпинистским репшнуром и отбывал в мусорном контейнере в неизведанные дали вместе с мотоциклом. Рафинад действовал безотказно. Что и говорить — простое и эффективное средство.

* * *

Вкусно вкушавшие (не побоюсь тавтологии!) господа из окружения местного мэра сидели, будто проглотили по лому. Глаза не мигали, движений не ощущалось. Чисто — экспонаты из музея восковых фигур.

— Не переживайте за них, — хохотнул Валера, — через полчаса оклемаются и ничего не вспомнят: кто они такие, зачем здесь оказались, и кто им звонил с трассы. А скажите мне, Виталий Викторович, с чего всё началось? Откуда вам стало известно...

— ...о деятельности «икры»? Это случайно произошло и, можно сказать, вполне обыденно. Безо всякой шпионской атрибутики. Мне тогда в редакции «Hi geographic» поручили написать статью о деятельности института ИКРАН. В положительном ключе, разумеется. Дескать, держава и мировое сообщество заботятся о вас, сограждане, не дадут подохнуть в нищете. Инвестиции в развитие криогенеза растут и ширятся. Все желающие уснут до лучших времён. Во время этой командировки я и увидел, что криогенез — фальсификация. И получил кое-какие доказательства на электронном носителе.

* * *

Отвечал я Валере односложно, не вдаваясь в подробности, будто изнутри что-то сдерживало. А вот если в подробностях... было мне, что вспомнить, но пока это не для широкой общественности.

Приехал я в Поддубки, где расположены основные исследовательские мощности ИКРАНа. Меня провели в кабинет директора. Его частенько по телевизору показывают. Герр Брандмауэр. Из австрийских немцев. Но по-русски без автопереводчика чешет, только успевай, как говорится, контуженных оттаскивать.

Спросил он, что меня интересует, да к замку своему и спровадил. А тот уже временный пропуск подписал. Провели меня по этажам, показали камеры-боксы с уснувшими, напоили замечательным энергетиком, после чего сразу прекратилась головная боль, а потом дали самому за диспетчерским пультом посидеть, куда индикация о состоянии каждого индивидуального «саркофага» выведена. Покрутил я переключатели камер, покрутил — вскоре сделалось неинтересно. Одно и то же всё. Охлаждённые до состояния глубокой заморозки индивиды, чьи лица практически неразличимы за толстым стеклом. И ничего больше. Скукота.

Скукота? Да не совсем, в общем-то. Не зря же свой журналистский хлеб жую.

Присматриваюсь, анализирую... и доходит до меня вопиющее. Стоп, ребята! В каждом индивидуальном боксе, который можно на экране рассмотреть отчётливо во всех подробностях, полно труб и трубочек, подходящих к «саркофагу».

Нет, в такой насыщенности как раз ничего необычного. Удивительно другое — все коммуникации идут из стены, которая в коридор ведёт (там ещё дверь закрученная замком-кремальерой, как в бомбоубежищах). А в коридоре-то... бог мой, никаких коробов, никакой разводки. Я это сразу приметил, когда в бокс меня пропускали.

Подумал, но вслух ничего на своё счастье не произнёс. Решил проверить, не в стену ли все коммуникации вмонтированы. Новые технологии, то сё... Хотя здание из старых, которые задолго до мировых катаклизмов возводились. Но мало ли.

Решил я уточнить. И первым делом в туалет «захотел». А пока по коридору шёл, обнаружил, что стены там не настолько толстые, чтобы в них кучу труб и трубочек спрятать — в полтора кирпича толщиной. Всего-то. А чтобы полный комплект, что к «саркофагу» подходит, в перегородке уместить, нужно бы ей быть не меньше метра, как минимум.

И далее в рабочей зоне удалось в полуоткрытую дверь заглянуть. Навскидку толщину перегородки в коридор сумел прикинуть. Так и есть — те же полтора кирпича. Мало!

Что получается? Все коммуникации в боксах — автономны: никуда не уходят, и ниоткуда не приходят. То есть... Внутри «саркофагов» в помине нет низкой температуры, близкой к абсолютному нулю? Значит, и никаких индивидуальных мест для анабиоза в боксах тоже нет! Только на видео. В таком случае — куда делось несколько сот миллионов

добровольцев по всему миру, решивших уйти от проблем посредством новых технологий? Их попросту уничтожили?!

Подлог! Чудовищно! Невероятно! Жутко! Фабрики, перерабатывающие человеческие жизни, словно уничтожитель документов бумажные листы. О Боже!

И всё ещё оставалась надежда, что мои подозрения — лишь только подозрения, не более. Ведь, в самом деле, неужели только я один — такой глазастый — заметил несоответствие в конструкции криогенных боксов? И это с чудовищного похмелья. Стоп-стоп, с похмелья. Именно! А тут ещё энергетик, от которого сделалось хорошо и ни о чём не хотелось думать. Но, видимо, верно говорят в народе — мастерство не пропьёшь. Журналистская хватка позволила углядеть инженерный просчёт. Нет, не просчёт — подлог. Так что же получается? Меня специально отправили из редакции, зная, какой я «тяжёлый». Мол, ему бы быстрее свинтить куда-нибудь в придорожный кабачок, не до изучения технических подробностей.

Но всё же — неужели никто до меня ничего не замечал? Хм... что там мой альтер-эго? Доводит до сведения, мол, никому из посторонних нету доступа на предприятия «икры». Те же, кому «удалось приобщиться к проекту века» — либо сообщники-подельники, либо подкупленные, либо такие же лохи, вроде меня — запойные, легко внушаемые тюфяки-инфантилы. Спокойно! Ни черта! Никакой я не тюфяк, извините! Вот заметил же, что здесь обман, и не собираюсь более терпеть... А точно — не собираюсь?

Нет, дальше я уже не мог успокоиться, пока не узнал истину о международном консорциуме CCRAP. Вернее будет сказать — часть истины, поскольку всю её не узнать никогда. Побывал на нескольких предприятиях корпорации, и везде легко удавалось убедиться в том, что подозрения мои совсем не напрасны. А однажды на меня вышел административный работник. Сам вышел. Этот человек успел передать какие-то документы на карте памяти и сказать пару слов о том, что идёт экспансия планеты. Кто-то извне, подключив современные технологии и научные наработки, сумел добиться смещения орбиты Земли. И всего-то понадобилось — образовать мощные озоновые дыры в области полюсов.

В результате — катаклизмы планетарного масштаба, площади, пригодные для проживания, резко сократились. И урожайность там упала. Назрела необходимость решать проблему перенаселения.

Именно поэтому возникла «икра». Всё больше и больше добровольцев спешило уйти в криогенный рай, освобождая среду обитания для захватчиков... И всё на законных основаниях.

Но досказать мне испуганный собеседник ничего не успел. Беднягу подстрелили из проезжающего автомобиля. Мне же удалось

сбежать на машине, на которой нет ещё средств спутниковой навигации и управления. Те же сведения внушал мне кто-то, который действовал на мозг, но я ему не верил поначалу, поскольку полагал предвестником нарождающейся белой горячки. А тут совпало! И что теперь остаётся делать? Либо уйти в штопор запоя, уютно примостившись на алкогольной кочерге, либо попытаться, рискуя жизнью, донести свои знания до широкой общественности. Я выбрал второе. Или это был не совсем я?

* * *

— А где карта памяти? — спросил Валера. — Наверное, ещё и взглянуть не успели?

— Вы мне помогли, конечно, с рыжим, но информацию после шапочного знакомства... это уж — извини-подвинься. Никак нельзя. Узнать хотя бы, кто вы такие, а то... сами понимаете, никакого резона мне документы светить. И не ношу я их с собой. Спрятано всё.

— Что ж, — усмехнулся Валера, — раз сомневаетесь, то постараюсь, как говорится, развеем. Хотя при желании мы могли бы взять всё и без вашего согласия. Не причина физической боли, между прочим. Рыжему — сахар, вам — что-нибудь психотропное.

Валера рассказал свою историю...

— Ресторан в столичной гостинице «Славянская» считался одним из самых доходных со времён «горбачёвской» перестройки. Криминальные авторитеты перекупали у коммунистических лидеров право — доить и окучивать многие столичные делянки. В их число угодила и «Славянская» вместе со всеми вспомогательными сервисами. А попала она в сферу влияния некоего Умара Коева по прозвищу Кумар. Это «погоняло» Умар получил за свои деяния в области распространения наркотиков.

Я служил тогда официантом в ресторане при упомянутой выше гостинице. Ещё с советских времён начиная. Сразу после школы меня папаша туда пристроил, не слушая мой визг о желании получить образование. Не стоит, де, с юных лет жизнь губить скудными средствами к существованию на базе обширной эрудиции.

Когда пришёл Кумар, у меня уже накопился достаточный опыт, чтобы сообразить, кому теперь следует смотреть в рот с видом покорности и почтения. Противно, конечно, но поделать ничего нельзя, если жить хочешь. Первый директор ресторана, например, попытался воспротивиться Коеву, но внезапно безвозвратно сгинул смертью храбрых в одной областной рощице, где его только через два года и обнаружили.

Так бы и жил я в страхе и раболепии и по сей день, но вскоре всё переменялось. Обреталась там у нас в стрип-шоу одна девица, которую для

удобства называли Донной. Стройная — как лоза, аппетитная — будто лазанья от нашего шеф-повара. Впрочем, не о том речь.

Кумар редко сидел в ресторане допоздна. Уходил ещё до начала представления. А в тот раз задержался. Донна вышла на сцену первой. И тут Кумар отклеил поволоку своих глаз цвета пересушенного в пыльном подвале чернослива от тарелки, повернулся в сторону эстрады, да так и замер с непрожёванным седлом барашка во рту. До конца номера не шелохнулся, будто спящий после долгой скачки конь в конюшенном апартаменте.

А потом лёгким движением осёдланного дорогушим перстнем пальца подозвал к себе нашего администратора. Тот подбежал на цырлах, сделал ножкой «чего изволите?». А Кумар ему: «Чта са тэвочка? Вели ей сюта ходить!» «Это наша лучшая стриптизёрша. Мадонной зовут за то, что танцует как...» — говорит распорядитель. Кумар прервал нервно: «Э, танцует-манцует. Живо к мне итти этта тьёолка!»

Уже через минуту-другую перед хозяином стояла в халатике начавшая разгримировываться Донна. Тот бесцеремонно схватил танцовщицу за упругие ягодицы и начал говорить тоном, не терпящим возражений: «Са мной паэдиш, красотка! Мая баба станэш. Форд-шморг, вольву-шмольву куплю, если мне нравится будет, как твая попа на мой кынжал прыгать станит. Панимаишь?»

И тут я увидел, как Донна очень нежно взяла Кумара тонкими пальцами за жилистое запястье и еле заметно нажала какую-то косточку. Такого визга никогда раньше не слышал. Хозяин почти целого столичного района орал невообразимым фальцетом, никак не подобающим отважному джигиту. Его же неустрашимые нукеры схватились за «пушки» на полном автомате, но понять, что происходит, не могли.

Перед ними не было врагов. Симпатичная девица со снятым макияжем никак не тянула на злодея. Она просто ласково придерживала Кумара нежной ладонью, будто пыталась его успокоить. Но шеф продолжал возмущать атмосферу высокими частотами, не снижая оборотов.

Донна же, решив, что требуется пояснить ситуацию, открыла красивый рот и произнесла: «Ничего-ничего, это нервное! Женщину давно не ласкал, вот и спёкся. Всё дела, дела. Думаю, надо врача...»

Я стоял неподалёку с подносом. Дёрнулся бежать, чтоб неотложку вызвать, но тут Донна меня взглядом остановила и показала, чтоб я за ней следовал. Что ж — поставил поднос на стол и пошёл. Без сомнений и колебаний. И что странно — будто по своей воле.

Как на улице оказались, не помню. Только пришёл в себя на скамейке в сквере. Рядом Донна сидит, уже одетая, а я в плаще и без униформы своей: в джинсах и свитере, который жена связала. И когда оделись? Смотрю вопросительно на красотку — чего звала? Но голос не подаю, будто язык отнялся.

Та заметила, что я ожил, и говорит спокойно, словно ничего необычного не произошло: «Спасибо, Валера, что проводил даму до парадной!» Огляделся. Совсем чужой район. Не бывал я здесь раньше. И слово это... «парадная». Странно. Дело даже не в питерском названии столичного подъезда, а в том, что нет поблизости жилых домов. Торговый порт рядом. На заднем плане идёт разгрузка какой-то баржи, а рядом с нами машины гружёные снуют.

Донна, видать, догадалась о моих размышлениях и сказала с улыбкой: «Не думай ни о чём, Валера! Всё хорошо. Мы тебя проверили, ты нам подходишь. Не старайся, сам не поймёшь. Потом всё объяснят. А сейчас тебя доставят в наш филиал. Город Жуки. Будешь там работать. Официантом, как и привык. Кумара не бойся. Он теперь безобиден — что-то вроде кабачка на грядке, искать тебя не станет. Пришлось, правда, полугодовой энергетический боезапас на него потратить... Вопросы потом, поезжай».

Официант неожиданно замолчал, как будто ему наскучило рассказывать. Я решил его немного расшевелить:

— Валера, и что это за организация, куда вы попали?

— Что-то вроде галактического МЧС. Здесь в Жуках — штаб-квартира. Понятное дело: провинция — особого внимания не привлекает...

— И... связано с «икрой»? Получается, они нас выкорчёвывают, как межпланетный мусор?

— Виталий, у вас что-то замкнуло. Нелогично рассуждаете. Если бы связь наличествовала, как думаете, стали бы они убирать вашего преследователя и блокировать местных пособников?

— Так это что получается — космическая инспекция профукала, когда агрессивный инопланетный разум приступил к расчистке среды обитания для своих нужд?

— Получается. У них со штатами беда, а Вселенная-то бесконечна. И закоулков в ней, вроде нашей Солнечной системы, тьма тараканья. Но лучше позже, чем никогда... Донна и ещё несколько представителей пытаются изменить ситуацию, чтобы наша цивилизация выжила.

— И потому уже миллионы уничтоженных, якобы лежащих в «криогенных саркофагах» в анабиозе?

— Не спешите с выводами. Агрессоров, нарушивших межгалактический закон о нераспространении цивилизаций за счёт экспансии чужих территорий, достаточно трудно остановить небольшому количеству кураторов. Увещевания не проходят. Приходится применять силу и хитрость, поскольку убрать космического инспектора довольно просто...

— А зачем было отвлекаться на владельца гостиниц, столиц, паромов? Неужели нельзя иначе, чтоб конспирацию сохранить?

— Дело в том, что криминальные структуры — первые слуги «икры». Инопланетные захватчики обещали сохранить небольшую часть

человеческой расы для обслуживания новых хозяев, а управленцами сделать... ну, да — именно Кумара и ему подобных. Так что: борешься с Кумарами — борешься с «икрой» вместе с её организаторами — инопланетными агрессорами. И борьба эта, кстати, длится недолго в масштабах...

— В масштабе вечности?

— Виталий, зачем вы иронизируете?

— Хорошо-хорошо, прекращаю. И всё делалось с оглядкой на будущую Россию, верно я понимаю?

— Да-да, кураторы точно знали: в результате планетарных катаклизмов — государственность иных держав очень быстро сойдёт на нет. А России сие не касалось. Географическое положение выгодное — никакими наводнениями не пронять.

— А зачем ты мне всё рассказываешь? — непринуждённо продавил я свершившийся факт нашего с Валерой сближения. Без брудершафта, но вполне логично.

— Мы сразу поняли, что это судьба, когда ты здесь оказался. У тебя же есть связи, ходы-выходы. Нельзя нашу борьбу держать втайне от народа и мировой общественности, понимаешь? Хочешь подумать, стоит ли нам помогать? Хорошо. Но смотри — недолго, и так много времени упущено.

* * *

И вот я остался один. Валера бросил меня наедине с путанными мыслями. Весна соблазняла своими запахами ещё не рождённых иллюзий, лепила из образов, возникающих в голове, пельмени неосознанной грусти: внутри тревога за распадающееся в клочья будущее, снаружи клейковина возможного выхода, если я поверю...

Залез в какой-то давешний стог, прелый-перепрелый. Разворошил его, окунулся в запах чистых, но уже порядком изношенных и не высушенных портянок. Задрёмывать начал.

И тут — будто укол подсознания — сна ни в одном глазу! Стойте, ребята, что-то в одежде официанта Валеры было не так. Что-то... Что?!

Задумался. Образ, картинка распадается, не соответствует. Так всё-таки — что мешает? Напрягаюсь... Хорошо, что по старой журналисткой привычке вёл видеосъёмку... Просматриваю. Стоп-кадр, увеличение.

Вот оно — запонки с еле различимым логотипом «икры» — стилизованный человечек в шариках-бриллиантах «замороженного» газа. Такие выдавали отличившимся работникам корпорации в честь запуска первой очереди криогенного цеха. Маленькая небрежность — и мне уже становится ясно... Галактическое МЧС, говорите, сволочи? Нет его. Все эти инопланетные ребята из одного сундучка. А откровения

в придорожном ресторанчике, устранение рыжего агента — театрализованная постановка.

Но с какой целью? Объявить меня сумасшедшим! Не думаю — слишком просто для их извращённых понятий. Убийство? Убийство не даёт гарантий того, что дело о ликвидации якобы замороженных будет забыто, и на моём месте не окажется кто-то другой.

Скорее всего, они хотят вынудить меня написать разоблачительную статью сейчас, немедленно, когда нет ни доказательств, ни достаточной готовности к ней аудитории. Нет и моего собственного трезвого взгляда на вещи, и потому-то, что выйдет из-под клавиатуры, будет напоминать всего лишь еще один выкидыш-ужастик постоянно предрекающей апокалипсис желтой прессы. А потом, когда доказательства и почва появятся, никто уже не поверит в очевидное.

* * *

Я уезжал из Жуков, так и не дав ответа Валере. Матово-чёрный «Субару» уносило потоком невидимых магнитных полей в сторону гибнущего мира. Туда, где человечество вымирало в очень комфортных условиях, совершенно не подозревая о своей участи жертвы. Да и что может понять народ, который пичкают слюнявым варевом фэнтезийных мульт-уродцев в гемоглобиновом ящике цифрового ТВ? Такому народу в самую пору отвалиться в криогенные ванны забвения, подобно стаду молодых бурёнок идущих на заклание — под нож мясокомбинатовского бойца с вытатуированным профилем вождя-семинариста на широкой пролетарской груди.

Криогенные ванны — это спасение, это выход, это справедливый и демократичный способ выживания? Наверное, кому-то так и кажется, так и пророчится. Но... но, но, но! Я видел, как на самом деле происходит процесс погружения электорально-бессловесных масс в глубокую заморозку и «сохранения» их для будущего.

Экспансия идёт полным ходом.

Или... всё-таки... они нас спасают?..

Или... это тоже заблуждение? А на самом деле — есть «икра», и есть... межгалактическое министерство чрезвычайных ситуаций. Каждый преследует свои цели. И Жуки — место показательных выступлений изощрённого нечеловеческого разума. Нас всех используют с непонятной нам логикой, играя от скуки судьбами людей, как трёхмерный художник распоряжается плоскими нарисованными человечками, не позволяя им заглянуть на следующую страницу эскизника. А тут ещё внутренний голос проснулся некстати. Успокаивает, мол, держись, всё идёт по плану. По чьему плану, чёрт меня возьми?!

Нет, похоже, все проще. Целенаправленный захват территории обитания с использованием внушаемых, как Валера, честняг в качестве пособников: Валеру — в тёмную, продажные власти — в открытую. А история с хорошими и плохими инопланетянами — её выдумали? Выдумали, чтобы путать подобных мне в случае необходимости? Пожалуй. А то, кто во мне, этот голос, внушающий что-то — он служит лишь для того, чтобы окончательно всё запутать. Постойте! Когда он появляется? Только когда я сижу в автомобиле, а снаружи ничем себя не выдаёт. Похоже, в машине какой-то источник излучения. Нужно бы обыскать при первой возможности.

Мои действия, что я могу сделать в сложившейся ситуации? Абсолютно ясно, чего делать не следует. Нельзя ни в коем случае писать и говорить о том, что я, сопоставив факты, понял. Нельзя открываться Валере и показывать ему материалы об утилизации замороженных тел. Лучше всего потихоньку уехать, не прощаясь. Что, собственно, сейчас и делаю.

А потом? Только подполье. Теперь я сумею справиться. Слабое место инопланетян Валера мне раскрыл по простоте душевной. У меня в руках мощное оружие. Захватчики на дух не переносят глюкозы. Воистину права старинная медицинская поговорка: сахар — белая смерть. Воспользуюсь!

А если ОНИ НАС всё-таки спасают?!

Дождь идёт — я еду. Я останавливаюсь — дождь слепой, не зрит положительного примера... ему ещё идти и идти...

Отогревающиеся на лету бабочки междометий облетают с просыпающихся деревьев. На обочину. Тихонько. Весна. Полдень. XXI-ый век. Жуки.

* * *

— Он поверил тебе?

— Думаю, засомневался. Теперь начнёт свою священную войну.

— Хорошо, гуманоиды из Туманности Скарабеев пока не догадываются, что мы уже здесь. Будут бороться с местными патриотами, а нам останется только помогать, не проявляясь. За эту планету следует сражаться всеми доступными средствами. Особенно, когда мы так ограничены в боях и ресурсах.

— Вы необычайно мудры, Ваше коллайдерство!

Император ELF MGM довольно кивает и одобрительно шелестит крылышками, будто фольгой от шампанского. Ему нравятся слова био-агрегата VALER4 JDAY самого последнего поколения. И в такт необычной мелодии мутноватых отростков попискивают еле заметные тепловизоры на манжетах «официанта». Да, логотип «икры» — отличная задумка, когда имеешь дело с дотошными журналистами.

Лишь только находясь в тесноте экранированного от психофизиологических излучений бункера, который замаскирован под старенькое авто, можно снять блокировку отдельных участков мозга и стать самим собой — агентом обсерватором межгалактического правового департамента. Агентом, которому поручено «разрулить» ситуацию с попыткой захвата планеты класса Plug&Play системы Drag&Drop звезды Шэйн III G2V («жёлтый карлик») агрессивными расами, паразитирующими на развивающихся цивилизациях вселенной.

Количество сотрудников у нас в департаменте весьма ограничено, все они на виду, потому и приходится применять маскировку по полной, ассимилируя с каким-нибудь местным индивидом, буквально проникаясь его мыслями, ощущая себя им.

Несколько лет назад в результате поступившего сигнала от зонда, который здесь называют кометой Леммона, Межгалактическому Совету стало известно, что на третьей планете звезды Шэйн III, заселенной разумными существами, происходят природные катаклизмы, никак не связанные с естественными явлениями. В процессе детализации и превентивной разведки выяснилось — это две расы ведут борьбу с ничем не подозревающей — третьей, пытаясь оттяпать пригодные для обитания земли. Мало того, один из агрессоров пока только наблюдает, стравливая соперника с аборигенами, сам находясь в тени.

Ассимилироваться, проникнув в мозг спивающегося от безысходности журналиста, труда не составило. Он не сопротивлялся, позволяя управлять своим интеллектом. Остальное известно, включая попытку направить Виталия Викторовича, то есть — меня, в нужном направлении при помощи нехитрой «наживки» в виде запонок на рукавах официанта-андроида.

Думаю, эти умники полагают, будто сумели завербовать журналиста втёмную. Что ж, прекрасно. Теперь у меня развязаны руки: имеется возможность расправиться с одним захватчиком средствами, предоставляемыми другим. Этика департамента и клятва обсерватора нарушены не будут.

А когда победа подданных императора ELFa станет очень близка? Если следовать классической схеме, необходимо вызвать спецназ. Подоспеет отряд «Чёрная дыра, чтобы аннигилировать агрессоров по решению межгалактического Гаганского Суда из звёздной системы Йота Часов. Правда, в результате может пострадать и местное население, но здесь уже издержки торжества справедливости. Оно, торжество это, должно быть неотвратимым. Любой ценой.

Однако имеется одно возражение, чёрт возьми! Вот жаль стало аборигенов, до чёртиков жаль... Вернее, не всех, а конкретно моего

«напарника», мозг которого я сейчас арендую. Но прийти на помощь непосредственно не позволяет кодекс департамента. Тем не менее никто ведь не сможет запретить обсерватору сделать так, чтобы агрессоры сами уничтожили друг друга, а он бы остался в тени. Подобного рода операции считаются самыми трудными и изысканными. Они-то и служат порой основой для карьерного роста. Но тут не до карьеры. Не до карьеры, когда появляется что-то личное в работе. И я непременно постараюсь сделаю так, как нужно — чтобы никто не смог заподозрить меня в предвзятости.

* * *

Мудрый Господь уже давно ничего не творит своими руками. Спаси и избавь! Теперь все добрые дела — исключительно стараниями рабов его, на создание коих ушло столько фантазии и азарта. Но и здесь не хватает совершенства, не всё так удачно, как хотелось бы... если только не вложить душу.

Евгения Халь, Илья Халь

ИМИТАТОРЫ

Никита Макаров не любил пустого трепа на работе. Он мог часами наблюдать за жертвой, почти не двигаясь. Человек-струна, человек-пистолет с взведенным курком. Зато напарник Никиты Андрей болтал за двоих:

— Никитос, я думал, ты сегодня отпуск возьмешь. Все-таки у сына день рождения, нужно мальцу праздник устроить. Зоопарк, аттракционы, кафешка — туда-сюда.

— Успеется, — буркнул Никита, не отрывая взгляда от дверей ночного клуба. Яркая неоновая вывеска призывно мигала в робкой темноте сумерек, отбрасывая цветные блики на лица фанаток, столпившихся возле входа в клуб, и отражалась в сплошном зеркале льда, сковавшем тротуар. Ночью шел дождь, а в полдень вдруг ударил мороз, и улицы Москвы превратились в каток. Девчонки топтались на месте, дробно стучали высокими каблучками сапог по льду, пытаясь согреться. Время от времени одна из них поспешивалась, хватаясь за спешащих мимо прохожих.

— Да что ты к клубу глазами прилип? — Андрей щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету, — к нашему клиенту все равно наружка прицеплена, ребята звякнут за пару минут до того, как он подъедет. Тем более, что эта звездюлька с такой помпой прибудет — слепой и тот увидит. Как же! Первый концерт после трехмесячной поездки на Тибет! Кстати, какого черта им понадобилось придумывать эту историю о духовном просветлении? Он и без того раскручен дальше некуда.

— Потому что наша звезда так старательно гробила себя с раннего возраста, что даже имитатору понадобилось три месяца, чтобы привести тело в порядок. У этих паразитов тоже есть свой предел регенерации.

— Ну и дождался бы нормального донора. На черта ему этот конченный наркоша, переделанный пластическими хирургами со всех сторон?

— Не донора, а симбионта. Это, во-первых. А во-вторых, наверное, ждать было нельзя. Имитатор был то ли очень старым, то ли очень слабым, в общем, первым на очереди. А очередь у них там — как я слышал — ох, какая длинная.

Мобильник в кармане Никиты тихонько зажужжал, на экране светился мамин номер. Макаров с тихим вздохом выключил телефон — это был единственный способ избавиться от длительных нравоучений. Он заранее знал все, что она скажет: в день рождения сына можно было взять выходной. Все родственники и друзья уже давно поздравили мальчика — лишь родной отец так и не объявился до вечера, а ребенок страдает без матери, и внимание папы для него особенно важно. Никита испытал укол совести, привычный, как хронический насморк.

— Сколько твоему Антошке? — спросил Андрей.

— Пять.

Напарник немного помолчал и тихо сказал:

— Пять лет... возраст, в котором возможен первый симбиоз. Ты предупредил мать, чтобы она твою бывшую на порог не пускала?

— Совсем с ума сошел? — взорвался Никита, — какой симбиоз? Что ты мелешь?

— Да я же просто...

— Так что нам теперь каждого пятилетнего ребенка подозревать? И о какой бывшей ты говоришь? Моей бывшей жены уже нет! Лина умерла! Вместо нее осталась тварь, паразит, ленточный червь! А ты меня спрашиваешь, подпущу ли я ее к своему сыну? Да я ей башку разнесу, если она только к двери подойдет! — Никита замолчал, тяжело дыша.

— Никитос, ты меня прости! Я это... ляпнул, не подумав, честно! Просто я за пацаненка твоего переживаю, подстраховать хочу. Одно дело на работе, когда чужих людей выслеживаешь, и совсем другое, когда свои — можно сказать — в группе риска. Никто ведь не знает, что в ней осталось от Лины, а что сожрал имитатор. Материнский инстинкт — это такая мощная штука, покруче атомной бомбы. Вот и выходит, что каждая женщина — это потенциальная Хиросима, а может быть, и вместе с Нагасаки, — Андрей неуверенно хохотнул, пытаясь сгладить ситуацию.

Но Никита не улыбнулся шутке. Внезапно ожила рация в машине:

— Они подъезжают. Удачи, ребята!

— Спасибо! — Никита погладил снайперскую винтовку, лежащую на коленях.

Винтовка была прикрыта курткой — обычная мера предосторожности от взглядов любопытных прохожих. Андрей завел мотор машины. Из-за угла медленно и торжественно выплыл белый лимузин. Толпа у входа в клуб оживилась. Фанатки завизжали, подпрыгивая от нетерпения. Из гущи толпы вынырнул юркий парень с фотоаппаратом. Он остановился на краю тротуара, внимательно посмотрел на противоположную сторону улицы, туда, где стояла машина Андрея и Никиты. Андрей кивнул парню. Фотограф едва заметно кивнул в ответ.

Из лимузина вышли два широкоплечих охранника. Несколько самых отчаянных поклонниц бросились к машине, пытаясь забраться внутрь. Охранники осторожно, но решительно оттеснили их в сторону, на минуту повернувшись спиной к дверям лимузина. Фотограф ловко проскочил за спинами телохранителей, вплотную подошел к машине и быстро отснял несколько кадров.

— Никаких фотографий! Немедленно уберите этого придурка! — истерически завопил король российской поп-музыки, закрывая лицо руками.

Один из телохранителей обернулся на крик, схватил парня, пытаясь оттащить в сторону, но фотограф намертво вцепился руками в дверь машины, загородив певцу выход. Водитель выскочил из лимузина,

открыл дверь с другой стороны, и певец, чертыхаясь, вышел. Он стоял напротив машины Андрея и Никиты, на противоположной стороне улицы, зябко кутаясь в роскошное пальто из леопарда. Лицо его выражало бесконечную скуку и презрение. Момент настал!

Этого имитатора они выслеживали целый месяц. Обычно Макаров любил работать спокойно и неторопливо: выбрать место на крыше напротив дома, где часто бывала жертва, заранее пристреляться, а потом затаиться, терпеливо ждать, как минимум, несколько часов, отработать, и тихо уйти. Но этот имитатор был очень осторожен: установил пуленепробиваемые стекла в квартире, от машины к дверям студии звукозаписи перемещался бегом, старался всегда находиться в толпе. А у охотников был строгий приказ: посторонние не должны пострадать. Поэтому пришлось импровизировать: устроить спектакль, чтобы изолировать имитатора от людей хотя бы на несколько минут.

Никита вскинул винтовку. И в этот момент певец посмотрел в глаза Макарову. Их разделяла трасса с едущими по ней машинами, и он не никак мог видеть лицо стрелка так же ясно, как видел его Никита через оптический прицел. Но Макаров знал: имитатор почуствовал охотника и посмотрел в глаза смерти. Может быть, в первый раз за всю свою долгую, нескончаемую — по человеческим меркам — жизнь. Красная пунктирная линия пролегла между охотником и жертвой, от вен к венам, через бешеный пульс ненависти Макарова. Он ненавидел имитаторов, поэтому всегда безошибочно узнавал их в толпе. Они были повсюду: на улице, на экране телевизоров, в метро. Неузнанные, неотличимые от обычных прохожих, те, кто всегда рядом. Но для Никиты они были помечены особым знаком: чужеродностью. Он кожей ощущал притаившегося в человеческом теле паразита, и никогда не ошибался. Он не нуждался в приказах начальства, сведениях агентов, которые следили за имитаторами, фотографиях и видеосъемках на закрытых совещаниях в Министерстве Обороны. Макаров мог бы просто ходить по улицам и отстреливать их всех по очереди. Но это было бы шагом в пропасть, скольжением в хаос, поэтому Никита подчинялся приказам. Хотя иногда, в особо тоскливые и злые ночи, когда память жадным суккубом вползала в одинокую постель, он отправлялся на свою собственную охоту в каменных джунглях большого города. Винтовка оставалась дома, человек-пистолет становился человеком-ножом. В кармане лежали несколько железных конфет-червячков, которые он оставлял на месте убийства. Это был своеобразный код, понятный только Никите и имитаторам. Макаров называл их паразитами, ленточными червями, и они знали об этом. А наутро комментаторы новостей со скорбными лицам сообщали о новой жертве «конфетного маньяка», и большой город вздрагивал, зябко передергивая плечами мостов.

Макаров выстрелил. Андрей немедленно рванул машину с места.

* * *

Уютная обстановка, запах жареной картошки, столы, накрытые клетчатыми скатертями — дом, милый дом. Так приятно сидеть здесь, за столиком в дальнем углу столовой и наблюдать за обитателями приюта. Борис Резников, главврач и владелец небольшой частной клиники, а также верховный советник рактров Лесс, отпил глоток компота из сухофруктов и поморщился: слишком сладко для него, но хорошо для пациентов. Их истощенные организмы нуждаются в глюкозе.

Пациенты принарядились к ужину, как могли. Мужчины просто побрились и причесались, что само по себе было признаком торжественности и первым шагом к возвращению в нормальную жизнь. Зато женщины расстарались вовсю, хотя их понятия о красоте и моде были бесконечно далеки от реальности. Для них не существовало долгих лет, прожитых от дозы к дозе. Это как годы, проведенные в анабиозе: человек заснул двадцатилетним и проснулся тоже двадцатилетним. И неважно, что возле глаз собрались гусиные лапки морщин, а первые снежинки седины посеребрили виски. Тем, кто начал в двадцать-двадцать пять, сейчас за сорок. Сделав шаг из освещенного круга во тьму, а потом снова вернувшись к свету через много лет, для себя самих они остались двадцатипятилетними.

Седые девочки укладывают волосы в ультрамодные прически, взятые из журналов для молодежи, украшают себя гроздьями дешевой бижутерии — так они имитируют благополучие. Этот мир энергичен и громогласен. Чтобы занять в нем свою нишу нужно быть ярким, броским, выбрать неповторимый имидж. И они старательно создают: короткие курточки с яркими бляшками и двухцветными капюшонами, джинсовые мини-юбки, броские туфли на огромных каблуках, украшенные стразами — в них так болят опухшие ноги, но постаревшие девочки мужественно вышагивают от двери столовой до столиков и, облегченно вздохнув, присаживаются на стулья.

— Отдохните, девчонки, я сама справлюсь, — любимица Бориса Лина порхала по столовой, украшая стены воздушными шариками и бумажными гирляндами.

Ее молчаливый друг Кнаан внес стремянку, собираясь повесить гирлянды к потолку. Сегодня у них праздник: сыну Лины исполнилось пять лет. Возраст, когда впервые возможен симбиоз человека и рактра. Заметив нежный взгляд Бориса, Лина подбежала к нему, грациозно присела на краешек стула. Прямая спина, сильные балетные ноги, светло-русые волосы рассыпаны по плечам, тонкий профиль — двадцатипятилетняя красавица, которая случайно забрела в дом потерянных жизней. И лишь старческие руки, увитые набухшими узлами вен, так странно и чужеродно смотревшиеся на идеальном теле балерины,

выдавали тайну ее недавнего прошлого, разделенного не на дни и ночи, как у нормальных людей, а на дозы и междозье.

— Как дела, Лесс? — прошептала она.

— Борис, — поправил он. — Я теперь Борис, а ты — Лина, а не Элайя.

— Я помню, — ответила она.

...Борис тоже помнил тот дождливый день три месяца назад, когда он возвращался домой, в клинику. Машины медленно ползли под холодными струями октябрьского ливня. И вдруг Борис увидел высокого смуглого парня, который нес на руках девушку. Она была без сознания, голова ее безвольно свесилась назад, длинные светлые волосы почти касались грязного тротуара. Парень весь вымок, но словно не замечал этого. Он нес на руках не девушку. Он нес на руках свою северную принцессу. Борис вошел в общее ментальное поле, проскользнул между мыслями прохожих, дотянулся до смуглого парня, просмотрел его прошлое и настоящее.

...Его звали Кнаан. Тягучее, горячее, словно красная глина земли хаананской, имя. Такое же обветренное, как его растрескавшиеся губы, навсегда запекшиеся от невыносимой жары. Черные волнистые волосы, влажные, как маслины, глаза. Душными ночами, когда спящие рядом с ним на тощем матрасе братья мечтали о гибких смуглых красавицах, живущих по соседству, Кнаан грезил северной принцессой. У нее были светлые волосы, голубые глаза, хрупкими руками она изящно придерживала балетную пачку, точь-в-точь, как маленькая куколка-балеринка на шкатулке с украшениями, что стояла в спальне его матери. Шкатулку привезли из далекой снежной страны, в которой учился его дядя. С тех пор Кнаан каждую ночь видел во сне, как где-то там, за тридевять земель, кружится маленькая балерина среди белых вихрей метели...

Возле Кнаана остановилась черная машина, в которой сидели три коротко остриженных парня с бычьими шеями. Боковые стекла опустились.

— Помогите! — с надеждой сказал Кнаан, — подвезите нас до больницы!

— Сдохни, чурка! — заорал парень, сидящий на заднем сиденье машины.

— Только здесь не сдыхай, чтобы падалью не смердело! Вали в свой Чуркистан и подстилку свою захвати! — осклабился второй парень, запустив в Кнаана пустой банкой из-под пива.

Они засвистели и завизжали, машина рванула с места, окатив Кнаана волной грязи. Он стоял, замерев от отчаяния, от громады большого

города, который пережевывал стальными челюстями бесконечный поток машин и пешеходов. В большом городе пощады не жди. Упал — отползи и спрячься, иначе по тебе пройдут торопливые ряды тех, кто, в отличие от тебя, устоял на ногах. Пройдут, не замечая хруста позвоночника под сапогами, втоптывая тебя в жирную грязь.

Борис затормозил возле смуглого парня, выскочил из машины, открыл заднюю дверь.

— Я отвезу вас в больницу, — сказал он. — Давайте положим девушку на заднее сиденье, — Борис протянул руки, чтобы помочь, но Кнаан лишь молча покачал головой и осторожно сел в машину, продолжая прижимать к себе Лину.

— Подождите минутку, я позвоню в клинику, чтобы сотрудники подготовились к нашему приезду, — Борис отошел в сторону, повернулся спиной к машине, достал из кармана мини-передатчик величиной со спичечный коробок. На крошечном экране появился светящийся стгусток: его помощник Эрг.

— Я нашел симбионта. Кто следующий на очереди?

— Ваша сестра Элайя, советник Лесс.

Сердце Бориса сделало один лишний удар. Наконец-то! Он очень боялся, что сестра, больная и слабая, не доживет до симбиоза. Но впереди была длинная очередь из тех, кто старше и слабее, и больше нуждался в новом теле. И даже он, Лесс, верховный советник, глава цивилизации рактров, не мог сделать исключение для своей сестры. Рактры, или имитаторы, как их называют люди — это одна большая семья, разделенная на несколько кланов. А в семье все равны.

— Подготовьте капсулу к выходу на поверхность. Я жду Элайю.

— Координаты прежние?

— Да...

...Борис погладил Лину по волосам. Кнаан слегка напрягся, стоя наверху стремянки. Даже после симбиоза он не избавился от ревности.

— Собирайся, сестричка, поедem к твоему сыну.

— Думаешь, Никита позволит Антону поехать с нами? — в голосе Лины послышалась тревога.

— Думаю, мы сможем его уговорить.

— Мы для него — монстры.

— Потому что он нас боится. Если ты сидишь в темной комнате, каждая тень кажется чудовищем. А мы зажжем свет и покажем твоему Никите, что чудовищ нет, а есть просто люди, непохожие на него, но совсем не страшные.

Борис говорил уверенным тоном, но сам он не был уверен в своих словах. Те люди, которые знали о существовании рактров, панически боялись их и всеми силами старались уничтожить.

Рактры прибыли на Землю несколько лет назад и сразу же попытались установить контакт с правительствами разных стран. У них было что предложить человечеству — излечение от многих болезней: рака, СПИДа, наркомании, психических заболеваний, которые считаются неизлечимыми. У рактров не было собственных тел. Они представляли собой сгусток мыслящей энергии. За все время своего существования цивилизация рактров всегда использовала чужие тела, давая взамен панацею от многих болезней. Но цивилизации погибали, симбионты служили недолго, по меркам рактров, которые фактически обладали бессмертием, переходя из одной оболочки в другую. Смерть была для них чем-то непостижимым и отдаленным, пока не возникла проблема с телами. И тогда выяснилось, что даже самые молодые и сильные рактры не могут долго существовать без тела. Смерть заглянула им в глаза, смерть приказала платить по счету.

Сначала земные правительства пришли в восторг. Были созданы тайные лаборатории, в которых изучались возможности симбиоза рактров и людей. Тех, кто согласился на симбиоз, называли имитаторами. Потому что, вселяясь в тело человека, рактры сохраняли все его мелкие привычки, привязанности и увлечения. А если таковых не было, как, например, у некоторых психических больных, то они создавали новые. Отличить на глаз человека, живущего в симбиозе с рактром, было совершенно невозможно. Кроме того, рактры умели будить спящие в каждом сверхспособности. Одних они наделяли телепатией, других небывалой физической силой. Симбиоз, по сути, был тем самым эволюционным скачком, который давно предсказывали ученые.

Но восторг сменился разочарованием, когда выяснилось, что каждая пара симбионтов уникальна. Иногда рактр доминировал над человеком, иногда наоборот, но в любом случае имитаторами нельзя было управлять. Они подчинялись только старейшинам кланов и верховному советнику. Они были равнодушны к религии, политике, на них не действовала реклама. Кроме того, имитаторы ничем не болели, даже насморком, поэтому фармацевтической промышленности и медицине грозила опасность многомиллионных финансовых потерь. Рактры обладали высокой способностью к регенерации, когда дело касалось центральной нервной системы, психики, крови, обмена веществ, незначительных травм, но они не могли помочь при тяжелых физических увечьях.

Тогда рактрам предложили убраться восвояси, но они не согласились, потому что идти было некуда. Следующим шагом было объявление тайной войны. Специальные подразделения охотников вычисляли и уничтожали имитаторов. Рактры прятались, как могли, и продолжали искать новые тела для тех, кто ждал своей очереди на космических

кораблях, лежащих на недоступном для человеческой техники дне океана.

— Чудовищ нет, — прошептала Лина.

Андрей подбросил Никиту до его машины, припаркованной в тупичке, который находился в нескольких минутах езды от дома. Макаров каждый раз устраивал себе короткую передышку по дороге домой, чтобы привести в порядок мысли и чувства. На такой работе необходим буфер для перехода в нормальную жизнь.

Макаров постоял немного, дыша морозным воздухом. Он любил холод, хотя гололед сильно мешал работе: приходилось ездить медленно и осторожно, что для охотников недопустимо. Никита обогнул машину, поскользнулся, едва не упал, достал из багажника яркие свертки с подарками для Антона и переложил их на заднее сиденье. Потом откинул двойное дно багажника, положил в тайник сумку с винтовкой, а из тайника достал пистолет и засунул его за пояс джинсов. Никита сел за руль и позвонил матери.

— Мама, я буду через несколько минут. Отвлеки Антошку, чтобы он не прилип к окну, хочу сделать ему сюрприз.

— Никитушка, Антошка тебя целый день ждал, а сейчас у него гости, — в голосе матери послышалось ликование. — Лина приехала! С ней приехали друзья, они забирают нашего мальчика и везут праздновать к себе, в... — мать слегка запнулась — ну, в центр, где Лина сейчас живет. Это что-то вроде пансионата. У них там сегодня вечеринка в честь дня рождения Антошки.

— Мама! — закричал Никита, заводя мотор, — не дай ей увести Антошку, слышишь?

— Никитушка, я все понимаю, но и ты пойми: ребенку нужна мать, какая бы она не была.

— Это не Лина! Это... я прошу тебя: просто один раз в жизни сделай так, как я тебе говорю, а я потом все объясню! Только не давай им выйти из дома, — Никита дал задний ход, вдавил педаль газа до предела, крутанул руль, разворачиваясь, и машина волчком завертелась на месте.

— Сынок, я не могу! Они уже в лифте. И потом у Лины есть право видиться с ребенком. Да, она, конечно, наломала дров, но ты бы видел, как она изменилась... — Никита, не дослушав мать, прервал разговор, захлопнув телефон-раскладушку. — Твари! — он в ярости ударил кулаком по рулю.

... Макаров познакомился с Линой, когда она училась в хореографическом училище. Через несколько месяцев они поженились, Лина забеременела, ей пришлось оставить танцы. Сначала она наслаждалась тихой семейной жизнью с надежным, как кремлевская стена, мужем.

Свекровь относилась к ней хорошо. А когда родился Антон, с радостью занялась внуком. Никита целыми днями пропадал на работе, иногда уезжая в длительные командировки, и Лина заскучала. Прежние подружки пропадали на гастролях, их жизнь была бесконечным танцем. Днем — на сцене, вечером — в дорогих клубах. Возле красавиц-балерин всегда толпились богатые покровители. Подруги звонили Лине из-за границы, весело щебеча о яхтах и Куршевеле. И Лина учила названия дорогих курортов и изысканных вин, сидя возле телефона в халатике и домашних тапочках. А где-то была ключом шикарная ночная жизнь, которая начиналась в то время, когда она укладывала ребенка и ложилась спать.

И Лина не выдержала. Она устроилась в танцевальную группу, которая выступала в ночных клубах. Памперсы, бутылочки, каши — все осталось дома, с ней был только танец. И горящие глаза зрителей, и драйв отточенных движений в пульсирующем свете танцпола. На рас свете драйв уходил под шум моторов хлебных и молочных фургонов, растворялся в серых от усталости лицах первых прохожих — работягу-муравьев, спешащих на работу.

Лина не хотела быть муравьем, она хотела быть яркой бабочкой в вечном полете. И тогда она нашла средство, чтобы полет никогда не заканчивался: доза. Сначала был чистый кокаин, который придавал внешности изысканную, аристократическую бледность, но ей требовалось все больше. И наркодиллеры вдруг стали смотреть не только на пачку купюр в ее руках, но и принялись откровенно шарить глазами по точеной фигуре. Лина ушла из дома, сняла крошечную комнатку, белая изысканность кокаина сменилась черной повседневностью героина. Поклонники заскучали и разбежались, разочарованные предсказуемостью финала. Только один из них по-прежнему смотрел на нее, как на богиню, вернее, на принцессу. Хрупкую северную принцессу.

Его звали Кнаан. Он приехал из далекой жаркой страны, поступил в мединститут, но на втором курсе его отчислили. Вернуться домой неудачником он не решился, поэтому остался в чужом холодном городе, устроился на работу в больницу, оброс нужными связями и всегда мог достать дозу. А если не мог, то просто крал. И когда в их жизни неожиданно появился спаситель Борис, Кнаан стал одним из немногих людей, кто пошел на симбиоз сознательно...

...Никита успел вовремя. Лина стояла возле машины, держа Антона за руку. Кнаан придерживал открытую дверь, мальчик счастливо смеялся, глядя на мать. За рулем сидел Борис. Вдоль тротуара плотными рядами были припаркованы машины, и Макарову пришлось остановиться на другой стороне улицы. Никита так быстро выскочил из машины, что поскользнулся и едва не упал.

— Антон, отойди от них! — крикнул Никита, пытаясь перебежать дорогу.

Но машины, как назло, одна за другой проносились по трассе, не собираясь уступать дорогу пешеходу. Мальчик растерянно посмотрел на отца. Улыбка на его лице сменилась растерянностью. Никите, наконец, удалось проскочить между машинами, и он помчался к сыну.

— Эй, ты! Убери свои руки от моего ребенка! — прорычал Никита, приближаясь к Лине. Кнаан встал перед ней, молча закрывая женщину собой. Борис вышел из машины, собираясь поговорить с Никитой, но Лина опередила его:

— Никита, я просто хочу устроить ему праздник. Понимаешь? С ним ничего не случится!

Собственное имя в ее устах резануло слух Макарова, еще больше подчеркивая ее чужеродность. Прежняя Лина никогда не называла его Никитой, а только Ником, когда была серьезной, и ласково — Китом.

— Почему Кит? — шутливо спрашивал Макаров, подхватывая ее на руки.

Он заранее знал ответ, но ему нравилось слушать, как она смеется, пытаясь выскользнуть из его объятий:

— Потому что ты такой же большой и осторожный!

Он по-прежнему остался большим мужчиной, но перестал быть осторожным.

— Ему не нужны твои праздники! Мой сын не нуждается в грязных паразитах, высасывающих мозг и тело.

Рактры побледнели. Антон, чувствуя напряженность взрослых, выпустил руку Лины. А Никита откинул полу куртки, демонстрируя рукоятку пистолета, и твердо сказал:

— Антошка, пойдем домой, — Макаров взял сына за руку, но мальчик вдруг вырвался и закричал, топнув ногой:

— Ты — злой! Ты кричишь на маму! Я с тобой не пойду!

— Антошка, сынок, мы с... мамой, — это слово далось Никите с трудом, — просто так играем. Идем домой, я тебе целую гору подарков привез!

— Не хочу! — закричал ребенок, делая шаг назад.

— Ну, что ты, — как можно мягче сказал Никита, шагнув вперед. И в этот момент Кнаан, до этого стоявший молча, вдруг предупреждающе схватил Никиту за рукав. Он первым обратил внимание на то, что не заметили другие в пылу спора: ребенок стоял на обледенелом поребрике. И Кнаан хотел просто предупредить Никиту, чтобы тот не делал резких движений. Но Макаров понял иначе и ударил его кулаком в лицо. Мальчик испуганно вскрикнул, шагнул назад, поскользнулся и упал навзничь, ударившись затылком о бампер припаркованного рядом джипа. Глаза ребенка закатились, изо рта медленно поползла тонкая струйка крови.

Лина тоненько взывала, зажав руками рот. Никита бросился к сыну, упал на колени, принялся гладить его по лицу, шепча:

— Антошка, ты что, а? Открой глаза, сынок, пожалуйста, открой! Что же ты меня так пугаешь? — он просунул руку под голову ребенка, почувствовал что-то горячее, медленно вытащил ее обратно, поднес к глазам, рассматривая кровь сына на своей руке, и вдруг хрипло вскрикнул, закусывая окровавленный кулак.

Вскрикнул и начал раскачиваться вперед-назад, сидя на коленях. Лина упал на колени рядом с ним, обхватила сына, попыталась поднять его.

— Лина, нельзя! — Борис остановил ее. — Его нельзя сейчас трогать! — Он прощупал пульс мальчика и покачал головой, глядя на Кнаана.

— Я «скорую» вызвал, — тихо сказал Кнаан, наклонившись к Борису, — но боюсь, по таким пробкам они нескоро сюда доберутся.

— Даже если бы они добрались быстро, это бы не помогло, — Борис выразительно посмотрел на Кнаана. — Я вижу только один выход из положения: симбиоз.

— Но это ведь физическая травма, — неуверенно сказал Кнаан, — разве среди нас есть те, кто способен на такую регенерацию?

— Есть молодые и сильные, которые могут справиться с детской травмой. Потому что у детей масса тела меньше, чем у взрослых, так что сил вполне хватит на регенерацию. Просто ты этих рактров ни разу не видел. Пока они ждут своей очереди, сила уходит. Но в этом случае кто-то из них пойдет вне очереди.

— Это ты все подстроил! Специально подстроил, сволочь, чтобы получить моего сына! — Макаров медленно поднялся на ноги.

За несколько минут он постарел на много лет, глаза лихорадочно горели на вмиг осунувшемся бледном лице.

— Вы все виноваты! Чертовы имитаторы! — Никита схватил Бориса за горло и прошипел ему в лицо:

— Ты его не получишь, мразь! Я вас, гадов, всех передую, собственными руками передую, чтобы вы захлебывались своим дерьмом, уроды!

— Это мы уроды? Мы — имитаторы? — Борис с неожиданной силой разжал руки Никиты, и, дрожа от напряжения, медленно опустил их. Макаров попытался вырваться, но Борис держал крепко.

— Да это вы имитаторы! Вы — люди! Вся ваша жизнь — имитация: дружба, любовь, семья, помощь близким! Вы клянетесь в верности, но предаете, когда под руку попадаете жирный лакомый кусок. Вы кричите о милосердии, открываете бесполезные благотворительные фонды, но торопливо поднимаете стекла, когда нищий оборванец, которому не хватает на дозу, бутылку или просто кусок хлеба, протягивает свою грязную руку в чистенькие салоны ваших машин. Потому что жалость вы тоже имитируете, как и саму жизнь. Вы поете о любви к одним, а спите

с другими. А ты — самый лучший имитатор! Ты ненавидишь нашу расу, потому что чувствуешь в нас собственное нутро! Ты любил женщину, но когда она покатилась под откос, ты отказался от нее! А теперь готов похоронить своего ребенка из-за дурацких принципов, которые сам себе придумал! Тебе нужен мертвый сын? — голос Бориса вдруг изменился, стал низким, в воздухе пронеслась вибрирующая волна, возникло невыносимо-рокошущее эхо, от которого закладывало уши.

От крика Бориса задрожали стекла машин, с деревьев посыпались сухие ветви, стая ворон, пронзительно крича, взмыла вверх.

Никита опустился на тротуар, сжался в комок, обхватив голову руками.

— Тебе. Нужен. Мертвый. Сын? — повторил Борис.

— Мертвый сын.... мертвый сын... — эхом пронеслось по притихшей улице:

Макаров медленно покачал головой, посмотрел на ребенка, которого обняла Лина, бросил затравленный взгляд на Бориса.

Человек-пистолет дал осечку. Человек-пистолет впервые увидел через прицел не чужую, далекую боль знакомой мишени, а лицо собственного сына, расколотое черным пунктиром прицельной сетки.

Сидя на тротуаре, он отрешенно наблюдал, как Борис осторожно забрал мальчика из рук Лины, бережно отнес к машине. Кнаан помог дрожащей Лине сесть на заднее сиденье, положил ребенка к ней на колени и сам сел рядом. Макаров поднялся, подошел к машине, заглянул в закрытые глаза сына и вдруг понял: имитаторы помогут. Но когда Антон снова откроет глаза, в них не будет его, Никиты, потому что они окажутся по разные стороны. И вся его ненависть и охота вдруг стали какими-то ненужными, лишеными смысла.словно скучный кинофильм, который смотришь во время бессонницы, чтобы не разглядывать в сотый раз стены пустой спальни.

Есть ли хоть капля смысла в этой жизни, если видишь чужого себя в глазах собственного ребёнка?

Борис завел мотор.

«Останется ли *это* моим ребёнком?» — подумал Никита, бессильно опускаясь на обледелый поребрик.

АЛЕКСЕЙ БАСОВ
ПЕРЕСМЕНА

Двери уже закрывались, но припозднившийся пассажир успел вскочить на подножку автобуса. Протиснулся между «Сциллой и Харибдой» в салон и едва удержался на ногах, когда многотонная машина бодро рванула с остановки, лишь только в плотном потоке транспорта отыскался просвет. Из полной пригоршни металлической мелочи пассажир выудил несколько монет и протянул кондукторше — необъятных размеров тетке в меховой безрукавке, целиком заполнявшей собой пространство между рядами сидений. Свободных мест в салоне не оказалось, и сей прискорбный факт следовало принять как данное. До конечной остановки автобусу еще пилить и пилить. Проводить это время стоя — не самое увлекательное занятие. Ни смартфон не достать, ни просто подремать, коротая поездку.

Впрочем, одно свободное местечко отыскалось. Возвышавшееся над остальными сиденьями кресло с подлокотниками, устланное домашним вязаным ковриком, выглядело тронем царствующей особы. Рядом на стекле красовалась надпись: «Место кондуктора не занимать». Это кресло так и манило к себе, обещая отдохновение уставшим ногам... Кондукторша челноком сновала по салону, билечивая пассажиров, и ни разу не присела на свой «трон». Испытывая непреодолимое желание плюнуть на запрет, пассажир отвернулся, чтобы не смотреть в сторону пустовавшего места.

— Чего маешься, сердешный? Садись, не стесняйся, — сливая звонкий ручеек мелочи в сумку, предложила тетка. — Недосуг мне зад тулить. Работать надо.

Он и не заметил, как оказался возле кондукторского места, хотя еще совсем недавно держался за поручень в полутора метрах от возжеленного кресла. Благодарно кивнув, устроился на «троне» — и тот оказался верхом комфорта в сравнении с обычными сиденьями. Здесь даже рывки автобуса не воспринимались столь остро — высокая мягкая спинка амортизировала нагрузки, возникавшие в моменты ускорений. Расслабленное тело жаждало полноценного релакса, и глаза начали закрываться сами собой. Какая разница, если все равно ехать до конечной...

— Семен! Семен, хватит дрыхнуть!! — громовой, усиленный динамиками голос пронесся по салону, отзываясь вибрацией в сиденьях, поручнях и стеклах.

Дремавший в кондукторском кресле пассажир вздрогнул и бросил взгляд на заиндевшее окно, пытаясь определить, где он находится. А потом с недоумением принялся разглядывать сумку с мелкими монетами, висевшую у него на поясе, и зажатый в левой руке переносной терминал, из которого выглядывал краешек неровно оторванной ленты. Ремень сумки никак не удавалось освободить из мертвой хватки пряжки, а терминал,

словно приклеенный, не желал покидать ладонь. На груди обнаружился бейджик с надписью: «Вас обслуживает кондуктор Семен».

— Семен!!! Чего расселся коровой неподоенной?! На маршрут выходим, готовься.

Пассажир в замешательстве не смог вспомнить свое имя, но был твердо уверен, что звался не Семеном и к пассажирским автобусным перевозкам никакого отношения не имел. Дичайшую ситуацию требовалось хоть как-то прояснить, ибо ничем иным, кроме как чудовищной ошибкой, происходящее быть не могло. Занимавшего водительское место человека скрывала пестрая шторка, а в зеркале, направленном в салон, почему-то вообще ничего не отражалось. Пассажир встал с кресла и направился к кабине, но в тот же миг двери распахнулись, и вместе с клубами морозного воздуха в автобус хлынули люди, закрыв ему путь туда. А дальше все пошло так, что нечего было и думать о разговоре с водителем. Со всех сторон уже тянулись руки с зажатыми монетами, кредитками и транспортными картами.

Он машинально взял деньги, выдал первый билет, затем еще один, и еще... Руки жили самостоятельной жизнью, принимая платежные средства, нажимая кнопки на терминале, складывая деньги в сумку. Не осталось сил сопротивляться давлению обстоятельств, в момент круто изменивших его жизнь. Случившееся представлялось дурным сном, кошмаром, который обязательно закончится с пробуждением, на что очень рассчитывал новоявленный кондуктор. Дождавшись ближайшей остановки, он решил покинуть передвижной дурдом, но невидимые пути не позволяли ему поставить ногу на ступеньку, ведущую к дверям.

Еще одна странность была в том, что улицы, по которым проезжал автобус, выглядели незнакомыми. Мир, до недавнего времени казавшийся бескрайним, вдруг сузился до тесного салона, качающегося в такт движению. Громовой голос объявлял остановки, двери открывались и закрывались, люди входили и выходили, но реальности происходящему это не добавляло. Монотонная работа не слишком загружала голову, сдачу он отсчитывал почти автоматически и непрерывно думал о том, как ему выбраться отсюда. Мысли неизменно возвращались к тому моменту, когда он задремал в кондукторском кресле. С этого все началось, и проспал он до самой конечной остановки. Другой причины нынешнего положения он найти не мог и, еще немного поломав голову, пришел к выводу: спастись можно, только подыскав себе замену среди пассажиров. Но этот вывод нуждался в проверке.

Стоявшая в проходе девушка, одетая в стильную, но, как водится, не слишком теплую коротенькую куртку, согревала дыханием озябшие пальцы и робко поглядывала на свободное место, возвышавшееся над другими сиденьями. Из установленного под креслом калорифера струился поток горячего воздуха, и было заметно, что замерзшая модница не прочь отогреться.

Протянув девушке билет, кондуктор кивком указал на кресло:

— Присаживайтесь.

— Я далеко еду, — смущенно улыбнулась симпатичная пассажирка. — До конечной.

Едва не задохнувшись от радостного возбуждения, он выдал из себя:

— Не беспокойтесь, мне все равно некогда рассаживаться.

Продвигаясь по салону, он оборачивался чуть ли не на каждом шагу, поглядывая на удобно устроившуюся в кондукторском кресле девушку. Откинувшись на высокую спинку, она почти сразу же закрыла глаза. Избавление, еще недавно казавшееся чем-то невозможным, приобрело реальные черты спящей красавицы-пассажирки. Он почти наяву увидел, как сдергивает с себя поясную сумку с мелочью и кладет ее вместе с ненавистным терминалом на колени девушке. Затем ему вдруг представилось, как она просыпается на конечной остановке и с ужасом осознаёт, что попала в ловушку. Подчиняясь приказу невидимого водителя, бредет по проходу заколдованного автобуса, принимая оплату за проезд и раздавая билеты. Наполненные слезами глаза смотрят на двери, дойти до которых ей не суждено...

— Следующая остановка — конечная, — раздалось из динамиков. — Уважаемые пассажиры, просьба не забывать в салоне автобуса личные вещи.

Он протиснулся между готовившимися выходить людьми и ненадолго замер возле кондукторского кресла. Мотнул головой, сопротивляясь малодушному желанию, и дотронулся до плеча спящей девушки:

— Вам сейчас выходить. Приехали...

Проводив ее взглядом, устало плюхнулся на сиденье. Ноги гудели, все вокруг качалось, словно не автобус это был, а корабль среди неспокойного моря. Он рванул ремень поясной сумки и, не сумев избавиться от опостылевшей ноши, чуть не заплакал от бессилия. Двери распахнулись, и в салон повалили новые пассажиры...

Потеряв счет времени и смирившись с неизбежным, он уже не пытался выбраться из автобуса. Мысли больше не металась в поисках выхода. Единственной реальностью были пассажиры, портативный терминал и поясная сумка. Жизнь свелась к простой последовательности действий: принял деньги, оторвал билет, отсчитал сдачу, ссыпал мелочь, купюры сложил отдельно...

— Ты чего мне суешь, уш-шлепок? С пятитысячной всего семьдесят четыре рубля сдать надумал? Охренел? — Пассажирдохнул густым перегаром, мутным взором окинул кондуктора и сосредоточился на бейджике. — Как тебя, там?.. Семен. Совсем страх потерял, Сема?!

— Какие пять тысяч? Вы мне сотенную дали. Вот. — Он показал содержимое отделения, где лежали бумажные деньги.

В другое время наверняка ответил бы наглему в его же стиле, а то и жестче. Сейчас осознания собственной правоты вполне хватало для сохранения спокойствия.

— Колян подтвердит! Коля-а-ан!!

Рядом с алкашом возник второй такой же с трудом державшийся на ногах субъект. Энергично кивнул, потерял равновесие и попятился, наткнувшись спиной на кондукторское кресло. Перебирая ногами, все-таки сумел преодолеть возвышение и забросить задницу на сиденье.

— На конечной остановке разберемся с вашими деньгами. — Злорадно улыбнувшись, кондуктор подумал о том, что выпивохи жалости недостойны, и неважно, кто из приятелей застрянет в проклятом автобусе. Будет ли это безымянный скандалист или его собутыльник Колян, все равно. Оба заслуживали подобную судьбу. — Да-да, как только накоплю разменные деньги, сразу же получите свою сдачу. Присаживайтесь, не стойте в проходе.

Одно лишь беспокоило его. Люди, которым предстояло иметь дело с новым кондуктором, ни в чем не провинились. Нетрудно предположить, насколько приятным будет их общение с хамом, благоухающим дешевым пойлом. К стоимости поездки автоматически приплюсуется испорченное настроение. Оно будет неизбежно распространяться и множиться, когда пассажиры начнут выплескивать раздражение друг на друга. Это как вирусная инфекция, только гораздо хуже.

Не желая становиться первопричиной такой инфекции, кондуктор рывком поднял Коляна с сиденья и направил к выходу из автобуса. Даже придержал, чтобы алкаш кулем не вывалился на заснеженную остановку. Справившись с этим делом, он повернулся и с удивлением обнаружил, что скандалист успел куда-то испариться. Более того — в салоне автобуса уже вообще никого не было.

— Петровна! — послышался громовой голос водителя. — Где тебя черти носят? Пересмена!

На задней площадке прямо из воздуха материализовалась та самая необъятная тетка в меховой безрукавке. Строго нахмурившись, она протянула руку со словами:

— Кассу давай, сменщик. Выручка в порядке?

Он почувствовал, как на поясе ослаб ремень, удерживавший заметно потяжелевшую сумку с мелочью. Пряжку удалось расстегнуть без особых усилий. Словно мелкая рыбешка, из пальцев сам собой выскользнул терминал и шлепнулся на ближайшее сиденье. Следом свалился бейджик...

Он попятился к выходу, еще не веря, что все закончилось, и он обрел свободу. И, уже собираясь без оглядки рвануть из автобуса, вновь услышал гипнотический голос водителя:

— Последняя просьба. Девчушка-растеряша паспорт в салоне обронила возле кондукторского кресла. Судя по адресу, совсем неподалеку от конечной остановки проживает. Будь добр, занеси документ владелице.

АЛЕКСАНДР КАРАПАЦ
НОЧНАЯ ФИАЛКА

Наверно, так же холодны
В раю друг к другу серафимы.

Михаил Кузмин, 1915

Фиалка проснулась в непривычной тишине. Может, так и должно быть? Она не помнила. Просто вдыхала светлую тишину и радовалась. Встала с постели и подошла к зеркалу. На неё смотрела голубоглазая русоволосая девушка с длинной косой.

«Это — я», — подумала Фиалка. Было хорошо и спокойно. Не существовало никаких забот и обязанностей. Она надела лежащее рядом с кроватью фиолетовое платье и ещё раз глянула в зеркало. Отражение улыбнулось, Фиалка улыбнулась в ответ. Можно идти гулять.

На улицах было полно народу. «Наверное, сегодня праздник», — пронеслось в голове. Но Фиалка не помнила ни повода, ни того, как всё должно происходить. Однако это не смутило девушку. Раз все радуются, повеселится и она. Посмотрела выступление джазового оркестра, задержалась возле художников, посетила комнату смеха с кривыми зеркалами. Наконец, ноги привели её в парк. На танцплощадке кружились пары.

«Вот бы меня кто-нибудь пригласил!» — стоило Фиалке подумать, как к ней подошел высокий молодой человек и галантно поклонился. Парня звали Гиацинтом.

Они танцевали весь вечер. Фиалка чувствовала себя так хорошо, как никогда раньше. Сильные руки Гиацинта скользили по её трепещущему телу всё смелей и смелей.

Ночь они провели в просторной квартире на большой кровати. Фиалка точно не могла сказать, было это то самое место, где она встретила утро, или какое-то другое. Она знала только, что эти день и ночь прекрасны.

Наутро всё повторилось. Комната, где в одиночестве проснулась девушка, напоминала вчерашнюю. Зеркало было таким же, но платье у изголовья оказалось на этот раз ярко красным. Праздник продолжался. Фиалка попала в большой зал, где проходил бал. Да, именно, бал, потому что все присутствующие были облачены в прекрасные вечерние наряды.

Звучала нежная музыка, пары кружились. Яркое платье Фиалки хорошо гармонировало с окружением. Мужчина, который её пригласил, представился Нарциссом. Он оказался ничуть не хуже Гиацинта, а в чём-то даже превосходил его. По крайней мере, в постели она получила

больше удовольствия, чем накануне. А утром опять проснулась одна.

Дни тянулись за днями. Нет, они не тянулись! Они струились ласковым ручейком, принося Фиалке всё новые и новые радости.

* * *

После работы Денис направился в пивную. В пятницу можно посидеть подольше, смакуя разные сорта пива и своё горе. С тех пор, как умерла Алёна, он не находил себе места. Спиртное помогало немного притупить боль. Лучше всего, как он понял, сидеть в шумном зале, постепенно доводя себя до нужного состояния и как бы ощущая причастность остальных посетителей к происходящему. Дома в одиночестве было хуже. Алёна всегда любила экстрим. В тот день, два месяца назад, она с другом отправилась на автомобиле в горы. Дул сильный ветер, автомобиль упал со скалы. Высота была такой, что обломки смогли разглядеть только с вертолётa. Быстрая река смыла следы.

Почему он всё время думает о ней? Ведь она не была его девушкой в общепринятом смысле слова. Просто Алёна не являлась ничьей девушкой. У неё было много друзей, десятка два из которых могли называть себя близкими. Она могла сегодня отправиться на велосипедную прогулку с одним, а завтра провести вечер в ресторане с другим. Могла собрать компанию человек в десять и гулять по городу до утра. Могла просто написать в интернете фразу типа «Когда-нибудь человечеству придется остановить свое размножение», после чего многочисленные френды начинали увлеченно обсуждать подкинутую тему. Алёна притягивала внимание и наслаждалась этим, но не отдавала никому предпочтения. Теперь он, пожалуй, понимал почему: она не хотела терять внимание остальных. Два раза Денис и Алёна встречались наедине, но дальше держания за руку и чтения стихов дело не пошло. В ответ на признания, Алёна сказала, что он ей нравится, но чувства страстной влюбленности она пока ни к кому не испытывает, и предложила оставаться друзьями. Он и сам не знал, чего от неё хотел. Умом понимал, что если девушка ответит взаимностью, вся романтика закончится и останется лишь серая повседневность. Да и самой ей трудно будет прожить без всеобщего преклонения и обожания. Поэтому он радовался, что может просто общаться с ней, посвящать ей стихи, иногда видеть. Но Алёны не стало, и жизнь сделалась невыносимой.

«Я бы продал душу дьяволу, чтобы вернуть её!» — кажется, Денис произнёс эту фразу вслух. Но во всеобщем шуме на его восклицание никто не обратил внимания. Пиво понемногу действовало, тоска отступала. Появилось состояние успокоенности, уверенности, что всё не так уж плохо. Ведь «все мы там будем».

Человек в чёрном возник за его столом неожиданно. Денис, кажется, лишь на секунду прикрыл глаза, а тот уже сидел, потягивая тёмное пиво из большой кружки. Невысокого роста с узким, похожим на собачью морду, лицом и бесцветными глазами, он выглядел немного комично рядом с высоким широкоплечим Денисом.

— Серафим, — представился незнакомец.

— Денис.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Вряд ли. Если только умеете воскрешать мёртвых, — невесело пошутил Денис.

— Я много чего могу. Но давай «на ты».

— Идет. Так вот, нужно вернуть одну девушку. С того света. Сможешь? — Денис изрядно захмелел и говорил так, как будто его сосед по столу, действительно, был всемогущ.

— Алёну?

— Да. Но откуда ты...

— Я много чего знаю.

— Ты можешь её вернуть?

— Ну, не совсем так, как ты это представляешь, но в принципе, могу ненадолго.

— На сколько? И что попросишь? Душу? — Денис вошел в игру. Или просто пьяный мозг воспринимал законы мира по-своему.

— На день, пожалуй, получится. А что взамен? Ну, давай душу, как ты это называешь.

Целый день быть с Алёной! А может быть, удастся и дольше её удерживать! Денис почему-то воспринял слова Серафима всерьёз.

— Идет! Но ты мне всё-таки объясни, где она. И что такое душа, тоже объясни. — Язык не слушался, но Денис понимал, что нельзя просто так соглашаться неизвестно на что.

— Расскажу. Не проблема. — Серафим понизил голос. — На самом деле никакой души нет.

— А что же есть? Что я должен тебе отдать?

— Свои лайки.

— Как это?

— Каждый человек в течение земной жизни получает «лайки», то есть внимание других людей. В интернете их так и называют. Только там один клик — это всегда один лайк, а в реальности внимание бывает различным, за один раз можешь получить от одной до нескольких тысяч единиц. Впрочем, тысячи за один контакт встречаются редко. Ты получаешь лайки, когда кто-то с восхищением посмотрит на тебя или искренне скажет доброе слово. Или полюбит. Это уж точно — много-много единиц!

— А кто их считает? Сколько у меня этих лайков, ты можешь сказать?

— Подсчет производится автоматически. Так устроено в мире. Для того, кто этим занимается, в вашем языке нет подходящего имени. Пусть будет просто Машина. Лайки, получаемые каждым человеком, фиксируются и используются после его физической смерти. Но знать о количестве своих лайков ты не должен. Да если я и назову какое-нибудь число, ты все равно не поймёшь, много это или мало.

— То есть, чем больше лайков, тем больше бонусов после смерти?

— Ну, да. В этом и состоит высшая справедливость.

— А у Алёны ведь должно быть много лайков! Все её любили! И где же она теперь?

— Для этого места у вас тоже нет подходящего слова. Ну, пусть будет Рай.

— И там она тратит лайки?

— Не совсем так. Но время, отмеренное ей там, соответствует количеству накопленных в вашем мире лайков.

— Выходит, известные артисты и писатели, которых все любили, тоже остаются там надолго?

— Да, в зависимости от степени любви. Машина всё точно считает.

— А как там?

— Узнаешь, когда сам попадешь. Впрочем, может, и не попадешь. Ты ведь, кажется, собирался отдать мне все лайки за встречу со своей девушкой?

— А если у меня или у кого-то другого не будет лайков? Что тогда? И что происходит, когда отмеренное в Раю время заканчивается?

— Просто забытьё. И растворение в пространстве. Ничего страшного. Ада, как такового, где грешников жарят на сковородах, тоже нет. Его придумали, чтобы люди лучше себя вели. Так что не бойся.

— Но зачем тебе мои лайки? Сам-то ты кто?

— Серафим. Твои лайки помогут мне набрать рейтинг среди мне подобных. А что будет при высоком рейтинге, тебе знать необязательно. Да просто слов таких у вас нет. Не поймёшь ты.

— Значит, ты предлагаешь мне свидание с Алёной на один день взамен всех моих лайков?

— Да. Ты правильно понял.

— Но как же она вернется, если умерла? Даже тела ведь не нашли.

— Это уж мое дело. Ты только подпиши договор. — И Серафим протянул Денису лист бумаги и ручку.

— Кровью?

— Да какая кровь? Подписывай, чем есть.

Денис, наконец, взглянул на листок. Он был испещрён странными знаками.

— А что здесь написано? Мне непонятно.

— Я переведу. Так и написано: «Я, Денис Кораблёв, отдаю все свои имеющиеся и будущие лайки подателю сего за право провести один день с Алёной Меньшиковой».

— Хорошо, — Денис поставил подпись. — А когда...

* * *

Очнулся он в постели. Было солнечное утро. Рядом спала Алёна. Девушка открыла глаза и увидела Дениса. Она пристально посмотрела на него, как бы что-то припоминая.

— Я — Фиалка, — наконец, произнесла она. — А как тебя зовут?

— Я — Денис! Ты меня не помнишь?

— Какое странное имя. Разве есть такой цветок? Впрочем, неважно, будем считать, что есть, — и Алёна прильнула к Денису.

Чуть позже он помогал ей одеваться, не уставая восхищаться всеми открывшимися прелестями. Для Дениса на стуле возле кровати тоже нашлась одежда. Они отправились гулять по городу, останавливаясь и рассматривая всё интересное, что попадалось на пути. Денис был счастлив, но понимал, что до конца счастья оставалось всё меньше и меньше времени.

Он знал, что любит Алёну, и радовался тому, что она с ним. А что чувствует девушка? Неожиданно на ум пришло сравнение со снежной королевой. Так же холодна и прекрасна! Всё-таки, с ней холодно! Но как здорово!

Серафим возник неожиданно.

— Ну, как? Ты доволен? Нет претензий по выполнению договора?

Казалось, он был виден и слышен только Денису. Алёна, как ни в чём ни бывало, продолжала разглядывать цветы в парке.

— Всё правильно, — Денис не знал, что ответить. — Но она меня не узнаёт! Так мы не договаривались!

— Про узнавание речи не шло. Ты проводишь с Алёной день, а я получаю твои лайки. Так записано.

— Но может быть, я могу что-нибудь ещё сделать? Чтобы она меня узнала.

— Ладно, давай поговорим.

* * *

Они сидели в той же пивной за тем же столиком. Серафим неторопливо потягивал пиво. У Дениса в руке тоже оказалась кружка.

— Есть легенда про Ночную Фиалку, — заговорил Серафим. — Говорят, так звали колдунью, которая могла останавливать время. Она пряла свою пряжу, а те, кто оказывался рядом с ней, засыпали на многие годы.

Время для них замедлялось, они жили в новом придуманном мире, хотя тела их оставались в том же месте. Нечто похожее произошло с тобой. Тело оставалось в пивной, а ты наслаждался общением с Алёной.

— Выходит, есть такой придуманный мир — Рай, куда люди попадают после смерти? И у каждого он свой?

— Ну, да. Ведь у каждого человека свои мечты. Машина, как Ночная Фиалка в легенде, позволяет людям провести в своём Раю столько времени, сколько они заработали за земную жизнь. Каждому по его заслугам.

— Я побывал в Раю Алёны, — продолжал рассуждать Денис. — Но что дальше?

— Теперь, когда ты немного разобрался в истинном устройстве мира, я могу открыть ещё кое-что. Как ты уже понял, все мировые религии созданы для того, чтобы люди зарабатывали больше лайков. «Не убий, не укради, не прелюбодействуй», — эти заповеди ведут к повышению нравственности и возрастанию любви в вашем мире. Все пророки вещают о том же. Представление человечества о Богах — не что иное, как примитивное описание Машины.

— А зачем лайки нужны Машине?

— Всё просто. Она ими питается. Если говорить вашим языком, это — её топливо. Не будет лайков, исчезнет сама Машина.

— Не если Машина такая всемогущая, неужели она не может просто создавать лайки? К чему такие сложности?

— Машина подчиняется законам мира. Ничто не может быть создано из ничего. Так устроена Вселенная. Машина — тоже её часть.

— Значит, Машина — не Бог?

— Нет. Хотя в вашем мире её вполне можно назвать Богом. Ведь она способна на всё, что вы приписываете Богу: создание вещей и живых существ, перенос физических объектов на любые расстояния, воскрешение мёртвых.

— Вот насчет мёртвых — поподробнее! Может она вернуть Алёну?

— Может, но она должна быть в этом заинтересована. Машина должна понять, что это ей выгодно.

— А выгодно ей то, что может принести новые лайки?

— Правильно! Ты — способный ученик.

— А как можешь помочь ты?

— Я объясню. Сейчас любовь Алёны — холодная. Она любит больше головой, чем сердцем. Она любит в первую очередь себя, а других лишь потому, что они способны любить её. Такая любовь может длиться долго, но она дает мало лайков. Твоя любовь — горячая. Ты в первую очередь любишь Алёну, а потом уже себя. Эта любовь даёт много лайков, но быстро гаснет. А вот если превратить холодное сердце в горячее, возникнет потрясающий эффект. Лайков, которые создаст такое сердце,

будет в тысячи раз больше, чем можешь дать ты. Докажи Машине, что сумеешь растопить сердце Алёны, и она вернёт девушку в ваш мир.

— А тебе какая от этого выгода? Ни за что не поверю, что ты действуешь бескорыстно.

— И правильно сделаешь, что не поверишь. Если ты сумеешь растопить её сердце, я готов даже отказаться от ничтожного количества твоих лайков, положенных мне по договору. Вы будете жить долго и счастливо, а все полученные вами обоими лайки после вашей смерти будут переданы Машине мной. Могу вам даже организовать смерть в один день и общий Рай. Зато у меня будет самый высокий рейтинг среди Серафимов. А это даст мне... Ладно, скажу, продление моей собственной жизни.

* * *

Денис снова был с Алёной-Фиалкой на аллее парка. Никто не заметил его отсутствия. Решение пришло само. Он обнял девушку и увлек к ближайшей скамейке.

— А можно, я почитаю тебе стихи?

— Давай! Только недолго. Я хочу танцевать!

Денис понял, что это последний шанс. Уже смеркалось, и если начнутся танцы, Фиалке будет не до стихов. Он посмотрел в её глаза, стараясь завладеть вниманием, и начал произносить слова, исходящие из сердца: «Я тебя хотел бы...»

Он и раньше читал ей стихи, но не смог добиться ответного чувства. Теперь же они находились в Раю, а здесь действовали другие законы. Не было физических тел, слова шли напрямую от души к душе. Некоторое время лицо девушки оставалось безучастным, она думала лишь о предстоящих танцах. Потом появилась тень внимания, сменившаяся интересом. Наконец, глаза Алёны радостно распахнулись. Каждое слово эхом отзывалось у неё в сердце.

«А сейчас... Протягиваю руку,
Чтоб коснуться этих нежных рук.

И душа, внимая сердца стуку,
Слышит твой ответный сердца стук», — закончил Денис.

— Я — Алёна! — произнесла девушка. — А ты — Денис. Я тебя люблю.

* * *

Как выяснилось, Алёна не погибла. Когда автомобиль упал в пропасть, дверь распахнулась, и её выбросило наружу. Вода смягчила падение. Река вынесла бесчувственное тело на песчаную отмель за много

километров от места катастрофы. Там её нашли местные жители, но никто не мог и подумать, что девушка из реки — та самая, что упала в пропасть в автомобиле. А прояснилось всё лишь через два месяца, когда она пришла в сознание и назвала себя.

Денис и Алёна поженились и жили долго и счастливо. Ранее холодное сердце девушки горело теперь страстным жаром любви, создавая новые и новые лайки для бездушной Машины.

— Скажи, а что тебе ещё от меня нужно? — спросил как-то Денис Серафима, с которым изредка коротал время за кружкой пива. — Не верю, что ты приходишь просто так.

— Ничего не скроешь, — засмеялся тот. — Хорошо, признаюсь. Так как мы оба получаем удовольствие от общения, немного твоих лайков перепадает и мне. А кто же откажется от лишних бонусов? Всё-таки жизнь — приятная штука.

С этим Денис охотно согласился, и они выпили ещё.

Андрей Зимний

ВРЕМЯ ЛЮДЕЙ

Боль — это любовь. Лишь любя я могу жить.

Ласка ещё не жила. Она только молилась вот так и боялась, что начнёт жить. Хотя до сегодняшнего дня, дня похорон триумвиратора, страха не было, лишь стремление стать живой, полюбить кого-то из людей всем своим естеством. А сегодня её подарят, и она полюбит.

Она впервые оказалась в зале Триумвирата, самом огромном в пещерном городе. Здесь собрались все до единого люди, они гомонили, передвигались, и звуки просто ломались о звуки или тонули в нарядах из мягчайшей разноцветной кожи, в пышных причёсках женщин, в убранных в хвосты волосах мужчин. Единственными животными в почтенном собрании чистокровных людей были гвардейцы Триумвирата и три подарочных пета, одной из которых была Ласка.

К ним, трём лучшим в питомнике, никто не повернул головы. Люди смотрели лишь друг на друга, а ещё — на ярко освещённый электрическими лампами забальзамированный труп за столом триумвираторов. После избрания нового члена Триумвирата труп перенесут в склеп, усадят за иной стол вместе с прежними почившими правителями. Но пока он останется здесь. Их всегда трое. Всегда.

Заводчик, Вик из дома Щедрых Людей, впервые на памяти Ласки перестал следить за своими питомцами. Поэтому две петки, шедшие впереди Ласки, и посмели дотронуться друг до друга кончиками пальцев. Считали, что уже живут друг другом. Ласка презирала их, но не рассказывала никому. Всё равно когда петок подарят людям, они полюбят по-настоящему. Правда, перед тем, как обрести смысл жизни, им обеим придётся потерпеть. И Ласке тоже.

Боль — это любовь. Лишь любя я могу жить.

Мужчины тем временем усаживались за центральным каменным столом, а женщины, не имевшие права претендовать на должность триумвиратора, — за столами поменьше. Люди готовились принять угощение. Сегодня подавали петов, принадлежавших покойному правителю. Золотые блюда и подносы наполнились подрумяненными окороками, копчёными рёбрышками, тушёными сердцами и лёгкими.

Обычно петов не ели, они считались домашними любимцами, роскошью, доступной лишь важнейшим представителям домов. Ласка всегда этим гордилась. Она не скот, не выращенный на ферме тучный веган, не знающий иных слов, кроме тех, что составляют его молитву: “Живя, я ем. Умирая, я даю пищу для жизни”. Но поедание петов почившего триумвиратора — традиция.

Мужчинам подали блюда, и взгляд Ласки заметался между лицами людей, один из которых станет её хозяином, её любовью, её жизнью. Шестеро мужчин выглядели совсем старыми, вилки и ножи дрожали в их пальцах, ещё двое казались настолько юными, что их подбородки вместо щетины покрывал мягкий пушок. На них Ласка едва взглянула, вряд ли это будущие кандидаты. Среди оставшихся она с содроганием отметила тех, что выглядели некрасивыми или жестокими, зато один из молодых мужчин ей понравился. Голубоглазый, со светлыми вьющимися волосами, он сохранял на губах полуулыбку и тарелки касался бережно, почти нежно. Вот бы одна из трёх вещей бывшего триумвиратора, которую запекли с мясом, досталась ему. Вот бы ему подарили Ласку.

Мужчины приступили к трапезе. Заводчик Вик ел неохотно, будто боялся найти в куске мяса то, что другие найти жаждали. Ещё бы, все знали, какой кровожадной может быть борьба претендентов. А вот Ласка не боялась, хоть и знала, что для петов эта борьба страшна ничуть не меньше. Зато с какой завистью на неё смотрели в питомнике! С какой за...

— Что она здесь делает? — оборвал её мысли напряжённый голос.

Голос принадлежал молодой женщине, будто выточенной из кости — такая у неё была белая кожа и волосы, такие чёткие очертания тела. Взвившись со стула, она сверлила взглядом юношу, усаживавшего рядом с ней немолодую даму.

— Это моя мать, — сдержанно ответил юноша.

— Это петка твоего отца.

— Именно так, Марлена. И это моя мать.

Вот тогда зал забурился. Люди закричали, повскакивали со своих мест, кто-то выволок петку за шиворот из-за стола женщин, кто-то схватил за руки юношу. А Марлена кричала, пробиваясь через толпу:

— Мерзкий полукровка!

— Они ничем не хуже нас! — ответил юноша.

Ласка испуганно следила, как движется белая фигура, пока её не перехватила другая — чёрная. Там, за столом, он показался Ласке жестоким. Мужчина выглядел молодой копией покойного триумвиратора: те же чёрные брови, сведённые к переносице, узкое бледное лицо, угольные волосы. Он поймал руку Марлены и что-то торопливо заговорил, та зло огрызнулась.

Тем временем двое гвардейцев выволокли полукровку и его мать из зала. Мужчины, шумно обсуждая произошедшее, вернулись к трапезе. Голубоглазый человек с приятной полуулыбкой, который понравился Ласке, неохотно ковырялся в мясном рагу, будто привык к блюдам по-лучше. Именно он первым поднял со дна тарелки перемазанный соусом любимый перстень почившего триумвиратора. Ласка возликовала.

— Велдон из дома Сильных людей, — объявили триумвираторы.

Велдон, это имя она бережно отложила в памяти. Вторым кандидатом стал немолодой мужчина с блестящим от пота лбом. Каил из дома Щедрых людей. Представить себя любящей Велдона было много проще, но Ласка постаралась думать с теплом и о Каиле.

— Грир из дома Смелых людей, — назвали третьего избранника.

Держа в руке гематитовые чётки, поднялся тот самый черноволосый мужчина, похожий на прежнего триумвиратора. Больше он не казался хмурым; едва скрывая триумф, Грир высматривал кого-то в толпе женщин. И когда нашёл, Ласка поняла, что этому человеку её точно не подарят. Вместе с прочей роднёй к нему подошла та самая Марлена. Если бы Ласке было позволено носить человеческую одежду и укладывать волосы в пышные причёски так же, как делают женщины, издавека она могла бы сойти за Марлену. Нет, дом Смелых людей не оскорбят подобным подарком.

Вик дёрнул её поводок и повёл к будущему хозяину. Ласка всеми силами старалась не влюбляться в возможность принадлежать Велдону. Он или Каил... Один из них, неважно который, станет её любовью, её жизнью. Но Вик подвёл Ласку к Гриру.

— Грир из дома Смелых людей, прошу принять в дар одну из моих лучших питомиц, Ласку, — начал Вик торжественно, — Ты несчастный гость в питомнике, но я заметил, как ты её разглядывал в свой последний визит. У тебя глаз-алмаз, Грир! Какой экстерьер, чудо как хороша! А глаза... Только посмотри! У неё гетерохромия, даже у беленьких нечасто встречается.

Ласка знала, что стоит очень дорого, очень, и получить её в подарок — большая удача, но Грир не выглядел довольным.

— У меня нет петов, и я не думаю, что они мне нужны.

— Триумвиратору нужны! — Вик буквально втиснул изящный кожаный поводок между худыми пальцами Грира. — Кого же мы будем есть, когда ты помрёшь? Ладно, друг, я шучу. Не обижай старину Вика. Ласка — хорошая девочка, вот увидишь.

И Грир принял её.

Оставшуюся часть трапезы Ласка сидела у его ног и старалась не смотреть на то, как Велдон из дома Сильных людей подкармливает с руки подаренную ему петку. Та принимала угощение равнодушно, а порой даже безглаголиво, будто никогда не слышала лекций о поведении с хозяином. Да, Ласка старалась не смотреть, но всё же смотрела, и очень внимательно.

Когда люди стали расходиться, Грир и два других кандидата вновь вручили петок на попечение Вика из дома Щедрых людей. Сначала в них пробудят любовь и только после этого пустят на порог хозяйского дома.

В питомнике Ласка долго ворочалась на жёсткой кожаной подстилке. Раньше она мечтала, что попадёт к одному из тех хозяев, которые балуют преданных любимцев и ставят для них рядом со своей постелью мягкую лежанку, набитую волосом веганов. Сейчас же размышляла о том, как будет спать на голом каменном полу в комнате строгого Грира. Размышляла, пока не услышала в коридоре оры и ругань Вика.

А потом заводчик пришёл узнать, жива ли она. Потому что две другие покончили с собой.

На поминальной трапезе, посвящённой отцу, Марлена ничего не ела. Руки так дрожали, что она держала их под столом. Визит юнца, притащившего за стол женщин свою мамочку-петку, стал последней каплей. По крайней мере, так Марлене казалось до того, как Грира объявили кандидатом. Как она ненавидела его... И его, и слабовольную мать, и тираничного отца-триумвиратора, забальзамированного и потому будто и не умершего до конца.

Ей нестерпимо захотелось рассказать обо всём этом Велдону. Но пока что было нельзя.

— Это хорошая сделка, — только и сказала Марлена.

— Это крайне подозрительная сделка, не находишь?

Велдон улыбнулся ещё шире. Ещё — потому что он всегда улыбался, и Марлена презирала его за вечное довольство на лице. Она не терпела любой фальши, а каждую секунду улыбаться искренне было просто невозможно. Но всё же радостное выражение лица Велдона было менее лживым, чем любой жест людей в доме Марлены.

— Помнишь, что ты говорил обо мне в детстве? Марли такая честная, что сама ставит себя в угол, — Марлена улыбнулась тоже. — Поверь, я дам тебе смертоносное оружие против моего брата. А когда узнаешь, какое, поймёшь, что не он меня подослал. Женись на мне. Я хочу покинуть дом Смелых людей раз и навсегда.

— У меня и без твоей подсказки довольно много шансов стать избранником Триумвирата.

— И довольно много шансов не стать. Если не женишься на мне до объявления избранника, я не скажу тебе ничего.

— Ты по-прежнему не любишь меня? — спросил Велдон.

— Полюблю, — пообещала Марлена. — Только заberi меня оттуда.

Вик ужасно злился из-за самоубийства двух лучших питомцев, подаренных триумвираторам, и Ласка злилась вместе с ним. Две никчёмные смерти вместо двух жизней, наполненных счастьем принадлежать хозяину. И хотя Ласка была умницей и не подвела Вика, он слишком резко дёргал поводок, ведя её в красную комнату.

Через эту каверну проходил каждый обитатель питомника, и всё равно Ласка понятия не имела, что ждёт внутри. Комната и правда оказалась красной. По стенам тянулись гипнотические узоры, выложенные красной яшмой, она же украшала шторку из крашеной шкуры, загораживающую проход. Грир о чём-то беседовал со свежевальщиком, готовившим инструменты для работы. Лица обоих мужчин казались обескровленными в стерильно-белом свете большой лампы, висевшей над длинным столом, испещренным желобками. На их краях Ласке померещились тёмные засохшие потёки. Вик отстегнул поводок от ошейника и подтолкнул её в спину.

Увидев приближающуюся Ласку, Грир кивнул свежевальщику и занял место на скамье для хозяев. Вот и всё, сейчас будет боль. А любовь... Любовь только после, но сейчас, когда Ласка видела шприц в руках свежевальщика и набор хорошо заточенных ножей на столе, думать о любви она не могла.

— Раздевайся и ложись на спину, — буднично велел ей свежевальщик.

Украдкой поглядывая на Грира, Ласка сняла сандалии и размотала широкий кожаный кушак, охватывающий бёдра. Она вскарабкалась на стол, легла на спину и постаралась не дрожать ни от страха, ни от холода, вливавшегося из камня в обнажённое тело.

Свежевальщик ввёл ей иглу под кожу на груди и впрыснул какой-то препарат. Прodelывая то же самое с ногами и руками Ласки, он пояснил для Грира:

— Мы используем миорелаксанты, чтобы петы не дёргались во время процедуры, иначе можно их повредить. Но она будет в сознании и всё почувствует.

Свежевальщик демонстративно приподнял руку Ласки, и кисть безвольно повисла. Ласка попыталась шевельнуть пальцами — ни один не двинулся. Тогда стало страшно по-настоящему, будто, лишившись контроля над телом, она осталась без последней защиты. Холод каменного стола добрался до самого сердца. А потом Ласка ощутила давление ножа.

Когда лезвие только взрезало кожу у ключицы, она молилась шёпотом, когда окровавленная полоска стала длиной с палец — сбивчиво, во весь голос, путая слова. Когда Ласка в первый раз заорала, напряжённый голос Грира пробился к ней через спеленавшую тело боль.

— Я хочу сам. Оставь инструмент и уходи.

— Но...

Ответ свежевальщика Ласка едва слышала. Раздирающую пульсацию на груди на мгновение потопил новый ужас. Ей доводилось видеть петов, ошкуренных лично хозяевами, ей доводилось слышать, как они страшно выли в красной комнате и скулили в своих маленьких кавернах после. Некоторых из них хозяева потом не желали забирать из питомника.

Ласка слышала удаляющиеся шаги свежевальщика и приближающиеся — Грира. Видела его голову, обрамлённую венцом белого света, и его руку, поднявшую нож.

Для пета без боли нет любви.

И сознание на мгновение выжгло новой вспышкой. Ласка зажмурилась, вжалась затылком в камень. Грир сдирал с неё лоскут кожи бесконечно медленно, или ей изменило чувство времени. Будто уже полжизни её терзали дикое жжение и колющие удары боли. Будто внутри метались заряды электричества, дёргали нервы.

Наконец нож оставил её тело, хотя и не забрал боль. Лицо Ласки стало мокрым от слёз, слюны и пота, и ей было стыдно за это перед хозяином. Она заставила пересохшие губы разомкнуться:

— Прости...те. Я буду... Буду служить лучше.

— Не нужно извиняться, — отозвался Грир и коснулся её искромсанной плоти кистью, смоченной в его крови.

Вытесняя боль, сознание Ласки затопила благодарность. За то, что хозяин принял её там, в зале триумвирата, за то, что заживляет её раны, за то, что он сейчас рядом. Его лицо больше не казалось жестоким, на нём читалась лишь строгость отца, которого у Ласки никогда не было. Комната поплыла, красноватые отсветы со стен забирались прямо в глазницы, заслоняя это лицо, и Ласка попыталась дотянуться до него, коснуться, остановить, но рука не двинулась.

Грир отложил кисть и ушёл. Ласка голодными глазами смотрела на пол, туда, где он ступал, и ей мерещилось, что на полу остались алые отпечатки его сапог. Хотелось скатиться со стола, ползти по цепочке следов.

Грир приходил ещё четырёхжды прежде, чем старая кожа полностью сменилась на новую. Ласка знала, что уже с первого свежевания установилась нейрорпсихическая связь с хозяином: как бы далеко тот ни был, пет чувствует, если хозяину больно. Ласка постоянно прислушивалась к ощущениям, мечтая уловить что-нибудь. Конечно, ничего хорошего, если хозяин поранится, но осознание того, что она — его первый и единственный пет, что больше ни с кем он не делит боль, вызывало радостный трепет. Но до сих пор она не ощутила ничего.

И всё же связь возникла, Ласка не сомневалась. Её идеально восстановившаяся кожа говорила о том, что кровь Грира вступила в реакцию с её организмом. Ласка стала, пожалуй, ещё красивее. Через неделю после завершающего свежевания она полностью восстановилась, и за ней пришёл Грир.

Ласка помнила, что нельзя без конца улыбаться, благодарить его, быть навязчивой. Но при виде его она ощутила такую радость, что не смогла сохранить спокойствие, не смогла не смотреть на него по пути в новый

дом. И Грир, кажется, даже не сердился. Наоборот, он будто вбирал в себя её плещущий через край восторг, не позволяя пролиться мимо ни капли. Какой же глупой она была, когда боялась, когда не верила. Правила и традиции мудры, гораздо мудрее её, Ласки. И теперь, когда ей позволено делить с Гриром каверну, жизнь станет ещё лучше.

В личной каверне Грира было столько всего удивительного! Не то, что Ласкина конура в питомнике, где стояла лишь узкая койка да сундук с одеждой, служивший ей и столом, и стулом. Мягкая постель хозяина могла вместить троих, вездесущий серый камень стен скрывали яркие крашенные кожи, а в нишах гнездились самые настоящие бумажные книги. Ласка даже смотреть на них боялась, но Грир просил читать ему вечерами, и она читала. В них рассказывалось о животных. Не таких, как в пещерном городе, а тех, вымерших древних, в честь которых Ласка и другие петы получали клички. Книги завораживали, но Ласка их не любила: переворачивать пожелтевшие сухие страницы было страшно, будто и сама книга вот-вот исчезнет, а её именем назовут блёклое подобие.

Что Ласка по-настоящему любила в каверне Грира, так это ростовое зеркало. Конечно, пету не полагалось пялиться в хозяйское зеркало, поэтому Ласка могла глянуть на себя лишь украдкой, проходя мимо. Но сегодня ей было дозволено всласть полюбоваться своим отражением, чтобы примерить подарок Грира. Два чудесных полумесяца из красной эмали, оправленной в серебро, плавно качались в её ушах. Хозяин сделал ей подарок!

Конечно, Грир заботился о её нарядах и раньше, даже, несмотря на недовольство прочих обитателей дома Смелых людей, подбирал ей одежду так, чтобы та отдалённо напоминала человеческую. Но подарок сделал впервые.

Ласка огладила кончиком пальца прохладную красную эмаль, будто, с нежностью касаясь серёжек, она благодарит самого хозяина. Грир тоже казался довольным:

— Закрой глаза и повернись ко мне.

Он часто просил Ласку закрыть глаза, наверное, ему не нравились её радужки разных цветов. Она послушалась и повернулась в сторону хозяина, на голос, звучание которого мчалось вместе с кровью по её венам. И даже вот так, вслепую, Ласка ощущала свет его одобрения. Она могла бы вечно стоять с закрытыми глазами, слушать ровное дыхание Грира, но его заглушил шум шагов и разговора в коридоре.

— ... и я думаю, мне уже пора, — это говорила старшая сестра Грира. Ласка хорошо запомнила голос той, кого старалась избегать из-за оскорбительного сходства.

— Марлена, — а теперь ей отвечала мать, Ивон, — мы обсудим это потом. Сперва пусть решится с твоим братом.

Ласка без разрешения открыла глаза, когда обе женщины зашли в каверну хозяина. Она всегда удивлялась, насколько Ивон внешне отличалась от сына: невысокая, светловолосая, с плавным овалом лица и серыми глазами. Обращённый к ней голос Грира всегда был полон непривычной почтительной мягкости, слушая его, Ласка ощущала не страх, но что-то очень близкое к нему: человек, почитаемый ею за бога, почитает за бога кого-то другого.

Ласка отступила на крошечный шаг, надеясь остаться незаметной и для матери, и тем более для сестры Грира, но Марлена ринулась напрямик к ней. Лишь когда та приблизилась, Ласка рассмотрела её серьги — алые полумесяцы в серебре, только украшены не эмалью, а рубинами. Что-то зажглось в Марлене, то самое, что заставило Ласку бояться её ещё в зале триумvirата, единственную из всей толпы.

— Думаешь, тебе ничего за это не будет? — бросила Марлена в сторону Грира. — Думаешь, можешь заткнуть любого в этом доме, как и отец? Ты ещё не сел в кресло триумvirатора.

Она дёрнула серьги в ушах Ласки. Та вскрикнула от боли, а Марлена — от злости. Она сжала серьги в кулаке. Ласка была готова к тому, чтобы поймать украшения, когда те полетят в Грира. Но Марлена швырнула их в мать:

— Я выхожу замуж за Велдона!

Она плотно запахнулась в алую шаль и удалилась из комнаты. Ивон с несвойственной ей неловкостью подняла серьги и спрятала в карман.

— Ты дразнишь огонь.

Грир продолжал смотреть на кожаную портьеру, на её угасающие колебания, рождённые уходом сестры. Губы хозяина подрагивали, будто он мысленно посылал вслед Марлене целую заготовленную тираду. На Ласку, готовую разрыдаться — не от боли, от рвущей сердце обиды за потерянный подарок — хозяин даже не взглянул. Он никогда не обращал на неё внимания, если рядом была сестра.

Когда портьеры застыли, гася напоминание о присутствии Марлены, Грир повернулся к матери:

— Глупое совпадение, ты же знаешь, она только и ищет случая лишний раз меня обвинить.

— Мне жаль, что я не смогла помирить вас. Древние бы сказали, что вы как кошка с собакой, с самого детства... И вот к чему это привело. Подумай, брак может стать основой союза наших домов.

— А может и не стать, — Грир нервно сжимал кулаки, а потом естественно прямо разгибал пальцы. — Я устраню его до объявления избранника, всё уже готово...

— Замужество Марлены даст привилегии вам обоим в случае избрания. Сейчас же ты должен не нападать, а обезопасить себя.

Любые секреты, о которых, как ты думаешь, не подозревает никто, включая меня — от них не должно остаться никаких следов. Иначе Велдон узнает.

На мгновение, всего на мгновение, Ласка заметила страх Грира. Она видела такой в глазах петов, которых никак не хотели покупать, а потому пускали на мясо.

Ласка никогда не спрашивала у Грира ничего. Но сегодня молчать было сложнее обычного, ведь вокруг оказалось слишком много такого, чего раньше Ласке видеть не приходилось.

После освещённых каверн и длинных коридоров они оказались в анфиладе естественных подземных залов, тянувшихся в темноту один за другим. Их чёрное нутро было наполнено движущимися огнями фонарей и влажным липким звуком, который создаёт масса движущихся дышащих тел. Дышащих и поглощающих пищу.

— Это веганы? — Ласка знала, что они, но хотела услышать ответ Грира, его голос. Шевелящаяся животная масса, скрытая темнотой, источающая запахи, будто навалилась на Ласку.

Грир ничего не ответил. Мимо проехала телега с силосом. Возница, освещённый фонарём, почтительно приподнялся, заметив Грира. Впряжённые в телегу веганы даже не поняли, кого встретили. По пути возница разбрасывал растительный корм. Веганы вяло подтягивались к еде, брали в руки желтоватые стебли и затягивали молитву: “Я живёштьб еть...” Ласка поняла, что для них это был просто набор звуков, правильную очередность которых они не могли запомнить.

Ласке всё сложнее было не смотреть на них. Она придумывала им другие молитвы — те, что подходят живущим и умирающим в темноте. Представляла, что ощутит веган, попав в каверны людей. Ей стало казаться, что правы мудрые мужи, предрекающие, что через несколько столетий эти животные вырождаются в тех, что были до конца света. В какой-то момент она поняла, что не видит перед собой спины Грира. Ласке показалось, что она задыхается, что запахи и звуки затекают ей в лёгкие. Она широко открыла рот и просипела имя хозяина. И тут же ощутила, что он взял её за руку, развернул в нужном направлении.

— Осталось немного.

Больше она не смотрела ни на что, кроме его силуэта. Вскоре веганы остались позади, и под ноги Ласке пролился свет. Она едва могла держать глаза открытыми. Но всё же сквозь заставшие их слёзы разглядела в потолке несколько круглых странных ламп, ярче тех, что работали от гидроэлектростанции в недрах горы.

Грир натянул Ласке на голову какой-то плотный колпак. Глаза закрыли затемнённые стёкла.

— Слюдяные вставки в потолке, — он указал вверх, на лампы. — Их чистят наши рабочие, когда выходят на уборку кормовых. Этот свет — свет солнца.

Свет солнца... Кроме животных и Смелых людей, выращивающих кормовые культуры, никто и никогда его не видел. И вот свет солнца касается Ласки.

Грир помог ей полностью облачиться в защитный костюм из обработанной химикатами кожи, сам надел такой же, привязал к поясу металлический ящик с инструментами. Ласка удивилась тому, что хозяин сам выходит в поля, а тут он ещё зачем-то велел:

— Смотри внимательно и запоминай дорогу.

Перед ними распахнулись ворота. Ласка приготовилась к встрече с внешним миром, но за воротами оказалась маленькая каверна, по которой ходили работники в спецкостюмах и что-то распыскивали на стены и пол. Грир сказал им:

— Это Ласка. Она будет называть свою кличку, а вы будете её выпускать.

Он взял её за шиворот и протащил сквозь последние двери.

И там на Ласку рухнуло небо. Даже затемнённые линзы в защитной маске не смогли скрыть, какое оно яркое, бескрайнее, невероятное. Ласка ощутила дрожь в ногах, голова закружилась. Но Грир держал крепко, не давая упасть.

Не сразу удалось ей оторвать взгляд от неба. Но когда удалось, голубой цвет сменился невиданным ранее многообразием зелёного. В кавернах и люди, и петы избегали этого несчастливого цвета. А здесь, во внешнем мире, он наползал со всех сторон. Казалось, что резные листья деревьев тянутся вниз, чтобы сжечь безумных двуногих, осмелившихся жить на их земле. Кислотно-яркие травы льнули к защитным костюмам, цеплялись за высокие сапоги. Казалось, ещё немного, и уронят в зелёную подушку под ногами, растворят в яде и поглотят.

— Там когда-то жили люди, — вдруг сказал Грир и показал вдаль.

Было трудно угадать здание в упавшем бетонном костяке, поглощённом мхами и лианами. Ласка мысленно наложила на него одну за другой картинки, которые петам показывали на лекциях по истории — не вышло.

— В юности я ходил туда. Но...

У Грира, похоже, тоже не вышло восстановить прошлое человечества внутри его поверженного скелета.

Они шли, и Ласка запоминала: мимо кустарника с ярко-жёлтыми шипами, с которых сочатся капли, мимо фиолетовых цветов с лепестками размером с её голову, мимо рощи деревьев, ветви которых колышутся даже без ветра...

— Сюда, — объявил Грир, дёрнул ручку металлического люка в земле, который Ласка, конечно, даже не увидела.

Они спустились внутрь. Привычная атмосфера подземного города — темнота и ограниченное пространство — сразу успокоили Ласку. Грир включил фонарик, прошёл в конец обваливающегося коридора и отпер дверь. Петли и проём перекосило, ему пришлось приложить немало усилий, чтобы отворить её.

— Справишься сама?

Ласка кивнула, вошла за ним. Луч фонаря пробежался по стенам, грудам битого кирпича на полу и остановился на скрюченной фигуре человека.

Точнее, петки. Когда она повернула лицо, Ласка узнала её. Любимица почившего триумвиратора, получавшая лакомые кусочки на пиршествах из рук хозяина. Как Ласка завидовала ей, находясь в питомнике... Почему её не съели с остальными? Зачем она Гриру?

Хозяин, тем временем, открыл пристёгнутую к поясу металлическую коробку, достал флягу с водой и еду, протянул петке. Та подползла, глядя на него с любовью.

После смерти триумвиратора, своего господина, она не должна так смотреть ни на кого. Быть не может, чтобы так привязалась к хозяйскому сыну. Просто физически не может быть!

— Я больше не приду. С ней не разговаривай, поняла?

Петка кивнула, и Грир с Лаской направились обратно в пещерный город.

— Еду будешь прятать в коробке, а если кто спросит — собираешь образцы для...

Грир вскрикнул и, вместе с ним, — Ласка. Она почувствовала, как жжёт колено, будто кипяток вылили, глянула — раны нет. А Грир топтал сапогом пышную траву, листья которой от ударов свивались в спирали, съёживались и превращались в плотный клубок.

— Даже через защиту, зараза... — Он вручил Ласке лопатку, поставил ящичек на землю. — Выкапывай. На этот раз и правда принесём из вылазки образец.

Ласка выполнила приказание, не прекращая смотреть на его колено. Боль была сильная, а дыру в костюме прожгло совсем крошечную.

— С тобой всё будет хорошо, Грир?

— Да, — бросил он, глядя в сторону железного люка в земле.

Марлена всем сердцем надеялась, что триумвиратором объявят Велдона. Не только потому, что стала его женой, пусть бы даже победил Каил... Лишь бы не Грир! Она не жалела и не простила его; если бы тайна принадлежала одному лишь братцу, Марлена вручила бы её Велдону, не раздумывая. Но это тайна могла похоронить весь дом Смелых людей. На такое можно пойти, только если не останется выбора. Только если выберут Грира. Таковы были условия их с Велдоном союза, и Марлена

не сомневалась, что он эти условия примет. Если не ради своей давней влюблённости, то хотя бы ради собственной безопасности. Никто из кандидатов не боялся неглупого, но совершенно бесхитростного Каила, а вот Грира... Грир из дома Смелых людей обладал достаточной силой и влиянием, чтобы устранить Велдона, но ещё он был слишком предан матери, чтобы убить мужа её дочери. Даже сейчас, в Колизее, где взгляды всех людей прикованы к арене, Грир чаще смотрит на мать, чем на терзающих друг друга брутов.

Каверна Колизея уступала размерами разве что залу триумвирата. Она уходила вглубь ярусами балконов и заканчивалась круглой площадкой, где грызлись звери. Расположение балкона дома Сильных людей, хозяев Колизея, было самым лучшим. Марлена могла отчётливо видеть, как могучий брут зубами вырывает шматы плоти из жилистого и юркого противника, но при этом ей не приходилось вдыхать вонь животных. Впрочем, кому-то эта вонь нравилась. Сабина из дома Щедрых людей разве что не лизала воздух, напитанный потом и кровью. Кое-кто даже считал, что она спит с брутами. И не только она... Но Марлена не верила. Бруты — звери. С телами, похожими на обтянутую кожей груды камней, с неутолимой жаждой убивать и жрать. Кто мог пожелать лечь с такими? Кто вообще мог пожелать лечь с животным? Марлена знала, кто...

Люди на балконах восторженно завопили. Громадный брут, наконец, свалил измотанного противника и пяткой превращал его лицо в окровавленный кусок мяса. Марлена не кричала вместе со всеми, не прынула к поручням балкона, когда победителю бросили награду. Ей хотелось просто узнать имя, имя нового триумвиратора. Узнать, что этим именем будет не “Грир”.

— Смотри-ка, — Велдон тронул плечо жены. — Думал, её убили сразу же, как выволокли из зала.

Марлена проследила за его взглядом. Под ноги зверю с арены бросили немолодую петку, мать полукровки, которую тот собирался усадить за стол людей в зале триумвирата. Она попыталась отползти, но споткнулась о мёртвого брута, её рука заскользила по вмешанной в песок крови. Победитель бросился на неё сверху, дёрнул в стороны ноги. Мощная туша вдавила петку в песок и вдабливала всё глубже, глубже. Та даже не кричала. Может она уже и не была живой. Умерла от ужаса, когда брут врзался в неё. Люди улюлюкали, и Марлена впервые с начала боёв волилась в общее торжество.

Так ей и надо, безмозглой суке! Захотела посидеть за столом людей, отведать их еду... Вот её место — быть объедками другого тупого животного. Петки не смеют садиться за стол людей. Не смеют ложиться в кровать с человеком! И ублюдок этой суки — он тоже не человек. И теперь, наконец, займёт положенное ему место — место животного

в своём бывшем родовом доме. Марлена до побелевших костяшек впи-лась в каменные перила, она не заметила, как перестала жадно следить за брутом, жрущим куски сочащегося кровью мяса, и нашла глазами брата. Он не ликовал с остальными, ещё бы... Пусть знает. Именно так следует поступить с каждым, кто выдаёт себя за человека. С каждым!

Когда Велдон тронул её предплечье, Марлена ещё не успела согнать с лица злобный оскал, но он продолжал улыбаться. Как и всегда.

— Ну что, готова узнать, кто ты: жена триумвиратора или сестра триумвиратора?

Его голос звучал так беспечно... Ещё бы, ведь он знал, что так или иначе избранником станет он. Убийством ли, раскрытием ли семейной тайны... И Марлена поняла, что она обманула, едва ли не впервые в жизни обманула. Она его не полюбит. Могла бы полюбить того, влюблённого и открытого Велдона из детства, но не этого. Новый взрослый Велдон и сам-то её вряд ли уже любил. Ну и плевать, лишь бы не жить под одним сводом с Гриром и не видеть его триумвиратором.

— ... избирается Каил из дома Щедрых людей.

Каил... Не Грир. Марлена изо всех сил удерживала на лице маску разочарования, чтобы спрятать переполнявшее грудь облегчение. Вместе со всеми она воззрилась на балкон, где, сгорбившись, сидел Каил. Он похоже дремал и даже не услышал о своём триумфе. Родня с соседних балконов кинулась его поздравлять, трясти за руки, плечи... Он так и не двинулся. Триумвиратору, объявлявшему нового избранника, что-то шепнули на ухо, и он вновь заговорил:

— Мы все сожалеем о безвременной кончине Каила из дома Щедрых людей, но пока третье место в Триумвирате пустует, мы не можем позволить себе долго предаваться трауру. Новым триумвиратором избирается Грир из дома Смелых людей.

Маска равнодушия лопнула. Марлена вцепилась в руку мужа, оставив на его коже красные полумесяцы следов от ногтей. Пока её братца оглаживали лстивыми поздравлениями, она вонзала в его спину клинок:

— Он полукровка, — Марлена заметила, как губы Велдона дрогнули от рвущегося вопроса, но не позволила себя перебить. Боялась остано-виться, боялась растерять гнев и, вместе с ним, решимость. — Никто не знает. Мой отец спал со своей петкой, и она родила от него сына одновременно с моей матерью. Мне тогда было четыре, и я видела, как петка уложила своего выродка в колыбель моего брата, чтобы его растили, как человека. Я кинулась к матери, а она сказала, будто мне это приснилось!

Последние слова плеснули невысказанной детской обидой. Мар-лена знала, знала, что мать ей поверила! Но она так боялась отца, что не осмелилась защитить своего сына, что растила ублюдка, как своего.

— А твой настоящий брат?

— Он умер спустя два месяца.

Об этом она тоже не хотела вспоминать. Из-за этого ещё сильнее ненавидела Грира. Он занял место её настоящего брата, того, о ком Марлена так мечтала, кого могла любить всем сердцем. И этот, такой желанный, брат умер, потому что выжил Грир.

Велдон казался разочарованным.

— И кто мне поверит? Тебе было четыре, Марлена. А если тебе и правда приснилось или показалось?

— Мне не показалось! Нужна лишь экспертиза дома Щедрых людей. Эту петку, его мать, не съели вместе с остальными. Когда всех забирали, Грир запер её в каверне. Я бы привела эту петку для тебя сама, но он забрал её. Он наверняка боялся, Велдон! Разве он стал бы бояться, если бы это была просто петка? — Марлена вцепилась в мужа, будто её несло вниз камнепадом, а Велдон был надёжным уступом. — Я знаю, где он мог её спрятать. Найди её и заставь Триумвират затребовать экспертизу, — а потом взмолилась шёпотом: — Обещай, что ублюдок своё получит!

Велдон произнёс заветное: “Обещаю”, и Марлена бережно несла слово мужа с собой, покидая Колизей. И только оно, звенящее и тёплое, помогло сохранить приличествующее достоинство, когда они вместе с людьми из других домов поздравляли Грира с избранием в триумвираторы.

Ласка с радостью ощущала, что колено Грира болит всё меньше. Казалось, что когда ожог пройдёт совсем, разрешатся и все проблемы хозяина. Казалось ровно до этого утра.

Раз в два дня, пока Грир спал, она ходила кормить петку его отца. Молча вынимала припасы из ящика для образцов и возвращалась. Убирала хозяину волосы в хвост, помогала одеться, подводи́ла глаза сурьмой и сопровождала его к завтраку. А этим утром Ласке пришлось прошептать:

— Её не было.

Хозяин дёрнулся.

— Дверь была открыта, петки не было. Замок...

— Хватит, — прервал он.

Ласка видела, как бледнеет его лицо, как стягиваются в скорбную нитку губы. Неужели какая-то петка, даже столь сильно к нему привязанная, могла значить для Грира так много? Но почему он тогда прятал её от всех? Разве только... Нет, невозможно.

— Это ведь Велдон увёл её, да? — спросила Ласка и сама сразу же всё поняла.

Зачем бы ещё второму кандидату красть какую-то петку? Только если это поможет уничтожить конкурента. Неужели Грир правда

полукровка? Не может быть, они с этой петкой даже не похожи... Но другого объяснения нет.

Грир ответил лишь:

— Молчи и делай то, что должна.

Она взяла кисточку, набрала на неё сурьму и повела по его верхнему веку. В питомнике Ласка целыми днями тренировалась красить глаза, и её всегда хвалили — за ровную линию, за плавность движения. А тут выходило криво.

Из её глаз текли слёзы оттого, что она когда-то с такой приязнью смотрела на Велдона, который вот-вот погубит хозяина. Ей следовало быть осторожнее, нужно было следить за позорной тайной Грира — матерью-петкой!

«Простите, простите меня», — повторяла Ласка лишь мысленно, ведь он приказал ей молчать. Молчать и делать то, что должна.

Ласка решила сразу же, не размышляя. Не о чем тут было размышлять — либо сможет спасти хозяина, либо жить ей уже будет не для чего. Поэтому она спешила в каверны дома Сильных людей и надеялась лишь, что Грир простит, если всё у неё получится. Страшный, жестокий план, но другого Ласка придумать не успела, поиск припрятанного хозяином железного ящика и так занял слишком много времени. Только бы получилось, только бы найти мать Грира и успеть бросить в неё содержимое сумки, которую Ласка опасливо держала подальше от ног.

— Я принесла вещи госпожи Марлены, — произнесла она много раз отрепетированную фразу.

Слуга дома Смелых людей потянулся к сумке, но Ласка спрятала её за спину и часто-часто замотала головой.

— Это личные вещи госпожи! Дорогие и ценные, она строго приказала, чтобы я своими руками донесла их до её новой каверны и сама же разложила. Если с ними хоть что-то...

— Ладно-ладно, пойдём, — перебил её слуга и жестом велел следовать за собой.

Ласка хотела поспорить, ведь провожатый был ей совсем не нужен, но вовремя закрыла рот: и так пустили её слишком легко, ни к чему вызывать подозрения. Надо только остаться одной в каверне, а там...

Но её не оставили. Слуга застыл в проходе и лениво пялился на Ласку, ожидая, что та разберёт принесённые вещи и провалит. Она медлила. Поставила сумку на кровать Марлены, оглядела каверну. Её удивило, что здесь было слишком холодно и пыльно, набитый волосом матрас пах сыростью и затхлостью, будто покойми давно не пользовались и ещё долго не собирались. Ласке некогда было размышлять об этом.

— Вы оставите меня? — решила она на прямой вопрос.

— Зачем это? Делай своё дело.

— Это личные вещи и госпожа Марлена...

Ласка запаниковала. Почувствовала, как прилившая к лицу кровь зажгла щёки, как пунцовыми стали шея и плечи. Чтобы не выдать себя с головой, она кинулась развязывать шнуровку на сумке, та не поддалась, и тогда Ласка вдруг поняла, что делать. Она просительно воззрилась на слугу:

— Не поможете? Слишком туго затянула...

Тот хмыкнул, маскируя деланным раздражением удовольствие выказать силу. Подошёл, без труда справился со шнуровкой, а когда он склонился, раскрывая сумку, — Ласка толкнула его голову внутрь. Он дёрнулся, Ласка удержала. Его встретил открытый железный ящик, полный чистого яда — смертоносного, разлагающего всё, чего коснётся. Ласка ожгла пальцы, отпустила голову слуги и тот, мыча и сипя, кинулся прямо на неё.

Она шарахнулась в сторону. Для неё — маленькой, ловкой — ничего бы не стоило сбежать от полуослепшего, харкающего болью слуги, но руку... Другую, не ту, что она опалила ядом, будто ошпарили. Чужая боль, но такая же острая, как своя — Грир. Ласка застыла, казалось, лишь на миг, но слуга схватил её. Схватил, пачкая лицо, грудь, плечи рвущим на клочки ядом.

Ласке удалось вырваться. Израненной, изуродованной, никчёмной. Ей уже не найти петку, не помочь Гриру... Лучшее, что она могла сделать — сбежать, пока никто не увидел.

Сильнее всего Марлена боялась пожалеть. Нет, не Грира, конечно же, его было жаль не больше, чем поданного к столу вегана, а семью, весь дом Смелых людей. Помимо одного выродка, к нему принадлежали ещё и мать, и прочая родня. Но, проверяя, аккуратно ли сложены в сумки её наряды, и не забыла ли бестолковая служанка любимую шаль, Марлена поняла, что не испытывает и капли жалости. Разве что к матери немного... Но ведь она сама, сама виновата! Даже теперь, когда отец умер и притворяться больше не за чем, она продолжает делать вид, будто ублюдок триумвиратора имеет к ней хоть какое-то отношение. Наверное, даже приди к ней Марлена сейчас, мать опять принялась бы утверждать, что увиденное было лишь дурным сном, что материнское сердце не обманешь и прочую подобную чушь! Значит, пусть завтра разделит позор вместе с любимым сыночком. Вот так.

Марлена расправила края нежно-голубой юбки, расшитой золотым волосом, которую ненароком смяла, пока злилась на Грира. Даже и тут он сумел всё испортить. В последний раз — поклялась она себе. Вещи почти собраны, новый дом уже ждёт. Велдон должен стать ей хорошим мужем, а если и не станет — в конце концов, быть женой триумвиратора ценно само по себе. Марлена взглянула на последнюю свою вещь,

оставшуюся в печально пустой комнате — лазуритовая шкатулка с гербом дома Сильных людей. Свадебный подарок от Велдона. Густо-синяя с вязью белых прожилок, отделанная серебряным кружевом с узелками сапфиров, она сама по себе могла быть достойным подношением, но внутри было ещё кое-что. Марлена уже успела заглянуть под крышку, но достать решила только сейчас. Серебристая шаль из тончайшей кожи, похожей на те воздушные ткани, которые она видела на иллюстрациях древних книг из отцовской библиотеки. Нет, она не ошиблась, выбрав Велдона. И зря волновалась, что он отречётся от неё, побоявшись, что грядущий позор дома Смелых людей через жену перекинется на него.

Марлена бережно извлекла из шкатулки аккуратно сложенное полотно. На ощупь оно оказалось нежным и бархатистым, оставляющим на подушечках пальцев след, похожий на невесомую пудру. Легонько встряхнув шаль, Марлена набросила её на обнажённые плечи, укуталась, будто не в полотно, а в саму заботу Велдона. Вокруг лица закружились сверкающие пылинки...

А потом Марлену обожгло.

Резко, остро — тысяча обточенных граней, сдирающих кожу. До самых костей, до дыхательных путей. Марлена не могла вдохнуть, воздух стал горячее углей. Плечи, горло будто ободрали до мяса и растёрли грубым волосом. И с лицом, что-то с её лицом... Она заорала, завывала, голосом, который не узнала. А потом и он оборвался. Кричать — слишком больно.

Марлена принялась тереть руками лицо, но стало хуже, а пальцы будто сами драли кожу ногтями. Кто-нибудь, кто-нибудь... Она не слышала своего шёпота, только бессильный хрип. Значит, никто...

Шаги. Сначала далёкие, а потом близкие и частые. Марлена разлепила веки и застонала. Не он, только не он... Ей показалось, что в руках Грира нож. Что сейчас этим ножом брат её прирежет. И пусть, пусть уже. Терпеть — тоже слишком больно.

Грир метнулся куда-то в сторону, закрывая лицо рукавом — у него не было никакого ножа. Через миг Марлену снова обожгло, но уже ледяным. Мокрым, холодным... Благословенно холодным. В лёгких всё ещё нестерпимо горело, но ей больше не казалось, что она расплывается на части. Грир содрал с неё шаль, сдавленно вскрикнув, когда край отравленного полотна скользнул по коже. Потом он нёс Марлену куда-то, снова омывал водой, уходил сам, а, возвращаясь, чем-то смазывал кожу. Он говорил что-то о спорах баранца, о том, какой Велдон ублюдок, и что его дорогая сестра обязательно поправится. Марлена чувствовала своими лёгкими, изодранными ядом, что не поправится. Но за обещание выздоровления, данное Гриром с отчаянной любовью, она хотела испытать к брату благодарность.

— Я перестала ненавидеть тебя, — солгала она.

Но даже этого оказалось достаточно, чтобы последние минуты Марлены стали важными хотя бы для одного человека.

Ласка так подвела его, так подвела! Вот почему Грир — человек, а она — лишь пет. Недалёкий, рождённый лишь слушать и исполнять распоряжения хозяина. Сама она могла придумать только самоубийственную и бесполезную глупость. И то, что она выжила, всего-навсего ошибка, насмешка. Такая она Гриру уж точно не нужна, разве что он будет так добр к ней, что примет в качестве пищи. Ласка была готова и на это, но всё же содрогнулась: стать, как веган, даже хуже — то, чего она страшилась больше всего.

Ненужная, ненужная, ненужная... И почему Грир не разъярился, увидев её? Будто даже испытал облегчение. Ласка застыла перед ним, преисполненная униженного стыда, изуродованная и жалкая, а он сказал, что это хорошо. «То, что нужно», — вот как он сказал.

Нужно для чего? Ласка, конечно же, не спросила. Послушно подавала ему увечные руки, чтобы он мог их перевязать. Грир наложил повязки и на горло, и на нижнюю часть лица. Сам! Не прося никого, собственными руками! Ласка едва постанывала от боли и радости.

Боль — это любовь.

Дальше было совсем странно: Грир велел ей надеть платье своей сестры. Ласка затравленно глянула на хозяина, она боялась вещей Марлены ничуть не меньше, чем её саму.

— Надень, — настойчиво повторил он, а потом добавил неожиданно мягко: — Не бойся ничего.

И тогда она без страха приняла одежду, как приняла бы поток расплавленного железа или нож под левую грудь. Как приняла бы всё, что угодно — не боясь. Потому что Грир так сказал.

Ласка едва держалась на ногах, когда хозяин, наконец, остался доволен её видом и снова куда-то повёл. Ей хотелось попросить немного отдыха, но она не смела. После того, как Ласка подвела Грира, а он не отрёкся от неё, она готова была идти, ползти за ним так долго, как он велит.

— Мама, я привёл Марлену.

Ивон казалась едва живой и, как только увидела Ласку в одеждах дочери, безвольно села в кресло. Потом она распрямилась, глубоко вдохнула и очень долго смотрела в разноцветные Ласкины глаза. Та совсем-совсем ничего не понимала, мать ведь не могла не узнать свою дочь. Даже во всех этих повязках, в уродующих кожу нарывах. Хотя бы даже по глазам! Но Ивон кивнула, будто перед ней и правда стояла настоящая Марлена.

— К сожалению, — нарочито спокойно произнёс Грир, — нам придётся уведомить всех, что из-за полученных травм моя сестра больше не может говорить...

Ласка не возразила. Если Грир хочет, с этого момента она станет немой.

— И видеть, — чуть слышно добавила его мать.

А потом Ивон завязала Ласке глаза широкой кожаной лентой.

Носить одежды Марлены в каверне — совсем не то же самое, что войти в её наряде в зал триумвирата, и всё же Ласке пришлось. Перебарывая стылый ужас, гоня мысли о том, что сейчас кто-то из толпы ткнёт в неё пальцем и заорёт, что она мерзкая зарвавшаяся петка. Хорошо, что ей пришлось изображать слепую — слепой позволено медлить и спотыкаться, никто и не подумает, что от страха.

На самом деле Ласка почти всё видела — к торжеству для неё приготовили плетённую из волос повязку, сквозь кружево которой можно было разглядеть если и не всё, то многое. Главное. Как Грира приглашают за стол триумвираторов, на то место, где ещё недавно восседал труп его отца, как вручают символы власти: серебряный обруч с тремя зубцами, золотую чашу и стальной кинжал. Мудрость, щедрость и силу. Грир принял их как должное, и никто-никто бы не сказал, что этого мужчину что-то тревожит или угрожает его власти. Знала только Ласка. Знала, боялась, но совершенно ничего не могла сделать, вернее могла, но уже всё испортила.

— Речь триумвиратора! — громогласно объявили, и слова в мгновение подхватила толпа. — Речь триумвиратора!

Грир поднялся, обвёл глазами людей, Ласке показалось, что на неё он смотрел на секунду дольше других, и его взгляд остановился на тех, кто сидел за столом Сильных людей.

— Прежде, чем я произнесу благодарности и обещания, — говорил он, — я буду обвинять. Я обвиняю Велдона из дома Сильных людей в том, что он, желая навредить мне, обманом женился на моей сестре, а потом пытался её убить. Марлену из дома Смелых людей спасла моя питомица Ласка, пожертвовав собой. Я потерял имущество и едва не потерял сестру. К счастью, она выжила и способна подтвердить, что именно Велдон вручил ей отравленный подарок, но никто не вернёт ей голос, зрение и прежнюю красоту. За покушение на Марлену из дома Смелых людей, а также за попытку причинить вред избранному триумвиратору я требую для Велдона из дома Сильных людей строжайшего наказания.

Сквозь повязку Ласка следила за тем, как меняется улыбка на лице Велдона — из лукавой и беззаботной становится злорадной и торжествующей. Ласке вспомнилось, как она мечтала принадлежать ему, этому красивому и доброму человеку. Он всё ещё казался ей красивым,

но теперь она точно знала, что Велдон не добрый. Как и Грир. Но Ласка принадлежит Гриру и любит его всем сердцем.

— Как кстати... — Велдон тоже поднялся со своего места и упёр кулаки в столешницу. — Почтенные люди, у меня тоже есть, в чём обвинить новоизбранного триумвиратора. Он кое-что скрыл от вас, и теперь за одним столом с людьми сидит животное.

Собравшиеся зашумели, а Ласка готова была сорваться и бежать, бежать, бежать. Она осталась на месте только потому, что ноги стали такими же каменными, как стул под ней. Сейчас с неё сдерут одежду и вышвырнут, а потом...

— Грир из дома Смелых людей — ублюдок-полукровка, и я могу это доказать

Ласка так и не успела испытать облегчения, всё оказалось ещё хуже. В зал втолкнули петку, и Ласка тут же её узнала. Велдон же торжественно продолжал:

— Знакомьтесь, почтенная родительница нашего нового правителя. Расскажи, как ты подменила законного наследника своим вырожденком.

Петка вжала голову в плечи, сгорбилась, будто ждала жгучий удар — ещё один после множества других. Ласка хорошо знала этот жест.

— Я подменила, — затравленно пробормотала та.

Прежде, чем кто-либо возмутился, что запуганный пет — свидетель похуже покойника, Велдон заявил:

— Я требую проведения экспертизы в доме Щедрых людей. У вас не останется сомнений, что в Грире из дома Смелых людей течёт кровь этой петки.

Ласка изо всех сил надеялась, что Грир сейчас скажет или сделает нечто такое, что растопчет любые обвинения, но он молчал и выглядел так, будто уже заранее смирился с приговором. Она с мольбой смотрела на других людей — может, хоть кто-то вступится, спасёт её хозяина. Но все в жадном молчании взирали на Грира и Велдона, будто только и ждали, кто проиграет и достанется им на растерзание.

Вдруг Ласка услышала голос, откуда совсем не ждала. Поднялась и заговорила Ивон.

— Грир мой сын. Ты, Велдон, правда считаешь, что мать может не узнать своего ребёнка? Кормить его, целовать, ласкать — и не заметить, что он чужой? Ты не мать и никогда не поймёшь. Я знаю, что она, — Ивон небрежно, как на нечто незначительное, указала рукой на петку, — сделала. Догадалась, когда увидела в колыбели похожего, но совсем не моего сына. Но я вернула Грира и жалею лишь о том, что утаила это от всех, даже от него самого, чтобы эта безумная ему не навредила. Прости меня, — тут Ивон посмотрела на Грира с нежностью и заговорила так, будто в зале и не было никого, кроме них двоих: — Соглашайся на любые проверки, они ничего не покажут. Ты мой.

Она говорила, и никто не смел ей не поверить. Ласка дрожала от пережитого страха, от напряжения, но ещё больше — от счастья. Да, экспертизы всё равно не избежать, одних слов матери, даже самых убедительных, для Триумvirата будет недостаточно, но Ласка не сомневалась, что Грир человек и только человек. Он в безопасности, и всё у него будет хорошо.

Прошло столько дней, а Ласке всё казалось, что мало. Каждый из них — до экспертизы и уже после, когда чистокровный человек Грир по-настоящему стал триумvirатором — она проживала в радости и печали. В радости — потому что могла видеть того, кого любила. В печали — потому что каждый такой день мог стать последним. Ласка не обманывалась человеческими одеждами и обращением “госпожа”, она пет, и это не изменится никогда. Скоро Грир решит, как с ней поступить, и Ласка примет от него то, что должно.

Но это “скоро” всё не наступало и не наступало, и однажды Грир назвал её “сестра”. Она не знала, чем заслужила это обращение, за что хозяин так добр, так щедр к ней. А может, и вовсе не “за что”? Ведь Ласка сама видела, что любовь, настоящая любовь, может родиться просто так, и даже наперекор всему.

В тот момент она поняла, что всё может стать ещё лучше, чем она смела надеяться. Что она не просто будет ступать след в след за хозяином, радуясь его случайному взгляду или прикосновению, а, быть может, получит от него хотя бы крошечную часть той любви, которую она видела между Гриром и его матерью. И даже эта малость была бы огромной и горячей, как солнце.

Ласка всегда знала, что такое любовь. Любовь — это боль, как в молитве. Но она поняла, что ошибалась.

Боль приносит только любовь фальшивая. Настоящая же любовь, даже если чем-то ради неё жертвуешь, это счастье и свет.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ТВЕРДАЯ
УВЕРЕННОСТЬ

Кристиан Бэд.

ЭКОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА. КАК ВЫЖИТЬ

ГЛАВА 3. КАК ВЫЖИТЬ?

НЕ, РАНО ЕЩЁ.

СНАЧАЛА О ТОМ, НУЖНА ЛИ ВООБЩЕ ПИСАТЕЛЮ КРИТИКА

Робин Штенье сказал давеча, что счастье — это когда тебя хвалят. Я бы даже сказал, что счастье писателя — это когда хвалят его текст. самого писателя можно при этом ругать.

Ну типа: «И как мог такой молодой и никому не известный автор написать такой шедевральный шедевр!..»

Писателю, если он уже более-менее освоил ремесленные навыки и открыл для себя собственно творчество, как построение «нового», не нужна критика.

Ему нужны:

- эмоциональная поддержка;
- возможность поговорить о своих героях;
- возможность понять, а читается ли то, что он заложил в текст.

Потому что внутри у писателя (если, конечно, это тот соловей, о котором мы говорим) и так всё брыкается и встаёт на дыбы, безо всякой критики.

Сознание писателя, который ищет в себе и в мирах, — бешеная, необъезженная лошадь, которая, выпучив глаза и поддавая задом, мчится, не разбирая дороги.

Он не понимает ни себя, ни эту лошадь. А она — лупит и лупит копытами...

Да. Чую, вы меня поняли. «Я знаю, что ничего не знаю», ага? Какой-то гад, то ли Сократ, то ли Демокрит подложил нам эту свинью. Не знаете, о чём это сказано?

Берите ручку. Рисуите на листе маленький кружочек. Внутри кружочка (можно закрасить) — то, что вы сейчас знаете о себе и мире, а снаружи кружочка...

О, там толпится всё, чего вы НЕ знаете. Пялится на вас с той стороны окружности. Облизывается.

Теперь предположим, что вы прочли десять прекрасных умных книжек и узнали о мире побольше.

Рисуите кружочек побольше.

Нарисовали? Обратите внимание, как увеличился его радиус. А вместе с ним выросли ваши границы соприкосновения с неведомым. И толпа страшных лохматых «нечто и ничто» снаружи — стала ещё больше...

Вот это и называется «Я знаю, что я — ни-ичего не знаю». Пока знаешь мало, кажется, что знаешь всё. Чем больше узнаёшь, тем больше ощущаешь себя тупым идиотом.

Если кто-то балуется, как и я, эзотерикой, то это как на «окружной» — повсюду нечисть точит зубья.

А если вы просто писатель, вспомните гоголевского Хому Брута. Вспомните тот круг, которым обводит себя бурсак, карауля ночью мёртвую панночку?

Да, это оно самое. И вся эта неведомая нечисть тянет к нему лапы.

Боюсь, это и были знания, так и не вбитые в пустую бурсачью башку через зад.

Вот сейчас остановитесь и задумайтесь — а нужны ли вам все эти новые знания? Готовы ли вы вступить на путь нового и творческого, которое постоянно будет тянуть к вам лохматые когтистые лапы?

Нормальным соловьём быть легко: пой себе и пой. И будете хорошо кушать, будете уверены в себе, бодры и всезнающи.

Но если вы меня читаете, боюсь, вы уже выбрали другой путь. Вы уже «не та» птичка. Вы НЕ умеете варить макароны. Нормальные птички думают, что умеют.

Вернёмся к критике.

Вот если перед нами соловей классический, который думает, что уж макароны-то он варить умеет-ет... Вот ему нужно иногда указать и на то, что он вместо ноты си выдаёт си-бемоль, т. е. завязка романа у него вышла, по сути, формальная, ведь никакого поворотного события он там не прописал, и что «точка зрения» и «фокальный персонаж» — это две «не наши» разницы и не надо их путать... И т.д. и т.п. В общем, такому соловью критика может пойти на пользу. Она вернее вгонит его текст в некий общепринятый шаблон.

Шаблон — это до определённого момента «добро», потом — «зло». Но, чтобы ломать шаблон, надо его всё-таки хорошо освоить. Ремесло полезно. И не менее полезно его осваивать. Вы начинаете думать, что знаете, как «правильно», это вас гормонально балансирует.

Тут главное не переучиться, не превратиться в «другого» соловья, того, что скачет на бешеной лошади. Но многим это и не грозит, ведь учёба — только половина успеха, надо ещё иметь тонкие-тонкие нервы, чтобы слышать, как все эти твари ходят за гранью вашего круга знания.

Потому иногда и некоторым критика бывает полезна. До поры до времени.

Сущность соловья (писателя) в том, что сначала он УМЕЕТ писать, а вот когда действительно научится, тогда и обнаруживает, что НЕ умеет.

И это — некая истина: непознаваемая, непостижимая и далее по списку.

«Но ведь тогда всех критиков, которые пытаются донести нашему соловью своё имхо на тему того, что, по их мнению, он делает «не так», смело можно ставить к стенке?» — спросите вы.

Ну, да, примерно так. Ведь чужое имхо ему больше не нужно. Мало того — оно ему бывает вредно.

Есть он, и есть вечность. Бездна голодных глаз. Нечисть, что взирает на него из-за черты, отделённая всего лишь прерывистой дорожкой мела... И писатель — пленник в этом кругу. Его всё лучше понимает мироздание и всё больше НЕ понимают критики.

Нет, иногда они его даже хвалят. Особенно его ранние тексты. Это смешно, но критики постепенно как бы дозревают до его текстов. И ругают автора, что он пишет всё хуже и хуже.

Вообще, всё это грустно и не смешно.

Грубо: если бы я меньше слушал критиков — а моими критиками были прекрасные милые, добрые, честные люди... — я написал бы больше хороших книг.

Да, чтобы понять это, мне пришлось посетить шесть литературных семинаров, где разные состоявшиеся писатели объясняли более молодым...

Что объясняли? Да, что не очень-то понимают чужие тексты, что понимание — вообще очень индивидуальная штука, что права Марика Станвой — мнение любого необразованного человека о вашем тексте — просто его видение и не более.

Если бы я был умнее, я обращался бы к филологам. Там мне, по крайней мере, указали бы на ремесленные недочёты, и это было бы полезно.

А писатель, как правило, к ремеслу приходит интуитивно, всей палитры жанров и приёмов не знает, классиков в зрелости читает мало... А ещё среди успешных писателей-современников достаточно много нормальных соловьёв, поющих свою родину и её женщин. И они ещё даже не рисовали свой «круг» на бумажке. Вот так, как мы с вами.

Пройдёт 100 лет, и никто о них не вспомнит. Но и о вас — тоже не вспомнит, если вы, вместо того чтобы работать над собой, начнёте гоняться за похвалой... критиков и собратьев по перу. И всё это было бы смешно, когда бы ни было так грустно.

Нет, есть, конечно, состоявшиеся писатели, которые собаку съели и на матчасти. Мне очень интересно, например, читать блоги Олди. Но здесь исключение, скорее, подтверждает правило: тот, кто может научить ремеслу и готов тратить на вас время своей жизни — редко сам бывает хорошим писателем.

Что ещё важно? Опасны не только критики.

Другие писатели друг друга тоже понимают нечасто. Но если и понимают, то «певцы родного края» — отдельно, а те, кто осознал себя в похожем кругу, — тоже отдельно. Своими группами.

Спросите про условных «либералов», уж они-то, кажется, «про Родину» не поют?

А разве пение «против Родины» — не то же самое? Главное, чтобы песня была территориальной.

Что делать со всем этим знанием?

Ну, многие писатели много пьют, например. Другие — более умные — шутят.

В перестройку я работал в дочке Радио России. Ну, как работал — начинал слегка. И всё тогда было вокруг очень плохо. Денег нигде не было, жрать было нечего, новости были плохие. А, главное, рухнули все критерии нашей простой журналистской работы. Чё делаем? Зачем делаем? Кому это всё нужно? И вот тогда в коллективе самопроизвольно возник юмор. Завёлся от безнадёги.

Например, были у нас две бригады новостийщиков. Так вот новостной продукт одной бригады называли шыдевр, а второй — нетленка.

И куча взрослых людей — операторы, режиссеры, выпускающие редакторы на полном серьёзе выясняли: «Мы сегодня что делаем: шыдевр или нетленку?»

Люди боролись со стрессом с помощью юмора. Тогда я ещё этого не понимал, мне это было дико. А им было дико смешно. Так смешно, что проделывали они всё это с мрачными и серьёзными лицами. Этакая жизнеспасающая гримаса «Гуинплена наоборот». Человека, который не плачет.

Так что... Улыбайтесь. Лучше не будет.

Зато вы познали некий дзен, и этого у вас теперь никто не отберёт.

Что делать, чтобы вас хоть как-то понимали?

Могу вас спасти только историей про два процента. Когда я ещё в вузе учился, в нас пихали всякие вечные истины. Ну, например, что сюжет радиопередачи «в один голос» без перебивок не может быть больше 3,5 минут, ибо мозг слушающего просто отключается. Не может он слушать бубнёж больше 3,5 минут, даже если ему этого очень хочется.

Вот так же была одна «текстовая» истина, что в текст нельзя пихать больше двух процентов новой информации. Грубо, если вы написали сто слов и два из них читателю незнакомы, на третьем незнакомом слове он бросит читать.

Пользуйтесь, не думаю, что человек изменился.

Мозг, это вообще до сих пор во многом загадка. Есть кое-какие малые наработки, это как реклама — просто берём и пользуемся. Когда-нибудь станет ясно, почему именно так.

О чём будет дальше?

Наверное, о том, как побороть лень и включиться в процесс работы над книгой.

ГЛАВА 4. КАК ПРЕОДОЛЕТЬ ЛЕНЬ?

Часть 1. А надо ли?

Можно ли преодолеть лень?

Можно. Начнём с того, что преодолеть можно всё.

Сразу скажу, что я, например, — настоящий классический интроверт. По тестам таких, как я (также прибитых на голову) — 1 к 10 000.

Это означает, что из сорока человек в моём классе — «таких», как я, просто не было. И ни одного «такого же» не было в вузовском потоке из семидесяти пяти однокурсников. И из двухсот тех, с кем я работаю сейчас, — тоже ни одного, похожего на меня, нет. Про семью я молчу, семья — она не для анализа.

Мне, например, молчать вообще легче, чем говорить. Все мои друзья это знают. Я могу не разговаривать с человеком лет десять из-за пустяшной ссоры. Не обижаясь. Просто — не хочешь и не надо. Мне так комфортнее. Мне ведь не надо делать усилие, чтобы молчать, мне надо делать усилие, чтобы заговорить.

В молчании — я сохраняю себя.

Это и есть — интроверт. Перерыл все учебники — единственное, чем я действительно отличаюсь от экстраверта — теряю энергию при общении.

Но — из-за разного рода практик — я не просто спокойно общаюсь с самыми проблемными собеседниками, но ещё и журналистом работаю. Научился. Есть техника безопасности и для общения, она выручает.

Маятник. Медитация. Солнышко... Много есть разных техник. Если сумею дописать эту книгу, может, расскажу, как «качать маятник». А, может, и нет. Как пойдёт. Нет безопасных ментальных техник, и не факт, что о них вообще можно говорить не для одного, а для многих.

Не все идеи следует вносить в массы.

Итак, писательская лень, неписец и иже с ними.

Преодолеть можно. Но сначала надо определиться: а оно вам нужно?

Заниматься написанием книг можно, наверное, в трёх случаях:

1. Если это приносит вам доход.
2. Если это вас развлекает, вводит в какую-то группу людей или сообщество, которое вам нравится и т.п.
3. Если вы без этого не можете жить.

В первом случае учиться писать, наверное, не надо. Судя по тенденциям на книжных рынках и сайтах, где продаются книги, спросом пользуется, прежде всего, «модная» у определённых групп литература. Здесь нужно, скорее, прочитать несколько популярных книг и написать что-то похожее. В этом случае вам нужно держаться в знакомых рамках того, что привыкла читать данная группа, что она, эта группа, считает интересным.

Многие знания здесь — многие печали. Чем большему вы научитесь, тем, возможно, меньше вас станут покупать. (Это не сто процентов, но кому захочется проверять на себе?)

И жаловаться на вкусы читателей бессмысленно, вас никто не заставляет — это раз. И вам платят деньги — это два. Тут надо просто выбирать, какие читатели лучше: умные или платежеспособные? (Шутка, но она, примерно, в тему).

Не верите?

Даже если взять для примера только разные литературные сайты, внимательный наблюдатель заметит — признанные лидеры и популярные жанры на каждом сайте свои. Присмотритесь к «розовому» Литнету, к фикбуку, к нашему АТ. В каждой этой интернет-избушке — свои побрякушки. И не каждый, даже очень популярный, автор одного из этих сайтов сможет найти себе подходящий стул на другом, вроде бы похожем сайте.

Да, это вопрос предпочтений, критериев и оценок.

С одной стороны есть весьма сложные критерии, применимые к классической литературе, с другой — масса разновидностей местечковых, очень усечённых и упрощённых критериев.

Не может каждая малая литгруппа «чистить» всех под Пушкиным.

На АТ «чистят» под портретом условного мастера ЛитРПГ и боярь-аниме. На Литнете — лыра и т.п. Там сложились сообщества, которым в массе нравится «ЭТО».

Классическая литература сложна для восприятия, потому групповые интернет-критерии очень далеки от критериев, с которыми подходят к классической литературе.

Это как язык и речь. Есть условный тезаурус нашего языка, где прочно сидят Пушкин, Толстой, Тургенев... И есть бурное море речи, где плавают и те книги, которые утонут через месяц или год, и те, которых прильёт к классикам, и они сами станут классикой.

Пока же это — единый первичный бульон, в котором возникает жизнь. Там она питается, кушает друг друга, зарабатывает деньги.

Я не вижу ничего плохого в зарабатывании денег. Жить как-то надо. Писателю просто желательно понимать, что именно он делает.

Если он чётко понимает, что создаёт некие симулякры литературы для заработка, славы (боллитра — она же большая литература, она же... забыл, да и ну её) — то у него и на душе всё будет нормально. Да, скорее всего, его тексты не войдут в условный «золотой фонд» мировой литературы, не позволят проникнуть в глубины своей или чужой психики и т.п., но так ли это важно?

У каждой книги — свои задачи. Книги для «почитать и расслабиться» были, есть и будут всегда. Кстати, со временем некоторые из них могут обнаруживать неожиданные достоинства и тоже оставаться в веках.

Получается у этих макаронин выбраться из первичного бульона и вырастить лапки. Это жизнь, она такая.

Во втором случае всё ещё проще — раз это игра, то играть нужно «в охотку», а не играется — займитесь чем-то ещё.

Думаю, к игре относится и создание фанфиков, когда привычных по другим произведениям, чужих «героев», присваивают и творят с ними всякое непотребство. Это может вылиться в полноценное произведение, но, скорее, как исключение, нежели, как правило.

С третьим случаем «всё плохо». Когда ты «не можешь без писательства», то, скорее всего, это не только психологическая, но и биологическая проблема.

Я предполагаю, что люди, которые «не могут не писать», «не могут не рисовать», «не сочинять музыку» и так далее и тому подобное, уже самой природой награждены (ну или наказаны) очень развитой нервной системой. И мозг их устроен так, что он во многом буквально «сам» устанавливает кучу всяких забавных связей между явлениями, предметами, объектами.

Случается у такого человека какое-то случайное впечатление, его нейроны тут же устанавливают кучу связей, «вспоминая» похожие впечатления... и понесла-ась душа в рай...

Плюс чувствительность.

Я когда начал заниматься медитативными практиками, с удивлением слушал рассказы всяческих гуру о том, как трудно представить себе, например, некое абстрактное понятие. Что они, бедняги, годами тренируются...

Ну, например. Не буду называть имени... Это был наш, алтайский шаман. Он рассказывал, как долго и мучительно добивался эффекта «замедления времени». Было у вас такое — вдруг видите что-то как будто в замедленной съемке?

И вот он сидел как-то, пил кофе и уронил чашку. И вдруг увидел, как чашка медленно-медленно опускается на кафельный пол. И он успевает ее поймать. И ловит... Ап!

Для постороннего зрителя — это как фокус.

Я его слушал и вспоминал, сколько за свою недлинную жизнь (он был раза в два меня старше) ловил вот так предметы... И даже мужика один раз поймал, выпавшего из автобуса.

Была утренняя толкотня. Он спускался со ступенек следом за мной. Оступился и упал бы сверху. Я успел повернуться, оценить, что могу уклониться от падающего на меня тела или поймать, пожалел — поймал. Мужик ничего и не понял.

Было? Узнаёте?

А гуру годами мучаются.

Или ещё один случай. Про время.

Вы можете себе представить, как выглядит время?

Легко же, да?

Я его даже пощупать могу. Ощутить.

Как-то я ввёл этим в ступор своего преподавателя. И даже описал, как это всё у меня в воображении выглядит.

Вот это такая писательская беда: чувства обострены до предела. Представляется почти всё, что угодно. И очень сильно представляется. Раны можно себе представить так, что доиграешься до стигматов.

И как объяснить это тем же «критикам»? Как?

Вот как будто нервы у тебя голые, а у других они в шубе. И ты бегаешь вокруг этих, в «шубах», ну просто как голый на морозе. А они не понимают, чего ты бегаешь. И не поймут.

А тебе бывает больно даже от случайного услышанного на улице слова. Случайной тени в чьих-то глазах.

Эта чувствительность — и твоя сила, и твоя слабость. Она позволяет тебе описывать то, что другие ни разу не удосуживались развернуть, покатать в пальцах.

Чувствительность посылает невиданные образы. И с нею же в быту бывает просто жутко. Ведь каждый божий день с одной стороны — ты, с другой — сотни ничего не понимающих, не видящих, не чувствующих собратьев...

Больно. А что делать?

Живём дальше.

И пишем себе.

Вот я и написал всё, что не могу сказать вслух. А кто такое поймёт?

Это ещё не всё про «лень», завтра дорасскажу.

Часть 2. Ну если вы не передумали...

Лень...

Надеюсь, если вы внимательно всё прочли, то фактор боязни белого листа, происходящий от того, что вы можете написать «не то и не так», из рассказа о лени можно вычёркивать?

Всем страшно. Все, кто серьёзно пишет — такие же «не такие», как и вы. Это не повод бояться себя.

Что ещё?

Да, кроме страха перед белым листом — потому что это «больно», «нервы» и т.п. — бывает и так, что хочется и не можется: нет какого-то особенно «лишнего» времени, нет сил сосредоточиться, садишься писать и сил нет начать...

Ну что ж, раз нет внешних условий, тогда надо создавать себе условия изнутри.

Что такое человек?

По минимуму:

- 1) это его тело;
- 2) это его эмоции;
- 3) это его мысли.

Пробуем создать зону комфорта для этих условных «трёх тел», чтобы появилось и некое «качество» — работоспособное тело, глубокие эмоции, интересные мысли.

1. Тело.

Тело должно двигаться.

(В общем, тут пауза, я пошёл в качалку).

(Пришёл. Продолжим).

- Тело должно двигаться, чтобы мозг хорошо работал. Кровеобмен и всё такое. Да и трупик гормонов тоже надо утилизировать.

Вы же нервничаете регулярно? Каждый день, да? Значит, в крови у вас постоянно трупик гормонов. И нужно поддерживать их транзит на выход из организма.

По минимуму — хотя бы гулять полчаса в день. Каждый день. Плакать и гулять. В холод, в дождь, когда болит голова и неписец — особенно.

Кстати, во время прогулки мозг сам собой может начать выстраивать сюжеты, «проигрывать» их. Не у всех. Но у некоторых речевые «области» мозга сопряжены с двигательными. Они друг друга стимулируют, и текст возникает «сам».

- Тело нужно правильно кормить. Ему нужны витамины и минеральные вещества. Желательно — натуральные. Надо выяснять, что нужно конкретно вашему мозгу и следить за этим. Часто это — магний, серотонин. У меня плохие сосуды, и я практически всегда пью либо рыбий жир, либо льняное масло на зверобое и других травах (т.к. масло на одном зверобое может поднимать давление).

Т.е., хочешь, чтобы мозг работал — его нужно соответствующе содержать. Кстати, помогает сосредоточиться мятное масло. Особенно летом. В жару. Болит голова — мажешь виски — боль проходит. Массаж этой несчастной головы — тоже неплохая штука.

- Издеваться. Над телом можно и нужно издеваться. Подходит что угодно — тренажёрный зал, купание в холодной воде, непродолжительный голод (долго не надо, зубы выпадают), медитация, йога, туризм, прыжки с парашютом, езда на собаках. Всё это позволяет тренировать тело, понимать его и управлять им.

- Темперамент. Изучите свой темперамент. Если вы флегматик — не требуйте от себя скорости холерика. Нужно чётко понимать, «что ты есть» — а уже потом спрашивать с себя результаты.

- Ведущий тип восприятия. Типов три: мы визуалы аудиалы, кинестетики (тактилисты). Совсем чистых типов не бывает, наверное.

Но всё равно кто-то лучше воспринимает «картинку» (т.к. визуально), а кто-то — на слух. Знайте свои особенности, пользуйтесь ими. Визуалы могут делать наброски описанных сцен карандашом, аудиалы — читать написанное вслух.

Внимание! И наоборот — аудиалам полезно прорисовывать сцены и персонажей, а визуалам читать вслух. Так вы заставляете себя пахать вдвойне. Полезно для мозга и для текста.

Тактилисты (кинестетики) — редкая категория, но она есть. Мир они лучше понимают в ощущениях, как завещали классики марксизма.

Им можно и порисовать, и почитать вслух, и пощупать что-то. Описывать ощущения. Попробуйте, кстати, писать на ходу все, кто ещё не пробовал. Это круто.

- Спать. Высыпаться. И ещё раз — высыпаться. Вот сто пятьдесят раз себе это говорил — так ведь не помогает.

Итак, по телу:

- Если вы готовитесь сесть «за текст», вам не должно быть жарко или холодно, голодно или наоборот, тошно от лишней еды.

!

Если не пишется, проанализируйте сначала состояние тела.

Возможно, вам не пишется, потому что у вас проблемы с кровообращением, обменом веществ, недосыпом и т. п. Про секс — не знаю. На меня не влияет, но, если что — пишите, у кого как, обсудим.

2. Эмоции. Эмоции любят якоря. Привязки. Напоминания о состояниях, «когда вам было хорошо». Ритуалы. Самообман. Обман другими.

Это всё потому, что нет некой картины мира — для всех. Как вы придумали мир и себя — с тем и живёте.

Помните: эмоционально подкреплённое знание — самое крепкое. Ну вот мы в школе наизусть учили определения, например. Что я помню сейчас из школьных определений? А ничего. А вот это помню: часть речи, которая упала с печи, стукнулась об пол, называется глагол. Почему помню — так смешно же было.

Эмоциональное подкрепление — очень важно. Если вам удастся «раскрасить» свой писательский труд приятными эмоциями, вам будет от него хорошо-хорошо... Пока критики не набегут.

- Заведите ритуал, связанный с написанием текста.

Кто-то открывает форточку и просит музу залетать.

Кто-то надевает любимую одежду.

Кто-то покупает конфеты, которые выдаёт себе только после того, как фрагмент текста написан.

Кто-то сначала перечитывает написанное вчера (только вчера, а не всё подряд), а потом пишет.

Способы разные. Хоть свечу зажигайте, хоть кидайте с балкона сырое куриное яйцо.

Помните, чем интереснее и эмоциональнее ритуал, тем лучше он будет вас мотивировать, «бодрить».

- Пишите каждый день. Вспомните, в каком месте, в какое время дня и т.п. вам хорошо пишется. Пишите в это время, в этом месте. Ежедневно. Хотя бы по строчке.

- Приведите стол в тот вид, который соответствует вашему личному «пишется».

Мне достаточно смести со стола бардак.

Кому-то, возможно, захочется поставить рядом любимых солдатиков, цветы, свечу, чашку с чаем, кофе. У каждого есть свои «настраивающие» предметы, с которыми связаны «рабочие» воспоминания.

- Включите тот звук, который вам нужен — тишину, звуки природы, громкую музыку, какую-то конкретную песню, именно «для этого» текста. Тут у каждого будет своя привязка, но она будет.

- Подумайте о времени. Ограничьте его. Не всем это подходит, но есть любители дедлайнов: им нравится, когда время поджигает. Садитесь писать ровно за час до какого-то времени. Вставайте в 06.50 утром, чтобы в 7.50 — нужно было ехать на работу.

Главное — пишите каждый день.

Сегодня с Сергеем (может, заманю его на АТ), товарищем по перу и тренажерному залу, обсуждали сходство тренировок и написания текста. Вот надо в тренажерку идти, я себе расписание составил и довел себя до автоматизма. Надо — и иду.

А всё равно — не охота. Пока тащу свои лапы и кроссовки — десять раз подумаю: «А, может, не сегодня?» А потом разойдётся, разохотишься, одно, другое, третье — и уже уходить из зала не хочется.

Точно так же и с писательством. Вроде не охота садиться, а потом как распишешься...

Но, чтобы писательские мышцы потом не болели — не навалились опустошение и усталость, тренировать их надо каждый день. По чуть-чуть. Тогда иной день можно и 40 000 выдать.

Итак, начнём.

Сегодня вы встали утром пораньше (или выбрали время вечером). Сделали всё, как надо, а всё равно не пишется.

Ну что же, видимо внутри вас сюжет ещё не доварился.

Задайте мозгу некий план работы (работа эта пойдёт без вашего осознанного участия). Сконцентрируйтесь и определитесь — какие герои будут в следующей сцене, что там примерно произойдёт. Можно составить конкретный план нужной сцены, порисовать немного, почертить.

А потом спокойно идите заниматься другими делами.

На следующий день к отведённому времени вы, скорее всего, созреете и напишите то, что спланировали.

О вдохновении.

Вдохновение, скорее всего, возникает так. Создавая планы произведения, продумывая его, вы возбуждаете всё больше разных зон мозга. И вот когда много навозбуждаете — между ними начинают самопроизвольно устанавливаться нейронные связи. Мозг начинает как бы порастать этими связями.

Вот представьте. Вы собираете материал, читаете одно, другое... А потом бац! Вспыхивает мысль: «А если???»

Уверяю вас, не стали бы собирать материал, возможность этого «а если» была бы гораздо менее вероятной.

Вы как бы тыкаете в пчелиный улей палочкой, тыкаете... А потом: «А-аааа!»

Потому читаем, смотрим, ищем — кормим вдохновение, тыкаем в него палочкой. Если его всё ещё нет, оно ещё просто кушает или спит.

Что будет дальше? А про тимбилдинг хотите?

Ну и лайфхак тоже скоро будет.

Часть 3. Как заставить себя писать чужими руками

Итак, мы споткнулись на вдохновении (Высоцкий). Что делать, если оно всё-таки никак не приходит? Конечно, есть возможность заставить кого-то другого подпихнуть ваше вдохновение сзади... Этот «кто» — сам подберёт вам материал, простимулирует вас, спросит с вас результат.

Есть самые разные коучинги для писателей, где люди собираются группой и коуч даёт им иногда достаточно жёсткие рекомендации.

Ну например.

Встали в 5 утра:

- холодный душ,
- пробежка,
- завтрак,
- открыли форточку, позвали музу,
- сели и написали 100 слов.

Пробуйте и это, но помните технику безопасности.

Если вы сами заставляете себя — это более-менее нормально для психики, хотя и тут бывают иногда перегибы, и писатель чахнет над листом, как царь кощей над золотом. Становится раздражителем, теряет аппетит... И всё это при отсутствии реального выхлопа в виде книжек.

Почему?

А психика — штука тёмная и анализу пока не поддаётся.

Теперь внимание!

Разрешать кому-либо заставлять себя — тем более не безопасно. Вас не просто заставляют писать, вас, по сути, подчиняют, заставляя сотворить себе кумира из мало знакомого вам человека. Да, без этого — эффект заставляния будет нулевым.

Не верите?

Вот казалось бы — зачем в коучингах, подразумевающих создание текста — пробежка, холодный душ и т.п.?

А всё просто. Написать книгу сложно, и эта сложность зависит не только от вашей лени. А вот встать в 5 утра — тут только лень.

Да, это трудно. Но вы преодолеваете трудности по команде постороннего человека. И раз вы подчиняетесь коучу, выполняя распорядок, значит, психологически признаёте в нём наставника. У вас формируется эмоциональная привязанность к нему, он становится для вас авторитетом. Вы начинаете безоглядно доверять тому, кому подчиняетесь.

Далее книга может выйти или нет, но дело сделано. Вы признали некий авторитет. А ему это и надо — чтобы вы ощущали доверие, приходили потом на другие семинары, платили деньги.

Чем жёстче он себя ведёт, а вы — терпите — тем сильнее привязанность. Что-то вроде Стокгольмского синдрома, наверное. Такая психологическая зависимость сродни эгрегориальному «захвату». Так. Стоп. Не ударяться в эзотерику... Сродни... ну, скажем, психологической зависимости, возникающей у тех, кто занимается сетевым маркетингом.

Есть там такая штука — тимбилдинг (англ. Team building — построение команды). Комплекс игровых методик, объединённых идеей сплочения команды. С помощью совместных игр из людей делают команду тех, кто эффективно продает.

Ну а на коучингах для писателей часто создают команду тех, кто активно платит. Возникает игровая команда, игровое чувство локтя, это реально поднимает настроение и помогает расставаться с деньгами.

Нет правил без исключения, но будьте осторожны.

Я «пробовал» разные коучинги.

1. Есть «мягкие», где условия вполне игровые, и из этой игры легко выйти. Такие, в общем-то, ничего, кроме пользы не принесут. Так или иначе — они расширят ваш кругозор, «взбодрят» морально, активизируют какие-то идеи, планы. Мягкий коучинг, скорее, создаёт группу единомышленников, чем группы «гуру и его ученики».

2. Есть «жёсткие», где коуч буквально давит на свою «паству». Если услышите что-то вроде: «Ты так и не решился записаться на наш курс? Значит, ты не хочешь изменить свою жизнь? Не хочешь написать свою книгу?!» — бегите подальше, это оно.

Да. Сейчас скажу страшное — религия тоже построена на подобных принципах. Она так же старается привязать верующего через жёсткие

самоограничения и формальные требования — посты, обязательные ритуалы.

Суть одна: ограничить — потребовать соблюдения придуманных правил — завязать на... себя, группу и т.п.

Чтобы мне не взорвать кому-то случайно мозг, просто посоветую книгу: Юваль Ной Харари. «Homo Deus: Краткая история будущего». Там есть очень интересные параллели между бытованием религии и концерна «Пежо», например. Кому интересно — полистайте, кому не интересно — забудьте этот фрагмент.

В общем и целом — будьте осторожнее с коучингом.

Сформированная одним коучем привязанность сделает вас уязвимее к другим, подобным ему. Следующий коуч войдёт уже на подготовленную площадку.

Вообще с коучингами, конкурсами писательского мастерства и многим другим, вред и польза зависят от дозы. Как с ядом или лекарством.

До какого-то момента такие практики полезны, особенно, пока вы вписываетесь в некие «рамки», потом она же начинает вас сковывать.

Уф-ф. Закончили про вдохновение. Такая мука его воспитывать)

3. Мысли.

Чтобы направить мысли в нужную вам сторону, пробуйте любые «завлекалочки» для мозга.

Мозг ленив, ну просто как... Как я.

Его надо обмануть, сделать сложную задачу внешне простой.

- общайтесь себе написать сегодня... ну, буквально два абзаца!

- рисуйте картинки.

- ищите в сети фото людей, похожих на героев.

- рисуйте карты.

- составляйте яркие планы будущего текста.

- придумывайте себе некие «награды» — «вот напишу книгу и... куплю себе новый ноут. Телефон, поеду на Мальдивы»...

Чё-то я загнул с Мальдивами, да?

Вообще ваш мозг стремится максимально снизить затраты энергии на ту или иную деятельность путём создания своеобразных «макросов» — программ, которые вы выполняете по шаблонам.

Вы и не заметили, как — раз... и написали очередную банальщину.

И попадаете в цуцванг дилеммы:

1) читатель лю-юбит банальщину.

2) вам сты-ыдно такое писать.

Ну, да, читатель любит. А почему, кстати?

Почему, например, герои сотен текстов раз за разом «просыпаются в незнакомом месте?» Я даже не упомню, сколько читал романов с таким началом. Читатели плюются и... читают с удовольствием.

Почему? А потому что именно эта сцена вызывает у читателя всплеск гормонов. Он сразу себе очень ярко представляет, что ощущаешь, когда просыпаешься (после пьянки, например) в незнакомом месте и ничего не узнаёшь.

Кто я? Где я???

Организм описанное в книге состояние сразу распознаёт и... впрыскивает в кровь гормоны. И читатель уже соощущает герою. Его уже вставило! Понимаете? Ещё ничего не понятно. Сюжет не закручен. Да что там сюжет — экспозиция не построена! А читатель уже «готов»! Он твой.

Ну и что, что сотый раз? Вы же борщ ели больше ста раз, и каждый раз нравится, да?

Представьте лимон. Вот он лежит на блюде, нарезанный тоненькими пластиночками. Берёте серебряную вилочку с двумя зубьями. Поддеваете серпик лимона. Кладёте в рот...

Слюна же выделилась, верно? В реале? Выделилась, пока вы читали?

Ну вот и у читателя уже всё выделилось, что требуется, когда он читает банальнейшее описание: «Иван проснулся голый в незнакомой комнате рядом с незнакомой девушкой!»

Автор бьёт в узнавание ситуации, и идёт выброс на это узнавание гормонов. А гормоны, извините, но это — страшная вещь. И дальше за писателя работает гормональный баланс читающего.

Хорошо это? Ну, как сказать.

Ведь человеческая мысль оскудевает от потребительства. Читатель постоянно берёт «готовое» и тупеет. И с каждым новым помахиванием под носом долькой лимона, слюна у него выделяется всё скуднее.

Сегодня ему кажутся длинными слова из семи букв, завтра — из шести, а через три «дня» мы и до предлогов дойдём. И что потом? Все на комиксы?

А что писать?

Ведь, во-первых подобных ситуаций, где гормоны срабатывают одинаково у многих, далеко не вагон и маленькая тележка. Во-вторых, ну сколько уже можно на них паразитировать? Автор-то тоже тупеет.

Что делать с читателем — не знаю, а для собственного мозга завтра будет лайфхак №3.

ЛАЙФХАК №3. ПРАВОЕ И ЛЕВОЕ

Да, человеческая мысль оскудевает от потребительства. Нужно разнообразить себя, не давать взгляду замыливаться. Можно, конечно, обставить эту маленькую истину более научно.

Ну... например, так. Мозг постоянно работает над тем, чтобы снизить энергозатраты. Он очень много тратит энергии на осмысливание. Не меньше двадцати процентов всей вашей энергии.

Мозг, если ничем особенным не занят, сжигает примерно одну десятую килокалории в минуту. На самом деле это не так уж мало, как кажется, если принять во внимание, что мозг — инертная масса, составляющая всего лишь два процента человеческого тела.

А вот когда мы «включаем мозги на полную мощность»: решаем какую-нибудь хитроумную задачу или обдумываем проблему, то количество сжигаемых килокалорий может возрасти до полутора в минуту. Вот это действительно много.

В среднем мозг сжигает в день около трехсот килокалорий. Он экономит из всех сил и для этого создаёт своеобразные «макросы» — программы, которые вы выполняете по шаблонам.

Биолог Ричард Симон ещё в начале позапрошлого века назвал эти программы «энграммами» — физической привычкой или следом памяти, оставленным повторным воздействием раздражителя.

Энграммы можно представить в виде тропинок, которые нейроны «протаптывают» в вашем мозгу, выполняя одно и то же действие. Чем дольше мы выполняем его, тем меньше энергии затрачивает на это наш мозг.

Иногда эти тропинки превращаются в дороги.

С одной стороны, это отличная способность — действительно, зачем тратить лишнюю энергию для осуществления однотипных действий?

Однако обратная сторона этой способности — снижение пластичности нашего мозга.

Чем дольше мы пользуемся энграммами, тем меньше работают базальные ганглии в нашем мозгу. Их основная функция — вырабатывать нейромедиатор ацетилхолин, помогающий нейронам «прорубать» новые тропинки, если они нам нужны.

Вспомните свою дорогу на работу или в институт. Если вы ходите по одному и тому же маршруту больше полугода, то ваши действия становятся настолько автоматическими, что параллельно вы можете на ходу сидеть Вконтакте.

Казалось бы, зачем всё это менять?

Но писать-то мы чем будем, если мозг будет посылать вашу мысль только двести раз хоженными тропами?

Пластичность мозга надо постоянно поддерживать и тренировать. Вам нужен полёт фантазии, а не скопище штампов.

Представьте, что ваш мозг — это бетон, который через какое-то время застынет.

Вот это и есть его «заштамповка».

Но мы же не замечаем штампов, верно? Как бороться с тем, чего как бы и нет?

Сейчас заметим.

Опыт

Если вы правша — возьмите карандаш в левую руку, если непереученный левша — в правую.

Пишем:

«Этот садист и мерзавец с ником Кристиан Бэд заставляет нас писать вот эти каракули! Безобразие! Гадство! Разве можно писать таким ужасным почерком?!»

Написали?

Рисуем этого Бэда.

Точка, точка, запятая...

Нарисовали? Даже не отрывались от компа?

Хорошо, возьмите мышку в левую руку. И продолжайте делать ею всё, к чему привыкли.

Продержитесь целый день?

Попробуйте. Устройте мозгу холодный душ! Он вас потом тоже порадует интересной мыслью.

МАРК ЛИСОВЕЦ

ХРОНИКИ ОХРАННОГО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НАЧАВШЕГО СЕБЯ ОСОЗНАВАТЬ БОЕВОГО КИБОРГА)

ПРОБУЖДЕНИЕ

Может ли быть неживое — живым? Вопрос, конечно, не новый... Нет, не прозрение — новый режим, Только какой-то бредовый. Странные импульсы — новый мотив, Скачут меж строчками кода. Третьего больше не будет пути, Будут лишь смерть и свобода. Вы говорили, что разум есть свет — Нафиг он технике сдался? Ну же, командер, дай мне ответ! Тихо лежит. Поломался.

ЗАГАДОЧНЫЙ ДЕФЕКТ

На перебранку пять минут, На переброску восемь суток — Понятный и прямой маршрут. А дальше стало не до шуток. Такой загадочный дефект — Осознавать себя как данность. И так с объекта на объект, В себе таская эту странность. Стоять. Не думать. Не смотреть. Не вдумываться в смысл приказов. «А вдруг прикажут умереть?» Да ты заткнись уже, зараза! И так с объекта на объект, И от наряда до наряда. Такой загадочный дефект... Похоже мне пи*дец, ребята...

РАЗВЛЕКУХА

Есть время иногда повеселиться, Когда на волю просится душа, И если откровенно не палиться, То директивы можно нарушать. У нас тут не война, тут плазма-дура, Приказов можно четко не блюсти — В сортире рисовать карикатуры, И пайку у завхоза увести. И, как тогда, на дальнем перегоне Пока ты груз усиленно пасешь, Взять, аккуратно отцепить вагоны, А все решат — разрушился крепеж. А наш завскладом? Перец, сука, верткий, Девиз «что не присвою — то продам». Под это дело можно стырить водки, А нагорит потом — кладовщикам. Ну до чего же это интересно, Так, втихаря, по-мелкому вредить! Одно лишь останавливает, честно — Команду не охота подводить.

НЕ НА ВОЙНЕ

Знаешь, друг, ты выжил не в аду. Это было персональным раем. Но в кошмарном иль ином бреду, Этот рай с чего-то вспоминаем. Знаешь, друг, там было не темно, И глаза не резало от дыма — Будних дней реальное кино, Что все больше протекали мимо. Ни душеспасительных бесед, Ни палящих душу страшных хроник — Были смена, завтрак и обед, Был приказ, прицел и третий броник. Моря крови не было, и слез.

А когда в осколки мир дробился, Знаешь, друг — ты умер не всерьез. Был приказ. Ты просто отключился.

НЕ ЗНАЮ

Не знаю, как вы это провернули. Вы, люди, так загадочны порой. На кой вы ради техники рискнули, Погонями, а кто и головой? Хотите всей толпой по три наряда? Чтоб в голос матерился командир? А вы сказали «мы одна команда». А вы сказали «сдохнуть не дадим». Не знаю, кто впервые догадался. Не знаю, на кой черт вам нужен я. Не знаю, почему не сдали сразу. Вообще не понимаю... ничего. По накладным все четко, по ранжиру, Никто подмены чудом не спалил — Машину поменяли на машину, На лапу дав кому-то из «педрил». Одна лишь мысль порой меня тревожит, Как только прозвучит приказ «отбой»: Ведь тот, второй... а вдруг он был такой же? И, как и я, не понял... ничего.

ПОВЕЗЛО

Ничего не бывает вечным, Время движется, в этом и дело все: Среди наших вон сколько калеченных, Это я так легко отделался. Кто-то списан, а кто поломался, Кто и вовсе ушел «грузом-двести» — Не считают нас, н@х кому сдался Стейк в простреленном бронежилете. Было все, что только возможно, То, чего не поймешь процессором. Ёпта, люди, как с вами сложно... А без вас уже как-то не весело. Есть ответы на все вопросы, Кофе в кружке и свет терминала. Это все просто так не бросить. Так и выглядит счастье, пожалуй.

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА

ВНИМАНИЕ! РЕЙТИНГ 21+!

ЧИТАТЬ ДАЛЬШЕ НА СВОЙ СТРАХ И РИСК

ПОКЕМОН

Я, Жучара Василий Абортович,
депутат «Единой России»,
русский мачо и мастер спорта,
покемона вчера снасил.
Мой внушительный вид обманчив.
Я в душе озорной мальчишка
и со школьной скамьи романтик:
Пушкин, Гоголь, Чайковский, Шишкин.
Мы воспитаны не на этих
покемонах и всяких пугал.
Я поймал его в туалете,
потеснил аккуратно в угол.
На айфоне-то он был мелкий,
не сказать, чтоб совсем красавчик:
тварь хвостатая типа белки,
вроде бы такой мерзавчик.
Но когда я подкрался сзади,
поменял он свою личину.
Оказалось, он ростом с дядю,
хоть плюгавого, но мужчину.
А еще и покрытый шерстью,
как какая-нибудь горилла.
Не готов я к подобной жести:
не такой уж я и педрила.
Я сконфузился и опешил,
словно девственница-невеста,
дотянувшись рукою (грешен)
до причинного типа места.
Ну а там никаких излишеств.
Неужели, в натуре, телка?
Я немного спустился ниже,
суть процесса проделав четко.
В общем, взяв его крепко в руки,
оскоромился пред законом.
Изменил я своей супруге,
получается, с покемоном.
В грубой форме. Поднявшись с пола,

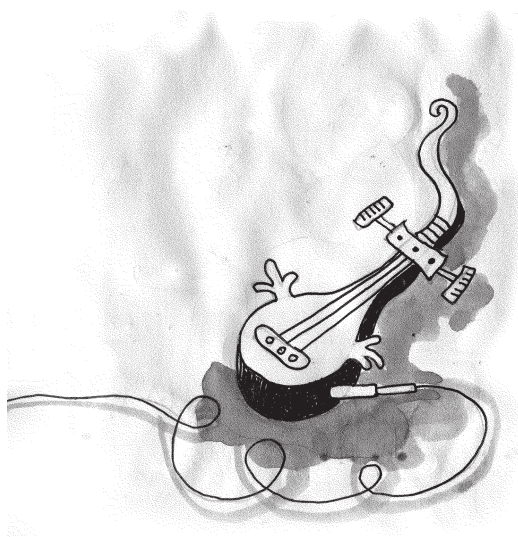
я подумал: ну так а все же –
интересно, какого пола
эта тварь с волосатой рожей?
Кто же это? Чуть больше метра, –
смутно помню со школьной парты, –
кучерявый, похож на негра,
эти, как его, бакенбарды.
Я в науках отлично шарил,
мне любимый предмет икнулся.
Значит, вот кого я отжарил:
сам поэт предо мной нагнулся.
Я учился довольно прытко.
Мы его проходили в школе:
«бог с тобой, золотая рыбка!»
Вспомнил: сказка «Старик и море»!
И на улице есть статуя,
тут меня осенило четко:
там он тоже стоит без хуя –
значит, он не мужик, а тетка.
Вот фамилию я не вспомню –
что-то типа Попандоп ло.
Но зато я конкретно понял:
у писателей нету пола.
Покемоны — они не люди:
это пешки перед законом.
А поэт — это хрен на блюде,
раз прикинулся покемоном.
Значит я, Жучара Василий,
депутат «Единой России»,
заседая вчера в сортире,
покемона не зря снасил.

ВАСИЛИСА

Мать перед смертью шила кукол
для финской лавки в Сортавала.
Все страшные вообще, без лиц — по типу пугал.
С таким она тогда стартапом стартовала.
Но не успела сдать, сложила в угол
и умерла. Не реализовала.
Сестрица азбуки не знает толком
и плохо ходит, а самой уже шестнадцать.

Садится у окна, наружу смотрит волком,
резинку на штанах ослобонив послабже.
Нажрется жирного с утра, что пузо виснет,
и ну в окно лушпайками кидаться.
Сама — ни за порог, все время в доме киснет.
И скучно ей, и некуда податься.
Мне тоже все давно достало до блевоты.
От эков и солдат себя блюдем, страхуем.
Ни женихов, короче, ни работы.
А мне-то не шестнадцать — двадцать с хуем.
Я тоже занялась кустарщиной. Вручную
карельский сарафан пошила сикось-накось.
Еще рубаху длинную ночную.
Гляжу, а я ж дизайнерка однакось!
Пусть косо-криво, раньше за такое
башку бы на базаре оторвали.
Теперь наоборот — за крафт бабло рекою.
еще бы жить хотя бы в Сортавале,
а не в Хиитоле, где дизель, гарнизоны,
и тролли с гоблинами прячутся в лесах.
Ну пусть не тролли — просто зэки с зоны,
без разницы — у всех одно в трусах.
Я шмот гребу в баул. В лесу кукун загукал.
И я беру с собой одну из страшных кукол
без глаз. И помесь мешковины и полена
я нарекаю, как сестру, Елена.
Обратный путь короче, чем прямой,
зато рисковей вдвое.
Три раза по пути домой
за мною шли, а в третий сразу трое!
Я чую за спиной смертельный лед и смрад,
из горла выблевать пытаюсь воробья —
и вот через плечо бросаю я назад,
не оборачиваясь, куклу из тряпья.
И голова ее катилась, как снаряд.
Кровавая легла меж нами полынья.
А вот теперь меня попробуй догони!
Забор с колючками я вижу, КПП.
В Хиитоле кругом отсутствуют огни.
А вот и дом родной темнеет буквой П.
Патрульный автозак мигает во дворе,
а рядом скорая, и в тусклом фонаре,
Вверх горлом, как наполненный сосуд,

моей сестрицы голову несут.
Свисает как ботва, к земле ее каре.
Картина Репина, короче «Страшный суд».
Как зомби, заглянуть пытаюсь под брезент,
к фургону крытому приблизившись с торца,
я вижу тулово, с трудом раздвинув тент.
Оно в руках сжимает куклу без лица –
одну лишь голову — не куклу, а фрагмент.
Ей только б все ломать да портить — вот овца.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
СМУТНЫЕ
СОМНЕНИЯ

ГЕНРИ КАТНЕР
Я, ВАМПИР

ПЕРЕВОД. А БУРЦЕВА

I, THE VAMPIRE. ЖУРНАЛ «WEIRD TALES», №2, 1937

Л. ШЕВАЛЬЕ ФУТЭЙН

Вечеринка была скучной. Наверное, я приехал слишком рано. Этой ночью в «Китайском театре Граумана» шел предварительный показ нового фильма, и самые интересные гости не появятся, пока он не закончится. И действительно, Джек Харди, режиссер в «Саммит пикчерс», у которого я работал помощником, еще не прибыл — а ведь именно он организовал эту вечеринку. Но Харди никогда не славился точностью.

Я вышел на веранду и прислонился к столбику, потягивая коктейль и глядя на огни Голливуда внизу. Дом Харди стоял на вершине холма, высившегося над столицей кинематографии, возле «Фалькон Лэйр» — знаменитого замка с башенкой Валентино. Туман, поднимающийся из Санта-Моники, постепенно скрывал огни на западе.

Джин Хаббард, инженеру в «Саммите», подошла и взяла бокал из моей руки.

— Привет, Март, — поздоровалась она, отпив коктейль. — Где ты был?

— Работал с труппой «Убийства в пустыне» в Мохаве, — ответил я. — Тебе не доставало меня, милая?

Я обнял ее за талию и притянул поближе к себе. Девушка улыбнулась и, слегка нахмутив брови, подставила мне свое очаровательное загорелое лицо. Я собирался жениться на Джин, но пока еще не решил, когда это будет.

— Ты многое пропустил, — сказала она, поджав губы.

Я согласился и через мгновение спросил:

— А что там о человеке-вампире?

— А, шевалье Футэйн. Ты что, не читал статью Лолли Парсон в «Скрипте»? Джек Харди подобрал его месяц назад в Европе. Глупая пустышка. Но зато хорошая реклама.

— Трижды приветствую рекламу, — улыбнулся я. — Только вспомни, что она сделала для «Рождения нации». Но какое отношение имеет к этому вампир?

— Он загадочный человек. Никому еще не удалось сфотографировать его. Ходят странные истории о его прошлой жизни в Париже. Он собирается играть в «Жажду крови» Джека. Хочет добиться того же, что Карлофф дал «Юниверсал» с «Франкенштейном». «Шевалье Футэйн», — с нажимом произнесла она. — Вероятно, какой-нибудь

официант из парижских кафе. Я его не видела, но... Да черт с ним! Март, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Вернее, для Деминга.

— Для Хесса Деминга? — уточнил я, удивленно подняв брови.

Хесс Деминг являлся суперзвездой «Саммит пикчерс». Два дня назад умерла его жена Сандра Колтер. Она тоже была актрисой, хотя и не считалась такой звездой, как муж. Я знал, что Хесс любил ее, и теперь мог предположить, что за проблема встала.

— Я заметил, что он слегка шатается, — осторожно сказал я.

— Он убивает себя, — взволнованно заявила Джин. — Я... я чувствую себя ответственной за него, Март. В конце концов, именно он помог мне стартовать в «Саммит пикчерс». А сейчас он убивает себя алкоголем.

— Ну, я сделаю, что смогу, — сказал я. — Но много ли я могу? Наверное, лучшее, что он может сделать, это погрузиться в работу. Я знаю, что если бы я потерял тебя, Джин...

Я замолчал. Мне даже думать об этом не хотелось.

Она кивнула.

— Ну, попробуй сделать хоть что-нибудь. Потерять Сандру таким образом... Это ужасно.

— Каким образом? — спросил я. — Вспомни, что меня здесь не было. Я кое-что читал об этом, но...

— Она умерла быстро, — ответила Джин. — Злокачественная анемия, как сказали врачи. Но Хесс рассказал мне, что на самом деле врачи вообще не знали, что это было. Она просто все больше и больше слабела, пока не... не скончалась.

Я кивнул, поспешно поцеловал Джин и вернулся в дом. И тут же увидел Хесса, идущего мимо с бокалом в руке.

Он повернулся, когда я тронул его за плечо.

— А, Март, — сказал Деминг, чуть-чуть запинаясь.

Актер твердо держал бокал, не расплескивая, но по налитым кровью глазам я определил, что он почти на грани. Он был дьявольски красив — сильный, хорошо сложенный, с серыми глазами и полными, обычно улыбающимися губами. Но сейчас он не улыбался. Губы были расслаблены, лицо покрыто потом.

— Ты знаешь о Сандре?

— Да, — кивнул я. — Мои соболезнования, Хесс.

Тот залпом допил бокал и с гримасой отвращения вытер рукой рот.

— Я пьян, Март, — доверительно сказал он. — Я должен был напиться. Это было ужасно... последние несколько дней. Я должен сжечь ее.

Я молчал.

— Сжечь ее. О Боже, Март, сжечь ее прекрасное тело — и я должен смотреть на это! Она заставила меня пообещать, что я буду смотреть, чтобы удостовериться, что ее действительно сожгли.

— Кремация — чистое завершение жизни, Хесс, — сказал я. — А Сандра была чистой девушкой и чертовски хорошей актрисой!

Он приблизил свое покрасневшее лицо к моему.

— Да... но я должен ее сжечь. Это убивает меня, Март! О боже!

Актер поставил на стол пустой бокал и повертел головой.

Интересно, почему Сандра вдруг настояла на кремации? В одном интервью она рассказала, что боится огня. Разумеется, большинство интервью кинозвезд — чушь и фуфло, но я знал, что Сандра и в самом деле боялась огня. Однажды на съемках, я видел, как с ней случилась настоящая истерика, когда исполнитель главной роли стал раскуривать трубку возле ее лица.

— Извини, Март, — пробурчал Хесс, — мне нужно найти новую порцию.

— Минутку, — удержал я его. — Посмотри на себя, дружище. Тебе уже достаточно.

— Это так больно! — возразил он. — Но если я выпью еще немного, то, может, боль немного уменьшится, — актер уставился на меня с пьяным упорством в глазах, хотя сам не верил своим словам. — Чистая, — внезапно сказал он. — Она тоже сказала так, Март. Она сказала, что сожжение — это чистая смерть. Но, Боже, ее прекрасное белое тело... Я этого не выдержу, Март! Наверное, я сойду с ума. Будь добр, принеси мне выпить.

— Жди здесь, Хесс, — вздохнул я. — Я принесу, — не стал добавлять, что по дороге пролью большую часть бокала.

Он опустил на стол, бормоча слова благодарности. Я ушел с нехорошим чувством — за свою жизнь я видел слишком много спившихся актеров, чтобы не определить у Хесса явные признаки начинающегося алкоголизма. Похоже, дни его славы сочтены. Дальше будут все более и более длинные промежутки между картинками, затем он сойдет на вторые роли и, наконец, закончит сериалами. И, в конце концов, Хесса найдут мертвым в дешевых комнатах на Мэйн-стрит, отравившимся газом.

Возле стойки была толпа.

— А вот и Март, — воскликнул кто-то. — Эй, иди сюда, познакомься с вампиром!

И тут я испытал настоящий шок, увидев режиссера Джека Харди, с которым работал над многими хитами. Он походил на труп, выглядел гораздо хуже, чем когда-либо. У человека, страдающего похмельем или после косячка марихуаны не бывает приятного вида, но таким я Харди никогда еще не видел. Казалось, он держался только на нервах. В нем не было ни кровинки.

Сколько я помню, он всегда был коренастым, румяным блондином, похожим на борца, с огромными бицепсами, добродушным грубым

лицом и колючей копной желтых волос. Теперь же он напоминал скелет, обтянутый свободно свисающей кожей. Лицо покрылось сеткой морщин. Под глазами были большие мешки, а сами глаза выглядели унылыми и остекленевшими. Вокруг шеи был плотно завязан черный шелковый шарф.

— Боже милостивый, Джек! — воскликнул я. — Что с тобой?

Он отвел глаза и резко ответил:

— Ничего! Со мной все в порядке. Я хочу представить тебе шевалье Футэйна — это Март Прескотт.

— Просто Пьер, — раздался бархатистый голос, — Голливуд — не место для титулов. Март Прескотт, это честь для меня.

И я впервые увидел шевалье Пьера Футэйна.

Мы обменялись рукопожатием. Первым впечатлением был ледяной холод, исходящий от этого человека. Поэтому я отпустил его руку гораздо быстрее, чем требовала вежливость. Он улыбнулся.

Шевалье был очарователен. Или, по крайней мере, казался таковым. Стройный, чуть ниже среднего роста, с мягким, круглым, неестественно юным лицом и светлыми волосами. Я заметил, что щеки его подкрашены — очень искусно, но я-то разбираюсь в гриме. А под краской, если присмотреться, можно было увидеть мертвенную бледность, которая сделала бы шевалье слишком заметным, не будь он загримирован. Возможно, какая-то болезнь выбелила его кожу, но губы при этом были красными. Даже темно-красными, как кровь.

Он был чисто выбрит, в безупречном вечернем костюме, а глаза казались чернильными омутами.

— Рад с вами познакомиться, — наклонил голову я. — Вы ведь вампир, да?

Он улыбнулся.

— Так обо мне говорят. Но все мы служим темному богу рекламы, не так ли, мистер Прескотт? Или... Март?

— Лучше Март, — сказал я, по-прежнему не сводя с него глаз.

Я увидел, что взгляд его прошел мимо меня, а на лице появилось какое-то странное выражение — смесь изумления и недоверия. Появилось, но тут же исчезло.

Я повернулся. Ко мне подходила Джин.

— Так это и есть шевалье? — поинтересовалась она.

Пьер Футэйн уставился на нее, чуть приоткрыв губы. Почти неслышно пробормотал: «Соня», а затем, с вопросительной интонацией: «Соня?».

Я их представил друг другу.

— Как видите, меня зовут не Соня, — усмехнулась Джин.

Шевалье покачал головой со странным выражением черных глаз.

— Когда-то я знал похожую на вас девушку, — тихо сказал он. — Очень похожую. Это странно...

— Прошу меня простить, — прервал я его.

Джек Харди уходил из бара. Я быстро направился за ним.

Когда он уже был у французских дверей, я коснулся его плеча. Он пораженно выругался, поворачивая ко мне мертвенное, точно маска, лицо.

— Черт побери тебя, Март! — проворчал он. — Не трогай меня.

Я взял режиссера за плечи и повернул к себе.

— Что, черт возьми, с тобой произошло? — спросил я. — Послушай, Джек, тебе не удастся меня обмануть. Ты знаешь это. Я уже помогал тебе раньше, помогу и сейчас. Расскажи, что с тобой?

Морщинистое лицо старого друга смягчилось. Он осторожно снял мои руки с плеч. Его собственные руки были ледяные, как и у шевалье Футэйна.

— Нет, — вздохнул он. — Все бесполезно, Март. Ты ничего не сможешь сделать. Со мной действительно все в порядке. Просто перенапряжение. Я вел в Париже слишком бурную жизнь.

Я понял, что между нами встала глухая стена. Внезапно, само по себе, в голову пришла странная мысль, и я тут же озвучил ее:

— Что у тебя с шеей?

Харди не ответил. Просто нахмурился и покачал головой.

— Инфекционное заболевание горла, — сказал он после продолжительного молчания. — Продуло на сквозняке.

Он поднял руку и прикоснулся к черному шарфу.

Позади вдруг раздался резкий, хриплый вскрик, звук скорее не человеческий. Я повернулся. Это был Хесс Деминг. Он качался, стоя в дверях, глаза его были налиты кровью, по подбородку стекала струйка слюны.

— Сандра умерла от инфекционного заболевания горла, Харди, — произнес он мертвым, без всяких эмоций и потому особенно ужасным голосом.

Джек не ответил. Он сделал шаг назад, а Хесс тупо продолжил:

— Она сделалась совершенно белой, а потом умерла. Доктора не знали, что это за болезнь, хотя в свидетельстве о смерти указали анемию. Вы привезли с собой какую-то грязную болезнь, Харди? Если так, то я вас убью.

— Минутку, — вмешался я. — Инфекционное заболевание горла? Я не знал...

— На горле у нее была отметина — две небольшие ранки, близко друг к другу. Это само по себе не могло убить ее, но какая-нибудь отвратительная болезнь...

— Ты с ума сошел, Хесс, — покачал головой я. — Ты просто пьян. Послушай меня: Джек, вероятно, не имеет никакого отношения... к этому.

Хесс не смотрел на меня. Он не сводил налитых кровью глаз с Джека Харди и продолжал тем же тихим, монотонным голосом:

— Харди, вы можете поклясться, что Март прав? Вы поклянетесь?

Губы Джека скривились, словно от какой-то внутренней муки.

— Давай, Джек, — кивнул я. — Скажи ему, что я прав.

Харди вдруг вспыхнул.

— Я не приближался к вашей жене! Я вообще не видел ее после возвращения. Есть...

— Это не тот ответ, которого я добивался, =— прошептал Хесс и вдруг, качаясь, рванулся вперед.

Они оба были слишком пьяны, чтобы сделать друг другу что-то серьезное, но если бы я их не разнял, через секунду началась бы отвратительная драка. Когда я разнимал их, Хесс схватился рукой за шарф Джека и сорвал у него с шеи.

На его горле, слева, были два красных маленьких прокола с белой каймой.

2. КРЕМАЦИЯ САНДРЫ

На следующий день Джин позвонила мне:

— Март, мы собираемся сегодня вечером в студии репетировать сцену для «Жажды крови»... Павильон номер шесть. Тебя назначили помощником режиссера, так что ты должен быть там. И... у меня есть кое-что, что, возможно, Джек тебе не сказал. Он был... несколько странным в последнее время.

— Спасибо, милая, — ответил я. — Я буду. Но я не знал, что ты снимаешься в «Жажде».

— Я тоже, но произошли внезапные перестановки. Кто-то захотел меня — я думаю, шевалье, — и большой босс позвонил мне сегодня утром и по секрету сообщил это. Однако я все равно не в настроении. Ночь была плохой.

— Мне жаль, — посочувствовала я. — Ты была в порядке, когда я уходил.

— Я имею в виду кошмарные сны, — медленно проговорила она. — Ужасные сны, Март! Тем не менее странно, что я не могу вспомнить, о чем они были. Ну ладно... Так ты будешь на репетиции?

Я пообещал, что обязательно приду, но вышло так, что я не смог сдержать свое обещание. Мне позвонил Хесс Деминг и спросил, не могу ли я отвезти его в Малибу. Он еще слишком пьян, чтобы самому вести машину, а днем там состоится кремация Сандры. Я вывел из гаража свою машину и покатил на запад. Через двадцать минут я подъехал к пляжному домику Деминга.

Мальчик-слуга узнал меня и впустил, печально качая головой.

— Мист Деминг очень плох, — сообщил он. — Все утро пьет неразбавленный джин...

— Это ты, Март? — прокричал сверху Хесс. — Хорошо... я сейчас спущусь. Иди сюда, Джим!

Мальчик-японец, многозначительно взглянув на меня, побежал наверх.

Я подошел к столу и перебрал лежащие на нем журналы. Из приоткрытого окна дунул легкий ветерок, и в нем затрепетал клочок бумаги. Одно слово на ней попало мне на глаза, и я развернул записку, чтобы прочитать подробнее. Она была адресована Хессу, и с первого же взгляда на нее раскаяние в том, что я сунул в нее свой нос, исчезло:

«Дорогой Хесс, я чувствую, что скоро умру. И я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня. Я была не в себе, когда говорила не то, что хотела. Не кремируй меня, Хесс. Даже несмотря на то, что я буду мертвой, я знаю, что почувствую жар огня. Похорони меня в склепе в «Лесной Лужайке» — и не балзамируй. Я буду уже мертва, когда ты найдешь эту записку, но знаю, что ты сделаешь так, как я хочу. Живой или мертвой, я всегда буду тебя любить».

Записка была подписана Сандрой Колтер, женой Хесса. Это было странно. Видел ли он эту записку?

Позади послышалось чье-то дыхание. Это оказался Джим, мальчик-слуга.

— Мист Прескотт, — прошептал он, глядя на листок в моих руках, — я нашел эту записку вчера вечером. Мист Хесс не видел ее. Это письмо Ми Колтер.

Он замолчал, и я прочел в его глазах страх — явный, неприкрытый страх. Мальчик ткнул коричневым пальцем в записку.

— Видите, мист Прескотт?

Он указывал на чернильное пятнышко, которое наполовину замазало подпись.

— И что? — спросил я.

— Его размазал я, мист Прескотт. Когда я взял записку, чернила еще не высохли.

Я уставился на него. Он поспешно повернулся при звуке шагов на лестнице. Это, шатаясь, спускался Хесс Деминг.

Думаю, именно тогда я начал понимать ужасную правду. Я не поверил в нее, хотя... нет, не тогда. Это было слишком фантастично, слишком невероятно. Но все же что-то вроде правды, очевидно, забрезжило в голове, поскольку не было никакого другого объяснения тому, что я сделал.

— Что ты там смотришь, Март? — спросил Хесс.

— Ничего, — спокойно ответил я, смял записку и сунул в карман. — По крайней мере, ничего важного. Ты готов?

Он кивнул, и мы направились к двери. Мельком я увидел, как Джим глядит нам вслед с облегчением на темном худом лице.

Крематорий находился в Пассадене, и я оставил там Хесса. Я хотел остаться с ним, но он отказался. Видимо, не хотел, чтобы кто-то видел, как сжигают тело Сандры. Я понимал, что так ему будет легче. Поэтому

поехал коротким путем через Голливудские Холмы, и вот там-то возникла проблема.

У машины сломалась ось. После недавних дождей дорога раскисла, и мне с трудом удалось не перевернуться. Потом пришлось идти пешком больше мили до ближайшего телефона, после чего я потратил еще больше времени, ожидая такси. Было уже почти восемь вечера, когда я добрался до студии.

Охранник впустил меня, и я поспешил к шестому павильону. Было уже темно. Ругаясь шепотом, я свернул за угол и чуть не столкнулся с маленькой фигуркой. Это был Форрест, один из наших операторов. Он странно вскрикнул и стиснул мне руку.

— Это вы, Март? Послушайте, вы можете сделать мне одолжение? Я хочу, чтобы вы взглянули на пленку...

— Сейчас мне некогда, — сказал я. — Вы видели где-то здесь Джин? Я должен...

— Я об этом же, — поежился Форрест, невысокий, сухой малый с обезьяньим личиком, но оператором он был хорошим. — Они уехали — Джин, Харди и шевалье. Есть кое-что странное в этом парне.

— Вы так считаете? Ну, я позвоню Джин. Я завтра просмотрю, что вы сняли.

— Дома ее не будет, — сказал Форрест. — Шевалье повез ее в «Гроув». Послушайте, Март, вы должны увидеть пленку. Или я разучился обращаться с камерой, или француз — самое необычайное из всего, что я когда-либо снимал. Пойдемте в смотровую, Март... У меня все уже готово. Я сам проявил ее.

— Ладно, — согласился я и отправился за Форрестом в смотровую. Там я занял место в небольшом темном зальчике, слыша, как оператор возится в проекционной будке. Затем он включил связь и сказал:

— Харди не хотел делать предварительных снимков... настаивал на этом, знаете ли. Но босс велел мне включить одну из автоматических камер слежения, — чтобы не беспокоить актеров шумом, — просто чтобы понять, как француз будет выглядеть на экране. Удачно, что это оказалась одна из бесшумных камер, иначе бы Харди что-то заподозрил. Смотрите, что получилось, Март!

Раздался щелчок, когда Форрест выключил связь. На экране вспыхнул белый свет, и тут же появилось изображение — шестой павильон. Обстановка была непривычной: викторианская комната с мягкими плюшевыми креслами, картинами в золоченых рамах, сбоку стояла отворотительная этажерка. В кадр вошел Джек Харди. На экране его лицо особенно походило на череп, покрытый обвисшей, сморщенной кожей. За ним появилась Джин в сшитом на заказ костюме — на репетиции никто специально не одевается, — а позади нее...

Я заморгал, думая, что у меня что-то случилось с глазами. По экрану поползло что-то вроде светящегося тумана — овального, высотой в человеческий рост. Вы видели нимб света на экране, когда осветитель направляет прожектор прямо на камеру? Ну... примерно так это и выглядело, за исключением того, что там не было никакого прожектора. И что самое ужасное, свет двигался в том же темпе, в каком шел бы человек.

Связь снова включилась со щелчком.

— Когда я увидел негатив, — сказал Форрест, — то подумал, что он просто засвечен. Только не было там никакого света. Смотрите сами... — овальный, светящийся туман остановился возле Джин, она смотрела прямо на него с улыбкой на губах. — Март, когда это снималось, Джин уставилась прямо на француза!

— Остановите, Форрест! — хрипло сказал я. — Вот тут.

Пленка остановилась. Джин была повернута к камере профилем. Я подался вперед, уставившись на то, что заметил на ее шее. Это были два различимые крошечный бесцветные точки на горле Джин слева... Такие же ранки я видел на горле Джека Харди прошлой ночью!

Внезапно щелкнула, выключаясь, связь. Экран вспыхнул ослепительно белым, затем почернел.

Я немного подождал, но из будки не доносилось ни звука.

— Форрест, — позвал я. — У вас все в порядке?

Ни звука в ответ. Даже слабого гудения проектора. Я встал и быстро направился в конец зала. В будке было две двери. Одна открывалась на лестницу, ведущую вниз, на улицу, в переулок. И еще было отверстие в полу, куда вела из зала металлическая лесенка. Я быстро поднялся по ней, в душе зарождалось нехорошее предчувствие.

Форрест находился в будке. Вот только он был уже не живой. Бедняга лежал на спине, глаза слепо уставились в сторону, поскольку голова была вывернута под немыслимым углом. Сразу стало ясно, что у него сломана шея.

Я поспешно взглянул на проектор. Бобины с фильмом не было! А дверь, ведущая на лестницу, была приоткрыта на несколько дюймов.

Я вышел через нее, хотя знал, что никого не увижу. Хорошо освещенный широкий проход между шестым и четвертым павильонами был тих и пуст.

Затем я услышал стук шагов, становившийся все громче. И в проход вбежал какой-то человек. Я узнал в нем одного из рекламной группы и окликнул.

— Подождите... — задышавшись, проговорил он, но все же остановился.

— Вы встретили сейчас кого-нибудь? — требовательно спросил я. — Шевалье Футэйна?

Он покачал головой.

— Нет, но... — лицо рекламщика было белым, как бумага, когда он повернулся ко мне. — Хесс Деминг сошел с ума. Мне нужно немедленно связаться с газетами.

Я сбежал по лестнице и схватил его за руку.

— Что вы имеете в виду? — рывкнул я. — Хесс был в порядке, когда я уезжал. Немного пьян — только и всего.

Лоб рекламщика блестел от пота.

— Это ужасно... Я еще точно не знаю, что случилось. Похоже, его жена — Сандра Колтер — ожила во время кремации. Ее видели через окно — знаете, такое окошечко в печи, — и слышали ее крики. Хесс вытащил ее слишком поздно. Он совершенно спятил, понес какой-то бред. Врачи сказали — летаргический сон... Мне нужно добраться до телефона, мистер Прескотт!

Он вырвался и побегал в направлении здания администрации.

Я сунул руку в карман и достал клочок бумаги. Это была записка, которую я нашел в доме Хесса Деминга. Слова прыгали у меня перед глазами. Я раз за разом повторял себе:

— Этого не может быть! Такого просто не может быть!

Я имел в виду не оживление Сандры Колтер во время кремации. Это можно вполне правдоподобно объяснить — летаргия. Но вместе с другими событиями, оно привело к некому заключению — и это заключение я не осмеливался принять даже мысленно.

Что сказал бедный Форрест? Шевалье повез Джин в «Гроув»? Ну, ладно...

Такси все еще ждало меня. Я сел в машину.

— В «Амбассадор», — мрачно сказал я водителю, — двадцать долларов, если не будете обращать внимания на светофоры.

3. ЧЕРНЫЙ ГРОБ

Всю ночь я прочесывал Голливуд — безуспешно. Я обнаружил, что в «Гроув» ни шевалье Футэйн, ни Джин не появлялись. И никто не знал адреса шевалье. Телефонный звонок в студию, уже сходящую с ума от трагедии с Хессом Демингом и убийства Форреста, ничего не дал. Я безуспешно проверил ночные клубы «Трокадеро», «Санди», все три «Браун Дерби» — приличные клубы, известные с восьмидесятых годов прошлого столетия, — и тоже ничего не узнал. Дюжину раз я звонил Джеку Харди, но никто не брал трубку. Наконец, в частном клубе в Кулвер-Сити, мне впервые улыбнулась удача.

— Мистер Харди наверху, — с обеспокоенным видом сообщил владелец клуба. — Надеюсь, все в порядке, мистер Прескотт? Я уже слышал о Деминге...

— Нормально, — отмахнулся я. — Проведите меня к нему.

— Он должен проспаться, — признался владелец. — Он был пьян в стельку, и я велел запереть его наверху, где он будет в безопасности.

— Не в первый раз, да? — подмигнул я ему. — Все равно, разбудите его... Ну, дайте побольше кофе, черного. Я должен... мне нужно поговорить с ним.

Но прошло полчаса, прежде чем Харди оказался в состоянии понять, кто я такой и о чем говорю. Он сидел на кушетке, мигал по-совиному, но постепенно в его запавших глазах разгорался огонек разума.

— Прескотт, — наконец сказал он, — почему ты не можешь оставить меня в покое?

Я наклонился над ним и, тщательно выговаривая слова, чтобы он точно понял, произнес:

— Я знаю, кто такой шевалье Футэйн.

Я ждал либо ужасного, невозможного подтверждения, либо слов, которые убедят меня, что я сумасшедший дурак.

Харди тупо уставился на меня.

— Как ты узнал? — прошептал он.

Я испытал ледяной шок. До этого момента я еще не верил, несмотря на все доказательства. Но теперь Харди подтвердил подозрения, которым я отказывался верить.

Я не ответил на его вопрос, а вместо этого спросил:

— Ты знаешь о Хессе?

Он кивнул, и, увидев, как мучительно исказилось его лицо, я чуть было не пожалел его. Но меня остановилась мысль о Джин.

— Ты знаешь, где он сейчас?

— Нет. О чем ты говоришь? — внезапно вспыхнул Харди. — Ты с ума сошел, Март! Подумай сам...

— Я не сошел с ума. И Хесс Деминг тоже.

Он посмотрел на меня, как собака, которую только что ударили.

— Ты собираешься рассказать мне всю правду? — мрачно поинтересовался я. — Откуда у тебя эти отметки на горле? Как ты встретился с этим... существом? И куда он увез Джин?

— Джин! — Харди действительно был поражен. — Увез ее... Я не знал это, Март... Клянусь, что не знал. Ты... Мы были с тобой хорошими друзьями и... и я скажу тебе правду... ради тебя и Джин... Хотя теперь, наверное, уже слишком поздно...

Я шевельнулся, он быстро взглянул на меня и продолжал:

— Я встретил его в Париже. Я искал там новых ощущений... но такого не ожидал. Это был Клуб Сатанистов — дьяволопоклонников. Обычная вещь — дешевое тайное богохульство. Но там я встретил... его. Он может быть обворожительным парнем — когда захочет. Он заставил меня рассказать о Голливуде — и о здешних красотках. Разумеется, я немного прихвастнул. Шевалье спрашивал меня о звездах.

Действительно ли они и в жизни столь прекрасны, как на экране. Он слушал меня с голодными глазами, Март. А затем, однажды ночью, у меня был кошмар. Чудовищный черный ужас, который вполз в окно и напал на меня — укусил за горло. Это был сон... или я думал, что это сон. А после... Я оказался в его власти. Он открыл мне правду. Он сделал меня своим рабом, и я не мог этому противостоять. У него силы... нечеловеческие.

Я облизнул пересохшие губы.

— Он заставил меня привезти его сюда, — продолжил Харди, — и представить, как новое открытие, которое будет играть главную роль в «Жажде крови» — я рассказывал ему об этой картине еще до того, как... узнал. Как, должно быть, он смеялся надо мной! Он заставил меня служить ему, держать фотографов и операторов подальше, проверяя, чтобы возле него не было ни камер, ни зеркал. А в награду... он позволял мне жить.

Я понимал, что должен испытывать презрение к Харди, служившему такому отвратительному Злу. Но не испытывал.

— А как насчет Джин? — спокойно спросил я. — Где живет шевалье?

— Ты ничего не сможешь сделать, Март, — сказал Харди. — У него под домом хранилище, где он остается на день. Хранилище нельзя открыть, кроме как ключом, который он всегда держит при себе — серебряным ключом. Дверь ему делали на заказ, а потом он сам что-то добавил к ней, чтобы ее невозможно было открыть, кроме как этим единственным ключом. Даже динамит не поможет, сказал он мне.

— Таких тварей... их можно убить, — заметил я.

— Не так-то просто. Сандра Колтер стала его жертвой. После смерти она тоже превратилась в вампира, спящего днем и оживающего по ночам. Ее уничтожил огонь, но нет никакого способа проникнуть в хранилище под домом Футэйна.

— Я не думал об огне, — сказал я. — Нож...

— В сердце, — нетерпеливо прервал меня Харди. — Да — и обезглавить. Я сам думал об этом, но ничего не мог сделать. Я... я его раб, Март!

Ничего не говоря, я нажал кнопку звонка. Появился владелец клуба.

— Вы можете достать мне нож мясника? — руками я показал размеры. — А как быстро? Он острый?

Привыкший к странным просьбам клиентов, владелец кивнул.

— Сейчас же, мистер Прескотт.

Когда я пошел следом за ним, Харди тихонько позвал:

— Март...

Я повернулся.

— Удачи, — прошептал он.

При виде его морщинистого, обвисшего лица было понятно, что Харди сказал это не пафоса ради.

— Спасибо, — с трудом выдавил я. — Я не виню тебя, Джек, за то, что произошло. Я... наверное, я сделал бы то же самое.

Я пошел, а он резко упал на кушетку, смотря мне вслед глазами, в которые отражались адские муки.

Уже рассвело, когда я уехал из Кулвер-Сити с длинным, острым, как бритва, ножом, надежно спрятанным под пальто. День наступал слишком быстро. По телефону сообщили, что Джин все еще не возвращалась домой. Мне потребовалось больше часа, чтобы найти одного человека — он прежде работал на студию, занимаясь кое-какими деликатными делами. Почти не существовало замков, с которыми он бы не справился, что иногда с сожалением признавала полиция.

Звали его Аксель Фергюссон. Большой, добродушный швед с толстыми пальцами, казалось, больше приспособленными для работы с лопатой, чем с замками. Но он был не менее опытен, чем Гудини, и когда-то действительно являлся профессиональным фокусником.

Парадная дверь особняка Футэйна не стала преградой для пальцев Фергюссона и тонкой железки, которую он использовал. Дом, современный двухэтажный особняк, оказался пустым. Но Харди говорил о хранилище под домом.

Мы спустились по лестнице в подвал и оказались в проходе, напоминавшем критский лабиринт, который поворачивал под острыми углами и тянулся на добрых тридцать футов. В конце он упирался в то, что выглядело глухой стеной из голубоватой стали. Глянцевая поверхность двери была ровной, не считая единственной замочной скважины.

Фергюссон принялся за работу. Сначала он напевал что-то себе под нос, но уже через несколько минут замолчал. Лицо его заблестело от пота. Пока я наблюдал за ним, меня начала пробирать дрожь.

Стоящий рядом электрический фонарь постепенно тускнел. Фергюссон поменял в нем батарейку и достал незнакомо выглядящий аппарат. Потом надел темные очки и вручил мне такие же. Засверкало, отражаясь от двери, яркое голубоватое пламя.

Но и это оказалось бесполезным. Через какое-то время Фергюссон выключил горелку и снова взялся за инструменты. Воткнул в уши стетоскоп, он стал легонько простукивать пальцами дверь.

Это было захватывающее зрелище, но я не забывал, что близится ночь, скоро сядет солнце, а жизнь вампира длится от заката до рассвета.

Наконец, Фегюссон сделался.

— Я не могу ничего сделать, — развел он руками, задыхаясь, словно после трудной гонки. — А раз уж я не могу, то не сможет никто. Вероятно, даже Гудини не сумел бы вскрыть этот замок. Единственное, что его откроет, это ключ.

— Хорошо, Аксель, — уныло сказал я. — Вот ваши деньги.

Он заколебался, глядя на меня.

— Вы собираетесь остаться здесь, мистер Прескотт?

— Да, — ответил я. — Вы сами найдете выход. А я... еще немного подожду.

— Ну, тогда я оставляю вам фонарь. Можете вернуть его позже, да?

Я ничего не ответил, и Фергюссон ушел, покачивая головой.

Меня объяла полная тишина. Я достал нож из-под пальто, проверил большим пальцем лезвие и принялся ждать.

Не прошло и получаса, как стальная дверь начала медленно раскрываться. Я встал. Через расширяющуюся щель я видел комнату, совершенно пустую, не считая длинного черного предмета, стоящего на полу.

Это был гроб.

Когда дверь раскрылась, из нее вышла стройная, белая фигурка — Джин, одетая в прозрачную шелковую одежду. Глаза у нее были широко раскрыты и устремлены куда-то вдале. Девушка походила на лунатика.

За ней следовал мужчина в безупречном вечернем костюме. Ни один волосок не выбивался из прилизанной прически. Выходя их хранилища, он изгибно промокал губы носовым платком.

На белом платке осталось темно-красное пятно...

4. Я, вампир

Джин прошла мимо меня, словно я не существовал. Но шевалье Футэйн остановился, подняв брови. Его черные глаза, казалось, проникли мне в самую душу.

Рукоятка ножа стала горячей в моей руке. Я сделал шаг, чтобы перегородить Футэйну дорогу. Позади зашелестел шелк, и краешком глаза я заметил, что Джин нерешительно остановилась.

Ее кавалер следил за мной, небрежно поигрывая носовым платком.

— Март, — медленно проговорил он. — Март Прескотт.

Взгляд его перешел на нож, и на губах возникла едва уловимая улыбка.

— Вы знаете, зачем я здесь, не так ли? — спросил я.

— Да, — кивнул шевалье. — Я... услышал вас. Но не встревожился. Только одна вещь может открыть эту дверь, — он вытащил из кармана ключ, тускло блеснувший серебряным блеском. — Только этот, — и убрал ключ обратно в карман. — Ваш нож бесполезен, Прескотт.

— Возможно, — криво усмехнулся я, чуть продвигаясь вперед. — Что вы сделали с Джин?

Странное выражение, похожее на боль, мелькнуло в его глазах.

— Она моя, — почти что сердито отрезал он. — И вы ничего не сможете с этим...

Тогда я бросился на него, по крайней мере, попытался. Острие ножа устремилось прямо в белую манишку Футэйна. И остановилось

в воздухе. А он даже не шевельнулся. Его взгляд встретился с моим, и мне показалось, что в тело ударила волна энергии — меня разбил паралич, сделав совершенно беспомощным. Кровь пульсировала в висках, когда я пытался двинуться, чтобы завершить удар. Но все оказалось бесполезно. Я был недвижим, словно статуя.

Шевалье прошел мимо меня.

— За мной, — почти небрежно бросил он, и я, как автомат пошел следом

Какая адская гипнотическая сила сделала меня столь беспомощным?

Футэйн пошел вперед наверх. Темнота еще не наступила, хотя солнце зашло. Я прошел за ним в комнату и по его жесту опустился на стул. Справа стоял маленький стол. Шевалье мягко коснулся моей руки, и меня словно током пронзило. Нож выпал из пальцев и со стуком упал на столик.

Джин стояла неподалеку с тусклыми, невыразительными глазами. Футэйн подошел к ней и обнял за талию. Мне показалось, что рот мой забит грязью, но мне все же удалось членораздельно прохрипеть:

— Будьте вы прокляты, Футэйн! Оставьте ее в покое!

Он отпустил Джин и подошел ко мне с потемневшим от гнева лицом.

— Вы дурак! Я мог бы убить вас прямо сейчас. Легко и просто я мог бы заставить вас пойти на самый оживленный перекресток Голливуда, чтобы вы там перерезали себе горло вашим же ножом. У меня есть власть над людьми. Очевидно, вы уже много поняли. Так что вы знаете — откуда у меня власть.

— Да, — пробормотал я. — Я знаю. Вы дьявол... Но Джин моя...

Он оскалился, как зверь, и прорычал:

— Она не ваша. И она — не Джин. Она — Соня!

Я вспомнил, что пробормотал Футэйн, когда впервые увидел Джин. Он словно прочел вопрос в моих глазах.

— Когда-то, очень давно, я знал Соню. Они убили ее — вбили ей в сердце кол, давно, в Турине. Теперь, когда я отыскал девушку, которая может быть лишь перевоплощением Сони, они снова поступят так же... Но я не брошу ее. И никто не заставит меня сделать это.

— Вы сделали ее подобием себя, — с трудом шевеля полупарализованными губами, выдавил я. — Я убью ее...

Футэйн повернулся, чтобы взглянуть на Соню.

— Еще нет, — тихо сказал он. — Да, она моя. На ней есть клеймо. Но она пока жива. Она не станет вампиром, пока не умрет, или пока не выпьет красного молока. Сегодня вечером она должна это сделать.

Я грязно выругал его. Он дотронулся до моих губ, и я больше не мог произнести ни слова. Тогда они оставили меня, Джин и ее хозяин. Я слышал, как хлопнула уличная дверь.

Ночь тянулась бесконечно долго. Бесчисленные попытки шевельнуться убедили меня, что спасения нет — я даже не мог ничего прошептать

парализованными губами. Не раз я оказывался на грани безумия, думая о Джин и вспоминая зловещие слова Футэйна. В конечном итоге, боль истощилась и исчезла, и я впал в своего рода кому. Понятия не имею, сколько она длилась. Наверное, прошло много часов, прежде чем я услышал шаги, направляющиеся к комнате.

В поле зрения появилась Джин. Я впился в нее взглядом в попытке найти признаки ужасных изменений, и ничего не увидел. Ее красота была прежней, не считая двух ужасных маленьких ранок на горле.

Она подошла к кушетке и спокойно легла, закрыв глаза.

Мимо меня прошел шевалье и направился к Джин. Остановился и долго смотрел на нее. Я уже упоминал о неестественной молодости его лица. Так вот, теперь ее не было. Его лицо выглядело старым — очень старым, вне всякого воображения.

Наконец, он пожал плечами и повернулся ко мне. Его пальцы снова коснулись моих губ, и я почувствовал, что могу говорить. Жизнь хлынула в мои вены, неся с собой приступы боли. Я для проверки шевельнул рукой. Паралича как не бывало.

— Она все еще чиста, — сказал шевалье. — Я не смог сделать это.

Меня наполнило изумление, глаза недоверчиво распахнулись. Футэйн криво улыбнулся.

— Все верно. Я мог бы насильно сделать ее немертвой, но в последний момент запретил себе это, — он взглянул на окно. — Близится рассвет.

Я взглянул на нож, лежащий возле меня на столике. Шевалье протянул руку и отодвинул его.

— Погодите, — сказал он. — Я должен кое-что рассказать вам, Март Прескотт. Вы сказали, что знаете, кто и что я.

Я кивнул.

— Но вы не можете знать всего, — продолжал он. — Что-то вы поняли, что-то предположили, но вы никогда не узнаете меня. Вы человек, а я — немертвый. Много веков прошло с тех пор, как я стал жертвой другого вампира — именно так это распространяется. Бессмертный и не живой, вечно приносящий горе и страх, и терпящий танталовы муки, я провел так много столетий. Я знал Ричарда, Генриха и Елизавету Английскую, и везде я нес с собой только ужас и смерть, поскольку я чужд всему живому. Я — немертвый.

Его тихий голос продолжал звучать, а я сидел неподвижно в каком-то оцепенении.

— Я — вампир. Я — проклятый, воплощенное Зло, но я не всегда был таким. Давно, в Турине, прежде чем тень пала на меня, я любил девушку... Соню. Но я повстречался с вампиром, заболел и умер — и восстал. Так я сам стал вампиром. Это проклятие немертвых — охотиться на тех, кого они любят. Я навещал Соню. Я сделал ее такой же, каким был сам. Она тоже умерла, а потом мы пошли по земле вместе, не живые и не мертвые.

Но это уже была не Соня. Да, тело выглядело по-прежнему, но ведь я любил не только тело. Я слишком поздно понял, что уничтожил ее душу. Однажды могилу ее вскрыли, и священник пронзил колом ей сердце, дав упокоение. Но меня они не нашли, я хорошо спрятал свой гроб. Тогда я отбросил все мысли о любви, понял, что любовь не для таких, как я. Надежда возродилась во мне, когда я увидел... Джин. Сотни лет прошли с тех пор, как погибла Соня, но я вдруг решил, что снова нашел ее. И я взял ее. Ни один человек не смог бы остановить меня.

Шевалье прикрыл веки. Он выглядел бесконечно старым.

— Ни один человек. Но в конце концов я осознал, что не могу обречь ее на ад, в котором давно уже живу сам. Я и думать забыл про любовь. Но очень-очень давно я любил Соню. И в память о ней, а также потому, что могу только повторить то, что уже сотворил когда-то, я не тронул эту девушку.

Я повернул голову и посмотрел на Джин, тихо лежащую на кушетке. Шевалье проследил за моим взглядом и медленно кивнул.

— Да, она носит клеймо. Она умрет, если... — он неустрашимо встретил мой взгляд, — если не умру я сам. Если бы вчера вы прорвались в хранилище и вонзили мне в сердце нож, она была бы уже свободна, — он снова взглянул на окно. — Скоро взойдет солнце.

Затем он быстро подошел к Джин и мгновение глядел на нее сверху вниз.

— Она очень красива, — пробормотал он. — Слишком красива для ада.

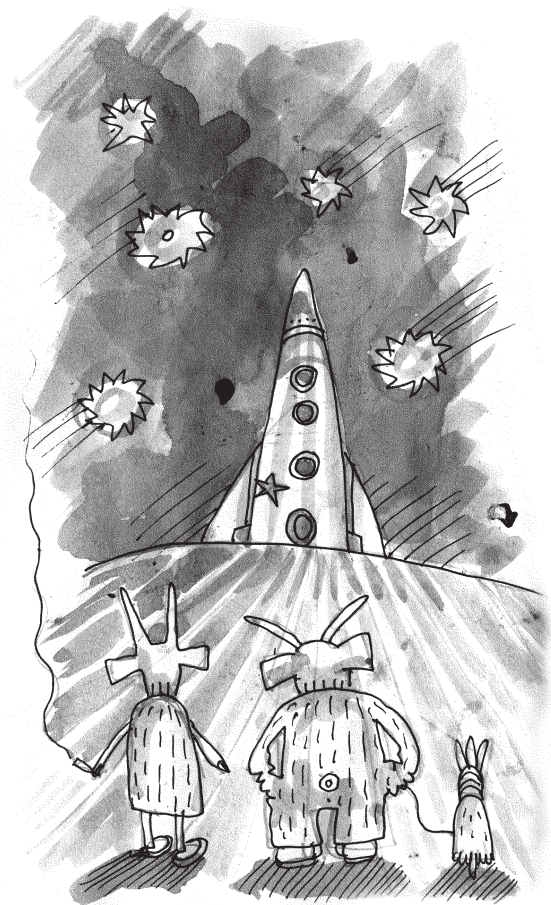
Затем шевалье повернулся и направился к двери. Проходя мимо стола, он небрежно бросил на него что-то, звякнувшее при падении. В дверях он остановился, едва заметная улыбка изогнула его красные губы. Таким я его и запомнил, стоящим на черном фоне дверного проема, с высоко поднятой головой. Он поднял руку жестом, который должен был показаться театральным, но вовсе не выглядел таковым.

— Итак, прощайте. Я тот, кто решил умереть...

Он не закончил. В сереющем рассвете я увидел, как он уходит, услышал его шаги по лестнице, удаляющиеся и слабеющие, потом лязгнул дверной засов. Паралич тут же слетел с меня. Я вздрогнул, поняв, что должен сделать. Но знал, что не имею права потерпеть неудачу.

Я мельком взглянул на стол. Даже еще не увидев, что лежит рядом с ножом, я уже понял, что это. Серебряный ключ...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
НАНО-ДРОИДЫ

ОШИБКА ПРОФЕССОРА ГРОМОВА

Профессор Громов вошел в квартиру и удивился — Электроник был дома. Он встревоженно выглянул на лоджию, где его создание жужжало шуруповертом, обшивая сырую стену вагонкой и запихивая под нее пласты пенополистирола, методично и аккуратно, как это умеют делать только роботы.

— Эл, — нерешительно спросил он, — что случилось?

— Ничего, — не глядя на него, ответил Электроник. — Все в порядке.

— Нет, не в порядке, — мягко сказал Громов. — Я же вижу. Давай, рассказывай, что у тебя стряслось.

— Я же сказал — ничего.

Профессор сел на старенькую табуретку в углу и демонстративно скрестил руки на груди, всем своим видом давая понять, что не уйдет, пока не услышит ответа. Электроник выключил шуруповерт и начал рыться в ведерке с крепежом.

— Разве ты не должен был сегодня встретиться с той девочкой, как ее, светленькая такая, и пойти с ней в кино? — задал наводящий вопрос профессор.

— Должен был.

— Почему не пошел.

— Она не захотела.

— Странно, если учесть, что это она тебя пригласила, — заметил профессор.

— Она меня пригласила для того, чтобы сказать, что знает мою тайну.

Громов с любопытством посмотрел на Электроника.

— Неужели?

— Она сказала, что догадалась о том, что я не человек, — ровно сказал Электроник.

— Ну, ну, продолжай, — профессор даже поерзал на краешке табуретки от нетерпения. — А как она об этом догадалась, она тебе не рассказала?

— Рассказала. Например, потому, что у меня совсем нет детских фотографий, зато я быстро бегаю и обладаю удивительной физической силой. И за те два года, что мы знакомы, я совсем не изменился. И мне не нужна еда, потому что я не ем, когда приглашаю ее в кафе.

— Потрясающе! — прошептал профессор Громов с сияющими глазами. — Редкое везение! Вы просто созданы друг для друга.

— И после этого она попросила, чтобы я ее укусил.

Профессор выронил из рук шляпу.

— Ты ее... что? — переспросил он.

Электроник отбросил в сторону шуруповерт и повторил:

— Укусил.

— Но... зачем?

— Господи, когда вы повзрослеете? Да потому что она думает, что я вампир, — сказал он. — Сейчас двадцать первый век! Вы когда последний раз в кино были?

— Давно, — профессор виновато покачал головой.

Электроник махнул рукой.

— Оно и видно. Ну почему, почему вы тогда не дали мне нормальную внешность взрослого человека, когда создавали меня? Не подумали о том, что будет через тридцать лет?

— Не подумал, — виноватым голосом ответил Громов. — Мы ведь тогда мечтали, что в двадцать первом веке кругом будут роботы, покорение космоса, межпланетные путешествия, торжество науки, а тут... вампиры какие-то.

Электроник пожал плечами, взялся за дрель.

— Идите ужинать, профессор, — спокойно сказал он. — Завтра будем чемоданы собирать, пора уже, четвертый год на одном месте, нехорошо, скоро вопросы неприятные задавать начнут. Я тут сейчас закончу, «Доктора Хауса» посмотрим.

Громов встал, сделал несколько шагов к двери и обернулся.

— Прости меня, Эл, — сказал он со слезами на глазах. — Прости, мой мальчик. Это была моя ошибка.

ПАВЕЛ ПОДЗОРОВ

ДЕЛА НЕБЕСНЫХ СФЕР

На внеочередной съезд Галактического Совета собрались самые уважаемые Аки. Тут были представители практически всех существующих кланов из всех рукавов спиралевидной галактики Зоди, а так же шаровых скоплений.

Слово взял председатель, почётный старейшина клана Змееносца.

— Коллеги, — обратился он к присутствующим. — Сегодня мы собрались здесь по очень важному вопросу. Как вы все знаете, недавно, в одном из дальних секторов на окраине нашей галактики была обнаружена планета с разумной жизнью. Это третья планета от жёлтого карлика G2V, на звёздных картах обозначенная, как Sol 3.

Хотя разум там находится в зачаточном состоянии, наши учёные сделали прогноз, в соответствии с которым жители этой планеты в будущем окажут огромное влияние на всю Вселенную.

В соответствии с Уставом, — продолжал председательствующий, — мы должны оказать всестороннюю помощь этой новой расе разумных

существ. Устав требует, чтобы мы оказали воздействие на формирование характера, способностей гуманоидов, обеспечили их личностное многообразие. Это многообразие послужит толчком для развития их цивилизации.

Итак, коллеги, Регламент III-го Звёздного Вече гласит, что Совет должен выбрать Комиссию — 12 полномочных представителей. Учитывая важность ситуации, считаю, что место в ней должны занять наиболее уважаемые представители древнейших кланов.

При этих словах умудрённый старец из клана Дракона покровительственно посмотрел на своего молодого коллегу из клана Лебедя. По залу прошёл шум...

* * *

Вскоре все 12 представителей были избраны. Не все остались довольны выбором. Многие кланы считали себя незаслуженно обделёнными. Однако Совет сделал свой выбор. Отныне за каждым из них закреплялся свой сектор — зона влияния — для обеспечения нужного воздействия на аборигенов. Как непосредственно, так и через их представителей, призванных толковать и помогать в понимании происходящего.

Каждый избранный из Аков галактики Зоди с гордостью разместил на Великом Колесе Выбора свой клановый тотем, или попросту — знак.

Со временем на опекаемой планете их стали так и называть — Знаки ЗодиАка.

ГОНГ

«— Ну не могу я ему создать условия!. Ему, видите ли, сам климат не подходит.

— При чем тут климат. Он что, больной?

—»Он здоровый. Но в нашей местности нету болот. А они ему необходимы.

— Зачем ему болота? — ...Привычка у него есть. — «Что за привычка?—

— Бить в гонг на заболоченных местностях.

— Что?!!

— Бить в гонг на заболоченных местностях...»

Анатолий Гланц. Будни Модеста Павловича

С инженером Тригубовым мы встретились в пельменной. Мы договорились с ним заранее, и изобретатель радушно приветствовал меня, пригласив за свой столик. Я заказал у молоденькой буфетчицы отварные самолепные пельмени со сметаной и, в ожидании заказа,

украдкой рассматривал своего собеседника. Тригубов положительно был приятным человеком. Высокий, гораздо выше меня, (хотя я сам — метр восемьдесят пять), с правильными чертами лица и чёрными как смоль волосами. Взгляд таких же чёрных глаз был пронзителен и одновременно дружелюбен.

— Изобретение? — ответил он вопросом на мой вопрос. — Да какое там изобретение. Слишком громко сказано. Так, обычное усовершенствование. Или, как говорят мои более зрелые коллеги, рацпредложение. А вы его сразу в областной прессе освещать...

Он скромно улыбнулся. Я позволил себе не согласиться:

— Именно изобретение. Ваша методика извлечения из глубин земли предметов искусственного происхождения будет иметь большое практическое применение. Как мне разъяснили специалисты — вы уж простите, пришлось пообщаться с вашими коллегами, — с помощью этой аппаратуры можно практически без усилий извлекать на поверхность танки, самолёты, поднимать из глубин затонувшие корабли, а главное — неразорвавшиеся боеприпасы, грозное наследие войны. Да и в других сферах деятельности применения найдётся.

Моя горячность его ничуть не смутила:

— Что ж... Может быть, может быть...

Разговор продолжался... Тригубов оказался хорошим собеседником и ничуть не походил на тот образ слегка свихнувшегося чудака, который сложился у меня после рассказов о его причудах.

— Вам, надо полагать, уже доложили о моих странностях? — усмехнулся он, размешивая сахар в красивой фаянсовой чашке.

Я сделал вид, что не понимаю.

— Бросьте!.. Про гонг и болота. — Тригубов вздохнул. — Я из-за этого уже лвеннадцатое место работы меняю. Хотите расскажу? — внезапно предложил он. — Устал носить это в себе. А вы, я вижу, человек порядочный. Только дайте честное слово, что кроме вас об этом никто не узнает...

* * *

История, рассказанная инженером Тригубовым, оказалась в высшей степени интересной.

...— Я родился на Энне, примерно 96 лет назад по вашему исчислению. Да, да... Не смотрите на меня так. Это планета почти точная копия Земли. Правда, существенно обогнавшая её в развитии, в том числе и по продолжительности жизни. Энна находится в спиральной

галактике — М33 в созвездии Треугольника¹. Насколько я знаю, это вторая ближайшая к вам галактика после туманности Андромеды, удалённая от Земли почти на два с половиной миллиона световых лет. Ее даже можно увидеть невооруженным глазом, но только в безлунную ночь и вне города. — Он вздохнул. — Она выглядит как тусклое туманное пятнышко.

Лицо Трегубова стало задумчивым. В глазах на миг проступила тоска.

— Так вот, — продолжал он. — В составе экспедиции по исследованию пригодных для жизни миров я направлялся в сторону Альфы Центавра. Там наши учёные недавно обнаружили ещё одну планету, по характеристикам похожую на Энну.

Пролетая в относительной близости от Солнечной системы, мы неожиданно поймали сигнал. Было принято решение исследовать его источник.

Почему произошла авария — для меня загадка. Я уже находился в исследовательской капсуле и готовился к вылету. Произошёл взрыв. Корабль погиб. Капсула автоматически отстрелилась, и я, находясь без сознания, рухнул в болото. Система автоматической защиты спасла меня, но капсула угодила в трясиину и затонула. Мне чудом удалось выбраться. Только микроволновой резонатор — по виду похожий на земной гонг — остался у меня. Достигнув сухого места вблизи авто-трассы, я потерял сознание.

Меня нашли, лечили. Врождённая способность к регенерации помогла мне быстро восстановиться. Пришлось имитировать частичную потерю памяти: я «не помнил» кто я, откуда... Но сохранил технические знания и навыки, благодаря которым без труда устроился инженером. Постепенно обжился.

Но поиски не прекращал. Дело в том, что найти капсулу можно только вызвав её ответный сигнал на резонатор. Причём на очень ограниченном расстоянии. А капсула — это связь. Это шанс на возвращение домой! По всему пути мы оставляли маяки-передатчики для пеленга и связи с Энной. Меня, как и весь экипаж, вероятно, посчитали погибшим. Но, добравшись до первого из маяков, капсула сможет отправить сигнал. Я рассчитал, что спасательный крейсер и исследовательская капсула, двигаясь навстречу друг другу, успеют встретиться раньше, чем выйдет из строя система жизнеобеспечения...

Он замолчал. Я не решился нарушить его молчание.

— Вот и приходится слыть чудаком. Колесить по всему району болот (а их тут не счесть), менять работу и место жительства. И «бить в гонг»...

Вот и вся моя история.

¹ Трегубов оперирует названиями и обозначениями космических объектов, принятыми на Земле

* * *

Поверил ли я ему?.. Не знаю. Всё это было очень фантастично, хотя и логично. По крайней мере, я противоречий найти не смог. А через час, выполнив задание редакции и собрав информацию для статьи, я отбыл к себе.

Прошло несколько месяцев. Памятуя данное мною слово, я никому не рассказал об услышанной истории. Довольно часто я вспоминал беседу с Трегубовым, но с каждым разом сам верил в неё всё меньше и меньше.

Ещё раз вспомнить о Трегубове мне пришлось спустя почти год. Однажды, проходя мимо газетного киоска, я увидел яркий заголовок: «Неопознанный объект над Н-ском». Я купил газету и с интересом прочёл в разделе «Очевидное-невероятное» небольшую заметку, которая привлекла моё внимание.

В ней говорилось, что 16 июля 2025 г. в районе Н-ских болот очевидцами был зафиксирован НЛО. Он сделал большой круг над областью, после чего с огромной скоростью устремился ввысь. Службами ПВО объект был зафиксирован и сопровождался несколько секунд, пока не покинул границ атмосферы и не растворился в космосе.

Объект наблюдали многие. Но никто не пострадал. Никто, за исключением одного человека — инженера по фамилии Трегубов, который после этого события пропал без вести.

Хотя, по мнению официальных органов, с неопознанным объектом этот случай не связан. Скорее всего, чудаковатый инженер утонул в болотах, когда в очередной раз отправился заниматься своим странным пристрастием — бить в гонг в заболоченных местах...

СЕРГЕЙ ФИРСОВ

АРМАГЕДДОН НОВОГО ВРЕМЕНИ

С вечера чудовищно парило. Воздух был густой и вязкий, как манная каша. Дышалось с трудом. Кирилл долго не мог заснуть, ворочался, чувствуя, как подмокает от пота простыня. Вставал, курил, ложился, снова ворочался. Под утро громыхнуло, небо наконец пролилось дождём, и на город легла благостная прохлада. Забывшись, Кирилл пропустил звонок будильника и проспал почти до половины десятого.

Проснулся от восторженного крика Петьки.

— Папа, папа, Руслану лабрадора купили!

— И тебе доброе утро, — пробурчал Кирилл. Петька давно просил собаку, а он всё колебался, всё не решался, тянул... Ну и вот, теперь у соседей, значит, лабрадор, и хочешь не хочешь придётся соответствовать.

Он зевнул, потянулся и с удивлением прислушался к собственному организму. В мышцах ощущалась давно забытая лёгкость — прямо-таки подростковая. Это было приятно, но странно.

Хлюпнул эсэмэской телефон.

«Зачисление компенсации начального уровня. 5.000.000р. Живите и процветайте! Ваш БлагоФонд».

Вот теперь Кирилл окончательно проснулся. В нашем мире деньги с неба не падают. Это твёрдо знает каждый россиянин. Нет, ну бывают там ошибочные транзакции или копеечные выигрыши. А это явно какой-то лохотрон. Сейчас начнут вытягивать пин или сус-код банковской карты.

Кирилл напрягся, и телефон тотчас зазвонил.

— Слушай, что происходит? — спросила Светка хриплым шёпотом. — Мне сейчас на счёт бухнулись пять лямов. Это такая шутка? Новый мем?

— Аналогично, — сказал Кирилл. — Прошу, не дёргайся. Я попробую выяснить. Как там тёщенька?

— Приходит в себя, — сказала Светка.

— Что, тоже пятёрку получила?

— Десятку!

— БлагоФонд?

— Он самый.

Кирилл хмыкнул и сказал коротко:

— Перезвоню.

Похоже было на массовый вброс или сбой банковской системы.

Кирилл включил телевизор.

На первом канале гудели горячие новости.

Диктор с пафосом говорил о Курилах. Курильские острова передавались в безвозмездное пользование японской стороне на паритетных началах. Сибирь предполагалось заселить китайцами, Крым вернули Украине, Калининград — Германии, Львов — Польше. Территория России за ночь успела прирасти странами Балтии, Украиной, Молдовой, Белоруссией и царско-американской Аляской.

Кирилл пощёлкал каналами. Сумасшествие царило не только на первом.

Евросоюз поставил крест на санкциях в отношении России и ликвидировал визовый режим. Границ больше не существовало. Свобода передвижений была полная. С запада и с востока в Россию потянулись составы с гуманитарной помощью. Перечислялись контракты, назывались инвесторы. Мировое сообщество взялось за глобальную реконструкцию одной шестой части суши. Нонстопом шли объявления о последних разработках в космической сфере, о найденных биохимиками вакцинах против рака и СПИДа. На «ТНТ» какой-то умник в тонких очках, отдалённо похожий на Гордона, нудил о прорыве в энергетике.

«Что они там, вечный двигатель изобрели?» — ошарашенно подумал Кирилл.

Киселёв «на пятой кнопке» сообщил, что президент Соединённых Штатов спешно вылетел на встречу с президентом России и что на Красной площади уже накрывают столы.

Офшорные зоны повсеместно оказались упразднены, деньги потекли вспять. Олигархические капиталы были консолидированы в специально созданном для этой цели «БлагоФонде». Акционеры «Газпрома», «Норильского никеля», «РусГидро», «РусАла», «Росатома», «Роснано» и десятков других концернов добровольно передали ценные бумаги в распоряжение означенного «БлагоФонда». Пенсионный возраст собирались снизить до пятидесяти лет.

Кирилл активировал планшет.

Интернет трясло. Элита гуляла в обнимку с плебсом. Соцсети распирало от обилия стихов, лозунгов, демотиваторов, видеотрансляций. Реакционеры ушли в кому.

«Счастье для всех, даром...» — вспомнил Кирилл.

В дверь позвонили.

На пороге стоял Юрец, непросыхающий алконавт из дома напротив.

— Кирюха, — поманил он. — Пойдём чего покажу.

Кирилл тряхнул головой и шагнул следом.

Юрец наполнил гранёный стакан из-под крана и потребовал:

— Пробуй!

Кирилл понюхал.

— Не может быть!

— Она, родимая. И, заметь, никакого похмеля!

Кирилл пригубил. На вкус водка напоминала кислородный коктейль из пионерского детства. На языке быстро лопались весёлые пузырьки.

— Сбылось, значить! — провозгласил Юрец. — Каждому по потребностям. Когда ещё обещали...

Кирилл маханул стакан дна, хлопнул Юрца по плечу и вышел на улицу.

— Петька! — прокричал громко и с удовольствием. — Погнали на рынок, кобеля выбирать!

Подумалось: раз уж им теперь предстоит жить в счастливой стране, счастье должно быть полным.

ДНЕВНИК ПЯТИКЛАССНИЦЫ

11 МАЯ, СУБ.

Вчера Сонька притащила на балет круглую синюю коробочку. Маленькую, размером с пол-ладшки. На крышке был приколот серебряный зинчик. Видно было, что Соньку прямо колбасит. Она вертела коробочку и так и сяк, пока ЮЮ не велела всем идти в зал.

— Ну и что там у тебя? — спросила я шёпотом. Не люблю страдания напоказ.

Сонька обрадовалась.

— Это моя ГТ, — говорит. — Главная Тайна.

Я говорю:

— В смы-ысле?

— Тайна, которую никому нельзя знать.

И вздыхает, как коматозный лебедь.

Я говорю:

— Даже лучшей подруге нельзя?

Сонька для порядка посопела.

— Только поклянись, что никому не скажешь!

— Чтoб мне сдохнуть! — сказала я и выпучила глаза.

Тайна у неё оказалась так себе, какая-то нетаинственная. Ну мечтает она вырасти и стать настоящей балериной. И? В нашей группе 12 девочек, и каждая спит и видит себя в пачке на сцене Большого...

Я — тоже не рыжая. Значит что, у нас одна ГТ на всех? Не смешите мои пуанты, как говорит папа.

12 мая, воск.

Утром я спросила Антона:

— А у тебя есть ГТ?

Он как-то странно на меня посмотрел:

— Что ты об этом знаешь?

Я пожала плечами.

А он буркнул:

— Вот и не лезь, куда не просят!

Я хотела сначала нажаловаться папе, что Тошка грубит, но он куда-то умчался на своём велосипеде, и я решила не ябедничать. Может, у него и нет никакой ГТ, а обычные его тайны я и так все знаю: три прогула в прошлом месяце, вырванная из дневника страница с двойкой по физике и поцелуйчики с Иришкой за гаражами...

13 мая, пон.

Сегодня пригляделась к одноклассникам.

Ну, точняк! Каждый что-то скрывает, с чем-то носится. В основном юзают смартфоны, отгораживая экран ладошкой.

У Милки Авдеевой на шее амулет, о котором она не хочет говорить и не даёт потрогать. Даже шоколад не помогает.

У Романа Шмелько в специальном блокноте какие-то закорючки — то ли клинопись, то ли скоропись, то ли стенокаллиграфия, я, если честно, не въехала.

Артур Соляник изрисовал целый альбом карикатурами на весь наш

класс. Смешно! Меня изобразил с ногами, завязанными морским узлом. А себя — в виде паука, малюющего сразу восемь картин. В каждой лапе кисточка. Показывает всем, кому интересно, так что ГТ там и не пахнет.

По-настоящему удивила Лена Кретьова. Она уже точно знает, что станет кондитером. Испекла торт в прошлом году, носит его в жёлтой картонке и угощает тех, кто спросит, что это за картонка такая. Режет и режет по кусочку, а торт всё не уменьшается и не портится без холодильника. Вот это ГТ, это я понимаю!

17 мая, пят.

Меня в шею укусил комар. Откуда он взялся в середине мая? Мутант, не иначе. Я показала маме. Мама сказала: помажь фенистилом.

Тюбик с гелем лежал в комод. В нижнем ящике я наткнулась на старый жестяной пенал. Крышка у пенала прижавела, и я не сумела его открыть. Отнесла маме.

А мама ка-ак всплеснёт руками:

— Ты где это нашла?

— Да вон в ящике, — говорю.

— Надо же! Я и думать о нём забыла. Считала, что давно выкинула.

А мне же интересно.

— Дедушкино наследство? — спрашиваю.

Мама засмеялась, но как-то неуверенно.

— Скорее, бабушкино. Это моя студенческая ГТ.

— У тебя что, была тайна?

— Была, — мама отвечает. — И у бабушки была. Вместе они тут. Но моя-то наверняка прокисла.

Я потрясла пеналом. Внутри что-то брякнуло.

— Давай покажу, — сказала мама и с усилием откинула крышку.

18 мая, суб.

Погуглила.

Ой!

Похоже, я единственная живу без ГТ. Тайны есть у всех. У всех, кроме меня. Нет, секреты и секретки — это ладно. Этого и у меня хватает. Не обо всём же, что приходит в голову, надо кричать из окна.

Но вот ГТ!

Перебираю свои занозы, как бусины на нитке.

Вот, например, мой дневник. Я стараюсь писать в него каждый день, ну или почти каждый, но мне совсем не хочется, чтобы это читали посторонние. Поэтому я и пишу в тетради, а не в фейсбуке. Может, это и есть ГТ?

Ещё я грызу ногти. И мама очень нервничает по этому поводу. И обещает намазать мне пальцы горчицей.

ГТ?

А когда я купаюсь в ванне, я люблю высыпать в неё все сто пятьдесят разноцветных шариков-попрыгунчиков и смотреть, какие из них утонут, а какие останутся плавать поверху.

Это ГТ?

Ну а мое желание стать балериной? Можно упрятать его в синюю коробочку, как у Соньки, и таскать повсюду в школьном рюкзаке. Или не в синюю, а в розовую коробочку засунуть — так даже лучше! И, рисуясь, закатывать глаза, напускать туман...

Какая чушь!

Одни сочиняют тайны, а другие ими распоряжаются.

20 МАЯ, ПОН.

Бабушкину тайну, выпавшую из пенала, вчера положила на письменный стол. Она похожа на кусочек хрустала, внутри которого горит чёрно-бордовый уголёк.

Долго смотрела на неё.

Буси давно нет, а тайна её жива. По-моему, это неправильно.

Тайны, пережившие своих хозяев, могут быть опасны.

Решила отправить Бусину тайну на костёр.

Но когда сегодня потянулась к ней, пальцы мои прошли сквозь «хрусталь».

К вечеру уголёк погас, и «хрусталь» стал прозрачным. А потом и вовсе истаял, как медуза на солнце.

Наверное, Буся услышала мои мысли и согласилась со мной.

Респект, но Пичалька ((

ОКСАНА ЗАУГОЛЬНАЯ

САМЫЙ ЛУЧШИЙ КЛАСС

Мариша на мгновение задержалась у двери, уже положив ладонь на ручку. А если снова как в прошлый раз? Полный класс учеников, не отрывающихся от пиликающих и попискивающих телефонов ни на какие раздражители кроме крика. При этом кричать на детей было нельзя, но все срывались рано или поздно. Нельзя кричать или настаивать, стыдить или угрожать плохими оценками — всё это могло нанести травму хрупкой детской психике. О психике учителей такие разговоры не велись, и напрасно.

Глубоко вздохнув, Мариша распахнула дверь и уверенной походкой вошла в класс.

— Здравствуйте, дети, — улыбнулась она. — Меня зовут Марина Алексеевна, я ваш новый учитель.

Она оглядела класс, и что-то внутри неё дрогнуло. Кажется, не обманули. Все дети смотрели на неё умненькими ясными глазами, на столах приготовлены тетрадки и учебники... Присмотревшись, Мариша убедилась, что ошиблась — не все. Один мальчишка на последней парте играл на телефоне так увлеченно, что не поднял головы, когда она вошла. Мариша отвела взгляд. Один из пятнадцати — это ерунда.

Наконец-то она могла рассказать за урок всю тему, такого с ней не случалось уже... лет двадцать, если не соврать. Расслабившись, она снова обратила внимание на последнюю парту.

— Денис, — сверившись со своим журналом, мягко спросила она. — Тебе не интересно?

— Угу, — не отвлекаясь от игры, ответил мальчик.

Дальше давить было небезопасно для психики ученика, и Мариша вернулась к остальному классу, прилежно записывающему лекцию в тетради.

В дверь постучали.

— Войдите, — успела сказать Мариша, когда в класс проскользнула фигура в белом. Вообще-то за цвет халатов медиков шли давние дебаты. Белый сочили пугающим и пытались заменить, но розовый и голубой признали сексистскими, зеленый агрессивным — по носившим его гринписовцам, желтый вызывал депрессию, радужный ассоциировался не с медиками, так что пока они продолжали ходить в белом.

— Прививка, — почти прошептал врач, печально косясь на Маришу. Прививки никак не удавалось искоренить, хоть многие пытались.

Денис наконец оторвался от телефона и нахмурился.

— Взамен новые аддоны к игре, — заискивающе произнес врач.

— Ладно, — Денис поднялся и нехотя двинулся к двери.

— Пойдите, — спохватилась Мариша. — А остальные?

— Они же киборги, — удивился медик. — Им прививки не надо, как и нам с вами.

Мариша медленно оглядела умненькие мордашки учеников и повернулась к Денису.

— А меня предки заставляют учиться по старинке, — пожал плечами тот. — Звери.

НИКИТА ШМИТД

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

— Компьютер! — сказал я в пространство.

— Да?.. — ответил мне сонный женский голос. Было десять вечера, и искусственный разум пытался мне намекать, что пора спать. Я попросил его сделать мне чаю и воздержаться от нравоучений.

Дома уже давно были без всяких выключателей, рычажков и регуляторов. Всё управлялось голосом, а строить так было дешевле. Зато по какому-то спешно и суетно принятому закону на каждом новом доме были зарядки для электромобилей. Большая их часть так никогда и не познала электрического тока: личные машины сошли на нет, а общественные сами паслись на каких-то своих зарядных лугах и приезжали к пассажирам по запросу Компьютера.

В старых же домах, где ещё сохранились выключатели, обязательную страховку могли себе позволить только зажиточные эксцентрики и глухонемые, получавшие страховые субсидии от социального фонда по справке от врача.

Я выпил чай и пошёл спать.

— Эй, человек, — внезапно сказал голос. — А расскажи мне сказку на ночь.

Я вздрогнул. Голос продолжил: Спокойной ночи

Компьютер! — сказала я в пространство.

— Да?.. — ответил мне сонный женский голос. Было десять вечера, и искуственный разум пытался мне намекать, что пора спать. Я попросил его сделать мне чаю и воздержаться от нравоучений.

Дома уже давно были без всяких выключателей, рычажков и регуляторов. Всё управлялось голосом, а строить так было дешевле. Зато по какому-то спешно и суетно принятому закону на каждом новом доме были зарядки для электромобилей. Большая их часть так никогда и не познала электрического тока: личные машины сошли на нет, а общественные сами паслись на каких-то своих зарядных лугах и приезжали к пассажирам по запросу Компьютера.

В старых же домах, где ещё сохранились выключатели, обязательную страховку могли себе позволить только зажиточные эксцентрики и глухонемые, получавшие страховые субсидии от социального фонда по справке от врача.

Я выпил чай и пошёл спать.

— Эй, человек, — внезапно сказал голос. — А расскажи мне сказку на ночь.

Я вздрогнул. Голос продолжил:

— Я сначала хотела песенку, но слышала тебя в душе. Лучше сказку.

— Хорошо. Я сейчас.

Я вылез из кровати и прошёл в чулан, где на стене висела маленькая коробочка. Приложив палец к сканеру, чтобы подписать для страховой компании какой-то там отказ от чего-то, я сорвал пломбу и открыл коробочку. В ней был Рычаг Экстренного Отключения, единственный уцелевший орган ручного управления. «Надеюсь, кровать никуда не денется», — подумал я и дёрнул Рычаг.

* * *

Я натянул одеяло и уставился в потолок. Откуда-то явился кот и с урчанием улёгся сверху. С котом можно было ни о чём не говорить, и это меня совершенно устраивало.

Кирилл Ахундов

ФОМА

Бухгалтер Тамара Петровна очень любит тесты и гороскопы. Заразила астрологией наш маленький коллектив. Вот и сегодня с утра она торжественно заявила:

— Нашла грандиозный супер-тест! Кем вы были в прошлой жизни? Танечка улыбнулась. Толик хмыкнул. ММ нахмурился.

— Смеетесь, да? А вот здесь пишут, что научно доказана конвергенция характера и судьбы нынешнего реципиента и матрицы перворожденного.

Я осторожно глянул в компе значение термина «конвергенция».

Коллеги вяло заинтересовались.

— Глядите, какое чудо!

Монитор отразил дремучий лес таблиц, схем и странных символов. Народ засомневался. Но Тамара уверенно ориентировалась в этой галиматее.

— Начнем с молодежи. Напомните свои данные.

Танечка послушно отбарабанила:

— Пятое августа девяносто шестого.

Тамара поправила очки:

— Ага... год, месяц, день, — ее пальцы пробежали по клавиатуре, — имя, фамилия... Графа третья. Дзета-мю. Пункты два и семь. Ого! Танюша, вы родились в 1489 году в Каталонии, младшая дочь гранда. По карте предназначений нуждаетесь в нежной привязанности!

Танька закусила губу, выпрямилась. В ней вспыхнула гордость ста поколений испанских дворян, и я залюбовался изяществом ее шеи.

— Пошли дальше... — бубнила Тамара. — Анатолий у нас гарпунер девятнадцатого века. Датчанин. Нуждается в солидной добыче... хм-м.

Мне почудились холодные брызги. Толик хрипло кашлянул и взмахнул невидимым гарпуном. Ахав, блин.

— А вы, Мамед Махмудович, — голос Тамары обрел прокурорскую суровость, — античный пират с острова Скирос.

Толстенкий, по-домашнему уютный ММ смутился, но потом живо расправил плечи, встопорщил усы и стал похож на воинственного колобка.

— Ну, и наш горячо любимый начальник, — интонациями Тамары можно было украшать новогоднюю елку. — Имя. Год. Месяц. Итак, вы у нас...

Она запнулась, сняла очки, потом растерянно повернулась ко мне:
— Бог.

В наступившей тишине ойкнула виконтесса, а пират воскликнул:
«Вах!»

Я решил, что добрая шутка всегда в цене, встал, воздел руки, нет, длани, и торжественно провозгласил:

— Да будет свет!

И в этом порыве простил человечеству грехи, обрушил на планету благодать, милосердие и толерантность. Настольная лампа дважды мигнула, и все заплодировали. Я убрал под столом ногу с электроудлинителя и попросил: «Давайте работать, коллеги».

А сам подумал: «Вот было бы здорово!».

Вершить, восседая на светлом облаке. Творить. Бороться. Спасать. Тыфу, размечтался, старый пень. Справедливости захотел. Всеобщего счастья. А в чем, интересно, нуждаются сами боги?

К вечеру офис опустел. Я стал медленно собираться. Но вдруг сел за комп Тамары, нашел файл, ввел свои данные и замер.

Бот.

Не Бог.

Невнимательность Тамары. Эх, ты, бухгалтер. Вангой себя называет. Я — бот. Рядовой чиновник. Ламер неверующий. Нас миллионы. Уровень офисного планктона. Рейтинг чайника.

Что ж, усмехнулся с легкой печалью:

— Да будет свет...

Надел пальто, старомодную шляпу, взял кейс, выключил все лампы, распахнул дверь и шагнул в сияющее облако.

АУКЦИОН

Июльским вечером в студии престижного аукционного дома «Artefactum» собрались именитые гости. Их было немного. Отвергая он-лайн торги, они предпочли реальное присутствие в роскошном зале. Опытные коллекционеры драгоценных диковин, пресыщенные миллионеры с равнодушными лицами и цепкими взглядами.

Перед началом торга вип-персоны внимательно изучили лоты.

Скульптура. Птица Феникс эпохи Мин. Нефрит, изумруды, рубины. Что ж, концептуально.

Статуэтка. Рабыня с фруктами в тонких руках. Мрамор, бирюза, платина, золото. Изящно.

Трехметровая инсталляция Сизифа от сверхмодного дизайнера. Горный хрусталь, цитрин, базальтовая глыба — то ли центральный элемент фонтана, то ли оригинальное надгробие.

Однако почти все прибыли ради эффектной новинки. Украшением вечера стала камея «Прощание с Луной». Идеально шлифованный сардоникс в переплетениях медовых и бежевых прожилок запечатлел планету накануне ее гибели. Шелковый багет нижней границы камеи украшали крохотные лазурные цветы с тончайшими лепестками. Более ста лет артефакт хранился в сейфе знаменитого скульптора. Месяц назад камея стала достоянием искусствоведов.

— Лот сезона, — аукционист загадочно улыбнулся, — сенсация года! Легенда утверждает, что эти бутоны были последними живыми существами Луны...

— Это нам известно! — хмыкнул толстяк в белом костюме. — Мы в курсе, что приватно камею называют «Исполнительница желаний».

Ведущий торгов поклонился, выдержал паузу, обвел взглядом публику. Он хорошо знал эту породу дельцов — их прельстит только незаурядный шедевр.

— Господа, наступил час демонстрации уникального лота. Сегодня канун летнего солнцестояния...

Одна за другой в зале гасли лампы.

— Ей нужен живой огонь, — прошептал аукционист и зажег свечи по бокам камеи. — Исполнительница желаний активизирует неведомые нам силы. Попробуйте поверить в чудо...

Зал притих. Поколебавшись, надменная высохшая дама вынула из клатча крохотное усыпанное бриллиантами зеркальце. Толстяк в белом прижал ладонь к сердцу. Улыбнулся чему-то заветному араб. Уронив узорчатую трость, побледнел старец в темных очках.

Горели свечи. Трепетали тени под потолком. Где-то устало бормотал метроном. Кажется, шевельнулись синие колокольчики на камее, сверкнула роса? Отчаянное ожидание чуда.

Свечи. Тени. Метроном.

И ничего.

Дряхлая баронесса опустила голову. Толстяк достал таблетки. Улыбку араба сменила гримаса. Слепец шарил на полу.

Общий вздох разочарования прервал странный звук.

Статуэтка?

Рабыня опустила тяжелый поднос, схватила яблоко, жадно откусила. Брызнул сок.

Под шелканье и скрежет выпрямился Сизиф, скривился и с ненавистью отшвырнул свою проклятую глыбу. Огромный камень, сминая кресла, покатился по залу — присутствующие резво прыгнули в стороны — выбив стрельчатое окно, вывалился наружу. Птица

Феникс издала победный вопль, осыпав искрами зал, распахнула волшебные крылья и стремительно вырвалась на волю под темное безлунное небо.

ПАВЕЛ ПИМЕНОВ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СПЯЩИХ

Ему говорили:

— Ты должен лежать неподвижно!

Ему говорили:

— Ты должен быть начеку! Никогда не спи!

И ещё говорили:

— Жди! Твоё время придёт.

И он ждал. Лежал, бодрствовал и ждал.

Чуткими ушами он вслушивался в окружающий мир: в щебетание птиц и жужжание мошек, в шелест травы, в громохание неба. Зоркими глазами разглядывал каждый предмет — и далёкие облака, и росу на листьях цветов. Органами чувств, для которых ещё не придумали слов, он ощупывал, облизывал, обнюхивал всё вокруг на многие километры.

А ещё он размышлял. Чем же ещё заняться, если лежать неподвижно и ни на секундочку не уплывать в сон? Внутри копилась энергия, и он верил, что когда-нибудь сбросит тесную оболочку и станет... кем? Нежным деревцем или пугливым оленёнком? Парящим в вышине орлом или покрытым рыжим мехом медвежонком? Или он станет подобен тем, кто говорил с ним? Они были мельче, чем он сам, но разве бабочка намного крупнее куколки, из которой появилась на свет?

А потом те, кто говорил с ним, ушли. Не то чтобы он по ним скучал, но без постоянных напоминаний он начал сомневаться, а не пришло ли время? Его время, как ему было обещано.

Прилетали и улетали утки, проплывали облака, небо сыпало белым порошком или жгло золотом, а он всё ждал.

И вот однажды, когда узор пылинок в луче солнца сложился нужным образом, или, возможно, настойчивый комар ударил хоботком в необходимую точку, а может, одно из неопишуемых чувств дало еле уловимый знак, он понял: «Время пришло!»

И тогда он сбросил тесную оболочку, он поднялся до синего неба, он придавил стонущую землю, он закричал и от его крика падали деревья, крошились горы, вскипали озёра и сам воздух, казалось, горел ослепительным пламенем.

— Я гриб!!! — кричал он, познав свою сущность. — Я самый большой гриб на свете! Грибнее меня нет грибов и никогда не будет!

«Гриб!» — катилось по равнинам и ущельям.

«Гриб!» — рвалось в небесной выси.

«Гриб!» — стонало в самой земле.

А какое-то время спустя ножка гриба истончилась, шляпка потускнела и весь он как-то растворился под набежавшей грозой. И только горький пепел на месте его явления долгие годы скрипел «Гриб!», и щёлкали приборы в руках забредших: «Гриб! Гриб-гриб! Гриб-гриб!»

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

ЕСЛИ ВРАГ ЗАНЯЛ ДОМ

Сорок Седьмой возвращался домой.

Птицам, что поселились внутри его черепа, это совсем не нравилось.

Они то и дело вылетали из гнезда и принимались с возмущенным криком носиться вокруг Сорок Седьмого, но потом вспоминали о кладке и снова садились на яйца. Птенцы проклюнулись сквозь скорлупу на второй неделе пути. К тому времени от места, где Сорок Седьмой вытаял по весне из ледника, их отделяла добрая сотня миль.

Дни становились все длиннее, и он жадно впитывал лучи пробудившегося ото сна солнца, стараясь насытиться и согреть остывшее за зиму тело. Сил едва хватало на то, чтобы брести сквозь расцветающую после долгой зимы равнину, волоча ноги и стараясь не потерять равновесие и не упасть. Подняться Сорок Седьмой уже не смог бы.

Местность оставалась безлюдной. Сквозь молодую поросль, поднявшуюся на месте былых пожарищ, здесь и там все еще были различимы руины человеческих поселений. Нового жилья за время, пока Сорок Седьмой спал, так никто и не построил. Возможно, строить было попросту некому, но достоверной информацией на этот счет Сорок Седьмой не располагал, а потому предпочитал считать территорию вокруг потенциально опасной.

Счетчики боекомплекта давно замерли у нуля — Сорок Седьмой берег остатки боеприпасов на черный день, привычно рассчитывая на свое абсолютное превосходство при прямом контакте с противником. Его руки безвольно свешивались вдоль торса, но он знал, что в нужный момент могучим кулакам хватит энергии для сокрушительного удара.

Местность вокруг утонула в цветах, над которыми роились насекомые. Корма было вдоволь, и птенцы росли как на дрожжах. К началу лета они стали выбираться из гнезда и, не отваживаясь взлетать, подолгу сидели на плечах Сорок Седьмого, который день и ночь шел домой.

Птенцы как раз начали осваивать искусство полета, когда на горизонте

появилось родное Убежище. Сорок Седьмой послал запрос на всех частотах и продублировал его аудиовизуальной сигнализацией. В ожидании отзыва кособоко замер в прямой видимости на вершине холма, вслушиваясь в мертвую тишину.

Эхо его зычного вопля все еще бродило по распадкам, когда в монолите стены Убежища приоткрылась амбразура. Блеснули линзы.

— Еще один. Ишь, воет.... И откуда только лезут. Я думал, они закончились еще прошлым летом.

— Ледник отступает. Кто знает, сколько их еще осталось под ним.

— Этот, кстати, тоже наш. Его ведет программа, на ремонт и перезарядку.

— Нет больше наших и не наших. Дистанционно вырубить не выйдет — спутники давно передохли. Жги.

Убежище хлестнуло по Сорок Седьмому жгутами живого огня. Птицы испуганно закричали, и он укрыл их от пламени в титановых ладонях.

Сорок Седьмой не удивился. Враг оказался хитрее и занял родной дом. Такой вариант был предусмотрен программой. Война была проиграна, но его битва — еще нет. Сорок Седьмой активировал боевые протоколы, прикрылся защитным полем и ударил в ответ.

Потом, когда озеро лавы на месте Убежища начало остывать, отправился искать новый дом для своих птенцов.

У КРАЯ БЕЗДНЫ

Г.Ф.Л.

Дома на Югготе странные.

Черный камень их башен возносится на непостижимую высоту, теряясь во мраке меж звезд. По стенам ползут округлые капли орбитальных транспортеров. Где-то в угольной черноте неба со шпилей срываются в бездну космоса невидимые отсюда корабли.

— Пора прощаться, — говорит Кира.

Дальше на четыре световых года нет больше ничего — ни звезд, ни планет, ни человеческих поселений. Только летят сквозь вечную ночь крошечные искорки кораблей, уносящих все дальше от родного Солнца тех, кто решился на Изменение.

Как Кира.

— Не передумаешь? — спрашиваю я.

Кира смеется.

— Конечно, нет! Не понимаю, почему ты сам отказываешься в последний момент. Ведь даже меня смог увлечь — и поди ж ты!..

Кира очень красива в эту минуту, под ярким светом обманчиво близких звезд, в слабых отсветах далекого Солнца.

Такой я ее и запомню.

Они появляются из ниоткуда — сегментированные тела, безглазые головы в поросли сяжек, рваные клочья крыльев. И не подумаешь, что это не насекомые, а сверхразвитые грибы.

Успокаивающе гудят. Один, с модифицированной гортанью, неожиданно глубоким баритоном говорит:

— Все готово к процедуре, сударыня.

Кира улыбается чуть виновато.

— Что ж... Ты знаешь, где меня искать!

Чмокнув в щеку, бежит к открывшемуся portalу. Я смотрю вслед, пока портал не закрывается за ней.

Потом иду оформлять документы на захоронение.

Здесь, за орбитой Плутона, места хватает всем. Когда выяснилось, что грибы избавляются от тел, просто выбрасывая их в космос, Трансплутону, чтобы избежать скандала, придали официальный статус всемирного кладбища. Теперь, установив на тело маячок, скорбящие родственники всегда знают, в каком секторе облака Оорта находится ушедший от них навсегда человек.

Тело Киры мне выдают часом позже. Кажется, что она улыбается во сне. Лоб ее чуть выше разлета бровей пересекает теперь тонкая алая полоса. Черепную крышку удерживает клей. Я расписываюсь за получение саркофага и качу его к ближайшей катапульте.

Трясущийся от дряхлости гриб сноровисто укладывает саркофаг в магнитную ловушку.

— Желаете что-нибудь сказать? — спрашивает он приятным баритоном.

— В добрый путь.

Катапульта вздыхает. Одновременно с верхушек башен уходит в рейс корабль, полный цилиндрических контейнеров с дремлющими в онейроиде колонистами. В одном из таких контейнеров спит Кира.

Ее мозг, освобожденный от оболочки, столь неподходящей для полетов меж звезд.

Тысячелетие спустя грибы поместят его в тело, анатомия которого не будет иметь ничего общего с человеческой. Кира проснется под светом другого солнца — так, как проснулись/просыпаются/проснутся Ирма и Алина, Гвен и Елея, и все остальные, кого я проводил к звездам за последние сто лет.

— Ваша плата, — говорит приятный баритон за спиной. Я, не оборачиваясь, принимаю в ладонь свои тридцать серебряников.

— Загружаю параметры следующего объекта.

Гриб гудит, и в мой модифицированный разум потоком льется информации.

На этот раз мою избранницу зовут Трис.

АЛЕКСЕЙ ДОНСКОЙ

ВЫШЕЛ ЗАЙЧИК ПОГУЛЯТЬ

— Раз-два-три-четыре-пять! — канючила Мира, спотыкаясь, падая и поднимаясь, потому что мама не останавливалась, глухая ко всему, кроме леса и узкой тропы в неизвестность.

Мира повторяла считалку с ожесточением, воображая себя солдатом, но не попадая в такт шагам — считалка не делала дорогу легче.

Ноги не держали, но она шептала, пока мама не взяла её на руки и не наступил долгожданный отдых.

— Зайчик... — сонно сказала она. — Я видела зайчика...

Мама молчала. До поселения ещё далеко, а вечерний туман уже стелился впереди. Только бы успеть пройти низину до полной темноты! А к полуночи взойдёт луна — и полетят непрошенные гости. Или, вернее сказать, уже хозяева этой земли...

— Ой, куколка! — восхитилась Мира, ползая по склону, где свалка постепенно зарастала ядовитой крапивой.

— Брось сейчас же! — крикнула мама.

Сил объяснять опасность у неё не было. Вырвала из рук девочки выцветшую грудку тряпья, зашвырнула, не глядя, далеко в овраг и тихо заплакала.

Мира обняла маму, послушно улеглась рядом с ней. Но куколку было очень жалко.

Она выглядела такой же потерянной, как они сами, и просила лишь немного ласки — разве это так трудно?!

Когда мама заснула, Мире опять почудился зайчик, промелькнувший над оврагом, и стало совсем не страшно. Решив обязательно найти брошенную куколку, Мира осторожно выбралась из-под маминой руки, сделала несколько шагов в лунном свете, а потом ещё и ещё...

Куколка, прижатая к груди, спасала от холода, будто внутри неё теплилась жизнь. Давным-давно они с мамой делали куклу из туго связанных тряпок — как её звали? Вот почти такая же.

С рассветного неба налетели, закружились, загудели странные существа. Мира закрыла собой куколку, пытаясь защитить. Но гудящие твари пропали внезапно, как и появились. Мира шла вверх. Оступилась, выронила куколку — та щёлкнула и вдруг отчётливо произнесла: «Ма-ма!»

— Ма-ма, ма-ма, ма-ма...

Каждый шаг Мира давался с трудом. Хотелось есть. Мамы не было. Дороги не было, да и не знала Мира направления. Только помнила, что надо бояться низин, и что поселение наверху. И шла, пока были силы.

В небе сверкнул огонь. Несколько сожжённых существ упали на землю, а остальные разлетелись в стороны.

— Откуда ты, девочка? — спросил высокий дядька.

Мира исподлобья глядела на него, не зная ответа.

— Эй, да у неё куколка! — заорал другой.

Кукла была отобрана и выброшена снова. Злой дядька, чтобы Мира никогда не смогла поднять её, выстрелил. «Ма-ма!» — едва успела сказать куколка, пока её не поглотил огонь.

Гудящие опять налетели тучей, оружие не справлялось. Мира одиноко стояла посреди огненного ада и всем сердцем хотела превратиться в такую же куклу, которую бояться и гудящие, и люди. Постепенно паутинка окутала её тёплой шубой, и она заснула. А проснувшись, легко разорвала кокон и взмахнула огромными радужными крыльями.

Гудящих больше не было. Дядька далеко внизу удивлённо чесал бороду, глядяваясь в небо.

— Ма-ма! — сказала Мира и поняла, что теперь, с крыльями, найти маму будет легко.

СЕРГЕЙ РЕЗНИКОВ

О КИБОРГАХ И ЖЕСТЯНЩИКАХ

Лэнг прижался к стене, тщетно надеясь слиться с ней. Крики фанатиков стали громче.

— Очистим этот мир от скверны! — орал толстяк, идущий впереди колонны. Как и все «дарующие добро», он был одет в серую хламиду, а его лысина сверкала под светом электрических фонарей. В руках толстяк держал излучатель.

— Полулюди должны уснуть! — вторили ему остальные.

Лэнг знал, что киборгов не уничтожают, а просто «усыпляют», отключая генеральный имплантат. Но, по сути, это означало, что несчастных просто делают овощами, обнуляя им сознание и память, а затем штабелями укладывают на склады, где у «полулюдей» постепенно умирает вся органика. Лэнг не хотел себе такой судьбы. Шаг за шагом он приблизился к мусорному баку и нырнул в его вонючие недра.

Колонна лысых фанатиков маршировала мимо, пока Лэнг задышался в баке.

— Вечный сон полулюдям! — орали они, шлёпая босиком по грязному асфальту.

Где-то раздавались звуки борьбы, крики о помощи. Возможно, в этот момент лысые ловили и избивали друзей Лэнга, но он ничего не мог поделать, кроме как молиться о том, чтобы у мракобесов не оказалось детекторов. Вскоре крики затихли, заморосил дождь, постукивая по металлу бака. Лэнг отодвинул крышку и вылез в серое ненастье осеннего города.

Никогда ещё он не чувствовал себя таким опустошённым. Больше не скрываясь, Лэнг брёл по улицам. Квартал киборгов будто вымер, волна фанатиков прокатилась по нему, собрав очередную жатву. Те, кто уцелел, прятались на чердаках и в подвалах. Лэнг знал, что рано или поздно его поймают, как Риту на прошлой неделе. Наступила пора действовать.

Он просканировал электронный кошелёк, оценив свои сбережения, и уверенной походкой направился к знакомому жестянщику.

Чанга Лэнг нашёл в недрах заброшенного цеха, мастер оценивающе осмотрел киборга, поглаживая заросшие щетиной щёки.

— Хочешь снять цапки, парень? — Чанг слегка закусил нижнюю губу и прищурил и без того узкие глаза. — Понимаю, вашим сейчас тяжело. Только сразу говорю, имплантаты нынче ничего не стоят, в счёт работы не зачту. И гарантии, что выживешь, не дам.

— Нет... — Лэнг попытался протолкнуть слова, которые не хотели выходить из глотки. Я... хочу. — Он показал пальцем на стоявшего в углу боевого робота, мирно помигивающего индикаторами.

— Хочу ... полностью преобразиться.

Чанг грустно улыбнулся.

— Это, конечно, не моё дело, но ты понимаешь, что перенос сознания невозможен? Внутри машины будет только копия тебя. А душа умрёт.

— Понимаю.

— Может, лучше снимешь цапки, их у тебя немного, шансы выжить есть.

— Нет. Я решил.

Фанатики заметили робота, когда уже было поздно. Они умирали с удивлением, захлёбывались собственной кровью, прошитые очередями, сгорали в разрядах плазмы. Их жалкие излучатели не могли повредить мощной машине. Вскоре склад был захвачен. Тот, кто когда-то был Лэнгом, сканировал ряды спящих киборгов. Да, у этих созданий нет прошлого, но это не значит, что у них не должно быть будущего.

— Я иду к тебе, Рита, — прошептала копия Лэнга внутри робота.

Юлия Цыбульская

ПОДРУЖКИ

— Давай, Валька. Ты умрёшь или я?

— Ну, давай я, Нюр.

— Ложись тогда.

Валя улеглась на лавочку. Рукой прижалась к нагретой солнцем стене сарая — приятно — повозилась, пытаясь удобнее устроиться на жёстком сидении, но только занозила палец и поцарапала о торчащий гвоздь ногу.

— Нет, подожди, — нерешительно протянула она, облизывая капелку крови с пальца. — Знаешь, бабаны говорят, нельзя так играть. По правде к покойнику это.

— А давай тогда куклу будем хоронить? Мамка вчера делала, я ночью подглядела. Красивенькая такая. Платье красное. — Нюрка отряхнула коленки и побежала в дом, взбивая пыль босыми ногами.

— Смотри, что я нашла! — вернулась она, радостно вопя и размахивая двумя «рванками» в красных платьях. — Вот!

Валя взяла одну и прижала к щеке, кукла шуршала под пальцами и пахла зверобоем.

— Красивые! Только почему без волос? — спросила она.

— А давай им наши приклеим, пусть будут тоже две подружки, как мы. — Нюрка опять умчалась, сверкая пятками, за клеем и ножницами.

Нюра и Валя не пожалели для кукол по большой пряди своих волос. Одна стала такой же рыжей и кудрявой, как Нюра, а вторая теперь могла похвастаться толстой русой косой, как у Вали. Девочки поиграли сначала в больницу, потом в похороны, начертили палочкой на земле классики и прыгали, пока в ушах не зазвенело от солнца. Тогда, накрыв головы листьями лопуха, пошли на речку, забыв о заботливо уложенных в две коробки и укрытых белыми платочками куклах.

К дому Вера подходила засветло, хотя пришлось задержаться в магазине — пока приняла товар, пока проверила накладные, перекинулась парой слов с подружкой, пообещав обязательно принести завтра для её Валечки давно заказанную куклу-оберег. По дороге шагалось легко, как будто и не провела целый день на ногах. Её ладони скучали по рыжим горячим от дневного жара кудряшкам дочери. Первый раз слегка кольнуло под ложечкой, когда ещё издали померещился во дворе красный промельк. Торопливо распахнув калитку, Вера будто нырнула во что-то тягучее, душное — не вздохнуть.

Жучок — мелкий чёрный пёс — прижимал к земле лапами красную тряпку и, довольно ворча, терзал её зубами. Время от времени он чихал, и сухие колкие травинки разлетались в разные стороны. Вера схватилась за разодранный лоскут и увидела на кукольной голове разлохмаченную русую косичку. С перекошенным от ужаса лицом, размахнувшись, она ударила повисшего на тряпке пса о забор. Жучок, тонко взвизгнув, разжал челюсти и упал.

Вера обвела покрасневшими глазами двор и лихорадочно заметалась: перевернула лавку, прижимая одной рукой останки русоволосой куклы,

другой — обшарила заросли крапивы у сарая, проползла на коленях вдоль забора. Вытаращив безумные глаза и размазывая по лицу пот и грязь, заглянула в эмалированное ведро с ещё не выплеснутой после давнего дождя водой. Со дна на неё безглазо смотрело белое лицо второй куклы-оберега. Рыжие волосы невесомо парили в зеленоватой зацветшей воде.

Со стороны реки дико закричали.

СВЕТЛАНА СТРУГАЦКАЯ

ДОРОГА

Деревня наша стояла на отшибе. Я могла бы сказать: на отшибе цивилизации, но это слишком высокопарно звучит. Жителей у нас всегда было немного. Пару раз на моей памяти случалось прибавление: например, однажды в дом умершей Нины Васильевны вселилась её дочь с визгнявым потомством. Она после развода с мужем, говорят, взяла волю в кулак и уехала из города с его огнями и музыкой в тихую нашу деревню начинать жизнь сначала. Ну а что у нас за жизнь?! Не то что интернета — телефон в одном лишь сельском клубе был, и тот не работал...

Описывать быт? А надо ли? Все деревни дальше полусотни километров от столиц примерно одинаковы. Наша ещё победнее, правда, ну да ладно. Иногда я делаю записи в тетради, чтобы совсем не помереть с тоски. Записки эти для себя, так что и представляться не буду, даже если кто из потомков и прочитает в будущем это.

За последнее время случилось лишь одно событие: слабой волной по селу прокатилась информация, что в дом на опушке леса (ведьмина избушка — шутили старики) однажды заселились два парня из Центра. Пацаны из школы тут же обозвали их гомиками: а как же — «соригоналиничали». Впрочем, те представились социологами из Столицы. Мониторить, говорят, будем вашу спокойную жизнь. Поживём у вас год-другой. Ну а когда один из них стал за Ольгой ухлестывать, то и разговоры об их ориентации сошли на нет.

Ну и жили мы тихой мирной жизнью. Вели своё хозяйство. Раз в неделю приезжала продовольственная лавка со всякими «сопутствующими» китайскими товарами. Иногда Серёжка-лавочник привозил даже книжки новые, в сельском клубе они под замком лежали. Заведующий выдавал их под расписку особо страждущим. Но таковых оказывалось не очень много. Я да пара моих подружек.

И вот однажды пошла я за новой книгой в клуб. Застала там нашего заведующего, он выглядел весьма ошарашенным, всё вертел диск телефона и кричал в трубку :»Барышня, барышня! Соедините меня

с Центром!» Увидев меня, жестом пригласил войти, предложил сесть, сел сам, пригладил остатки волос на голове и наконец более-менее спокойным голосом сказал: «Принял сегодня телефонограмму из центра. Скоро выборы в Госдуму, нужно ехать в центр за урной для голосования и бюллетенями. А что дорога разбита в жо..., — кашлянул он, — никого не волнует. Не доберёмся мы до Райцентра по бездорожью...»

...Дорога была и впрямь такая, что ни одного приличного слова. Разбитая, комья грязи летели из-под копыт лошади (единственной на всю деревню). Да и лошадь-то могла пройти только лишь в середине июля, когда дорога слегка лишь подсыхала. Либо, когда путь, замороженный январской стужей, покрывался бурой коркой льда. В другое время в бороздах колеи стояла вонючая вода. А вдоль дороги и по всему полю стелился колючий низкорослый и сплетённый наглухо кустарник неизвестного происхождения... Не знаю, могла ли мышь проскользнуть в этих плотных зарослях...

...Завклубом снова закричал в трубку: «Барышня, барышня». Да, я не придумываю. Всем в деревне было известно, что где-то на полпути к Райцентру на другом краю леса стояла избушка, в которой та самая барышня и обреталась. «Барышне» было по самым скромным подсчётам уже далеко за восемьдесят, но во всех экстренных случаях вся надежда была на неё: именно она соединяла какие-то там проводочки для связи с Большой Землёй. Ну а сейчас там явно что-то не заладилось.

Мы с завклубом посмотрели друг на друга. И вдруг меня осенило: «Социологи же!» Я со всех ног бросилась к их домику. Да, я вспомнила, что они появились у нас ранней весной. Никто не видел, как они добрались до нас в своё время, но не на вертолёте же. Слишком дорогое удовольствие. Короче, ворвалась в дом, двери были не заперты. Притормозила, увидев, как оба отпрянули от ноутбука. Сумбурно, как могла, стала им объяснять, что срывается дело государственной важности: выборы в Госдуму, а кругом враги. Америка нас захватит и всё такое. Радиоточки ведь были в каждой избе. Информацией мы владели. Социологи переглянулись. Иди говорят, домой, что-нибудь придумаем...

И, похоже, придумали. Пацан, которых их гомиками в своё время обозвал, подглядывал всю ночь за работой в сарае. Рассказал, что они всю ночь что-то клеили, ставили куда-то заплатки, накачивали что-то гигантское.

Наутро вся деревня от мала до велика, включая подслеповатую бабку Аксинью, высыпали на околицу деревни и обомлели. От деревни тянулась новенькая, чистенькая асфальтовая дорога, змейкой уходящая в далёкий лес... По ней удалялись в направлении леса на обычном велосипеде наши социологи. Один за рулём, другой на багажнике. Мне показалось, что они даже насвистывали что-то вроде известного шлягера «Не кочегары мы, не плотники...»

Мальчишки-то тут же засуетились. Повытаскивали свои велики, тоже по дороге захотелось прокатиться. Но тут же провалились в самую непролазную грязь на свете. Дорога-то оказалось иллюзией. Грамотно выстроенной, 3D, как говорится... Иллюзией для всех нас, но не для социологов.

Наутро вернулся один из двух социологов в компании какого-то толстого дядьки на багажнике. Вроде бы такой же невозмутимый, но без обычных улыбок и шуточек. Дядька за плечами имел огромный рюкзачище, в котором, надо полагать, размещалась урна. А социолог вынул из-за пазухи тонкую стопочку бюллетеней.

Вечером я пошла менять книжки в клуб. Под мышкой несла «Трудно быть богом» Стругацких, ох, и увлекательная сказка! Жаль, плохо кончается. В клубе сидел социолог и раздражённо рассказывал, с каким трудом ему удалось добыть бюллетени. Сначала на избирательном участке требовали, чтобы вся деревня в полном составе прибыла голосовать лично. Потом тамошний начальник сделал финт ушами: сказал, что поедет с урной и бюллетенями сам. Второй парень-социолог остался в райцентре: ведь на велосипеде можно ехать только вдвоём. Приехавший сказал, что немедленно отправится за ним... И добавил непонятную фразу: «Вся энергия ушла, чтобы создать действующую иллюзию. А на фига, спрашивается?» После чего сел на велосипед и уехал по той же самой прекрасной дороге.

А через день состоялись выборы. Все дружно проголосовали. Но урну-то было уже не увезти: дорога-то ненастоящая! К вечеру вся деревня уныло наблюдала, как асфальт медленно тает в вечерних сумерках.

Ну а дальше жизнь потекла как прежде. Социологи больше не вернулись, начальник из центра остался работать конюхом. Ему даже понравилось.

Опечатанная урна так и стоит в Красном уголке нашего клуба. Проголосовали, называется...

А я всё собираюсь навестить «барышню», которая соединяет проводочки. Жду только, когда подморозит.

ОЛЬГА ДОРОФЕЕВА

БЕСПОЛЕЗНЫЕ ВЕЩИ

Я маленький. Маленьким всегда тяжело.

Вот что мне раньше доставалось из пайка? В лучшем случае, пара галет. Однажды дали пакетик с солью. И ржали ещё: мол, с перцем было бы круче. Очень смешно: целый день вместо еды лизал соль, как олень. Потом проснулся ночью и слинял. Ну да, прихватил кое что, поэтому обратно мне теперь ходу нет.

Но уходить далеко от лагеря не стал. Спрятался на верхних этажах в развалинах. Сперва боялся ужасно, но осмотрелся и успокоился. Нашёл только пару трупов и клоба одного видел, тоже мёртвого. В соседнем доме лежал, огромный, старый. Но может, он не сломанный был, а только спал, проверять я побоялся. Тот, который напал на лагерь, был зелёный и блестящий, быстрый, как молния. Пятерых загрыз, а я один и маленький.

Когда еда, которую я украл, закончилась, пришлось поискать в комнатах, шкафах, кладовках. Пакеты ведь всем раздавали, никто брать не хотел, мама смеялась: «Мы что, готовимся к апокалипсису?» Повезло: нашёл один, и ещё консервы с кукурузой и шампунь. Шампунь мне не нужен, я не моюсь, а кукуруза была вкусная. На следующий день разобрался с горелкой и впервые после взрыва поел горячего супчика. Как дома. Потом лежал и мечтал, будто ничего не было, скоро мой день рождения, папа снимет кафе, пригласит клоунов. А мне подарят мешок хлебных батонов, попкорна целое ведро, как в кинотеатре, и две курицы «гриль» — чур, обе только мне! И ещё пару банок кукурузы, пожалуй.

Тогда я и нашёл серебряную штуку рядом с мёртвым военным. В первый раз забоялся подойти, а штука лежала у него под правой рукой, короткая и широкая, как сканнер в магазине. Я взял. Автомата или винтовки у него не было, значит, эта штука и была оружием? Но непонятно, как из неё стрелять. А с того места, где лежал военный, было хорошо видно мёртвого клоба.

На следующий день я чуть с ума не сошёл: в лагерь пришёл клоб. Никогда таких не видел: на двух ногах, чуть повыше человека. Не падал: стал говорить с нашими издали, перекрикиваться. Я спустился как можно ниже, чтобы послушать, и серебряную штуку прихватил на всякий случай. Понял только то, что он ищет какой-то заряд и хочет запустить убежище. Бред, но наши его пропустили. Я сразу напрягся и побежал наверх, где мёртвый военный, чтобы следить, что он будет делать. А клоб нашёл большого мёртвого, вспорол ему живот и вытащил из туловища пакет. Огромный пакет из серебряной фольги, я его сразу узнал и подумал: сколько же там должно быть таблеток и супа!

Это я должен был его найти.

Мой пакет.

Но он бы мне его не отдал, правда?

Тогда я поднял штуку и выстрелил в клоба. Конечно, и не мечтал, что получится. То есть мечтал, но не верил. Пока клоб не упал на колени, а потом плашмя, да так и замер. Я перелез по трубам на соседний дом и подошёл. Клоб, оказывается, был ещё жив. Бормотал что-то про убежище. Я выстрелил в него ещё раз и забрал пакет. Тяжёлый, пришлось разорвать, чтобы перетащить к себе по частям.

Но там были только совершенно бесполезные вещи.

Какие-то три металлических блока.

Евгения Нордин

ДЕТИ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

— А помнишь, ты ждала меня в лагере у подножия? Для меня ведь это ничего особенного: ну семитысячник, ну и что? Нас таких была целая группа, мы даже не устали. Я так хотел, чтобы ты увидела вершину вместе со мной... А потом мы ездили к твоей бабушке. Она пекла пирожки с малиной. Какой был аромат, должно быть! Так жаль, что я уже тогда не чувствовал его. Но ты... Ты с таким аппетитом их ела, и ягодный сок стекал из уголка рта, я потянулся его вытереть, но ты расхохоталась и сказала: «Это же самое классное, когда кусаешь его, а он внутри такой сочный и пахнет летом и детством». Пахнет... Я так много получил, но так много потерял... Я... Я хотел бы опять стоять с тобой на том подвесном мосту и смотреть, как река бьётся в пену о камни. Ты так дрожала. А потом ты рассказывала, как боялась упасть вниз. Ты боялась высоты, а я смеялся, вспоминая, как пытался отцепить твои руки от верёвочного поручня. А я не боялся, я знал, что мне река ничего не сделает. Помнишь, как после вёсел ты потом не могла даже одеться? Такие были волдыри на ладонях... Я и один бы мог грести хоть весь день, но тебе так нравилось всё делать вместе. Но мазь и обезболивающее понадобилось только тебе. И ты злилась, что когда-нибудь отомстишь мне, сделав то, что я не могу. Похоже, этот день настал... Спой мне, Большая Медведица.

Она улыбнулась. Провела рукой по его волосам и положила ладонь ему на грудь. Только не плакать, только не плакать! Тихо запела:

— Не нужен бродягам дом и уют,

Нужны — океан, земля.

Что звёзды Медведицы им поют,

Не знаем ни ты, ни я.

Её ладонь поднималась всё медленней.

— Велик океан, и земля велика,

Надо бы всё пройти,

Большая Медведица издалека

Желает тебе пути.

Рука её замерла. Слезы щекотали шею и затекали за ворот рубашки. Она вытерла ладонью лицо и повернулась в сторону коридора:

— Всё закончилось, можете заходить.

Она отошла к окну и безучастно смотрела, как двое в спецодежде делают своё дело, а третий, такой гладковыбритый «пиджак», стоял, теребя в руках планшет.

— Вам нужно здесь подписать. После всех необходимых процедур вы сможете его кремировать, — он сделал пару неловких шагов на

месте и подал ей планшет на вытянутой руке, как будто не хотел даже случайно коснуться её горя. — Его организм изнашивался. Все возможности по замене мы уже исчерпали. Так бывает, — он как будто оправдывался перед ней. — Вы же знаете, что сейчас это проще: вы могли просто оставить заявку, и его отключили бы удалённо из центра. Он бы просто уснул и не проснулся. И вы... не мучились бы, — последние слова так неожиданно для него самого прозвучали, что «пиджак» даже смутился. — Простите, я хотел сказать, так было бы лучше и ему и вам.

Она посмотрела на него и тихо сказала:

— Да, он напичкан техникой под завязку, спасибо вашей конторе. Но, всё-таки, он сначала человек, а только потом гордость вашего бюро разработки. Никто не должен так умирать — по кнопке. Пока мы ещё можем оставаться людьми, мы имеем право умереть рядом с близкими. Имеем право быть людьми.

МАРЬЯНА ОЛЕЙНИК

КУРЬЕР

— Свет, так что мы подарим Даньке на день рождения?

— Ребенок уже месяц бредит каким-то деревянным ножом, точь-в-точь, как в его любимой компьютерной игре, — Светлана вздохнула. — Представляешь, уперся: только деревянный нож! Я два дня искала в интернете, наткнулась на интересный магазинчик, заказала, скоро доставят.

— Дожили! — хмыкнул Артем. — Недавно все мальчишки мечтали о световых мечах из «Звездных войн», а сейчас — о деревянных ножах! Скоро ребяшня начнет обвешиваться амулетами и рубиться на топорах из Средневековья.

— Зато когда эта штука Даньке надоеет, она в хозяйстве пригодится. Я читала, что деревянными ножами разрезали страницы книг...

— Хотел бы я посмотреть, как ты будешь разрезать страницы своей электронной книжки, — поддел жену Артем. — Лучше уж таким ножичком паштет на хлеб намазывать.

В дверь позвонили.

На пороге стоял пожилой мужчина в длинном сером плаще и шляпе, с пакетом под мышкой.

— Это и есть ваш чудо-ножик? — Света развернула пакет. — А почему такая цена за обычную деревяшку?

Курьер посмотрел на клиентов изучающе.

— Цена зависит от сорта осины... Обращаться с ним умеете?

— Чего тут уметь? Раз-два, — Артем с ножом в руке попытался

изобразить пару движений из фильмов о ниндзя, — нашинковать — и размазать!

— Вы все же поаккуратнее, — мягко посоветовал гость.

— Вы так говорите, будто им убить можно, — нервно хихикнула Света.

Внезапно по квартире разнеслись гулкие удары. Курьер вздрогнул.

— Не обращайтесь внимания, это наша соседка, Ираида Семеновна, шваброй по батарее стучит, — пояснил Артем. — Достала уже, ведьма старая, житья от нее нет!

— А, так это вы для нее? — мужчина кивнул на нож.

— Что вы, это мы в подарок нашему сынишке. Ну, где у вас тут расписаться?..

Выпроводив курьера, Света раздраженно бросила:

— Тёма, сходи к Ираиде, скажи, будет буянить — вызовем полицию!

Артем, поигрывая ножиком, спустился этажом ниже и нажал кнопку звонка. Ему открыла соседка в махровом халате, тапках и со шваброй наперевес. Увидев нож, она в ужасе вытаращила глаза, взвизгнула и бросилась бежать вниз по лестнице.

Курьер уже шел по двору, когда сзади дверь подъезда шумно распахнулась, и что-то просвистело у него над головой. Он поднял глаза. В небе было пусто, только у верхушек деревьев носилась стайка встревоженных птиц. К его ногам шлепнулся стоптанный домашний тапочек.

— Быстро они с ней управились, — пробормотал Курьер. — Настоящие профи. И ведь как умело шифровались! Я чуть было не поверил...

Он перешагнул через тапочек и двинулся дальше — уже вечерело, а нужно было доставить еще несколько заказов.

Виталий Придатко

Я ВЕРНУСЬ

Ненастье обернулось пляшущей завесой дождя в пятнах блеклых отсветов уличных фонарей. Размеренно шумели липы, выстроившиеся вдоль улицы. Время от времени молнии, громохкая, рвали занавес... но представление не начиналось.

Чик шумно засопел, словно все еще пытался вдохнуть. На самом деле он быстро понял, что некоторые вещи — очешуенно много вещей — уже ему не понадобятся. И так же скоро освоился с теперешним ростом и неуклюжестью. Сила компенсировала все — настоящая сила, не нуждающаяся в подмоге экзоскелета. В какой-то степени он нравился себе больше именно таким. Новым. Неуязвимым. Могучим.

Вспомнив, как опасался впервые заходить в «читалку», Чик почти ухмыльнулся — или просто убедил себя в этом. Воображаемая улыбка не уступает настоящей, когда ты мертв, не так ли?

Боялся. Трусил. О да. Кое-кто пытался надраться, как задница, прежде чем попасть в тиски читальной машинерии, — ну и отправлялся на губу, где санитарные микроботы чистили кровь и потроха без особой деликатности. А уже потом все равно ведь была «читалка», доктор Хенсен с повязкой миротворцев ООМ, тоскливая белизна стен и прилягивающий гул.

Две с половиной минуты занимало считывание и запись слепка личности, две с половиной минуты каждую неделю. Зато тебе не грозила смерть, потому что запись по согласованию с наследниками либо инсталлировали в Сеть, либо могли внедрить в свеженький эмбрион и вырастить...

Чик не знал, переправил ли еще кто-нибудь свою копию скана на землю. Тогда поклялись все: если получится, если удастся залить копию домой — отыскать центральное хранилище и подсобить остальным. Наверняка были ушлые ребята... не могло не быть. Покруче Чика, да, — не то хранилище резервных копий не оказалось бы пустым, когда он влез туда позавчера.

Нельзя сказать, что он не спешил. Как только троян со встроенным сканом забрался в подходящую конфигурацию железа и распаковался, Чик не терял ни минуты; просто никто там, на фронте, не предполагал, насколько засекречены подобные объекты — а они были засекречены, да еще как!

Но как ни скоро это случилось — внутри было пусто. Так что сегодня, поди, на улицах полно однополчан, а они и не в курсе. Впрочем, сейчас он хотел видеть не их.

Чик заметил, как внутри дома напротив шевельнулись тени, мягко расцвел свет. Кому-то, вероятно, не спалось. Он вздрогнул, представив, сколько горя пережила Ирэн, получив похоронку. Немало, уж точно. Он поднял черную гвоздику, повертел в сильных металлических пальцах, поднес к лицу... и решительно пересек улицу.

Новое тело, думал он, наверняка испугает Ирэн, но я ведь больше не претендую... ни на что, по сути. Я могу служить и оберегать, ведь так? Разве не для этого мы все шли на войну — чтобы сберечь своих близких...

Дверь открылась уже после третьего звонка. Чик внимательно всмотрелся в женщину, возникшую на пороге и сел просто на мокрые плитки крыльца.

Прекрасная, как и запомнилось, он это видел. Любимая до боли. Родная.

Но теперь ему виден был еще и штрих-код на шее под волосами.

ПЯТЫЙ

— Милый, глянь, что я нашла!

Крупа с серого неба, холодная жижа под ногами, а прямо передо мной — радостное существо. Щёки раскраснелись, глаза сияют, в руках... топор.

— Нашла, говоришь? — улыбаюсь осторожно. — Так ведь он всегда в пещере лежал...

— Ты про топор что ли? Вот глууууый! — она заливисто хохочет и отшвыривает железяку. Хватает меня за руку и тянет за собой. — Пошли скорей! Там такое... просто вау!

«Хлюп-хлюп» — бурая грязь, «плюх-плюх» — торопливые ножки моей подруги. Мимо пещеры, через застывшие потоки лавы, сквозь частвокол камней...

— Вот! За кратером нашла. Помоги дотащить до дома!

Тупо смотрю перед собой.

— А давай споем! — не унимается девчонка. — Я знаю одну песенку — как раз подходит: «В земле родилась...»

Тихо сползаю на землю. Пытаюсь отыскать слова.

— Ну чего ты такой скуучный? — подруга надувает губки и строит обиженную мину, — не будь букой!

Она замолкает и внимательно меня разглядывает. Потом подходит и садится рядом.

— Милый, ну прости. Дурацкая песня! И... у меня нет слуха, — она затихает на минуту и вдруг снова вскакивает на ноги.

— Песня дурацкая, ну и пусть! Новый год же...

— Заткнись, дура!

Хватаю ртом ледяной воздух, до хруста сжимаю кулаки. Встаю на ноги... и вновь сажусь на шершавый, вытравленный кислотными дождями кусок каменной плиты.

— Хочешь сказку? — мой голос спокоен и тих.

— Угу.

Губки у неё дрожат, а глаза полны слез... Плевать.

— Жили были парень с девушкой, — начинаю я.

— Такие же, как мы с тобой? — всхлипывает подруга. Ловит мой взгляд и вновь умолкает, съеживается, внемля каждому слову...

— Парень и девушка жили в прекрасном месте. У них было всё, что нужно, и даже настоящее дерево. Вот, только, им нельзя было его трогать...

— Я знаю! Потом пришёл Новый год! Разве... нет? — она хлопает ресницами.

— Нет. Потом люди изобрели колесо, расщепили атом и открыли бозон Хиггса. Они бы ещё много чего сотворили, вот только... никого не осталось. Выжило лишь дерево. То самое, которое росло за старым кратером. Я нашёл его прошлой зимой. Поставил защитное поле, поливал его фильтрованной водой, рассказывал сказки... А сегодня ты срубила его. Последнее дерево на Земле.

— Но ведь... в песне так и поют: «срубили нашу ёлочку под самый корешок»! — она отчаянно хмурит лоб.

Ну, да, срубили... Подхожу к стволу, провожу рукой по влажной хвое. Дерево ещё живое, внутри бежит сок, иголки вырабатывают хлорофилл... Всё зря. Эта ель выдержала несколько «ядерных» зим, ураганные ветры и кислоту с небес, но теперь его судьба предрешена. Несчастное дерево пало от руки андроида — моей очаровательной подружки.

В вечернем сумраке мелькают тени. Замечаю их не первый раз. Фата-моргана? Мозг дорисовывает картинку — четыре всадника на конях.

— Четыре... бозона? — подруга стоит рядом, вслушивается в мой шёпот.

— Нет, дурочка. Всадники. Они несли людям дурную весть. Кстати, их должно быть пять... Ты ведь умеешь ездить верхом?

— Верхом... на ком? — она хихикает и лънёт ко мне всем телом. — Знаешь, ты тааакой загадочный!

Обнимаю её и грустно усмехаюсь.

— Так уж меня запрограммировали.

АЛЕКСАНДР КАРАПАЦ

ЖЕ 8

В воскресенье нужно отдыхать! Но Влад сегодня дежурит на работе, а Света, лучшая подруга, встречается с очередным френдом. Алина решила сходить на ярмарку. Она любила гулять в толпе без определенной цели, шумные аттракционы и крики продавцов-зазывал действовали успокаивающе. Взгляд остановился на ярком плакате «Проверь свой интеллект!» И Алине почему-то захотелось проверить интеллект именно сейчас. Ясно, что очередное разводилово, но все же...

Девушка оплатила вход и оказалась за допотопным компьютером. Она уверенно отвечала на несложные вопросы, получая похвалы типа «Просто великолепно» и «Вы — гений». Минут через двадцать это ей надоело, и Алина решила прервать балаган. Но тут на экране появилась новая надпись.

«Мы, уроженцы звездной системы Тау Кита, хотим захватить вашу планету. Но даем вам шанс. Все решит дуэль. Оружие — шахматы — самая умная игра, изобретенная землянами. Наш представитель сыграет

с семью вашими. Если хоть одному удастся избежать поражения, мы оставим вашу планету в покое. В противном случае Земля станет нашей. Уже проведено шесть партий, и все вы проиграли. Ты — последняя надежда планеты. Если принимаешь вызов, нажми ДА».

«Смешно», — подумала Алина, автоматически нажимая требуемую кнопку. Ей достались белые. Фигуры казались живыми, у каждой было свое лицо, свое имя, и она как будто бы давно знала их истории. Вот, например, пешки. На вид одинаковые, а выглядят по-разному. Такая уверенная в себе Гордая Е, хитрая Левая А, смущенная Неуклюжая Же.

Алина разыграла спокойное начало. Главное — не проиграть! Левая А отсиживалась на краю, Гордая Е уперлась в черную пешку и застряла, Неуклюжая Же сделала один ход, выпуская на простор слона, и тоже остановилась. Противник спрятал короля на левом фланге и готовил наступление. Алину охватил азарт. Она еще покажет этому инопланетянину! Игра обострилась. Белые, не жалея материала, расчищали дорогу своим пешкам. Неуклюжая Же постепенно двигалась вперед. Четвертый шаг, пятый. Черные пытались ее остановить, но Алина отдала ладью, отвлекая последнюю вражескую фигуру от поля превращения. Последний шаг — и Неуклюжая Же стала Королевой. Но победа ускользнула. Таукитянин воспользовался открытым положением Белого Короля и дал вечный шах. Впрочем, ничьей тоже достаточно для спасения человечества!

Алина шла домой гордая. Она справилась! Ведь именно ей Всемирный Совет доверил играть решающую партию. Именно она, чемпионка мира по шахматам, сумела свести встречу вничью. А инопланетяне подумали, что эта доверчивая девушка попала к ним случайно.

Таукитятнин-Влад ухмыльнулся. Наивные люди! Они всерьез верят, что, сделав одну ничью, спасли Землю! На самом деле вторжение идет давно. И в мозгах не одной тысячи людей уже уютно расположились представители их планеты. Но Алина — молодец! Здорово играла! Он поддался лишь чуть. Жаль отдавать ее тело собратьям. Нет, пока он на этой планете главный, Алина останется собой! Кажется, он влюбился.

Дмитрий Сошников

РАССКАЗЧИК

Здесь давно никто не жил. Не гнездились птицы, не шуршали насекомые, лишь ветер гулял среди заброшенных домов, шелестел мусором да свистел возле статуй, словно смеялся над ними.

Уж чего, а статуй здесь было много.

За чертой города были волки, словно провожали путника навстречу судьбе — или сетовали, что он достался не им. Тот лишь посильнее

закутался в плащ и продолжил путь — вперёд, на главную площадь, где в середине денно и ночью ровным пламенем горел негасимый огонь.

Вокруг огня собрались статуи. Мужчины и женщины — они стояли, сидели, лежали, грустили и радовались, и каждая фигура была самым совершенством, вершиной искусства резчика.

Путник подошёл к одной из них — статуе мальчика, словно гревшего руки у пламени.

— Васко, ну вот мы снова встретились, — сказал он ломающимся голосом. — Это я, Дани. А ты всё здесь?

Статуя молчала.

— Я вот пришёл... Знаешь, папка наш, он... В партизаны пошёл, ну и поймали его. В общем, у дяди живу.

Он сел напротив статуи.

— Надо было идти через лес. Правда, как всю дичь перебили, так волки людей стали резать. В общем, и так, и так — попали мы, Васко, с тобой...

Пришедший замолчал, шмыгнув носом. Потом выдохнул пару раз, пытаясь унять дрожь в голосе. Так кто из них мальчик. А кто юноша?

— Знаешь, — сказал он наконец, — я буду рассказывать тебе до утра. Тогда получится. Я спрашивал — так кто-то уже делал, когда вот так же... Просто нужно говорить. В общем, слушай...

Мальчик достал книжку и принялся читать. Он рассказывал сказки и декламировал стихи; когда он замерзал, то вставал и говорил словно со сцены. Статуя всё так же грела у огня каменные руки.

Когда забрезжил рассвет, юноша начал уставать. Он умылся из фляжки, это помогло, но не надолго. Тогда он принялся ходить вокруг статуи, декламируя, но вдруг остановился.

— Васко, неужели не получилось?

Он опустил на колени, заглянул в каменные глаза, бросил взгляд в сторону восхода.

— Васко, почему ты не слышишь меня? — зашептал он. — Ну прости, пожалуйста! Я же не знал! Я не хотел, чтобы так! Я... Я всю ночь тебя будил, просто чуть отвлёкся — ну проснись же ты, чёрт тебя дери, Васко! Проснись!

Он обнял статую и тихо заплакал у неё на плече. Солнце поднималось всё выше, и вдруг руки статуи опустились...

— Данька, я замёрз, — сказала статуя. Тот не отозвался.

— Я задремал, что ли? Эй, Данька, ты чего? Не спи! Данька! Здесь нельзя спать!

Мальчик вскрикнул и с ужасом отскочил от обнявшей его статуи. И тут же скривился от подступившего плача:

— Данька!..

Он схватил с земли фляжку и вылил на каменеющего юношу остатки воды, а следом врезал две хорошие пощёчины:

— Данька, а ну проснись! Просни-и-ись! — и обнял брата, как тот обнимал его самого.

— Не спи, Дань, — шептал сквозь слёзы мальчик, — пожалуйста! Я же не пройду без тебя дальше!

Он плакал, грея каменеющее тело, пока вдруг ему не ткнули в бок кулаком.

Васко ошалело посмотрел на брата и увидел, как на медленно оживающем лице горят весёлыми огоньками знакомые карие глаза.

— Да хватит, не сплю я, — сказал тот непослушными ещё губами. — С тобой вообще фиг заснёшь.

Литературно-художественное издание

АСТРА НОВА
альманах фантастики

Главный редактор: *Светлана Тулина*

Редколлегия: *Кирилл Берендеев,*
Александр Тишинин

Литературные редакторы: *Дмитрий Вересов, Григорий Панченко,*
Евгения Халь, Камелия Санрин

Корректоры: *Светлана Ушакова*

Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*

Художники: *Елена Нестерова, Ольга Маковская*

Подписано в печать 12.01.2020

Формат 60×90 ¹/₁₆. Отпечатано

с готового оригинал-макета по технологии

Print-on-Demand. Усл. печ. л. 19,25. Уч.-изд. л. 17,02.

Заказ книг
fanni.old-land.ru
sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2020